

ХАКАССКИЙ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ИНСТИТУТ ЯЗЫКА, ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОРИИ

**МАТЕРИАЛЫ
V МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ
«НАРОДЫ И КУЛЬТУРЫ САЯНО-АЛТАЯ
И СОПРЕДЕЛЬНЫХ ТЕРРИТОРИЙ»,
посвященной 75-летию Хакасского научно-исследовательского
института языка, литературы и истории
(26–27 сентября 2019 г.)**

АБАКАН
ХАКАССКОЕ КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
2019

УДК 902/904+94(3)
ББК 63.4+63.3
Н30

Печатается по решению Ученого совета ХаКНИИЯЛИ
при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований
(проект № 18-09-20054 г.)

Рецензенты:

канд. ист. наук *А. И. Поселянин*,
канд. геогр. наук *Е. В. Самрина*

Редакционная коллегия:

д-р ист. наук, проф. *В. Н. Тугужекова* – ответственный редактор,
канд. ист. наук *Н. А. Данькина*, канд. ист. наук *Ю. Н. Есин*,
канд. филол. наук *Р. П. Абдина*

Ответственный секретарь

Н30 **Материалы VI Международной научной конференции «Народы и культуры Саяно-Алтая и сопредельных территорий»**, посвященной 75-летию Хакасского научно-исследовательского института языка, литературы и истории (26–27 сентября 2019 г.). – Абакан: Хакасское книжное издательство, 2019. – 220 с.

ISBN 978-5-7091-0808-0

УДК 902/904+94(3)
ББК 63.4+63.3

ОГЛАВЛЕНИЕ

К 75-летию ХАКАССКОГО НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОГО ИНСТИТУТА ЯЗЫКА, ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОРИИ

<i>Тугужекова, В. Н.</i> К истории становления и развития Хакасского НИИЯЛИ (1944–2019)	5
<i>Данькина, Н. А.</i> Директора Хакасского научно-исследовательского института языка, литературы и истории	12
<i>Чочиева, А. С.</i> Формирование рукописного фонда ХакНИИЯЛИ	17
<i>Чебодаева, С. А.</i> Научная библиотека Хакасского научно-исследовательского института языка, литературы и истории	21
<i>Дорошкевич, И. Д.</i> Деятельность отдела по международным и межрегиональным связям ХакНИИЯЛИ в период с 2010 по 2019 г.	24
<i>Трошкина, И. Н.</i> Динамика кадрового состава сектора экономики социологии ХакНИИЯЛИ	27

ДРЕВНЯЯ И СРЕДНЕВЕКОВАЯ ИСТОРИЯ САЯНО-АЛТАЯ И СОПРЕДЕЛЬНЫХ ТЕРРИТОРИЙ

<i>Инфу, Ли</i> Железные изделия раннего периода в Китае и истоки возникновения китайской технологии выплавки железа	33
<i>Савельева, А. С.</i> Медно-бронзовые сплавы Тагарской культуры: хронологические и территориальные особенности	39
<i>Марсадолов, Л. С.</i> Исследования Я. И. Сунчугашева в Салбыкской долине	41
<i>Мураками, Я.</i> Стратегия производства железа в Древнем кочевом обществе – Главным образом по Алтайскому краю –	47
<i>Скобелев, С. Г., Зеленина, Е. В.</i> Археологические памятники Аринцев и Качинцев в Красноярском лесостепном районе (XVI–XVIII в.)	48
<i>Ушницкий, В. В.</i> Геоконцепт кыргызов в историко-культурном ландшафте Южной Сибири	58

ИСТОРИЯ И ТРАДИЦИИ НАРОДОВ САЯНО-АЛТАЯ И СОПРЕДЕЛЬНЫХ ТЕРРИТОРИЙ

<i>Тадьшева, Н. О.</i> Сохранение традиционной свадебной обрядности у алтайцев и хакасов в современный период	62
<i>Кыржинаков, А. А.</i> Традиционный календарь хакасов: отражение хозяйственных знаний	64
<i>Чебодаева, М. П.</i> Хакасская народная вышивка в традиционном мужском костюме (орнаментальные мотивы и расположение вышивки на костюме)	68
<i>Кимеев, В. М.</i> Этнокультурное мифотворчество в современной Горной Шории	75
<i>Лозачева, А. С.</i> Потребности, интересы, ценности хакасского этноса	78
<i>Нилогов, А. С.</i> Ближайший общий предок русских и хакасов по данным ДНК-генеалогии	79
<i>Валеев, Р. М., Мартынов, Д. Е., Мартынова Ю. А., Тугужекова, В. Н., Валеева, Р. З.</i> Рукописное наследие Н. Ф. Катанова: дневники периода путешествия в Сибирь и Сибирскую (1889–1892)	83
<i>Цэдэнбал, Ш.</i> Письменные памятники на Ясном Письме в фонде музея Увс аймака	88
<i>Валеев, Р. М., Валеева, Р. З., Сахавова, Л. М.</i> Востоковедение в России и вклад в его развитие немецких ученых-востоковедов: Казань-Санкт-Петербург (XIX – начало XX в.)	93
<i>Соегов, М.</i> Об исторических лицах, изображенных в одной старой фотографии, и отдельно о штабс-капитане милиции Кульбатыр-Сердаре	98
<i>Санжиева, Т. Е.</i> Минусинский уезд начала XX в. в публикациях М. Н. Богданова	104
<i>Корнеева, Г. А.</i> Динамика правомонархического движения начала XX в. в Сибири в контексте периодизации (историографический аспект)	107
<i>Даццишен, В. Г.</i> Хакасия, хакасы и Гражданская война в России	124
<i>Захарова, Т. В.</i> «Для скорой Победы»: трудовой подвиг женщин Ойротии в годы Великой Отечественной войны	129
<i>Печерский, В. А.</i> Девиации в поведении жителей Хакасии в постсталинский период (1953–1960)	133
<i>Кискидосова, Т. А.</i> Повседневное пространство провинциального сибирского города в советский период	136
<i>Анайбан, З. В.</i> Современная молодежь и проблема двуязычия в Туве	139
<i>Тиникова, Е. Е.</i> Основные тренды развития этнических процессов среди городских хакасов	142

Шапошников, Г. М. Продовольственное обеспечение населения Республики Хакасия:
 история и современность 146
Лушников, О. Л. Адаптационный потенциал мигрантов из сельской местности Хакасии 149
Канзычакова, Н. Г. Особенности адаптации хакасов к городским условиям 152
Шулбаев, В. К. Есть ли будущее у лесной и деревообрабатывающей промышленности Хакасии? 154
Гадилов, С. Обстоятельства, отягчающие ответственность за хулиганство 161

**ФИЛОЛОГИЯ НАРОДОВ САЯНО-АЛТАЯ И СОПРЕДЕЛЬНЫХ ТЕРРИТОРИЙ.
 ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОЙ ИНТЕРПИТАЦИИ**

Селютин, И. Я., Добринина, А. А. Вокальные системы Саяно-Алтайских тюркских языков:
 общность и специфика
Телякова, В. М. Рефлексивные глаголы в шорском языке
Белоглазов, П. Е. Постепенное сокращение количества лексико-грамматических омонимов в хакасском языке .
Чебокакова, И. М. О создании новых терминов в хакасском языке
Абдина, Р. П. Наименования деталей юрты в хакасском языке в сравнительном аспекте
Каскаракова, З. Е. Классификация иноязычных слов в современном хакасском языке
Кызласов, А. С. Особенности функционирования устной формы хакасского литературного языка в СМИ
Кошелева, А. Л. Образ учёного – подвижника Н. Ф. Катанова в пьесе – Мистерии С. Карачакова «Путь Воина –
 Номчы»: интертекстуальность, идиостиль
Шапауов, А. К., Туровская, Е. И. Литературные взаимосвязи
Челтыгмашева, Л. В. Этнопоэтическое своеобразие хакасской детской литературы второй половины XX –
 начала XXI в.
Нарынбаева, Н. О. Жанры былички в кыргызском фольклоре
Чайчина, Е. В. Эпическое наследие Н. П. Черновой
Абысова С. В. Роль фольклорных произведений в предыгровой деятельности
Чаптыкова, Ю. И. Мифологические мотивы в сказительской и певческой практике хакасов
Смолина, И. Г. Правовой нигилизм и функции правовой культуры

К 75-летию ХАКАССКОГО НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОГО ИНСТИТУТА ЯЗЫКА, ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОРИИ

*В. Н. Тугужекова,
Хакасский научно-исследовательский институт языка,
литературы и истории (Россия)*

К ИСТОРИИ СТАНОВЛЕНИЯ И РАЗВИТИЯ ХАКАССКОГО НИИЯЛИ (1944–2019)

В статье показана история Хакасского НИИЯЛИ с момента его возникновения до настоящего времени. Выделены основные направления деятельности института, показан вклад ученых в развитие гуманитарной науки в Хакасии. Большое внимание уделено современным исследованиям, международному сотруд-

ничеству, фундаментальным изданиям института.

Ключевые слова: Хакасский НИИЯЛИ, научные подразделения, основные направления деятельности, история, магистратура, фольклор, хакасский язык, экономика, этнопсихология.

TO THE 75TH ANNIVERSARY OF KHAKASS SCIENTIFIC RESEARCH INSTITUTE OF LANGUAGE, LITERATURE AND HISTORY

*V. N. Tuguzhekova,
Khakass Scientific Research Institute
of Language, Literature and History (Russia)*

TO THE HISTORY OF FORMATION AND DEVELOPMENT OF KHAKASS SCIENTIFIC RESEARCH INSTITUTE OF LANGUAGE, LITERATURE AND HISTORY (1944–2019)

The article shows the history of the KhSRILLH from the time of its foundation till the nowadays. The main scientific directions of the institute are emphasized, and the contribution of scientists to the development of humanitarian science in Khakassia is shown in the article. Much attention is

paid to modern research, international cooperation, fundamental research of the institute

Key words: KhSRILLH, scientific departments, main activities, history, literature, folklore, khakass language, economy, ethnopsychology.

Хакасский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории был организован исполкомом Хакасского областного Совета депутатов трудящихся в октябре 1944 г. на основании распоряжения Совета народных комиссаров РСФСР № 1786-р от 31 июля 1944 г. и приказа Народного комиссара просвещения РСФСР № 572 от 29 августа 1944 г.

Первым его директором стал Николай Георгиевич Доможаков, который тогда обучался на подготовительных курсах при аспирантуре языка и письменности Академии наук СССР. В связи с образованием ХакНИИЯЛИ обком партии отозвал его из Москвы и назначил директором. Здесь проявились организаторские способности Николая Георгиевича. Институт

пришлось создавать на пустом месте: не было ни научной, ни материальной базы. Ученым секретарем института был назначен старший научный сотрудник сектора языка и письменности, кандидат филологических наук Церен-Доржи Номинханов. Одна из его работ «Хакасская топонимика как источник истории хакасского народа» считается основополагающей в изучении топонимики Хакасии [Алябьева, 1961, с. 135–150].

В составе института были первый директор института Н.Г. Доможаков, научные сотрудники и члены ученого совета: Ф.Г. Исхаков, П.И. Каралькин, Ц.-Д. Номинханов, А.Т. Казанаков, М.А. Унгвицкая, В.П. Левашова, В.И. Доможаков, А.А. Кенель и др. Большую

помощь в организации научных исследований, подготовке первых изданий института оказали ученые Академии наук СССР: член-корреспондент АН СССР, профессор С.В. Киселев, доктор исторических наук Л.П. Потапов, кандидат исторических наук Л.Н. Евтюхова и др. [Артамонова, 1999, с. 115–121]. Уже в первые годы существования Хакасский НИИЯЛИ совместно с центральными научными учреждениями проводил археологические, этнографические, фольклорные и лингвистические экспедиции. Следует отметить сотрудничество института с членом-корреспондентом АН СССР Борисом Клементьевичем Пашковым, с которым с 1946 г. было проведено несколько совместных этнографических экспедиций по изучению фольклорного наследия хакасов. С начала организации ХакНИИЯЛИ в институте работали три сектора: языка и письменности, литературы и фольклора, истории и этнографии.

Сектор языка и письменности возглавил известный тюрколог Фазил Гарипович Исхаков. Он автор 35 научных трудов и учебных пособий. При содействии Ф.Г. Исхакова были открыты национальная школа, отделения хакасского языка и литературы при Абаканском учительском институте. Впоследствии заведующими сектором были Ц.-Д. Номинханов, А.И. Инкижекова, У.Н. Кирбижекова, Д.Ф. Патачакова, Д.И. Чайков, М.И. Боргояков, О.П. Анжиганова. С 1995 по 2014 г. сектор возглавляли О.В. Субракова и Р.Д. Сунчугашев [Асочаков, 1986а, с. 9–15].

Сектор языка провел большую работу по унификации норм хакасского литературного языка. Сотрудниками сектора был подготовлен ряд научных работ, имевших большое практическое значение, в том числе «Орфография хакасского литературного языка», в написании которой принимали участие Ф.Г. Исхаков, Н.Г. Доможаков, А.Т. Казанакон и др. Большая заслуга в разработке вопросов орфографии принадлежала Дарье Федоровне Патачаковой [Асочаков, 1986б, с. 133–142]. Для школ были изданы «Грамматика хакасского языка» (автор Н.Г. Доможаков), «Хакасско-русский словарь» (автор Д.Ф. Патачакова) и «Русско-хакасский словарь» (автор Ц.-Д. Номинханов), а также сборники произведений хакасских поэтов, сборники песен, героических сказаний.

Темой многих кандидатских диссертаций стали диалекты и говоры хакасского языка. Диалектам хакасского языка было посвящено также несколько сборников (1973, 1992). В изучение бельтырского говора внесла зна-

чительный вклад кандидат филологических наук О.В. Субракова. Сектор принял участие в составлении Диалектологического атласа тюркских языков СССР и Диалектологического атласа тюркских языков Сибири.

Важным достижением, итогом многолетних исследований является создание первой научной грамматики хакасского языка (Москва, 1975), в работе над которой приняли участие Н.А. Баскаков, Г.Ф. Бабушкин, М.И. Боргояков, Г.И. Донидзе, А.И. Грекул, В.Г. Карпов, Д.Ф. Патачакова, Д.И. Чанков.

Продолжительное время сектором хакасского языка руководил известный тюрколог, доктор филологических наук Михаил Иванович Боргояков, внесший большой вклад в развитие хакасского языкознания [Ултургашев, 1970]. Он опубликовал более 60 научных трудов, в том числе монографии «Развитие падежных форм и их значение в хакасском языке» (Абакан, 1976), «Источники и история изучения хакасского языка» (Абакан, 1981).

В настоящее время в секторе продолжается изучение актуальных вопросов современного хакасского языка. Руководит сектором Артем Самуилович Кызласов, кандидат филологических наук. Кроме теоретических работ, сектор хакасского языка занимается практикой. Так, в последние годы издан ряд словарей: «Хакасско-русский словарь» (2006) и «Русско-хакасский словарь лингвистических терминов» (2012) под редакцией О.В. Субраковой; 3.Е. Каскараковой подготовлены «Словарь омонимов хакасского языка» (2009) и «Русско-хакасский словарь общественно-политических терминов» (2012), переиздано пособие Д.Ф. Патачаковой «Кызыльский диалект хакасского языка» (2013), подготовлен русско-хакасский словарь для школьников (2013), завершена работа над толковым словарем.

В 2013 г. при поддержке гранта РГНФ реализован проект «Кызыльский диалект хакасского языка: современное состояние, проблемы, перспективы», состоялась экспедиция в места компактного проживания кызыльцев (руководитель Р.Д. Сунчугашев). В 2014 г. поддержан грант РГНФ по изучению состояния качинского диалекта хакасского языка (руководитель Р.Д. Сунчугашев).

В ходе проведения экспедиционных работ по изучению современного состояния кызыльского диалекта выявилось устойчивое противоречие между тем, что люди говорят в отношении своего этнического диалекта, и реальной практикой использования этого диалекта. Исследователи пришли к выводу, что рынок диктует свои пра-

вила не только в экономике, но и в выборе языка. Большинство носителей кызыльского диалекта сегодня позитивно относятся к своему этническому диалекту, родители выражают желание, чтобы их дети говорили на языке предков. В то же время языком, на котором родители говорят сегодня со своими детьми, даже в моноэтнических семьях, за редким исключением, оказывается русский. Если знание этнического языка рассматривается как желательное, знание русского языка считается обязательным. И именно это знание родители стараются дать своим детям, чтобы облегчить им учебу в школе.

В июле 2019 г. сектор совершил экспедицию в северные районы Хакасии, где он был в 2013–2014 гг., для сопоставительного анализа состояния хакасского языка в настоящее время.

Весьма плодотворно работает институт в области хакасской фольклористики и литературоведения. Известно, что в фольклоре отражается историческое прошлое народа, хранится его мудрость, накопленная веками, шлифуется его художественный опыт. Поэтому с самого начала институт уделил особое внимание сбору фольклорных произведений; были выявлены и взяты на учет все сказители, их репертуар. Созданный коллективными усилиями хакасской национальной интеллигенции рукописный фонд института по фольклору насчитывает в настоящее время сотни томов оригинальных текстов, донесенных до нас из глубины веков. Среди собирателей, внесших наибольший вклад в создание фольклорного фонда, надо назвать В. Е. Майногашеву, Д. И. Чанкова, П. А. Троякова, Т. Г. Тачееву, В. И. Доможакова, русскоязычных исследователей М. А. Унгвицкую, А. А. Кенеля, А. К. Стоянова и др.

Большую работу по сбору и изучению фольклора проводит кандидат филологических наук В. Е. Майногашева. За годы работы в институте она организовала семь фольклорных экспедиций, записала 25 героических сказаний. Работая как собиратель, аналитик, текстолог и переводчик, она написала более 100 научных и научно-методических работ, в том числе монографию (в соавторстве с М. А. Унгвицкой) «Хакасское народное поэтическое творчество», в которой впервые дана характеристика, классификация и периодизация жанров фольклора [О работе. 1971].

Но основное направление в работе В. Е. Майногашевой⁶ – подготовка к публикации произведений героического эпоса, которая требует глубоких знаний, кропотливой исследовательской работы. Вышедший в 1988 г. в изда-

тельстве «Наука» (серия «Эпос народов СССР») «Алтын-Арыг» является фундаментальным научным трудом, которым пользуются в научных кругах многих стран мира. В. Е. Майногашевой подготовлен и издан в 1997 г. героический эпос «Ай-Хуучин» в серии «Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока».

Определенный вклад в изучение хакасского фольклора внес заведующий сектором литературы, кандидат филологических наук П. А. Трояков. Им подготовлено более 30 работ, в том числе ряд теоретических статей, изданных в центральных академических журналах, а также книги «Героический эпос хакасов» (Абакан, 1991), «Истоки чудесного вымысла. Сравнительное изучение сказочного творчества хакасов» (Абакан, 1991).

Кроме этого, сектором за последние годы подготовлен ряд книг, это В. Е. Майногашевой «Алтын Сейзен на бело-игренивом коне (алыптыг ныхмах). Сказывал, записал сказитель П. В. Курбижеков» (2010); «Личность сказителя в истории культуры народа» (к 100-летию со дня рождения великого хакасского сказителя Петра Васильевича Курбижекова) (2010); Ю. И. Чаптыковой «Этнопоэтическое своеобразие прозы И. Костякова» (2013) и др.

В настоящее время заведующим сектором фольклора является кандидат филологических наук Н. С. Чистобаева, в секторе работают В. Е. Майногашева, Ю. И. Чаптыкова, Е. С. Торокова.

В секторе фольклора совместно с сектором фольклора народов Сибири Института филологии СО РАН подготовлены и изданы 2 тома хакасского фольклора серии «Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока»:

1. Хакасские народные сказки (к. ф. н. Е. С. Торокова) – 2014 г.
2. Несказочная проза хакасов (к. ф. н. В. В. Миндибекова, Л. К. Ачитаева, С. К. Кулумаева) – 2016 г.

Кроме этого, в 2018 г. вышли «Образцы народной литературы тюркских племен, живущих в Южной Сибири и Дзунгарской степи», собранные В. В. Радловым в 1863 г. Книгу к изданию подготовила Е. С. Торокова. В целом работы фольклористов свидетельствуют о том, что у хакасов в прошлом была собственная самобытная духовная культура и они делают эту культуру достоянием широкой общественности.

Литературоведами института (М. А. Унгвицкая, П. А. Троякова, К. Ф. Антошина, Т. Г. Тачеева, У. Н. Кирбижекова, А. Г. Кызласова и др.) исследовались закономерности развития

хакасской литературы, ее жанров, проблемы становления реализма, вопросы взаимосвязи устного поэтического творчества и современной хакасской литературы, творчество отдельных писателей. Сотрудники сектора принимали участие в подготовке разделов пятитомной «Истории советской литературы».

Накопленный в результате исследований материал позволил подготовить и издать коллективную обобщающую работу «Очерки истории советской хакасской литературы».

В настоящее время работу сектора литературы возглавляет доктор филологических наук, профессор А.Л. Кошелева, которая работает заведующей с 1999 г. В секторе работают кандидаты филологических наук Н.С. Майнагашева и Л.В. Челтыгмашева. В 2011 г. вышла коллективная монография «История хакасской литературы». Сектор плодотворно работает по теме «Жанрово-стилистическое своеобразие хакасской литературы: типология, поэтика. Хакасская литература и современный литературный процесс».

Одной из актуальных тем сектора литературы является «Хакасская проза и проза народов Саяно-Алтая в культурно-этническом аспекте» (с. н. с, к. ф. н. Л.В. Челтыгмашева). В процессе работы над темой исследования выявлены типологически сходные, а также своеобразные традиции, образы, мотивы, художественно-эстетические особенности, позволяющие раскрыть национальную самобытность мышления и видения алтайского, тувинского и хакасского народов, их типологические схождения с общечеловеческими ценностями.

За последние годы сектором литературы издан ряд монографий: А.Л. Кошелевой «Лирический мир хакасской поэзии в контексте духовных памятников евразийской культуры: генезис, поэтика, типология» (2008), «Михаил Еремеевич Кильчичаков: жизнь и творчество» (2012), «Писатели Хакасии» (2017); Л.В. Челтыгмашевой «Фольклоризм хакасской прозы. 1930–1990-е гг.» (2010); Н.С. Майнагашевой «Жизнь и творчество Александра Михайловича Топанова» (2013) и др.

С начала существования ХакНИИЯЛИ в нем действует сектор истории и этнографии. Уникальным и своеобразным человеком был первый заведующий сектором, проработавший в этом качестве более года, кандидат биологических наук Альберт Николаевич Липский. В 1943 г. он приехал в Хакасию по рекомендации профессора Е.Ф. Дебеца с целью проведения палеонтологических исследований на Среднем

Енисее. Тогда ему было 53 года. Почти 30 лет жизни на земле Хакасии А.Н. Липский посвятил изучению ее древнего прошлого. Огромное внимание он уделял и развитию краеведческого музея.

Заведующими сектором были П.И. Каралькин, Н.С. Мартынов, К.Г. Чаптыков, К.М. Патачаков, В.А. Асочаков, Я.И. Сунчугашев, Д.М. Карачаков, В.К. Чертыков.

В секторе истории института работал В.Я. Бутанаев, доктор исторических наук, профессор Института истории и права ХГУ им. Н.Ф. Катанова.

В настоящее время сектор возглавляет кандидат исторических наук Т.А. Кискидосова, В секторе на постоянной основе работают историки А.А. Бурнаков, Е.В. Самрина, В.А. Печерский и В.К. Чертыков. В течение последних лет сектор привлекал к сотрудничеству историков А.П. Шекшеева, М.Г. Степанова.

С самого начала своей деятельности сектор истории проводил исследования совместно с ведущими научными центрами страны, в том числе Сибири. Особенно ярко это проявилось в этнографическом и археологическом изучении Сибири и Хакасии.

С 1946 г. с ХакНИИЯЛИ сотрудничал член-корреспондент АН СССР, профессор Борис Клементьевич Пашков, в частности, было проведено несколько совместных этнографических экспедиций по изучению фольклорного наследия коренного населения Хакасии.

В 1954–1956 гг. научные сотрудники ХакНИИЯЛИ занимались раскопками Салбыкского кургана, которые возглавлял член-корреспондент Академии наук СССР, профессор Сергей Владимирович Киселев. Он в течение 20 лет руководил также Саяно-Алтайской экспедицией материальной культуры АН СССР и Государственного исторического музея.

С сектором истории в течение многих лет сотрудничал профессор Московского государственного университета, первый доктор исторических наук из хакасов Леонид Романович Кызласов. Под его руководством в 1960–1980-е гг. на территории Хакасии активно работала археологическая экспедиция МГУ. В результате были сделаны важные открытия, касающиеся эпохи камня, бронзы, древнехакасской государственности, средневековой культуры хакасов. Материалы этой экспедиции (наряду с данными других археологических экспедиций) стали одним из основных источников для «Истории Хакасии с древнейших времен до 1917 года».

Сотрудничал с институтом ведущий археолог России, начальник Хакасской археологической экспедиции, доктор исторических наук, профессор Игорь Леонидович Кызласов.

С 1960 г. сектор истории работает в тесном контакте с Объединенным институтом истории, филологии и философии СО РАН. Под руководством таких известных ученых, как А.И. Окладников, А.П. Дервянко, В.В. Алексеев, В.Л. Соскин, Н.Я. Гущин, И.И. Комогорцев, В.А. Ламин, и многих других в секторе готовились кандидатские и докторские диссертации, издавались крупные обобщающие исследования, проводились научные конференции.

С февраля 2008 г. из сектора истории был выделен сектор археологии, который возглавляет кандидат исторических наук Ю.Н. Есин.

Сектор ведет следующую научно-исследовательскую тему: «Антропоморфные изображения окуневской культуры» (зав. сектором, к.и.н. Ю.Н. Есин). По теме разработана новая классификация росписей в окуневском наскальном искусстве. Впервые изучены и реконструированы бихромные композиции, существование которых в окуневском искусстве ранее не было известно. В результате лабораторного изучения проб краски установлено, что главным пигментом красного цвета являлся гематит, реже использовалась охра, а черная краска состоит из древесного угля. Проведена классификация изображений повозок. В рамках международного сотрудничества ХакНИИЯЛИ Ю.Н. Есин принимал участие в работе археологической экспедиции Музея доисторической антропологии Княжества Монако в Монголии под эгидой ЮНЕСКО. В настоящее время темой исследования Ю.Н. Есина является «Колесные повозки в культуре населения Минусинской котловины (с древности до XIX в.)».

В рамках сотрудничества ХакНИИЯЛИ и ИИМК РАН О.В. Ковалева и П.Б. Амзараков принимали участие в археологических полевых исследованиях в зоне строительства железной дороги Курагино – Кызыл, в раскопках в зоне Бейского угольного месторождения. Благодаря сотрудничеству ХакНИИЯЛИ с Научно-исследовательским центром по изучению древних культур железного века Восточной Азии (Япония) проводятся полевые исследования памятников древней металлургии, выявленных ранее Я.И. Сунчугашевым на территории Хакасии и Тувы.

Археолог А.И. Поселянин занимается исследованием темы «Погребальный комплекс эпохи поздней бронзы Белый Яр 5».

С целью проведения исследований по проблемам экономики, промышленности, сельского хозяйства, производственной и социальной инфраструктуры, повышения уровня жизни населения Хакасии и юга Красноярского края в 1974 г. был образован сектор экономики (ныне сектор экономики и социологии). Первый его заведующий Виктор Львович Бобровник имел большой опыт хозяйственной и партийной работы.

Сектор работал в тесном взаимодействии с обл- и крайпланом, крайстатуправлением, другими ведомствами Хакасии и Красноярского края. Значительный вклад внесли его сотрудники в решение вопросов рационального формирования Саянского территориально-производственного комплекса.

С начала образования сектора экономики велась активная работа по повышению профессионального уровня научных сотрудников. Налаживались тесные связи с ведущими научными учреждениями страны, в том числе с Советом по изучению производительных сил при Госплане СССР, Институтом экономики и организации промышленного производства СО АН СССР, Сибирским научно-исследовательским институтом экономики сельского хозяйства СО ВАСХНИЛ и др.

За годы деятельности сектора получили ученые степени следующие научные сотрудники: Владимир Алексеевич Кышпанакоев – кандидат экономических наук и доктор исторических наук, Лариса Викторовна Анжиганова – доктор философских наук, Петр Петрович Бурнаков – кандидат экономических наук, Георгий Михайлович Шапошников – кандидат экономических наук, Валерий Константинович Шулбаев – кандидат экономических наук, Ирина Николаевна Трошкина – кандидат философских наук, ныне заведующий сектором экономики и социологии.

Кроме этого, в секторе работают молодые научные сотрудники О.Л. Лушникова и Е.В. Прищепа, которые занимаются темами исследования соответственно «Родовые отношения как социокультурный феномен на примере Хакасии», «Потенциал социального развития сельских территорий (на примере РХ)» и «Малое и среднее предпринимательство Республики Хакасия на современном этапе». Благодаря ини-

циативам сектора за последние годы проведены конференции в селах Доможаково, Аршаново, Новомарьясово, Целинное, Бельтырское, Очуры, и в июне 2019 г. прошла конференция, посвященная 100-летию Есинского сельского совета в аале Полтаков.

С 1 сентября 1999 г. на базе ХакНИИЯЛИ функционирует лаборатория этнопсихологии, которую возглавлял Валерий Степанович Топоев – кандидат психологических наук. Цель создания лаборатории – изучение психологии коренного этноса Хакасии в условиях современной экономической и политической ситуации.

Сейчас во главе лаборатории молодой психолог Н.Г. Канзычакова, в секторе работает опытный психолог-практик Т.Н. Капичникова.

В сентябре 2010 г. в институте создан отдел международных отношений, который возглавляет Борис Устинович Амзараков. Достаточно сказать, что за эти годы сектор подготовил для института ряд проектов с нашими партнерами, такие как:

- монголо-монакская археологическая экспедиция с участием зав. сектора археологии института Ю.Н. Есина по приглашению Музея доисторической антропологии Княжества Монако, Монголия (2013 г. по настоящее время);
- в рамках сотрудничества ХакНИИЯЛИ и Научно-исследовательского центра по изучению древних культур железного века Восточной Азии (Япония) проводятся полевые исследования памятников древней металлургии (с 2013 г.);
- японско-хакасская экспедиция по изучению памятников рунической письменности на территории Хакасии (с 2013 г.);
- в рамках сотрудничества с Культурным фондом гималайских исследований (Университет г. Нью-Дели, Индия) опубликованы три сборника статей на английском языке сотрудников ХакНИИЯЛИ, посвященные Н.Ф. Катанову, И.М. Штыгашеву и В.Е. Ларичеву.

Развитие партнерских отношений осуществляется с более чем 40 зарубежными и российскими научными и образовательными центрами.

Институт имеет уникальную научную библиотеку (зав. библиотекой С.А. Чебодаева) и рукописный фонд (с 2000 г.), последний возглавляет кандидат филологических наук А.С. Чочиева.

В разное время во главе ХакНИИЯЛИ стояли директора, внесшие огромный вклад в развитие хакасской науки и культуры: Николай Георгиевич Доможаков (1944–1955), Степан Павлович Ултургашев (1956–1959, 1969–1970), Дмитрий Иванович Чанков (1960–1969), Вален-

тин Абрамович Асочаков (1970–1992), Яков Иванович Сунчугашев (1992–1995), Гавриил Гаврилович Котожеков (1995–1998).

С мая 1998 г. возглавляет институт Валентина Николаевна Тугужекова, доктор исторических наук, профессор. Все эти годы с ней работают ученый секретарь института, кандидат исторических наук Н.А. Данькина и заместитель по административно-хозяйственной части Е.И. Таштандинова.

В настоящее время структура института представлена 10 научными подразделениями: сектором археологии (зав. сектором к.и.н. Ю.Н. Есин), сектором истории (зав. сектором к.и.н. Т.А. Кискидосова), сектором хакасского языка (зав. сектором к.ф.н. А.С. Кызласов), сектором литературы (зав. сектором д.ф.н. А.Л. Кошелева), сектором фольклора (зав. сектором к.ф.н. Н.С. Чистобаева), сектором экономики и социологии (зав. сектором к.э.н. Г.М. Шапошников), лабораторией этнопсихологии (зав. лабораторией Н.Г. Канзычакова), научной библиотекой (зав. библиотекой С.А. Чебодаева), рукописным фондом (зав. рукописным фондом А.С. Чочиева), лабораторией генеологических исследований (зав. лабораторией А.С. Нилогов), отделом по международным и межрегиональным связям (начальник отдела Б.У. Амзараков.)

В последние годы институт проводит комплексное исследование по теме «Хакасия в контексте истории и культуры Южной Сибири и Центральной Азии» по 5 фундаментальным направлениям научно-исследовательской работы:

1. Археологические исследования Южной Сибири и сопредельных территорий.
2. История и культура Хакасии и сопредельных территорий в древности, Средневековье, новое время и современности.
3. Экономика, население и общественное сознание народов Южной Сибири.
4. Современный хакасский язык.
5. Культурное наследие народов Южной Сибири.

Научно-исследовательская деятельность института осуществляется под методическим руководством Сибирского отделения Российской академии наук (с 1999 г.). Институт активно сотрудничает с Институтом востоковедения РАН, Институтом этнологии и этнографии им. М.М. Миклухо-Маклая РАН, Институтом истории СО РАН, Институтом филологии СО РАН, Институтом философии и права СО РАН, Институтом археологии и этнографии СО РАН.

Институт является коллективным членом Общества востоковедов РАН (с 2002 г.), Сибирской ассоциации исследователей первобытного искусства (с 2002 г.).

Установлено международное сотрудничество института с Венским, Познанским, Краковским, Стамбульским, Бишкекским, Кокшетауским, Финским обществами по изучению первобытного искусства, Культурным фондом гималайских исследований (Индия), Университетом Осаки (Япония), Центром исследования древней культуры железа Восточной Азии (Япония), Музеем доисторической антропологии Княжества Монако, Институтом археологии Университета Оксфорда (Великобритания) и др.

В институте работает 22 научных сотрудника, из них 19 кандидатов.

Остепененность научных сотрудников – 86,3%. Доля молодых исследователей в возрасте до 35 лет составляет 13,6% от общей численности научных сотрудников института.

За последние 5 лет возросло число публикаций научных сотрудников, с 21 монографии, научного сборника в 2014 г. до 25 – в 2018 г., с 3 статей в журналах, реферируемых Scopus, Web of Science, в 2015 г. до 11 – в 2018 г., с 18 статей в российских рецензируемых научных журналах ВАК РФ, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук, в 2014 г. до 25 – в 2018 г. Объем производимой научной продукции каждым научным сотрудником ежегодно составляет более 10 п. л. Научные сотрудники активно участвуют в конкурсах (грантах) Российского фонда, Фонда Президента РФ, Президиума РАН, СО РАН, Республики Хакасия. За 2014–2018 гг. было получено 18 грантов РФФИ (РГНФ), Президента РФ на сумму 6,3 млн руб., из них 2,5 млн руб. – в 2018 г. С 2012 г. институт проводит ежегодную Международную конференцию «Народы и культуры Саяно-Алтая и сопредельных территорий». На базе института выходят периодические издания «Актуальные проблемы истории и культуры Саяно-Алтая» (с 1999 г.), Ученые записки (историческая и филологическая серии) (с 1944 г.), «Рукописное наследие Хакасии». С 2010 г. издается научный рецензируемый журнал РИНЦ «Научное обозрение Саяно-Алтая».

За последние 5 лет Институт издал следующие фундаментальные исследования:

Э.Б. Вадецкая, А.И. Поселянин «Таштыкский погребально-поминальный комплекс Белый Яр 3»; А.Л. Кошелева «Проблемы билингвизма в транскультурной (транснациональной) литературе: национально-художественное своеобразие творчества русскоязычных хакасских писателей (XX в. – нач. XXI в.)»; В.А. Печерский, М.Г. Степанов «Советская юстиция в годы Великой Отечественной войны (1941–1945): на материалах Хакасии»; Е.В. Самрина «Хакасско-Минусинский край в XVII–XVIII вв. (Трансформация традиционной жизнедеятельности хакасов)»; В.К. Шулбаев «Размещение промышленности в Хакасии: научное издание»; Хакасские народные сказки / Сост. Е.С. Торокова, Г.Б. Сыченко; Н.С. Чистобаева «Героический эпос хакасов: тематика и поэтика»; Айдолай. Алыптыг нымах; Большой Салбыкский курган и археологические памятники в его окрестностях; А.Л. Кошелева «Поэтика прозы Л. Петрушевской в контексте эволюции художественного метода и стиля»; А.С. Кызласов «Источники формирования лексического строя современного хакасского языка»; Н.А. Данькина «Историография формирования и становления интеллигенции национальных районов Восточной Сибири»; А.Л. Кошелева «Писатели Хакасии: литературные портреты (посл. четв. XX в. – нач. XXI в.)»; О.Л. Лушникова «Родовые отношения в современном хакасском обществе: социологический анализ»; В.В. Субракова «Консонантизм кызыльского диалекта хакасского языка: сопоставительный аспект»; Е.Е. Тиникова «Городское население юга Красноярского края (1970–1989)»; Хакасские народные сказки. Серия памятников фольклора народов Сибири и Дальнего Востока, Образцы народной литературы тюркских племен, живущих в Южной Сибири и Джунгарской степи. Собраны В.В. Радловым. Ч. II. Поднаречия абаканские (сагайское, койбальское, качинское), кызыльское и чулымское (кюэрик) / Сост. Е.С. Торокова; Е.В. Прищепа «Жилища населения Хакасско-Минусинского края в традиционной системе жизнеобеспечения XVIII–XX вв. (на примере хакасов и русских старожилов)»; В.Н. Тугужекова, М.Г. Степанов, С.В. Карпов. «Репрессии в Хакасии: как это было (1930-е – сер. 1950-х гг.)»; В.К. Чертыков «Историко-этнографическое изучение Хакасско-Минусинского края в XVIII – перв. пол. XIX в.» и др.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Алябьева, Л. А.* Работа института // Зап. ХакНИИЯЛИ. 1961. Вып. 2. – С. 135–150.
2. *Артамонова, Н. Я.* К истории создания Хакасского научно-исследовательского института языка, литературы и истории // Ежегод. Ин-та саяно-алтайской тюркологии. – 1999. – Вып. 3. – С. 115–121.
3. *Асочаков, В. А.* Научные исследования в Хакасском НИИЯЛИ и пути их развития // Изв. СО АН СССР. Сер. истории, филологии и философии. – 1986а. – Вып. 3. – № 14. – С. 9–15.
4. *Асочаков, В. А.* 40 лет Хакасскому НИИЯЛИ // Из истории советской Хакасии. – Абакан, 1986б. – С. 133–142.
5. *Ултургашев, С. П.* Научный центр Хакасской автономной области // Ученые записки ХакНИИЯЛИ. – 1970. – Вып. 15. – С. 6–19.
6. О работе ХакНИИЯЛИ в 1969 г. // Ученые записки ХакНИИЯЛИ. – 1971. – Вып. 16. – С. 226–232.

Н. А. Данькина,

*Хакасский научно-исследовательский институт
языка, литературы и истории (России)*

ДИРЕКТОРА ХАКАССКОГО НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОГО ИНСТИТУТА ЯЗЫКА, ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОРИИ

В статье рассматривается деятельность директоров ХакНИИЯЛИ, которые внесли большой вклад в организацию гуманитарной науки в Хакасии. Кратко приводятся их биографические

данные. Большое внимание уделено и их научной работе.

Ключевые слова: Н. Г. Доможаков, Д. И. Чанков, В. А. Асочаков, Я. И. Сунчугашев, Г. Г. Котожеков, В. Н. Тугужекова.

N. A. Dankina,

*Khakass scientific research institute of
language, literature and history (Russia)*

THE DIRECTORS OF KHAKASS SCIENTIFIC RESEARCH INSTITUTE OF LANGUAGE, LITERATURE AND HISTORY

The article discusses the activities of directors of KhSRILLH, who made a great contribution to the organization for the humanitarian science in Khakassia. Their biographical data are briefly

presented. Much attention is paid to their scientific work.

Keywords: N.G. Domozhakov, D.I. Chankov, V.A. Asochakov, Ya.I. Sunchugashev, G.G. Kotozhekov, V.N. Tuguzhekova.

Первым директором института был ученый-филолог, писатель, переводчик, педагог Николай Георгиевич Доможаков. В должности директора института работал в 1944–1955 гг.

Он родился 20 января 1916 г. в с. Хызыл-Хус Усть-Абаканского района Хакасской автономной области. Окончил Райковскую трехлетнюю школу, вступил в колхоз «Чахсы Хоных». В 1931 г. поступил в педагогический техникум. После окончания техникума в 1935–1938 гг. работал учителем в с. Усть-Чуль, затем – инспектором Хакасского областного отдела народного образования. В 1941 г. с отличием окончил историко-филологическое отделение Абаканского государственного педагогического института. В 1955 г. перешел в Абаканский государственный

педагогический институт, где проработал доцентом до 1976 г.

В 1949 г. Н. Г. Доможаков был принят в члены Союза писателей СССР и возглавил Хакасскую писательскую организацию. Сам руководил секцией по работе с молодыми авторами. В должности председателя писательской организации отработал до 1963 г., в 1957–1961 гг. руководил Хакасским книжным изданием.

В 1949 г. защитил диссертацию по теме «Описание кызыльского диалекта хакасского языка» в Институте языков и письменности АН СССР (г. Москва).

Н. Г. Доможаков участвовал в составлении учебников для хакасских школ, в том числе «Граматики хакасского языка» (1936), автор первого орфографического словаря хакасского литературного языка

Первые стихи Н. Доможакова появились в печати в 1935 г. Прославился писатель в жанре прозы. Результатом и вершиной этой работы явился первый хакасский роман «В далеком аале» (1960). Всесоюзную известность роман получил в 1970 г., когда был переведен на русский язык и выпущен издательством «Художественная литература». Роман неоднократно переиздавался, в 1970-е гг. общий тираж романа составил более 2 млн экземпляров. Творческое наследие писателя – проза и стихи – было переведено на украинский, киргизский, тувинский, латышский, монгольский, турецкий и др. языки. По роману в 1977 г. Свердловской киностудией снят художественный фильм «Последний год Беркута».

Он создал свои новые поэтические приемы, используя богатый национальный фольклор и лучшие достижения многонациональной советской поэзии: возвышенные поэтические образы, полные глубоких раздумий о жизни, не забывая об их чисто земных истоках. Н. Г. Доможаков перевел на русский язык свыше 200 текстов русских поэтов и поэтов других народов, детских стихов А. С. Пушкина, Т. Г. Шевченко, И. Я. Франко и др.

В первые годы работы Н. Г. Доможакова в должности директора института были установлены научные связи с ведущими научными центрами страны, совместно с которыми проводились археологические, этнографические, фольклорные и лингвистические экспедиции. Большую помощь в организации научных исследований оказывали ученые АН СССР.

Н. Г. Доможаков был награжден орденом Трудового Красного Знамени. Умер 16 ноября 1976 г.

Следующим директором был историк Степан Павлович Ултургашев. Работал в должности директора института с 1 июня 1956 г. по 16 сентября 1959 г., с 1969 по 1970 г.

Он родился 1 марта 1930 г. в улусе Политов Аскизского района Восточно-Сибирского края.

Окончил Центральную комсомольскую школу в 1951 г., МГУ им. Л. В. Ломоносова, исторический факультет, – в 1952 г.

В 1956 г. защитил диссертацию по теме «Советская сельская интеллигенция и ее роль в подъеме политического и культурно-технического уровня колхозного крестьянства во второй пятилетке (1933–1937)» в Институте истории АН СССР (г. Москва).

С 10 марта 1955 г. работал младшим научным сотрудником института, в 1959–1969 гг. – старшим преподавателем, доцентом, заведующим кафедрой марксизма-ленинизма Абаканского государственного педагогического института, в 1970–1994 гг. – заведующим кафедрой истории КПСС и научного коммунизма, проректором по научной работе, ректором Абаканского педагогического института. Инициатор открытия Института Саяно-Алтайской тюркологии ХГУ им. Н. Ф. Катанова и первый его директор (1996–2004). В 1989 г. присвоено звание профессора.

Во время руководства институтом С. П. Ултургашевым, в 1956 г., были завершены раскопки Большого Салбыкского кургана, обком партии и облисполком в июне 1958 г. отметил 250-летие присоединения Хакасии к России.

Степан Павлович Ултургашев занимался изучением культурного строительства в Сибири, военной историей. Он является основоположником научных направлений по истории национальной интеллигенции региона, вкладу Хакасии в победу в Великой Отечественной войне, историографии истории Хакасии в XX в. Степан Павлович является автором более 80 научных работ, в том числе 3 индивидуальных и 5 коллективных монографий, более 100 проблемных и информационных публикаций и статей в газетах.

Награжден орденом Трудового Красного Знамени, орденом «Знак Почета», почетной грамотой Президиума Верховного Совета

РСФСР, почетной грамотой Верховного Совета Республики Хакасия, почетными грамотами Министерства Просвещения СССР и РСФСР, медалями «За доблестный труд в Великой Отечественной войне», «За освоение целинных земель», «За доблестный труд», «50 лет Победы», им. С. И. Вавилова. Ему присвоены почетные звания «Заслуженный деятель культуры РСФСР», «Заслуженный деятель науки Республики Хакасия», «Отличник народного образования», «Отличник просвещения СССР». В 1996 г. С. П. Ултургашеву была присуждена Государственная премия им. Н. Ф. Катанова.

Умер 28 марта 2004 г.

Третьим директором был филолог Дмитрий Иванович Чанков. В должности директора института работал в 1960–1969 гг.

Он родился 10 марта 1925 г. в с. Усть-Хойза Аскизского района Красноярского края. Окончил Абаканский государственный педагогический институт в 1952 г.

Кандидат филологических наук, в 1956 г. защитил диссертацию по теме «Согласные хакасского языка» в Ленинградском государственном университете им. М. А. Жданова.

С 1943 г. до 9 мая 1945 г. участвовал в боевых сражениях в составе стрелкового полка 62 гвардейской дивизии II Украинского фронта, в качестве командира пулеметного расчета, был тяжело ранен.

В 1948–1950 гг. работал младшим научным сотрудником сектора литературы института, в 1950–1951 гг. – директором Кызыльской 7-летней школы, зав. отделом редакции газеты «Хызыл аал», в 1953–1956 гг. – преподавателем хакасского языка Ленинградского театрального института им. А. Н. Островского, в 1956–1959 гг. – зав. сектором хакасского языка института, в 1969 г. – доцентом кафедры русского и хакасского языков Абаканского государственного педагогического института, с 1993 по 2000 г. – профессором кафедры хакасской филологии ХГУ им. Н. Ф. Катанова, в 2000–2002 гг. руководил Словарной группой Института саяно-алтайской тюркологии ХГУ им. Н. Ф. Катанова.

В сферу научных интересов входят вопросы изучения фонетики, лексики, грамматики и

методики преподавания хакасского языка, а также лексикографическая работа. Соавтор учебников по хакасскому языку и литературе для школьников

Участник ВОВ. Награжден орденом Красной Звезды (1967), орденом Отечественной войны I степени (1985), медалями «20 лет победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.», «50 лет Вооруженным силам СССР», «30 лет победы в ВОВ 1941–1945 гг.», «60 лет Вооруженным силам СССР», «Ветеран 62-й г. ст. дивизии», «40 лет Победы в ВОВ 1941–1945 гг.», К. Д. Ушинского» (1989) и др. Присвоено почетное звание «Заслуженный деятель науки Республики Хакасия».

Умер 8 июля 2008 г. в г. Абакане.

Более 20 лет руководил институтом историк Валентин Абрамович Асочаков. В должности директора института работал с 11 сентября 1970 г. по 9 декабря 1992 г. Он родился 1 июля 1930 г. в улусе Чеболгаев Аскизского района Хакасской автономной области.

Окончил Абаканский педагогический институт, исторический факультет, в 1952 г. с отличием.

Кандидат исторических наук, в 1968 г. защитил диссертацию по теме «Культурное строительство в Хакасии (1917–1937)» в Институте истории СО АН СССР (г. Новосибирск).

С 1 сентября по май 1952 г. работал младшим научным сотрудником сектора истории института, с мая 1952 г. по сентябрь 1954 г. – секретарем Аскизского РК ВЛКСМ, с сентября 1954 г. по декабрь 1955 г. – преподавателем истории в Хакасской национальной школе, с 1956 г. по декабрь 1959 г. – вторым секретарем обкома ВЛКСМ, с декабря 1959 г. – заместителем заведующего отделом пропаганды и агитации Хакасского обкома КПСС, с февраля 1963 г. – заведующим сектором истории института.

Под его руководством институт подготовил и издал ряд крупных обобщающих работ по языкознанию, литературоведению и истории: «Научная грамматика хакасского языка» (М., 1975), «Очерки истории советской хакасской литературы» (Абакан, 1985), «История Хакасии

с древнейших времен до 1917 года» (М., 1993); принимал участие в исследовании крупных проблем и тем, проводимых институтами Академии наук СССР. В.А. Асочаков уделял внимание подготовке высококвалифицированных научных кадров: 2 сотрудника института защитили диссертации на соискание ученой степени доктора наук, 8 – кандидата наук. В 1980-е гг. В.А. Асочаков входил в Объединенный ученый совет по историко-филологическим и философским наукам СО АН СССР, который в 1981–1986 гг. возглавлял академик А.П. Окладников. Являлся председателем ГЭК на филологическом, а затем историческом факультетах АГПИ.

Валентин Абрамович Асочаков занимался изучением национально-государственного и культурного строительства, формированием интеллигенции в Хакасии в 1917–1937 гг. Его монография была первым комплексным исследованием вопросов культурного развития Хакасии в первое послеоктябрьское двадцатилетие: ликвидации неграмотности, подготовки кадров интеллигенции, зарождения и развития хакасской литературы, театра, книжного издательства.

В.А. Асочаков, будучи директором, продолжал участвовать в общественной жизни Хакасии. Он несколько раз избирался депутатом Хакасского областного Совета народных депутатов. В течение продолжительного времени являлся председателем правления Хакасского отделения Общества советско-монгольской дружбы (дважды был в МНР). 14 мая 1976 г. IV Советская конференция солидарности народов Азии и Африки избрала его членом Советского комитета солидарности стран Азии и Африки.

Трудовая, научная и общественная деятельность В.А. Асочакова отмечена государственными наградами: медалью «За добросовестный труд», медалью Монгольской Народной Республики «Дружба», почетной грамотой Президиума Верховного Совета РСФСР.

Умер в ноябре 1995 г. в г. Абакане.

Историк Яков Иванович Сунчугашев в должности директора работал с 1992 г. по осень 1995 г. Родился 15 января 1926 г. в улусе Теренчин Усть-Есинского сельского совета Аскизского района. Окончил Абаканский государственный педагогический институт, историко-филологическое отделение, в 1954 г.

Доктор исторических наук, в 1964 г. защитил кандидатскую диссертацию по теме «Горное дело и выплавка металлов в Древней Туве», в 1978 г. – докторскую диссертацию по теме «История горного дела и металлургии в Хакасско-Минусинской котловине (с древней-

ших времен до XIII в.)» в Институте археологии АН СССР (г. Москва).

В 1954–1960 гг. работал учителем истории и завучем в средних школах поселков Бий-Хак, Балгазик и Хову-Аксы Тувинской АССР, в 1961–1995 гг. – научным сотрудником, заведующим сектором истории, директором института.

Я.И. Сунчугашев занимался изучением горного дела и металлургии Южной Сибири в эпоху бронзы и раннего железного века. Второй крупной темой, исследованием которой занимался Яков Иванович, стала история древнего и средневекового орошаемого земледелия в Хакасии. Он впервые провел специальное изучение оросительных каналов и систем в Хакасии, проанализировал связанные с земледелием другие археологические материалы, характеризующие тип и уровень развития этого направления в хозяйстве. Итогом этой работы стали сделанные выводы о зарождении орошаемого земледелия в Хакасии в эпоху поздней бронзы, о его важной роли в скифское время и наибольшем развитии в период Кыргызского государства (VI–XII вв.).

С его приходом в институте была создана археологическая экспедиция, которая активно работала с 1965 по 1988 г. Это позволило развернуть в Хакасии самостоятельные исследования древней истории региона. Под его руководством были проведены обширные полевые работы, изучены сотни памятников древнего горнорудного дела и металлообработки, создана их классификация, изучена техника добычи различных руд, исследовались памятники орошаемого земледелия, древние наскальные изображения.

За время работы в ХакасНИИЯЛИ Я.И. Сунчугашев проявил себя не только как талантливый ученый, но и как хороший организатор. При его участии и по его инициативе институтом была издана серия научных сборников по проблемам археологии и этнографии Хакасии и Южной Сибири.

Много времени и сил Я.И. Сунчугашев отдавал педагогической деятельности. С 1968 г. им читались лекции по археологии, истории Хакасии и краеведению для студентов Абаканского государственного педагогического института. С 1985 г. – профессор кафедры истории этого института.

Я.И. Сунчугашев автор 5 индивидуальных монографий и свыше 85 научных статей, около 300 научно-популярных публикаций на хакасском и русском языках в различных средствах массовой информации.

Я.И. Сунчугашев являлся членом специализированного совета по защите кандидатских диссертаций при Кемеровском государственном университете. Выступал в качестве официального оппонента на защитах кандидатских диссертаций по археологии и истории Сибири и Казахстана. Являлся председателем Ученого совета Хакасского областного музея краеведения, оказывал музею помощь в пополнении фондов и создании экспозиций. С 1979 г. он являлся председателем Президиума Хакасского областного общества охраны памятников истории и культуры.

Участник ВОВ. Награжден орденом Отечественной войны 2-й степени, медалью «За победу над Японией», памятными и юбилейными медалями вооруженных сил СССР, медалью «За доблестный труд в ознаменовании 100-летия со дня рождения Владимира Ильича Ленина», почетными грамотами Президиума Верховного Совета РСФСР, Министерства просвещения РСФСР, знаком «Отличник народного образования». Ему присвоено звание «Заслуженный деятель науки Республики Хакасия». Является первым лауреатом Государственной премии Республики Хакасия им. Н. Ф. Катанова.

Умер 9 февраля 1996 г. в г. Абакане.

Философ Гавриил Гаврилович Котожеков в должности директора института работал с 1996 по 1998 г.

Родился 23 июня 1942 г. в аале Хызыл-Салда Алтайского района Хакасской автономной области. Окончил факультет журналистики МГУ им. М. В. Ломоносова в 1968 г.

Доктор философских наук, в 1980 г. защитил кандидатскую диссертацию по теме «Интернациональное и национальное в социалистической, художественной культуре народов Южной Сибири», в 1991 г. – докторскую диссертацию по теме «Философско-социологический анализ национальной культуры» в Академии общественных наук (г. Москва).

С 1968 по 1977 г. работал режиссером студии, главным режиссером, главным редактором вещания на хакасском языке на Абаканской студии телевидения в Хакасском областном комитете по радиовещанию и телевидению, с 1977 по 1996 г. – заместителем

редактора, главным редактором газеты «Ленин чолы». В 1993 г. был избран на должность профессора, заведующего кафедрой культурологии ХГУ им. Н. Ф. Катанова. Имеет свыше 30 научных публикаций, в том числе 7 монографий.

Гавриил Гаврилович Котожеков занимался изучением культур этносоциальных общностей коренных жителей Южной Сибири как целостных системных образований. В своих исследованиях он отстаивал и развивал идею самоценности культуры каждого народа. Основа исследований – определение генезиса и становления культур малочисленных народов Южной Сибири как философско-социального, исторического явления; оценка их современного состояния и прогнозирование перспектив развития этих культур в ближайшем будущем.

Снялся в нескольких художественных и телевизионных фильмах: «О чем молчала тайга», «Сердце друга» и др.

Являлся заслуженным деятелем науки Республики Хакасия, председателем Южно-Сибирского отделения Академии социальных наук.

Умер 9 марта 1998 г. в г. Абакане.

Валентина Николаевна Тугужекова в должности директора работает с 1998 г.

Родилась 10 ноября 1948 г. в с. Усть-Фыркал Ширинского района Хакасской автономной области.

Доктор исторических наук, в 1987 г. защитила кандидатскую диссертацию по теме «Комсомол – помощник партии в восстановлении и развитии народного хозяйства СССР в 1946–1950 гг. (на материалах Горно-Алтайской, Тувинской и Хакасской автономных областей)», в 1993 г. – докторскую диссертацию по теме «Социально-экономическое и культурное развитие автономий Южной Сибири в послевоенные годы (1945–1965)» в Российской академии управления.

В 1974–1984 гг. работала заведующей лекторской группой обкома ВЛКСМ, с 1984 г. и по настоящее время работает ассистентом, преподавателем, доцентом, профессором кафедры истории России АГПИ (ХГУ им. Н. Ф. Катанова).

В. Н. Тугужековой сформулированы и реализованы новые подходы в изучении этно-региональных моделей адаптации населения в условиях трансформирующего общества, роли миграции в формировании населения Южной Сибири, актуальных проблем российского востоковедения, методологии истории. В. Н. Тугужекова – руководитель и автор концептуализации ряда крупных проектов, связанных с изучением истории и культуры народов Саяно-Алтая и Центральной Азии: Международная научная конференция «Народы и культуры Южной Сибири и сопредельных территорий: история и современность» (РГНФ, 2014, 2016, 2017), «Древняя металлургия Минусинской котловины и сопредельных территорий» (РГНФ, 2015).

В. Н. Тугужековой опубликовано более 425 научных трудов, в том числе около 50 монографий по вопросам современного развития хакасского этноса, социально-политической истории национальных регионов Южной Сибири, развития гуманитарной науки, становления выборной системы в Республике Хакасия, адаптации народов Южной Сибири к природным, техногенным и социальным трансформациям. Она внесла большой вклад в изучение и популяризацию

культурно-исторического наследия Южно-сибирского региона.

В. Н. Тугужекова – главный редактор рецензируемого научного журнала «Научное обозрение Саяно-Алтая» (с 2011 г.), ежегодного сборника научных статей «Актуальные проблемы истории и культуры Саяно-Алтая» (с 1998 г.). Основатель научной школы «Актуальные проблемы истории и культуры Южной Сибири». Под ее руководством защищены 1 докторская (2017) и 24 кандидатских диссертаций.

В. Н. Тугужекова ведет большую научно-организационную работу: в настоящее время является экспертом научно-технической сферы Министерства образования и науки РФ, Российской академии наук.

Награждена почетным званием «Заслуженный деятель науки Республики Хакасия» (1999), медалью ордена «За заслуги перед Отечеством» II степени (2011), Медалью Н. Ф. Катанова (2013), почетным знаком Избирательной комиссии Республики Хакасия «За заслуги в организации выборов» (2013), Государственной премией Республики Хакасии им. Н. Ф. Катанова (2016).

А. С. Чочиева,

*Хакасский научно-исследовательский институт
языка, литературы и истории (Россия)*

ФОРМИРОВАНИЕ РУКОПИСНОГО ФОНДА ХАКНИИЯЛИ

В данной статье предпринята попытка рассмотрения роли рукописного фонда Хакасского научно-исследовательского института языка, литературы и истории в сохранении исторической памяти хакасского народа. Изучение культуры и истории народа неразрывно связано с научными изысканиями. В рукописном фонде находятся различные материалы, собранные

во время фольклорных, диалектологических, этнографических, археологических и искусствоведческих экспедиций научными сотрудниками института. Кроме экспедиционных материалов, имеются и научные работы, а также переписка.

Ключевые слова: Хакасия, рукописный фонд, экспедиция, история, фольклор, этнография, переписка, сохранение, издание.

*A.S. Chochieva,
Khakass Research Institute of Language,
Literature and History (Russia)*

THE FORMATION OF THE MANUSCRIPT FUND OF KHSRILLH

This article attempts to consider the role of the Manuscript Fund of the Khakass Research Institute of Language, Literature and History in preserving the historical memory of the Khakass people. The study of culture and history of the people is inseparably associated with scientific researches. The Manuscript Fund contains various materials collected during folklore, dialectological,

ethnographic, archaeological, and art expeditions by researchers of the Institute. Along with expeditionary materials, there are also scientific works and correspondence.

Key words: Khakassia, manuscript fund, expedition, history, folklore, ethnography, correspondence, preservation, publication.

После образования Хакасского научно-исследовательского института языка, литературы и истории (ХакНИИЯЛИ) в 1944 г., наряду с комплектованием научной библиотеки, стал формироваться рукописный фонд. Он представляет совокупность документов, образующихся в результате деятельности института, имеющих научное, социально-культурное и историческое значения. «Комплектование архивов не существует изолированно и, решая свои задачи, тесно взаимодействует со многими науками и научными дисциплинами, решая одну из приоритетных задач развития архивной деятельности в рамках масштабного вопроса изучения и сохранения историко-культурного наследия Республики Хакасия: использование архивных документов как объективного источника реконструкции исторической действительности, и в этой связи актуальным является анализ репрезентативности использования документального наследия Хакасии» [Райс, 2012, с. 191–204].

Неоценимый вклад при формировании рукописного фонда института внесли различные архивные фонды. Тематически их можно классифицировать следующим образом – диалектологические, лингвистические, фольклорные, этнографические, археологические, искусствоведческие и литературоведческие. Целью нашей статьи является краткий обзор архивных фондов, хранящихся в рукописном фонде ХакНИИЯЛИ.

Первые материалы фонда были представлены архивом А.А. Ярилова, содержащим материалы по экономике, землепользованию, быту и культуре хакасов; диссертацией первого хакасского ученого, тюрколога, доктора сравнительного языкознания, востоковеда Николая Федоровича Катанова «Опыт исследования урянхайского языка, с указанием главнейших родственных отношений его к другим языкам тюркского корня» (1903); работой В.В. Радлова

«Опыт словаря тюркских наречий» (1905); словарями: «Словарные материалы по хакасским диалектам. XVII в.», «Словарь койбальского языка, собранный Г. Спасским» и др.

В 1945 г. была организована первая экспедиция, которая собирала материал исключительно по языку и фольклору. Был собран уникальный материал – героические сказания, сказки, легенды, предания, пословицы, поговорки, загадки, записи живой речи диалектов хакасского языка. В последующие годы в экспедициях принимали участие этнографы, историки, языковеды и фольклористы. За прошедшие годы экспедиции внесли значительный вклад в пополнение рукописного фонда института. На основе этих материалов написаны труды, находящиеся в активном научном обороте.

Во время диалектологических экспедиций сектор языка работал над сбором материала и изучением фонетики, морфологии и лексики диалектов и говоров хакасского языка. На основе этих материалов изучались диалекты, прорабатывались отдельные вопросы современного хакасского языкознания.

В фольклорных экспедициях приняли участие фольклористы, литературоведы, композиторы. Они искали знатоков фольклора, записывали материалы и отыскивали их варианты. К письменным отчетам прилагались и фотографии участников экспедиций. Кроме записей во время экспедиций, институт способствовал и проведению слетов сказителей и певцов Хакасии. Со всех уголков Хакасии на слет съезжалось множество любителей устного народного творчества, хранителей и исполнителей героических сказаний, песен, тахпахов. В фонде, кроме рукописного варианта, находятся и компакт-диски, переписанные с магнитных лент. Звуковой архив – это уникальный материал, позволяющий услышать манеру повествования известных ска-

зителей и певцов. Долгое время руководителем экспедиции была В.Е. Майногашева. «С первых дней работы она активно занималась сбором фольклорного материала, много ездила по селам Хакасии, совмещая собирательскую работу с активной исследовательской научной деятельностью. Выходят ее труды, посвященные хайджи и бытованию алыптыг нымахов, где она, опираясь на свои наблюдения во время записи фольклорных материалов, говорит о роли их в жизни народа» [Майногашева, 1971, с. 197–204].

Заслуживают внимания и фонды А.А. Кенеля. «Он – первый классик хакасской музыки, внес значительный вклад в ее развитие и пропаганду в России и за рубежом. Возглавив ряд экспедиций, записал свыше тысячи образцов хакасского музыкального фольклора» [Гигушвили, 2007, с. 272], которые хранятся в рукописном фонде института. Как отмечают исследователи, его архив представляет ценность как для развития, так и для изучения истории музыкальной культуры и искусства хакасов. На сегодняшний день возросло число музыкантов и фольклористов, интересующихся архивом композитора. В последнее время фонд пополнился материалами современных хакасских композиторов А.И. Токмашова и П.М. Боргоякова.

В последующие годы в экспедициях, кроме языковедов и фольклористов, приняли участие историки, археологи и этнографы. Материальная культура и быт хакасов своеобразны, богаты историческими традициями. В рукописном фонде хакасская этнография представлена трудами и отчетами о поездках, по итогам которых были собраны материалы о происхождении, культуре, быте, роде занятий и мировоззрении хакасского народа. Они дополнены множеством интересных зарисовок и фотографий.

С.П. Ултургашев отмечал, что «этнографическое изучение хакасов составляет одно из важных направлений в научной деятельности института. Материальная культура и быт хакасов своеобразны, богаты историческими традициями» [Ултургашев, 1970, с. 12–13]. В рукописном фонде хакасская этнография представлена богатым архивом К.М. Патачакова. Он принимал участие в работе археолого-этнографических экспедиций ХакНИИЯЛИ и музея краеведения, собрал значительное количество архивных и этнографических материалов по истории Хакасии, которые пополнили фонды института и музея. Оформлял этнографический отдел музея.

В личном архиве К.М. Патачакова собран материал о происхождении, культуре, быте,

роде занятий хакасского народа. Например, работы «Некоторые сведения о художественном ремесле хакасов» и «Резьба по дереву хакасов» еще дополнены интересными зарисовками и фотографиями. Они имеют большое научное, социальное и культурное значение и являются наследием нашего региона. Написаны научные работы, касающиеся истории и этнографии хакасов, в том числе монографии «Культура и быт хакасов в свете исторических связей с русским народом (XVIII–XIX вв.)» (1958) и «Очерки материальной культуры хакасов» (1982) и др. – это труды, которые по сей день не утратили интереса со стороны исследователей.

На территории Хакасско-Минусинской котловины работали такие известнейшие археологи, как Л.Р. Кызласов, С.В. Киселев, В.П. Левашева, Э.Б. Вадецкая и другие.

В рукописном фонде Хакасского научно-исследовательского института языка, литературы и истории хранятся отчеты археологических экспедиций, составленные Л.Р. Кызласовым. Леонид Романович Кызласов – один из крупнейших российских востоковедов, знаменитый российский археолог и историк, доктор исторических наук, профессор кафедры археологии исторического факультета Московского университета им. М.В. Ломоносова [Тугужекова, 2000, 2007].

«В 1950 г. была создана Хакасско-Тувинская археологическая экспедиция МГУ, которую Леонид Романович Кызласов возглавлял вплоть до 1991 г. Экспедиция, исследовавшая в течение 40 лет стационарно или разведками разновременные памятники от культовых изваяний конца эпохи неолита до могил XV–XVII вв. на территории Тувы, Хакасии, Красноярского края, Казахстана, Киргизии, Прибайкалья и Приморья, постепенно стала основной базой для подготовки кафедрой специалистов по археологии Сибири» [Памяти Леонида Романовича Кызласова].

В рукописном фонде института находится 3 отчета о работе хакасской археологической экспедиции за 1951, 1958 и 1959 гг.

Археологические экспедиции изучали средневековые и более ранние памятники древней металлургии. В рукописном фонде института имеется личный архив Я.И. Сунчугашева. Личный архивный фонд – это «архивный фонд, состоящий из документов, образовавшихся в процессе жизни и деятельности отдельного лица, семьи, рода» [Словарь, 1982, с. 23]. Документы личного происхождения являются одним из важнейших и интереснейших источников,

имеющих историческую, научную и культурную ценность. «Под руководством Я. И. Сунчугашева были проведены обширные полевые работы, изучены сотни памятников древнего горнорудного дела и металлообработки, создана их классификация, изучена техника добычи различных руд, исследовались памятники орошаемого земледелия, древние наскальные изображения» [Есин, 2006, с. 5–10]. Из фонда археолога выделены следующие документы: научные статьи, например, «О некоторых терминах родства в памятниках древнеегипетской письменности», «Результаты биолокации в изучении средневековых памятников металлургии» и др., ряд документов, касающихся геологии Хакасии, отчеты археологических экспедиций, организованных ХакНИИЯЛИ за продолжительный период времени (1966–1977), материалы к биографии, большая переписка, отзывы на научные работы, изобразительные материалы.

Археологические экспедиции изучали средневековые и более ранние памятники, памятники древней металлургии и др. В фонде института хранятся отчеты и фотографии о раскопках различных памятников, один из которых Большой Салбыкский курган.

В искусствоведческую экспедицию входили искусствоведы и художники. Экспедиция занималась изучением состояния прикладного искусства, зарисовкой и фотографированием образцов орнамента, учетом мастериц, разъяснением ценности предметов прикладного искусства. Их зарисовки оказывают большую помощь тем, кто занимается и интересуется декоративным искусством хакасского народа.

Литературный архив – это «собрание документов и материалов, имеющих отношение к истории литературы (рукописей литературных произведений, записных книжек и дневников писателей, мемуаров, переписки, документов биографического характера и т. д.)» [Белашкин]. Архивные документы являются одним из важнейших и интереснейших источников, имеющих историческую ценность. Корпус литературоведения представлен архивами классиков хакасской литературы (П. Т. Штыгашев, Н. Г. Доможаков, А. М. Топанов и др.) и архивами молодого поколения (И. П. Топоев, О. П. Шульбаев, К. Чарков и др.). Ценность документов, входящих в фонд литературоведения, обусловлена культурным и научным значениями. Литературный архив, находящийся в рукописном фонде, представлен всеми литературными жанрами – проза, поэзия и драматургия. Как отмечают исследователи, «возрастает интерес драматургии к проблемам

нравственности, духовности и внутреннего мира человека. Это явление закономерное: драматурги осознавали необходимость широкого социального осмысления нравственной проблематики, воплощения характера современного героя в реальных связях с живым общественно-историческим опытом и ходом времени» [История, с. 191–222].

Помимо экспедиционных материалов, в рукописном фонде есть и научные работы, личные архивы и переписка. В фонде имеется весьма интересная переписка Н. Ф. Катанова с Г. Н. Потаниным, А. А. Яриловым и др. На основе этого материала и архивов Санкт-Петербургского филиала Архива РАН, Российского архива литературы и искусства Москвы, Национального архива Республики Татарстан и Минусинского регионального краеведческого музея им. Н. М. Мартыанова в 2012 и 2016 гг. вышел сборник «Эпистолярное наследие Н. Ф. Катанова». Переписка профессора Николая Федоровича Катанова с Г. Н. Потаниным, А. А. Яриловым, В. В. Радловым, Э. К. Пекарским, В. Р. Розеном, К. Г. Залеманом, С. Ф. Ольденбургом, А. В. Васильевым и Н. М. Мартыановым – образец научного общения ученых. Письма великого тюрколога являются для современного читателя выражением его личности и рассказом о его научной жизни. В письмах содержатся сведения о ходе создания и публикации его научных трудов. В его эпистолярном наследии содержатся замыслы и переживания, успехи и надежды.

Ученые сосредоточены на научных проблемах. Они стремятся быть в курсе всех событий в научной области и делятся друг с другом впечатлениями и научными изысканиями [Эпистолярное].

С 2006 г. институт издает серию «Рукописное наследие ХакНИИЯЛИ». Назовем только некоторые из них: «Библиография неизданных героических сказаний на хакасском языке»; Этнографические экспедиции Н. Ф. Катанова (1896) и С. Д. Майнагашева (1913–1914) в Хакасии / Сост. В. Н. Тугужекова, А. С. Чочиева. Абакан, 2007. 59 с.; Сагояков Н. Н. Хакасские мифы / Отв. редактор В. Н. Тугужекова, отв. секретарь А. С. Чочиева. Абакан: Хакасское книжное изд-во, 2010. 134 с.; Ученые записки. Вып. 25. Серия «История. Этнография» / Отв. ред. В. Н. Тугужекова, отв. секр. А. С. Чочиева. Абакан, 2015; Катанов Н. Ф. «Татарский (хакасский) язык (сагайское наречие (диалект))». Часть I. Грамматика (Этимология и синтаксис). Красноярск, 1882. 130 с. и др.

Таким образом, информационные ресурсы рукописного фонда практически неисчерпаемы и постоянно пополняются. За годы существования института в рукописном фонде собран уникальный материал, являющийся его гордостью, по сей день не утративший научного интереса.

Архивные фонды позволяют дополнить и в какой-то мере восполнить недостающую информацию о творческих людях. Рукописный фонд пополняется и современными экспедиционными материалами, организованными сотрудниками ХакНИИЯЛИ.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Белашкин, А.* // http://krugosvet.ru/enc/kultura_i_obrazovanie/literatura/ARHIVI_LITERATURNIE.html (дата обращения: 11.07.2019).
2. *Гигуаивили, Т.С.* Кенель Александр Александрович // *Энциклопедия Республики Хакасия: в 2 т. / Гл. ред. В.А. Кузьмин. – Красноярск, 2007. – Т. 1: А–Н. – С. 272.*
3. *Есин, Ю.Н.* Биография Я.И. Сунчугашева // *Сунчугашев Яков Иванович. Биобиблиографический справочник. Авторы-составители: Ю.Н. Есин, Н.П. Намсараева, В.В. Тараканов. – Абакан, 2006. – С. 5–10.*
4. *История хакасской литературы. – Абакан, 2011. – С. 191–222.*
5. *Памяти Леонида Романовича Кызласова // Вестник Московского университета. Серия 8: История. 2008. – № 1. – С. 108 – 113.*
6. *Майногашева, В.Е.* О работе фольклорной экспедиции Хакасского НИИЯЛИ в 1969 г. // *Ученые записки. Вып. 16. – Абакан, 1971. – С. 197–204.*
7. *Райс, В.М.* Документальное наследие Хакасии: комплектование и репрезентативность использования // *Материалы I межрегиональной научно-практической конференции «Архивные документы в системе объективного научного знания об истории Сибири», приуроченной к 85-летию со дня образования Архивной службы Республики Хакасия. – Абакан, 2012. – с. 191–204.*
8. *Словарь современной архивной терминологии социалистических стран. Вып. 1. – М., 1982. – С. 23.*
9. *Тугужекова, В.Н.* Кызласов Леонид Романович // *Энциклопедия Республики Хакасия: в 2 т. / Гл. ред. В.А. Кузьмин. – Красноярск, 2007. – Т. 1: А–Н. – С. 335; Тугужекова, В.Н.* Леониду Романовичу Кызласову – 75 лет // *Хакасия: история и современность. – Новосибирск, 2000. – С. 145. (Учен. зап. Хакас. науч.-исслед. ин-та языка, литературы и истории. Вып. XXI).*
10. *Ултургаишев, С.П.* Научный центр Хакасской автономной области // *Ученые записки. Вып. 15. – Абакан, 1970. – С. 12–13.*
11. *Эпистолярное наследие Н.Ф. Катанова (к 155-летию со дня рождения) / Сост. Р.М. Валеев, В.Н. Тугужекова, А.С. Чочиева, В.В. Ермилова, Рязцева А.М. – 2-е изд., доп. – Абакан, 2016. – 84 с.*

С.А. Чебодаева,

Хакасский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории (Россия)

НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА ХАКАССКОГО НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОГО ИНСТИТУТА ЯЗЫКА, ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОРИИ

Статья посвящена истории формирования библиотечного фонда ХакНИИЯЛИ. Большое внимание уделяется его современному состоянию. Дана характеристика содержания отдельных тематических фондов: фонда редких книг, справочного фонда и др. Автор показывает

работу библиотеки по подготовке библиографических указателей.

Ключевые слова: библиотека, взаимный обмен, пополнение фонда, редкие книги, труды ученых.

S. A. Chebodaeva,

Khakass Scientific Research Institute of Language, Literature and History (Russia)

SCIENTIFIC LIBRARY OF KHAKASS SCIENTIFIC RESEARCH INSTITUTE OF LANGUAGE, LITERATURE AND HISTORY

The article is devoted to the history of the formation of the library fund of KhSRILLH. Much attention is paid to its current state. The characteristic of the content for the separate thematic funds is given, such as: fund of rare books, fund of references and

other. The author shows the work of the library on the preparation of biobibliographic indexes.

Key words: library, mutual exchange, replenishment of the fund, rare books, works of scientists.

Научная библиотека была создана в 1944 г. как структурное подразделение Хакасского научно-исследовательского института языка, литературы и истории. Первым ее заведующим 15 января 1945 г. по приказу директора был принят Виктор Федорович Доможаков [Жаукенова, 2001, с. 83]. Работа библиотеки началась с интенсивного комплектования библиотечного фонда. На приобретение книг ежегодно институт выделял до 20 тыс. руб. [Тугужекова, 2018, с. 48]. Первые книги поступили из личных библиотек научных сотрудников института – Николая Георгиевича Доможакова, Фазыл Гариповича Исхакова, Олега Викторовича Яворского и др. Исследователь Сибири, профессор Арсений Арсениевич Ярилов подарил библиотеке свои труды и другие книги по Хакасии [Устинова, 1951, с. 151]. Еще одним источником пополнения библиотечного фонда был взаимный обмен изданиями с другими научно-исследовательскими институтами, такими как Бурят-Монгольский, Горно-Алтайский, Калмыцкий, Тувинский, Карачаево-Черкесский, Чувашский, Якутский и др. Благодаря такому обмену в библиотеке хранятся ученые записки, сборники статей этих институтов. Кроме того, библиотечный фонд существенно пополнялся книгами, привезенными научными сотрудниками института с научных конференций.

За годы существования библиотеки был создан уникальный фонд по истории, археологии, этнографии, филологии, фольклору Хакасии, Алтая, Тувы, Бурятии, Якутии и других регионов. В настоящее время библиотечный фонд насчитывает около 20 600 тыс. изданий. Ежегодно книжный фонд пополняется на 200–250 книг. Имеются книги с дарственными надписями, штампами и печатями. Основным источником поступления книг являются дары научных сотрудников. Так, с 2014 по 2018 г. сотрудниками института подарены библиотеке 654 экземпляров книг из поступивших 1120. Больше всех за этот период пополнила фонд директор института В.Н. Тугужекова – 288 книг. Кроме сотрудников института, книги библиотеке дарят известные российские и зарубежные ученые, приезжающие на конференции и другие мероприятия Хакасского научно-исследовательского института языка, литературы и истории, – В.М. Кимеев, В.П. Кривоногов, Ф.Г. Хисамитдинова, Р.Н. Валеев, К. Матсумото и др.

В фонде значительное место занимают работы по всемирной истории, истории зарубежных стран и истории России. Этот фонд

насчитывает около 3000 книг. Хорошо представлена в фонде также литература по языковедению, языкам мира, в особенности по тюркским языкам – около 2500 книг. Большую ценность в этом фонде составляют словари тюркских языков 1930–1940 гг. Для исследователей-фольклористов представляет большой интерес раздел фольклора народов России. Отдельно выделены алтайский, башкирский, бурятский, казахский, калмыцкий, карельский, киргизский, осетинский, тувинский, хакасский, шорский и якутский фольклор.

Справочно-библиографический аппарат библиотеки представлен в виде традиционных каталогов и служебного электронного. В 2017 г. составлен договор с ХГУ им. Н.Ф. Катанова о сотрудничестве в области совместной каталогизации по наполнению локального электронного каталога. Объем электронного каталога на июль 2019 г. составил 5850 библиографических записей.

Предмет гордости любой библиотеки – это фонд редких книг. Отбор книг в отдельный фонд начался в 2015 г. Всего в фонд отобрано более 800 книг. Фонд редких книг включает отечественные и зарубежные издания XVIII–XIX вв. и издания XX в. до 1945 г. Из них наиболее ценными являются редкие национально-краеведческие издания. Это первые учебники на хакасском языке 1930–1940 гг., в том числе и на латинице, прижизненные издания Н.Ф. Катанова, литература по истории и этнографии Хакасии. Имеются работы А.В. Адрианова, Н.Н. Козьмина, И. Кузнецова-Красноярского, Е.К. Яковлева, А.А. Ярилова и др.

Кроме национально-краеведческих изданий, фонд редких книг включает более 10 книг, изданных до 1830 г.; более 200 книг, изданных до 1917 г., по истории, филологии, искусству, религии и другим направлениям; более 200 прижизненных изданий писателей и общественных деятелей, таких как Л.Н. Толстой, В.Я. Брюсов, А.А. Бестужев-Марлинский, Д.С. Мережковский, Ф.М. Достоевский, В.А. Жуковский, А.Н. Майков, Ф.К. Сологуб, А.П. Чехов и др. Так, в фонде хранится 3 том «Сочинений» русского историка, писателя, литератора и издателя Николая Михайловича Карамзина, который включает «Письма русского путешественника». Книга издана в 1814 г. в типографии С. Селивановского.

Самой старинной из книг является книга «История путешествия по России, Сибири и Великой Тартарии, с ландкартой и гравюрами, поясняющими географию и древности,

составлена и собрана Филиппом Иоганном фон Страленбергом, подполковником шведской службы. Лейпциг, у Готфрида Кизеветтера, книготорговца в Стокгольме», изданная в Лейпциге в 1730 г. на немецком языке. Из старинных книг на русском языке можно отметить книгу И. Фишера «Сибирская история с самого открытия Сибири до завоевания сей земли российским оружием...», изданную в Санкт-Петербурге в 1774 г. Эти работы представляют собой интересные исторические источники, несущие много ценных сведений для историков о Сибири начала XVIII в.

Справочный фонд библиотеки представляют словари, энциклопедии, библиографические указатели. Самые старинные и ценные из них – это полное собрание первого издания Энциклопедического словаря Брокгауза и Ефрона, Новый энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона, также одна из крупнейших дореволюционных русских универсальных энциклопедий – Энциклопедический словарь Гранат.

При отсутствии необходимых изданий в библиотечном фонде для сотрудников института библиотека использует систему МБА или электронной доставки документов из других библиотек. По МБА и ЭДД библиотека активно сотрудничает с Национальной библиотекой им. Н.Г. Доможакова, а также с Научной библиотекой ХГУ им. Н.Ф. Катанова и библиотекой Хакасского национального краеведческого музея им. Л.Р. Кызласова.

Научная библиотека на протяжении многих лет ведет научно-библиографическую работу и периодически издает свои труды, библиографические указатели. С 1976 г. издан 21 библиографический справочник к юбилейным датам сотрудников института, 4 выпуска био-

библиографических указателей трудов ученых ХакНИИЯЛИ. Первым трудом библиотеки является составленная Н. А. Танзыбаевой библиография «Библиографический указатель трудов Хакасского научно-исследовательского института языка, литературы и истории (1944–1974)», изданная в 1976 г. к 30-летию юбилею института. Большую библиографическую работу вела заведующая библиотекой Н.П. Намсараева, которая является составителем следующих хронологически продолжающихся библиографических указателей: «Труды ученых Хакасского НИИЯЛИ. 1974–2004 гг.» (2004), «Труды ученых Хакасского научно-исследовательского института языка, литературы и истории. 2004–2009 гг.» (2011) и «Труды ученых Хакасского научно-исследовательского института языка, литературы и истории. 2010–2015 гг.» (2016). Начиная с 2005 г. Н.П. Намсараева составила 13 библиографических справочников, посвященных юбилейным датам Д.Ф. Патачаковой, В.Е. Майногашевой, М.И. Боргоякова, Я.И. Сунчугашева, О.В. Субраковой, А.К. Стоянова, М.А. Унгвицкой, В.Н. Тугужековой, А.Л. Кошелевой, которые пользуются большим спросом у читателей.

В 2007 г. научная библиотека и рукописный фонд выиграли общероссийский конкурс РГНФ по проекту «Создание регионального информационного центра» на материально-техническое оснащение библиотеки и рукописного фонда на сумму 200 тыс. руб.

В настоящее время основными читателями библиотеки являются научные сотрудники института, а также студенты, магистранты, аспиранты, работники культуры и искусства, образования. Фонды научной библиотеки оказывают неоценимую помощь исследователям в их научной работе.

ЛИТЕРАТУРА

1. Жаукенова, О.М. Из истории библиотеки Хакасского НИИЯЛИ // 55 лет Хакасскому научно-исследовательскому институту языка, литературы и истории: материалы регион. науч. конф. 18–20 нояб. 1999 г. – Абакан: Стрежень, 2001. – С. 83–84.
2. Тугужекова, В.Н. Формирование рукописного фонда ХакНИИЯЛИ: опыт и практика взаимодействия с образовательными, общественными организациями и учреждениями культуры // Архивные документы в системе объективного научного знания. Мат-лы III межрег. научно-практ. конф. – Абакан: Бригантина, 2018. – С. 47–52.
3. Устинова, А.Ф. Библиотека Хакасского научно-исследовательского института // Записки ХакНИИЯЛИ. – Абакан, 1951. – Вып. 2. – С. 151–153.

*И. Д. Дорошкевич,
Хакасский научно-исследовательский институт
языка, литературы и истории (Россия)*

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ОТДЕЛА ПО МЕЖДУНАРОДНЫМ И МЕЖРЕГИОНАЛЬНЫМ СВЯЗЯМ ХАКНИИЯЛИ В ПЕРИОД С 2010 ПО 2019 Г.

В данной статье освещается деятельность отдела по международным и межрегиональным связям ХакНИИЯЛИ за 10 лет. В статье описаны история создания отдела, цели и перспективы международной деятельности института. Также подведены итоги по ключевым направлениям научно-исследовательской работы в рамках международного отдела. Кроме этого, в данной статье представлены количественные и содер-

жательные показатели по проектам сотрудничества ХакНИИЯЛИ на международном уровне с момента открытия отдела по настоящее время. Уделено внимание организационному и исполнительному аспектам деятельности отдела.

Ключевые слова: ХакНИИЯЛИ, международный отдел, наука, исследования, история, международное сотрудничество.

*I. D. Doroshkevich,
Khakass Scientific Research Institute
of Language, Literature and History (Russia)*

THE ACTIVITIES OF THE DEPARTMENT OF INTERNATIONAL AND REGIONAL AFFAIRS OF KHSRILLH FOR THE PERIOD FROM 2010 TO 2019 YEARS

The article highlights the activities of the Department of international and regional affairs of KhSRILLH for 10 years. The article describes the history of the Department, aims and prospects of the international activity of the institute. The results for the key directions of scientific and research work in the framework of the international department are given too. In addition to this, the quantity and content indicators on the cooperation projects of

KhSRILLH on international level since the opening the department till present time are represented in this article. Significant attention is paid to the organizational and implementing aspects of the department's activity.

Key words: KhSRILLH, international department, science, research, history, international cooperation.

Развитие науки является неотъемлемой частью прогресса человечества и цивилизованного общества во всем мире. В настоящее время эпоха продвинутых технологий и удобства коммуникации и сообщения создала ученым важнейшие условия для сотрудничества и ведения международных исследований совместно с коллегами и сотрудниками учреждений различных стран и регионов. Стал возможным не только обмен информацией и научными материалами в режиме реального времени, но также и проведение научно-исследовательской деятельности непосредственно на территории партнеров и их организаций. ХакНИИЯЛИ обладает значительным объемом ключевых материалов по различным темам фундаментальных исследований, в изучении которых заинтересовано множество исследователей зарубежом. С другой стороны, потребности развития самого ХакНИИЯЛИ обозначили необходимость включения института в международную деятельность, которая в пер-

спективе станет прочным мостом для научно-исследовательского, исторического, культурного, экономического, социального взаимодействия и кооперации.

С целью развития научно-исследовательской деятельности в Хакасии на базе расположенного в городе Абакане Хакасского научно-исследовательского института языка, литературы и истории в 2010 г. был учрежден отдел по международным связям. Начальником данного отдела был назначен Борис Устинович Амзараков. В настоящее время отдел носит название – отдел по международным и межрегиональным связям.

Под руководством международного отдела в институте была начала работа по развитию международного научного сотрудничества. Благодаря работе международного отдела у ученых и исследователей из ХакНИИЯЛИ и Хакасии появилась возможность установить и упрочить связи с зарубежными учеными. Было развернуто сотрудничество с зарубежными

учреждениями, организациями, институтами мирового уровня сразу по нескольким направлениям – археологии, филологии, истории, фольклору, тюркским языкам и др.

Благодаря активной научно-исследовательской деятельности института на международной арене ученым удалось не только определить более четко свои позиции и положения по ключевым вопросам научного сотрудничества, но также высказать свои планы, предложения, взгляды на развитие и перспективы научных исследований, а также провести фундаментальные совместные международные исследования, результатами которых явились находки, открытия и исследовательские результаты, имеющие научную и практическую значимость как для самих ученых, так и для всех заинтересованных в продвижении науки лиц.

Опорой в осуществлении работы международного отдела явились обширные знания, богатый опыт, всесторонняя эрудиция и отличное понимание специфики и условий существования и развития науки в Хакасии сотрудниками ХакНИИЯЛИ и зарубежными коллегами.

Уже с первых лет работы международного отдела институту удалось установить международное сотрудничество с рядом важнейших зарубежных научно-исследовательских учреждений по ключевым научным направлениям исследований, что создало условия и заложило фундамент для значительного продвижения в реализации международных совместных научных исследований как на территории Хакасии, так и на территории партнеров за рубежом.

Были определены перспективы и области возможного сотрудничества, очерчен круг наиболее значимых и важных вопросов для дальнейшей совместной работы, предложен большой перечень конкретных форм взаимного сотрудничества.

Основываясь на принципах взаимопонимания, уважения, лояльности, доброжелательности и взаимовыгоды для участвующих в сотрудничестве сторон, удалось воплотить международные проекты, которые стали основой для развития, углубления научно-исследовательской кооперации, а также расширения перечня научных направлений и определения большего числа смежных областей в работе как на уровне отдела, так и на уровне научных институтов.

Плодотворная и усердная работа на базе международного отдела под чутким руководством начальника отдела Б. У. Амзаракова нашла понимание и отклик у зарубежных партнеров и

реализовалась в многочисленных формах международного сотрудничества.

За время работы международного отдела в ХакНИИЯЛИ было подписано 32 договора, соглашения, меморандума о научном сотрудничестве, взаимопонимании и развитии взаимного сотрудничества с Японией, Францией, Монако, Турцией, Англией, Индией, Китаем, Тайванем, Монголией, Германией, Казахстаном, Киргизией, Южной Кореей – более 10 стран.

За 10 лет сотрудничества постоянными партнерами института стали: Центр исследований древних культур железа Университета Эхиме (Япония), Музей доисторической антропологии Княжества Монако (Монако), Высшая школа языка и культуры Университета г. Осака (Япония), Институт археологии Халлимского университета (Южная Корея), Музей г. Улаангом (Монголия), Культурный фонд гималайских исследований (Индия), а также другие организации и страны.

Было разработано несколько десятков проектов договоров о сотрудничестве с разными странами на русском, английском, французском и китайском языках в двустороннем и многостороннем форматах.

Было организовано около 30 официальных переговоров с делегациями международных научно-исследовательских организаций, содержанием которых являлось развитие сотрудничества, организация и проведение исследований, создание и реализация проектов совместной публикации сборников статей на русском, английском, турецком и китайском языках, проведение научных стажировок, создание международных археологических, филологических исследовательских экспедиций, организация и проведение международных конференций, выставок, приуроченных к юбилейным датам и посвященных результатам научных исследований, проведение семинаров, создание групп фольклористов для проведения соответствующих исследований, обсуждение мест и условий совместных археологических раскопок, публикация материалов международных конференций.

За время работы в ХакНИИЯЛИ отдела по международным и межрегиональным связям на базе и с участием института, а также по приглашению зарубежных коллег было реализовано 6 проектов академического обмена учеными, в том числе для чтения лекций, участия в международных конференциях, проведения переговоров, проведения семинаров, повышения квалификации сотрудников.

Было отправлено и получено большое количество приглашений для участия в международных конференциях, переговорах, проведения совместных исследований, участия в экспедициях, выставках, чтения лекций и т. д.

Под началом и с участием руководителей и сотрудников ХакНИИЯЛИ в рамках действующих договоров, соглашений и договоренностей на территории Хакасии, а также за рубежом ученым института совместно с партнерами удалось реализовать 29 международных научно-исследовательских проектов мирового значения. Для реализации проектов международного сотрудничества были созданы: хакасско-японская археологическая, монголо-хакасско-монакская археологические экспедиции, хакасско-монакская культурно-историческая экспедиция, японско-хакасская филологическая экспедиция, где экспедициями проводились исследования древней металлургии, памятников рунической письменности, диалектов хакасского языка, петроглифы. География исследований в рамках данных проектов располагалась на территории Хакасии, Тувы, Монголии, Японии, Китая, Франции и других стран и регионов.

Данные проекты исследований проводились с привлечением финансовых вложений как со стороны института, так и со стороны зарубежных партнеров.

Все результаты данных международных научно-исследовательских проектов опубликованы в материалах соответствующих печатных изданий на территории РФ и за рубежом на нескольких иностранных языках.

За 10 лет работы международного отдела в числе зарубежных публикаций с участием ХакНИИЯЛИ изданы: турецкий сборник «Современные тюркологические исследования» от 2014 г., индийские сборники, посвященные Хакасии, Н.Н. Рериху, Н.Ф. Катанову и И.М. Штыгашеву, от 2009, 2011, 2013 и 2018 гг. издания соответственно.

Начиная с 2009 г. ХакНИИЯЛИ проведено 5 международных научных конференций, посвященных народам и культурам Южной Сибири, Саяно-Алтая и сопредельных территорий, а также древней металлургии Саяно-Алтая и Восточной Азии. Сотрудники ХакНИИЯЛИ приняли участие в 7 международных конференциях в Казахстане, Монголии, Японии, Киргизии, Польше, Турции.

Была выпущена специальная статья «О развитии научно-образовательных связей Хакасии и Увснурского аймака Монголии», которая на монгольском языке размещена на официальном

сайте правительства Увснурского аймака и в региональной газете «Увсын-онго».

Также были разработаны и подготовлены программы с международным участием Института археологии Татарстана и специальная программа «Перевод и переводоведение» для ХГУ им. Н.Ф. Катанова.

Сотрудники ХакНИИЯЛИ приняли участие в организации и проведении 3 крупных научных тематических выставок в Монако (Франция) в 2013, 2014, 2015 гг., организованных Музеем доисторической антропологии Княжества Монако на территории Княжества Монако и основанных на материалах и результатах работы международных монако-хакасско-монгольских экспедиций.

В 2012 и 2014 гг. на базе ХакНИИЯЛИ с участием отдела были организованы презентации стипендиальных программ Германской службы академических обменов (DAAD) для молодых ученых и Американского университета Центральной Азии (Бишкек, Киргизия) соответственно.

Отделом и сотрудниками ХакНИИЯЛИ было организовано и принято участие в 10 встречах с зарубежными стажерами, художниками, сотрудниками музеев, директорами институтов, губернаторами, делегациями и представителями зарубежных учреждений и институтов.

В период с 2010 г. отделом было организовано 8 стажировок для ученых и исследователей из Турции, Узбекистана, Японии, Казахстана, в том числе для своих сотрудников.

Отдел на протяжении 10 лет выполнял функцию мультиязыкового обеспечения всех форм международной деятельности. Сотрудники отдела выполняли переводы научных статей сотрудников института для публикаций в российских и зарубежных изданиях и статей зарубежных ученых по заявкам секторов института, переводили на английский язык и размещали на интернет-сайте информацию об институте, переводили и отправляли зарубежным партнерам информационные письма и приглашения, осуществляли синхронный перевод во время встреч, переговоров, переводили письменно и устно тексты выступлений на конференциях, осуществляли перевод докладов и аннотаций к статьям.

В рамках организационной деятельности отдела выполнялись функции: подготовки для зарубежных исследователей информации о предстоящих и планируемых в институте международных событиях, мероприятиях, оформления для иностранных партнеров визовых приглаше-

ний, осуществления переписки, бронировали гостиницы, осуществляли кураторство зарубежных участников, направляли предложения о сотрудничестве, искали информацию о грантах, конкурсах, стипендиях, подготавливали информацию о существующих зарубежных фондах и учреждениях для российских ученых, обеспечивали приезд и отъезд зарубежных гостей, организовывали деловые переговоры, разрабатывали программы пребывания иностранцев в Хакасии, контролировали пребывание иностранных ученых в Хакасии.

В отношении всей деятельности отдела был обеспечен международный формат и междуна-

родные стандарты и требования. На регулярной основе поддерживалась переписка по электронной почте с зарубежными учеными и исследователями, на постоянной основе проводились срочные и плановые онлайн-конференции, что в целом позволяло партнерам быть всегда в курсе происходящих событий и осуществлять необходимый обмен информацией для реализации целей сотрудничества. Благодаря грамотной организации деятельности международного отдела среди ученых и исследователей создалась атмосфера доверия и взаимопомощи, благодаря чему все обязательства и условия договоров и соглашений своевременно выполнялись.

И. Н. Трошкина,

*Хакасский научно-исследовательский институт языка,
литературы и истории (Россия)*

ДИНАМИКА КАДРОВОГО СОСТАВА СЕКТОРА ЭКОНОМИКИ И СОЦИОЛОГИИ ХАКНИИЯЛИ

Становление научных региональных подразделений обусловлено потребностью социума в исследовании различного рода процессов. Сектор экономики и социологии ХакНИИЯЛИ был образован в 1970 г. изначально как сектор социологии с целью изучения адаптации населения к новым условиям жизни, в условиях становления Саянского ТПК. За 50-летний период

в нем проработало более 20 сотрудников, было подготовлено 2 доктора наук. Этапы динамики сотрудников сектора совпадали с периодами развития экономики в регионе, стране.

Ключевые слова: сектор экономики и социологии, ХакНИИЯЛИ, кадровая динамика сотрудников.

I. N. Troshkina,

*Khakass scientific research institute of language,
literature and history (Russia)*

DYNAMICS OF PERSONNEL STRUCTURE OF DEPARTMENT ECONOMICS AND SOCIOLOGY SECTOR OF KHSRILLH

The formation of scientific regional divisions is connected with the needs of society in the study of various kinds of processes. The department of economics and sociology of KHSRILLH was formed in 1970 at first as a sector of sociology for study the adaptation of the population to new living conditions in the environment of the formation of the Sayan TPK. For over 50-years period, more than 20

employees worked there, 2 doctors of science were trained. Stages dynamics of the sector's employees coincided with the periods of economic development in the region and country.

Key words: department of Economics and Sociology, KHSRILLH, dynamics of personnel employees.

Основными факторами становления подразделения социологии ХакНИИЯЛИ в 1970-е гг. стала институционализация социологии как науки в РФ, формирование научного совета по проблемам конкретных социальных исследований и структур в академических институтах, занимающихся организацией и проведением социологических исследований: Институт эко-

номики, Институт этнографии, Институт государства и права. При первом институте была создана лаборатория социально-экономических и демографических проблем, при втором – сектор конкретных исследований культуры и быта народов СССР, при третьем – лаборатория социально-правовых исследований.

Становление Саянского территориально-производственного комплекса, одного из крупных промышленных районов Восточной Сибири, приходящееся на начало 1970-х гг., являлось дополнительным фактором создания научного отдела (сектора) по изучению основ территории внутри региона с позиции науки. Интерес представляли ресурсы территории, возможности, проблемы, перспективы развития Саянского ТПК. Формирование комплекса предполагало интенсивный рост доли городского населения и пригородных территорий, в том числе и за счет коренного этноса в условиях низкого уровня жизни горожан, необеспеченности жильем, что приводило к текучести кадров предприятий за пределы области. Это обстоятельство обусловило необходимость изучения адаптации населения к новым реалиям жизни, выявления проблем и выработки необходимых решений. Для исследования данных и иных проблем был образован сектор социологии.

На сегодняшний день можно выделить четыре этапа в развитии сектора, укладывающиеся в полувековой период. За это время несколько раз менялось его название, происходила ротация сотрудников и руководителей отдела. Изменение социально-политической ситуации в стране, регионе определяло приоритетность и востребованность научных исследований сотрудников. Первоначально сектор сложился на базе социологической основы (1970–1974), в дальнейшем – экономической (1974–1990), в последующем – социально-экономической и экономико-социальной (1990–2010).

I ЭТАП (1970–1974) был сопряжен с проблемой формирования кадров сектора в условиях неподготовленности научного потенциала региона по социологическому направлению.

Изначально отдел именовался сектором социологии (с 1970 г.). Возник он на основании приказа №37-1/13 ХакНИИЯЛИ и распоряжения Хакасского облисполкома от 25.05.1970 г., в момент создания числилось 3 штатные единицы (зав. сектором и ст. н. с., ст. лаб.). Состав научных работников включал специалистов-практиков с экономическим образованием.

Заведующий сектором с момента организации подразделения института являлся В. Л. Бобровник (1970–1982). Сотрудниками сектора числились ст. н. с. В. Н. Белошапкина (1970–1976), ст. н. с. Г. И. Сидорова (1970), по совместительству ст. н. с. С. М. Карева (1971), ст. лаб. З. А. Чебодаева (1970), ст. лаб. В. Г. Вавилов (1971).

Виктор Львович Бобровник (1970–1982) был назначен первым заведующим сектором, бес-

В. Л. Бобровник

В. Н. Белошапкина

сменным руководителем двух этапов развития подразделения института (до сер. 1980-х гг.). Являясь практиком-руководителем с большим стажем, общественником, он добился больших результатов в деле популяризации экономических знаний, занимался разработкой актуальных вопросов экономического направления. Основными темами его исследований являлись «Совершенствование методики составления плана социального развития и практическое использование ее на предприятиях области» (1972), «Особенности формирования структуры промышленности в районах нового освоения» (1974–1978), «Организация управления формированием территориально-производственных комплексов (на примере Саянского ТПК)» (1981–1982). В своих работах В. Л. Бобровник отмечает необходимость комплексного подхода к освоению новых территорий и на примере Саянского комплекса обращает внимание на основные недостатки в процессе формирования ТПК.

Старшим научным сотрудником сектора в этот период работала Валентина Николаевна Белошапкина (1970–1976). Она занималась блоком социальных проблем, основным объектом ее исследований становится коренной этнос, иные темы также были в фокусе ее внимания – это миграция населения, структура занятости женщин и пр. Ею разрабатывалась тема НИР «Социальная адаптация хакасов к нетрадиционным занятиям в процессе формирования социального однородного общества» (адаптация сельского хакасского населения к условиям города) (1971–1975).

Данный этап становления сектора заложил основы для последующих тем исследований, был определен ракурс кадрового потенциала последующего этапа.

II ЭТАП (1974–1990) развития сектора был обусловлен реализацией основных промышленных проектов в Хакасии, ослаблением позиции социологической науки в академических институтах. Этот период характеризуется расширением кадрового состава с экономическим профилем. Состав сотрудников существенно изменяется за это время, «волна кадрового замещения» приходится на 1980-е гг.

Постановлением Государственного комитета по науке и технике при Совете Министров СССР от 13.02.1974 г. №63 и письма Министерства Просвещения РСФСР от 06.03.1974 г. №33 / 1-13 П был образован сектор экономики для проведения экономических исследований в соответствии с заданием Государственного комитета по науке и технике Совета Министров СССР.

Сектор социологии был упразднен, штатные единицы переведены в сектор истории (В.Н. Белашапкина). Был создан сектор экономики со следующей структурой: зав. сектором, 3 единицы ст.н.с., 2 единицы ст. лаборанта. Полномочия заведующего сектором перешли к В. Л. Бобровнику.

Кадровый состав представлял собой в этот период экономистов-практиков, специалистов, ориентированных на защиты кандидатских, докторских диссертаций.

Сотрудниками сектора являлись: ст.н.с. А.Г. Дорина (1974–1988), ст.н.с. В.З. Жульмина (1974–1980), ст.н.с. В.Т. Малыхин (1974–1976), мл. н. с. В.А. Кышпанаков (1976–1980), ст. лаб. Р.Х. Сергеева, ст. лаб. С.А. Шулудченко.

Одним из сотрудников с продолжительным стажем являлась Алевтина Григорьевна Дорина (1974–1988), работала в должности ст.н.с. Она вела несколько тем НИР: «Развитие промышленности нерудных строительных материалов и повышение эффективности капитального строительства» (1974–1977), «Проблемы организа-

ции промышленного строительства в Хакасии» (1976–1982), «Развитие промышленности строительных материалов в Хакасии (1983–1985)», «Качество строительно-монтажных работ – фактор повышения эффективности капитальных вложений (по материалам Хакасской автономной области)» (1986).

Социальный блок исследований вела Валентина Захаровна Жульмина (1974–1980), работала мл.н.с., в последующем – ст.н.с. Темами НИР являлись «Развитие социальной инфраструктуры Хакасии в связи с формированием Саянского территориально-производственного комплекса» (1974–1979), «Проблемы формирования социальной структуры Саяногорского промышленного узла» (1980).

По проблематике трудовых ресурсов работал Виталий Тимофеевич Малыхин (1974–1976), ст.н.с. Темой его научной работы являлась «Проблема использования трудовых ресурсов Хакасии в связи с формированием Саянского территориально-производственного комплекса».

Иной ракурс проблемы трудовых ресурсов региона был выбран Владимиром Алексеевичем Кышпанаковым (1976–1980), работал в должностях от мл. н. с. до ст.н.с. Исследовал утвержденную тему «Проблемы формирования трудовых ресурсов в народном хозяйстве Хакасии» (1976–1980).

В 1980-е гг. состав сектора был существенно изменен, отмечается повышение доли остепененных сотрудников. Руководителями сектора являлись: В.К. Шулбаев (1982–1984), П.П. Бурнаков (1984–1986), В.А. Кышпанаков (1986–1987), Г.М. Шапошников (1989–1992). Они же и составляли костяк сотрудников данного подразделения ХакНИЯЛИ.

Из старого состава 1970-х гг. продолжал научную деятельность Владимир Алексеевич Кышпанаков (1976–1980, 1984–1987), к.э.н. Работал в должностях от мл.н.с. до ст.н.с.

А.Г. Дорина

В.З. Жульмина

В.Т. Малыхин

В.А. Кышпанаков

В. К. Шульбаев

Г. М. Шапошников

П. П. Бурнаков

Темой его исследования являлось «Повышение эффективности использования трудовых ресурсов Хакасии» (1985–1990).

В этот период появляются молодые подготовленные экономисты различной специализации.

Валерий Константинович Шульбаев (1982–1992), к. э. н. Работал от ст. н. с. до ученого секретаря ХакНИИЯЛИ. Темами его научных работ стали «Развитие производственной структуры промышленных узлов Хакасской автономной области» (1982), «Проблемы формирования и развития промышленных узлов Хакасской автономной области» (1981–1985).

Петр Петрович Бурнаков (1982–1986), к. э. н. Работал от мл. н. с. до зам. директора ХакНИИЯЛИ. Темы научных проектов: «Современное состояние отраслей промышленности» (1982), «Агропромышленный комплекс Хакасской автономной области» (1983–1985), «Анализ современного состояния перерабатывающих отраслей промышленности Хакасии» (1986).

Георгий Михайлович Шапошников (1987–1992), от ст. н. с. до зав. сектором. Тема НИР «Совершенствование экономических взаимоотношений совхозов Хакасии с перерабатывающими отраслями АПК (мясной комплекс)» (1987–1992).

Данный этап становления сектора характеризуется усилением блока сотрудников экономического профиля с расширенной специализацией, увеличением доли молодых кадров и оспетевших сотрудников

III ЭТАП (1990–2010) характеризуется кардинальной сменой кадрового состава, связанного с ухудшением социально-экономического положения в стране и регионе. С 1990-х гг. сектор был значительно дополнен сотрудниками с учеными степенями как за счет своего кадрового потенциала, так и привлеченных сотрудников (г. Новосибирск). Отдел переименовался

из сектора социологии и экономики в сектор экономики и социологии. Заведующими сектора являлись: Г. М. Шапошников (1989–1992), Л. В. Анжиганова (1994–1998), В. К. Шульбаев (1999–2007). В секторе работали состоявшиеся ученые и молодые специалисты: П. П. Бурнаков (1997–2005), В. К. Шульбаев (1998–1999), В. М. Мамышев (1993–1995), Ю. В. Попков, В. Г. Костюк, Н. В. Тутаркова, ст. лаб. Л. К. Ачитаева (1993).

Владимир Алексеевич Кышпанакоев (1990–1993), к. э. н., ст. н. с. Тема НИР «Социальное и экономическое развитие хакасов» (1990–1993).

Валерий Матвеевич Мамышев (1993–1995), ст. н. с. Разрабатывал темы: «Семья в хакасском улусе» (1993), «Социально-экономические аспекты формирования фермерских хозяйств в Хакасии» (1994–1995).

Лариса Викторовна Анжиганова (1994–1998), к. ф. н. Работала от ст. н. с. до зав. сектором. Ею были разработаны темы НИР: «Эволюция мировоззрения этноса (на примере хакасского народа)» (1996–1998), «Состояние межнациональных отношений в Республике Хакасия» (1998).

Петр Петрович Бурнаков (1997–2005), к. э. н. Темы НИР: «Современное экономическое положение и уровень жизни населения в Республике Хакасия» (1998), «Кризис в реальном секторе экономики России и ее субъекте Хакасии: причины и пути выхода» (1999–2000).

Валерий Константинович Шульбаев (1982–1992, 1998–2007), к. э. н., ст. н. с. Темы НИР: «О направлениях развития важнейших отраслевых комплексов Республики Хакасии» (1998), «Социально-экономическое развитие Хакасии в условиях кризиса и переходного периода» (1999–2000), «Социально-экономическое развитие Хакасии в условиях экономического кризиса и переходного периода 1991–2000 гг.».

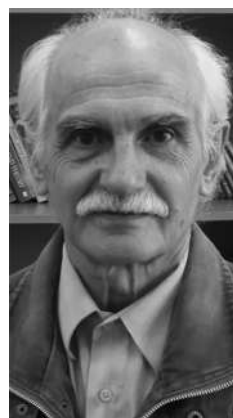
Л. В. Анжиганова

В. М. Мамышев

Ю. В. Попков

В. Г. Костюк

Н. В. Тугаркова

Георгий Михайлович Шапошников (1987–1992), к.э.н. Работал от ст.н.с. до зав. сектором. Тема НИР «Совершенствование экономических взаимоотношений совхозов Хакасии с перерабатывающими отраслями АПК (мясной комплекс)» (1987–1992).

Юрий Владимирович Попков (1999–2002), д.ф.н., ст.н.с. Тема НИР выполнялась совместно с В.Н. Тугужековой «Комплексные этносоциальные исследования проблем развития народов Хакасии» (1999–2002).

Всеволод Григорьевич Костюк (1999), ст.н.с. Тема НИР «Проблемы развития хакасского народа в условиях российских реформ» (1999–2000).

Наталья Валерьевна Тугаркова (1999–2000), мл.н.с. Работала над темой «Женщина в традиционном и современном обществе Хакасии».

Работа ученых в условиях системного кризиса в стране, изменение законодательной базы в отношении дистанционной работы специалистов привели к замещению кадров сектора (2000-е гг. – «новая кадровая волна»).

Сектором руководили: В.К. Шулбаев (1999–2007), Г.М. Шапошников (2007–2013). Сотрудниками сектора числились: Шапошников Г.М., В.К. Шулбаев, П.П. Бурнаков, З.В. Анайбан, А.С. Логачева, И.Н. Трошкина.

Валерий Константинович Шулбаев (с 2007 г. – по наст. время). Темы НИР: «Хакасия в 1990-е гг. проблемы социально-экономического развития» (2001–2003).

Георгий Михайлович Шапошников (с 2003 г. – по наст. время), ст.н.с., к.э.н. Работал над темами: «Аграрный комплекс Хакасии в условиях рыночных отношений» (2003–2006), «Организация управления агропромышленным комплексом РХ в условиях рынка» (2008–2011).

Петр Петрович Бурнаков (1997–2005). Тема НИР: «Доходы, потребление и качество жизни населения Хакасии» (2001–2005).

Зоя Васильевна Анайбан (2000–2007), д.и.н., проработала в должностях от ст.н.с. до гл.н.с. «Социальная стратификация и межэтнические установки основных этнических групп Тувы и Хакасии (сравнительный анализ)» (2000–2007).

Анна Сергеевна Логачева (2000–2010), к.ф.н., ст.н.с. Темы НИР: «Этническое самосознание (на примере хакасского этноса)» (2000–2006), «Научные кадры: социально-философский анализ» (2007–2010).

Ирина Николаевна Трошкина (с 2004 г. – по наст. время), мл.н.с. Тема НИР «Динамика института семьи: социально-философский аспект (на материалах Республики Хакасия)» (2004–2010).

IV ЭТАП (с 2010 г. – по сегодняшний день) приходится на более благоприятный период для учреждения, в том числе и сектора экономики и социологии, что связано с реализацией «дорожной карты России» (распоряжение Правительства РФ от 30.04.2014 г. № 722-р об утверждении плана мероприятий «дорожной карты», связанных с изменениями в отраслях социальной сферы, направленные на повышение эффективности образования и наук). В этот период кадровый состав претерпел изменения в сторону его расширения.

С 2010 г. заведующими сектора работали: Г.М. Шапошников (2007–2013), И.Н. Трошкина (с 2013 г. – по наст. время). Состав сотрудников сектора: Г.М. Шапошников, В.К. Шулбаев, И.Н. Трошкина, О.Ю. Зелеева, О.Л. Лушникова (Тохтобина), Е.В. Прищепа, И.Г. Смолина.

Георгий Михайлович Шапошников (с 2003 г. – по настоящее время), к.э.н., ст.н.с. Темы НИР: «Агропромышленный комплекс – основа устойчивого развития территорий Южной Сибири» (2012–2014), «Деятельность муниципальных образований по повышению эффективности сельскохозяйственного производства» (2015–2017), «Проблемы повышения трудовой актив-

З. В. Анайбан

А. С. Логачева

И. Н. Трошкина

ности сельского населения и рост производства сельскохозяйственной продукции» (2017–2019).

Ирина Николаевна Трошкина (с 2004 г. – по настоящее время), к.ф.н. Работала от ст.н.с. до зав. сектором. Темы НИР: «Семья титульных этносов Южной Сибири» (2010–2013), «Хакасская семья в начале XXI в. (социально-философский аспект)» (2014–2019).

Валерий Константинович Шулбаев (с 2007 г. – по настоящее время), к.э.н, ст.н.с. Темы НИР: «Размещение промышленности Хакасии» (2012–2014), «Перерабатывающая промышленность Хакасии» (2015–2017), «Инновации в развитии промышленности Хакасии» (2017–2019).

Ольга Юрьевна Зелеева (2013–2014), мл.н.с. Тема НИР «Малые и средние предприятия РХ на современном этапе» (2013–2014).

Ольга Леонидовна Лушникова (с 2010 г. – по наст. время), к.соц.н., ст.н.с. Темы НИР: «Родовые отношения в современном хакасском обществе: социологический анализ» (2010–2016), «Потенциал социального развития сельских территорий (на примере Республики Хакасия)» (с 2007 г. – по наст. время).

Евгений Валерьевич Прищепа (с 2015 г. – по наст. время), к.и.н., ст.н.с. Темы НИР: «Развитие малого и среднего предпринимательства в Республике Хакасия» (2016–2018), «Финансовая поддержка развития малого и среднего предпринимательства в Республике Хакасия» (2019–2021).

Ирина Геннадиевна Смолина (с 2018 г. – по наст. время), к.ю.н., ст.н.с. Тема НИР «Становление избирательной системы в Хакасии» (2019–2021).

За полувековой период своего развития сектор претерпел существенные кадровые изменения. Динамика кадров характеризуется незначительным расширением ставок от 2 единиц до 5, с пиком на IV этапе; интенсивная кадровая ротация приходится на III этап. Кадровый ресурс, сложившейся во II этапе развития сектора, является более стабильным, сотрудники продуктивно работают в последующие периоды. Всего в секторе трудилось более 20 сотрудников, было подготовлено 2 доктора наук. Сектор переименовывался 4 раза, что приводило к изменению состава сотрудников, что было обусловлено объективными факторами.

О. Ю. Зелеева

О. Л. Лушникова

Е. В. Прищепа

И. Г. Смолина

ДРЕВНЯЯ И СРЕДНЕВЕКОВАЯ ИСТОРИЯ САЯНО-АЛТАЯ И СОПРЕДЕЛЬНЫХ ТЕРРИТОРИЙ

Ли Инфу,

Институт истории и культуры, Сычуаньский университет (КНР)

ЖЕЛЕЗНЫЕ ИЗДЕЛИЯ РАННЕГО ПЕРИОДА В КИТАЕ И ИСТОКИ ВОЗНИКНОВЕНИЯ КИТАЙСКОЙ ТЕХНОЛОГИИ ВЫПЛАВКИ ЖЕЛЕЗА

В Китае примерно в XIV в. до н.э. появились изделия из метеоритного и сыродутного железа. Сыродутное железо раннего периода является кричным железом. В VII в. до н.э. появились изделия из литого железа, что ознаменовало собой формирование в Китае особого пути развития железоплавильной технологии. Примерно в V в. до н.э. в Китае постепенно совершенствуется технология выплавки литого железа. А на

рубеже нашей эры появилась плавильная печь с ежедневным объемом выплавки железа равным 1 тонне. Разновидности металлической утвари отличались богатством, а изделия из железа широко использовались в земледелии, инженерном строительстве, в военном деле, повседневной жизни и других областях.

Ключевые слова: Китай, изделия из метеоритного железа, выплавка железа в древности.

Li Yingfu,

Institute of history and culture, Sichuan University (China)

CHINA'S ANCIENT IRONWARE AND THE ORIGIN OF CHINESE IRON SMELTING TECHNOLOGY

At about the 14th century BC the ironware of meteoric iron and synthetic iron appears in China. Early period synthetic iron is the cast iron. The cast iron ironware appeared in 7th century marked the fact of formation of the unique metallurgical technology in China. During the 5th century BC the cast iron smelting technology is improving

gradually in China. After BC the iron furnace of daily production at 1 ton appears. Kinds of ironware are becoming richer. And iron products started being widely used in agriculture, engineering, military, daily life and other fields.

Key words: China, products of meteoric iron, ancient times iron smelting

Использование железных изделий в ранний период в Китае

История производства и использования изделий из железа в Китае в целом идентична древним цивилизациям других регионов мира. Она так же прошла путь от использования метеоритного железа до получения железа из руды. Археологические открытия продемонстрировали, что в Китае уже в период династий Шан 商 и Чжоу 周 люди обладали определенными познаниями в отношении свойств метеоритного железа и обрабатывали его при помощиковки. Из него изготавливали ритуальную утварь, наделявшуюся особым смыслом. Упоминания о метеоритном железе также неоднократно встречаются в китайских древних письменных источниках. Однако возраст этих записей намного позднее времени начала использования метеоритного железа. В летописи «Ши цзи» 史记 историка Сыма Цянь 司马迁 династии Западная Хань 西汉 уже присутствует запись: «В 17-й год

правления Циньсяньгун 秦献公 (368 г. до н.э.), время неожиданных даров выпало на месяцы с апреля по август». Под «дарами» 雨金 здесь подразумевается упавшее на землю со звездного неба метеоритное железо.

После ханьской эпохи в исторических документах также часто присутствуют записи о метеоритном железе, местами довольно более подробные. В первом сборнике «Всякая всячина из Юяна» 酉阳杂俎 танского автора Дуань Чэнши 段成式 в томе 10 《物异·毒槊条》 говорится: «В южных странах имеются ядовитые секиры 毒槊 без лезвий, внешне представляют собой ржавое железо 朽铁, отравившийся умирает без крови, речь словно рухнула с неба, проникая в землю больше чем на 1 чжан (3,33 метра), место жертвоприношений было от этого разломлено». Дуань Чэнши подробно записал историю происхождения, внешний вид, фактуру, место раскопок,

а также обряд жертвоприношения и т. д. перед извлечением «ядовитой» секиры 铎鞘.

В «Мань шу» 蛮书 («Письменное объявление войны в адрес южных районов») танского автора Фань Чо 樊绰 зафиксировано кованное из метеоритного железа оружие, применявшееся предводителем малых народностей. В «Мань Шу-Богатства Юньнань» 蛮书·云南管内物产 записано: «В прежние времена Юэ Сичжао 越析诏 подарили небесную секиру 铎鞘, в дальнейшем племя распалось, секира досталась Шэн Лопи, ныне правитель “черных варваров” выступает в поход, обеими руками держа эту секиру. В 10-й год Чжэньюань главнейший вождь Иньфу прибывает ко двору, в качестве дара преподносит эту секиру». Под небесной секирой «天降铎鞘» подразумевается кованное из метеоритного железа оружие.

Метеоритное железо падает со звездного неба на землю каждый год примерно 3000 раз, однако большей частью падает в море или пустыню, поэтому имеющегося в наличии у человечества метеоритного железа в количественном отношении совсем немного. На территории Китая самый большой осколок метеоритного железа – это «Железный метеорит Иньнюоу» 银牛沟陨铁, упавший в уезде Цинхэсянь 青河县 округа Алтай 阿勒泰地区 Синьцзян 新疆, который является третьим по величине в мире и составляет в длину 2,42 м, в ширину 1,85 м, в высоту 1,37 м, имеет вес около 30 т (см. рис. 1). Он уступает только железному метеориту Гоба весом примерно в 60 т, упавшему в африканской Намибии, и железному метеориту с мыса Йорк весом примерно 33 т, упавшему на острове Гренландия. Метеорит Иньнюоу является крайне значимым «вселенским экспонатом». В железном метеорите Иньнюоу содержание железа составляет 88,67%, содержание никеля – 9,27%, кроме этого, имеются также и другие микроэлементы.

Метеоритное железо – это самородное железо. В целях использования метеоритного железа человечество большей частью осуществляло его перековку для получения изделий необходимой формы. По этой причине между использованием метеоритного железа и открытием техники выплавки железа вряд ли существует обязательная связь. Однако технологияковки метеоритного железа и технология литого соединения метеоритного железа и меди, без сомнений, являются важным изобретением в развитии приемов обработки металлов последующими поколениями.

Температура плавления метеоритного железа сравнительно высокая. Способом обработки главным образом является горячаяковка. Обычно она применяется для изготовления сравнительно дорогостоящих небольших принадлежностей или для приваривания к определенным частям изделий, изготавливаемых из меди с железом. В Китае метеоритное железо в период династий Шан и Чжоу применялось главным образом для режущих частей оружия, имевшего лезвие. Всего в Китае до настоящего времени обнаружено 7 изделий из метеоритного железа, в том числе бронзовый топор с железным лезвием 铁刃铜钺, бронзовые клевцы с железной рукоятью 铁援铜戈, железный тесак с медным обухом 铜釜铁铤, железный нож с бронзовой рукоятью 铜柄铁削 и т. д. Все они представляют собой изделия из бронзы с метеоритным железом.

Со времени появления бронзовых топоров с железным лезвием и технологии соединения металлов в средний период династии Шан 商代中期, представленных находками в городке Тайси 台西 уезда Гаочэн 藁城 и на поселении Люцзяхэ 刘家河 района Пингу 平谷, можно увидеть, что люди уже обладали определенными знаниями в отношении метеоритного железа, а также получили необходимые представления о составе, свойствах, природных качествах, способах обработки и т. д. и смогли использовать его для изготовления важнейшей части оружия – его режущей части. Отсюда можно сделать вывод о том, что знания людей в отношении металлов уже достигли определенной высоты. Начиная со среднего периода династии Шан представления о метеоритном железе, его обработке и использовании постепенно совершенствуются. С позднего периода династии Шан 商代晚期 до периода династии Западная Чжоу 西周时期 технология изготовления режущей части оружия из метеоритного железа и изготовление обычного железного оружия более позднего времени, а также технология изготовления режущей части инструментов в своей основе являются аналогичными. Обнаружение и использование метеоритного железа, можно сказать, являются знаковыми вехами в процессе изучения металлов. Именно благодаря наличию знаний и практики использования металлов была заложена более прочная основа для изучения большего числа рудных полезных ископаемых, что предоставило ценный опыт и технологическое разнообразие для формирования и развития металлургии железа в Китае.

Истоки металлургии железа в Китае

В отношении истоков металлургии железа в мире по-прежнему существует две теории – происхождение из одного центра и полицентризм. На настоящее время пока недостаточно фактов, позволяющих трактовать этот вопрос однозначно, поэтому в гипотезах существуют расхождения. Первая теория предполагает, что техника выплавки металлов у человечества всегда берет начало в одном древнем центре, а уже затем распространяется по всему миру. Вторая теория предполагает, что в древнем мире существовало много центров выплавки железа, т.к. во всех местах, в которых имелось в наличии сырье, технические условия и общественный спрос, были предпосылки для возможного изобретения технологии выплавки железа.

Появление технологии выплавки железа в Китае знаменует собой важный поворот в динамических процессах в обществах Древнего Китая и восточной части Азии. На протяжении длительного времени данный вопрос находился под пристальным вниманием ученых. В 1920–1960-е гг. Чжан Бинлинь 章炳麟, Чжан Хунчжао 章鸿钊, Хуан Чжанюэ 黄展岳, Чжоу Цзюэ 周则岳, Ян Куань 杨宽 и другими учеными на основе записей из исторических источников и археологических находок была развернута широкая дискуссия по данному вопросу. В отношении времени возникновения технологии выплавки железа в Китае существуют различные мнения, которые относят это событие к династиям Шан 商代, Западная Чжоу 西周, период Весен и Осеней и Сражающихся царств 春秋战国 и др.

После 1990-х гг. вслед за возникновением и развитием археологического изучения древней металлургии в Китае внимание к истокам технологии выплавки железа в Китае стало более пристальным. Хань Жубинь 韩汝玢, Ван Вэй 王巍, Бай Юньсян 白云翔, Хуа Даоань 华道安, Donald B. Wagner и др., анализируя вопросы технологии выплавки железа, взаимодействия культур и распространения изделий из железа и соответствующих технологий в разных странах и у разных народов, а также соотношения изделий из железа и развития общества, выдвинули качественно новые идеи о времени, территориях, технологических особенностях металлургии железа раннего периода в Китае, а также о других особенностях.

Метеоритное железо раннего периода, обнаруженное в результате археологических исследований, – это реальные материалы, которые позволяют узнать и познакомиться со временем

использования изделий из железа в Китае. Однако между использованием метеоритного железа и появлением технологии выплавки железа, похоже, не существует прямой причинно-следственной связи. В Китае изделия из железа раннего периода, выплавленного из руды человеком, сосредотачиваются в районе Центральной равнины 中原地区 Китая и на территории Синьцзянского автономного района 新疆地区. Среди изделий главным образом присутствуют орудия производства, оружие и повседневные инструменты – всего три основных типа. С точки зрения ареала распространения и типов железных изделий между двумя вышеуказанными территориями существует определенная взаимосвязь. С точки зрения типологии изделий – территория Центральной равнины Китая представлена большей частью оружием. Среди инструментов представлены столярный обрабатывающий инструмент 木作加工工具, строительный сельскохозяйственный инструмент 土作农耕器具 и другой инструмент разнообразных форм, при этом почти нет украшений из железа. Также в районе Центральной равнины Китая найдено много биметаллических изделий, в первую очередь представленных сочетанием железа с медью, но также изредка – с золотом и нефритом. В отличие от Центральной равнины Китая типология изделий из железа в Синьцзянском автономном округе сравнительно сложная. Здесь встречаются железные мечи 铁剑, серпы 铁镰刀, шилья 锥, а также украшения (браслеты 镯, кольца 指环, серьги 耳环, пронизки 管状器 и др.), что особенно отличает Синьцзян от Центральной равнины. На основании типологии изделий из железа на этих двух территориях, а также на основании различий в особенностях типов украшений и инструментов некоторые ученые считают, что район Центральной равнины Китая является местом появления железных изделий раннего периода в Китае, а также предполагают, что территория, где производилась самая ранняя выплавка железа, располагается в районе Юйси 豫西, Цзиньнань 晋南 и Гуаньчжун 关中.

Обнаружение железных изделий XIV в. до н.э., изготовленных из сыродутного железа 人工铁器, относящихся к культуре Могоу Цицзя 磨沟齐家 уезда Линьтань 临潭 провинции Ганьсу 甘肃 [陈建立等:《甘肃临潭磨沟寺洼文化墓葬出土铁器与中国冶铁技术起源》,《文物》2012年第8期。] предоставило новую почву для дискуссий в отношении истоков, периодизации и территории распространения изделий из железа в Китае.

Несколько лет назад ученый из Японии Ясуюки Мураками нашел в Казахстане и на Алтае сыродутную печь XIV в. до н.э. Ее возраст практически тот же, что и возраст железных изделий, найденных в погребениях культуры Цицзя Могоу уезда Линьтань [愛媛大学東アジア古代鉄研究センター第八回国際シンポジウムの村上恭通氏より]. Среди относящихся к культуре Цицзя предметов находят огромное количество медной утвари. Ее разновидности и формы имеют тесную связь с культурами бронзового века степных районов севера Китая, между двумя этими районами существовал так называемый «Металлургический путь» культурного обмена и распространения металлургического опыта [杨建华等:《欧亚草原东部的金属之路》,上海古籍出版社,2016年3月第38页.林梅村:《欧亚草原文化与史前丝绸之路》,新疆昌吉回族自治州文物局编《丝绸之路天山廊道》,文物出版社,2014年.]. Примерно к XIV в. до н.э. «Металлургический путь» не только по-прежнему существовал, но и, возможно, стал более доступным. Сыродутное железо, найденное в погребениях культуры Цицзя Могоу уезда Линьтань, возможно, берет свое начало с территории Алтая и Средней Азии. Географически и ландшафтно Синьцзян и Средняя Азия отличаются слабо. Территория Синьцзяна уже с начала II тыс. до н.э. вступает в бронзовый век, с конца II тыс. до н.э. вступает в ранний этап железного века, а с середины I тыс. до н.э. вступает в развитый ранний железный век

[韩建业:《新疆的青铜时代和早期铁器时代文化》,文物出版社,2007年4月第122页.]. Проведенные анализы обнаруженного в ходе раскопок захоронения княжества Го 虢国 на Центральной равнине Китая железного меча с рукоятью из нефрита показали, что он был изготовлен из кричного железа 块炼铁. В отношении изделий из железа раннего периода из Кэцзюнькэтай 克穷科克台 уезда Нилки 尼勒 Синьцзянского автономного района 新疆 Исследовательским институтом истории металлургии Пекинского научно-технического университета 北京科技大学冶金史研究所 были проведены анализы, показавшие его состав: кричное железо 块炼铁 или цементированная сталь 渗碳钢 [刘学堂、阮秋荣:《尼勒克穷科克台地考古发掘发现早期铁器》,《中国文物报》2001年12月14日.]. Сами же изделия из железа раннего периода практически идентичны кричному железу, обнаруженному в Средней Азии и западной части Азии.

Между применением изделий из ковального железа и появлением технологии выплавки железа, возможно, существует разрыв во времени. Однако величина этого разрыва, должно быть, не слишком большая. Поэтому некоторые исследователи делают предположение, что не позднее чем в период династий Шан и Чжоу на северо-западе Китая, возможно, уже овладели технологией выплавки кричного железа [李映福:《广西平南«碗式»炼炉与我国«碗式»炼炉的起源》,《考古》2014年第6期.].

Формирование и развитие технологии выплавки железа в Китае

Найденные в ходе раскопок погребений культуры Цицзя Могоу уезда Линьтань провинции Ганьсу изделия из железа XIV в. до н.э. показали, что в истории Китая существовала эпоха кричного железа. В Европе до XIV в. постоянно ковали железные изделия с использованием кричного железа в качестве исходного сырья. Основные отличительные особенности кричного железа следующие: содержание углерода в продукте сравнительно низкое, в большинстве случаев это железо или низкоуглеродистая сталь; из-за относительной мягкости область его применения ограничена; поскольку получаемое в ходе выплавки железа вещество представляет собой твердую губчатую массу, то требуется придавать ему форму при помощи проковки; в кричном железе содержится очень много шлака и оксида железа, которые даже при многократной проковке удаляются с трудом.

В Китае не позднее среднего или позднего этапа периода Весен и Осеней технология сыро-

дутного получения кричного железа уже вышла из употребления, и был осуществлен переход в эпоху выплавки литого чугуна 生铁冶铸. Это важная граница в истории производства железа в Китае. Господин Ли Цзинхуа 李京华 сказал: «Путь сталелитейной технологии Древнего Востока, который представляет Китай, и путь сталелитейной технологии раннего периода на Западе со всей очевидностью относятся к двум разным технологическим системам и двум разным ремесленным системам, что также в конце концов отразило различия в технологических концепциях и художественном мышлении» [李京华:《从铁器鉴定论河南古代钢铁技术的发展》,《中原文物》1993年第4期.].

Чугун в зависимости от количественного содержания кремния подразделяется на 3 вида: белый чугун 白口铁, передельный чугун 麻口铁 и серый чугун 灰口铁. Скорость выплавки в технологии передельного чугуна очень высокая, качество железа высокое, что более удобно для

изготовления продукции в большом количестве. Это самые важные в истории Китая технология и продукт, которые способствовали развитию производительных сил и привели к социальным переменам. Хотя в Европе в период Древнего Рима среди обнаруженных материалов также присутствуют изделия из передельного чугуна, но его применение и продолжительность использования были совсем незначительными. Также эта технология никак не повлияла на социальные процессы в Европе. В Китае же древняя технология выплавки чугуна появилась раньше, чем в Европе, на 1800 лет, и это важнейшее событие в истории мировой металлургии. В настоящее время в Китае обнаружены самые ранние изделия из передельного чугуна – это железные болванки 残铁块 VIII в. до н.э. из погребения в деревне Тяньмацю 天马曲 провинции Шаньси 山西.

Технология выплавки чугуна, по сравнению с технологией выплавки кричного железа, обладает несравненным преимуществом, однако чугун более хрупкий, легко ломается, и примерно в период Весен и Осеней люди продвинулись дальше в овладении технологией получения железа – к получению стали 铸铁柔化 из передельного чугуна. Технология выплавки чугуна и технология получения из него стали заложили прочные основы и гарантии для повсеместного распространения изделий из железа, а также стали крайне важными причинами стремительного развития общественной экономики в поздний период эпохи Сражающихся царств 战国后期. Начиная примерно с позднего периода Весен и Осеней в Китае уже начала появляться сталеплавильная технология. Кричное железо, чугун, сталь – все относится к железо-углеродным сплавам. Основное различие между тремя этими видами заключается в количественном содержании углерода. Меньше всего углерода содержится в кричном железе, больше всего – в чугуне, промежуточной формой между этими двумя видами является сталь.

В Китае около VI в. до н.э., в поздний период Весен и Осеней, начинает появляться и использоваться сталь, изготовленная по технологии цементации 固体渗碳制钢技术. Продукцией, изготовленной с использованием данной технологии, является кричная цементированная сталь 块炼铁渗碳钢. Период Западной Хань является эпохой большого развития технологий в истории Китая. В эту эпоху, в частности, была изобретена технология получения стали из чугуна путем его обжига. Основным принцип заключается в том, что чугун нагревается до расплавленного

или почти расплавленного состояния, а затем повторно обжигается, чтобы снизить процентное соотношение углерода в сплаве и таким образом превратить его в сталь или железо. Суть технологииковки закаленной стали в период расцвета династии Восточная Хань 东汉时期 заключается в том, что для тонкого стального пласта после многократного нагревания и многократной послойнойковки при использовании особенностей высокого содержания углерода и низкой температуры плавления в чугуне, при смешивании двух видов исходного сырья – меди и железа применяется в качестве цементирующего реагента заранее сплавленный жидкий чугун. Путем естественного течения он подается в зазор на поверхности ковального железа, чтобы содержание углерода сварочного железа могло повыситься. В эпоху Сун 宋代 пластины из чугуна вставлялись в полоски из ковального железа, при помощи ила печь была загерметизирована для обжига и выплавки литой стали.

Обращая внимание на историю развития древней металлургии в Китае, можно увидеть два пика, которые она прошла в своем развитии. В период династий Шан и Чжоу, вслед за развитием технологии получения меди, существенно повышаются масштабы производства бронзы. В это время политика и экономика были относительно устойчивыми, а общественная стратификация в районах Центральной равнины была очевидной. Распространение форм церемониала позволило бронзовым изделиям занять важное место в жизни высших слоев, а роль бронзовых изделий в политической жизни, которые непрерывно наделялись важным духовным значением, стала существенным стимулом развития материальной культуры. Второй этап – это период династий Цинь 秦 и Хань 汉. В этот период политика, экономика, культура переживали состояние наивысшего расцвета, а технология выплавки железа являлась важной отраслью кустарного производства, которая получила стремительное развитие. Наличие института управляющих за железными рудниками 铁官 является доказательством, подтверждающим существование на государственных предприятиях производства изделий из железа. Появление технологии производства передельного чугуна и пудлингования 炒钢技术 способствовало увеличению числа государственных предприятий, производящих железные изделия. Небольшие частные мастерские ввиду незрелости технологий могли заниматься производством лишь в небольших масштабах, чем удовлетворяли спрос в железных изделиях части регионов.

Металлургическая промышленность оказала значительное влияние на социально-экономическое, культурное развитие и на общественные изменения в целом. Почти все крупные перемены в эволюции древнего общества Китая появляются вслед за распространением железных изделий. В период Сражающихся царств и династий Цинь и Хань производство железных изделий и развитие технологии выплавки металла поднялось на новую высоту. Со времени династий Цинь и Хань до династий Тан и Сун хотя и прошло несколько десятков лет, но в технологии выплавки металла еще не произошло значительных изменений и прорывов, а ремесленная технология в основном следовала уже существующей традиции. Несмотря на то, что в целях усовершенствования качества продукции производственный процесс выявил некоторые возможности для технических инноваций, в общем и целом никаких крупных изменений не произошло. В период династий Тан и Сун общественное положение было стабильным, политика, экономика, культура находились в расцвете. Хотя количественно оружие из железа относительно сократилось, но хозяйственный инвентарь из железа, а также инвентарь для сельскохозяйственного производства в количественном отношении увеличился, железные

изделия стали играть важную роль в повседневной жизни. После династии Сун вслед за упадком землевладельческой экономики и господства бюрократии технология выплавки железа и масштабы производства изделий из железа в основном были те же, что и в период династии Тан, не произведя качественного скачка. На политическом фоне дальнейшего укрепления абсолютизма развитие и использование ископаемых ресурсов, необходимых в металлургической промышленности, испытывают ограничения извне, начинает появляться социальная монополия, оказывая тем самым воздействие на разработку в крупных масштабах и ввод в эксплуатацию горнодобывающей промышленности в обществе. В этот период производство и обработка железных изделий главным образом удовлетворяли потребности сельскохозяйственного производства, а также повседневные потребности, отражая особенности многообразия видов и форм изделий. До середины периода династии Мин 明代中叶 и после начинает появляться частная горнодобывающая промышленность, а кустарное производство постепенно вплотную приближается к индустриализации, традиционное производство постепенно исчезает в промышленной волне периода Новой истории.

ЛИТЕРАТУРА

1. 陈建立等:《甘肃临潭磨沟寺洼文化墓葬出土铁器与中国冶铁技术起源》,《文物》2012年第8期。
2. 愛媛大学東アジア古代鉄研究センター第八回国際シンポジウムの村上恭通氏より。
3. А.杨建华等:《欧亚草原东部的金属之路》,上海古籍出版社,2016年3月第38页。
4. В.林梅村:《欧亚草原文化与史前丝绸之路》,新疆昌吉回族自治州文物局编《丝绸之路天山廊道》,文物出版社,2014年。
5. 韩建业:《新疆的青铜时代和早期铁器时代文化》,文物出版社,2007年4月第122页。
6. 刘学堂、阮秋荣:《尼勒克穷科克台地考古发掘发现早期铁器》,《中国文物报》2001年12月14日。
7. 李映福:《广西平南«碗式»炼炉与我国«碗式»炼炉的起源》,《考古》2014年第6期。
8. 李京华:《从铁器鉴定论河南古代钢铁技术的发展》,《中原文物》1993年第4期。

Рис. 1. Железный метеорит Инъюгоу 新疆银牛沟陨铁 [из Синьцзяна]

А. С. Савельева,

*Федеральный исследовательский центр угля
и углехимии Сибирского отделения
Российской академии наук (Россия)*

МЕДНО-БРОНЗОВЫЕ СПЛАВЫ ТАГАРСКОЙ КУЛЬТУРЫ: ХРОНОЛОГИЧЕСКИЕ И ТЕРРИТОРИАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ

В статье приводятся результаты изучения соотношений типов сплавов на медной основе на разных этапах и в разных районах тагарской культуры. Элементный состав бронз тагарской культуры северной лесостепи позволил проследить последовательность смен преобладающих рецептур бронз. По материалам памятников Минусинских котловин развитие металлургии бронзы имело сходный с лесостепной динами-

кой характер. Отличительной особенностью цветной металлургии данного района являлось более существенное значение для минусинских мастеров-металлургов свинцовых лигатур и многокомпонентных сплавов.

Ключевые слова: тагарская культура, северо-западный лесостепной район, Минусинские котловины, медно-бронзовые сплавы, элементный состав.

A. S. Savelyeva,

*Federal Research Institute of coal and carbon chemistry
of the Siberian branch of Russian Academy of Sciences (Russia)*

COOPER-BRONZE ALLOYS OF THE TAGAR CULTURE: CHRONOLOGICAL AND TERRITORIAL FEATURES

The results of study of copper based alloys types relations at different stages and in different areas of the Tagar culture are given. The elemental composition of Tagar bronzes from the northern forest-steppe lets trace the sequence predominant alloy type shifts. According to the Minusinsk materials the development of bronze metallurgy

in Minusinsk hollow had similar character. The distinctive feature of Minusinsk non-ferrous metallurgy was more significant of the lead impurities and multicomponent alloys.

Key words: Tagar culture, north-western forest-steppe area, Minusinsk basins, copper-bronze alloys, elemental composition.

Тагарские бронзы остаются одним из объектов обывательского и научного интереса. Знания о них сформированы результатами исследований по нескольким направлениям – типолого-морфологическому, семантическому, естественно-научному. В рамках последнего доказана эффективность методов изучения элементного состава. Получаемые с их помощью данные, рассмотренные в контексте хронологической и территориальной неоднородности памятников, позволяют делать выводы о металлургии северо-западной лесостепи [Мартынов, Богданова-Березовская, 1966; Савельева, Герман, 2015; Савельева, Герман, 2016; Савельева и др., 2016; Савельева, 2018] и о составе бронз из памятников Минусинских котловин [Миняев, Грязнов, 1979; Хаврин, 2000, 2001, 2007; Пшеницына, Хаврин, 2015; Хаврин, 2018]. Ниже изложены результаты сравнения типов бронзовых сплавов двух районов культуры. Всего учтены данные элементного состава более чем 800 медно-бронзовых изделий.

Соотношения типов сплавов в памятниках раннего этапа тагарской культуры неодинаковы – в одних преобладают медь и мышьяковистая бронза (Изыкчуль II, Косоголь II); в других – оловянистая бронза (Серебряково I, Березовский, Большепичугино, Ашпыл [Хаврин, 2018, с. 89]), что коррелирует с хронологически последовательными позициями двух групп памятников – подгорновской и биджинской.

Сравнение с металлом из памятников Минусинских котловин [данные учтены по: Хаврин, 2000, 2007] показало единичность оловянистых бронз (Федоров улус, Бейка, Луговое, Топаново, Косоголь II); незначительность вещей из оловянисто-мышьяковистой бронзы (Большая Ерба I, Луговое, Тигир Тайджен IV); преобладание мышьяковой меди (от 11% до 62% металла в памятниках, при отсутствии этого типа сплава в коллекциях Катюшкино и Большой Ербы I) и мышьяковистой бронзы (от 22% до 86% металла в памятниках, при отсутствии этого типа сплава в коллекции Федорова улуса) на всем

пространстве культуры в подгорновское время. По показателю доли сплавов с оловом намечены четыре группы памятников: 1) Изыкчуль II, Жемчужный I, Катюшкино, Хыстаглар (вещи из металла, легированного оловом, отсутствуют); 2) Тигир Тайджен IV, Луговое, Косоголь II, Бейка, Топаново (доля вещей из легированного оловом металла составляет от 6% до 15%); 3) Большая Ерба I (доля металла, легированного оловом, составляет 28%); 4) Федоров улус (доля металла, легированного оловом, – 38%).

Сравнение с металлом из минусинских памятников биджинского времени [данные учтены по: Хаврин, 2000] показало большее разнообразие типов бронзовых сплавов в минусинском металле. Лесостепные изделия, за единичными исключениями, полностью представлены оловянистой бронзой.

Соотношения сплавов в памятниках развитого этапа тагарской культуры в лесостепи (Утинка, Березовский, Некрасово II, Ашпыл [Хаврин, 2018, с. 89], Серебряково I) сходны по доле сплавов, легированных оловом (от 83% до 100%). Сравнение с металлом из могильника Катюшкино [Хаврин, 2000] показало, что материалы лесостепи отличаются меньшей долей медных вещей. Собственно оловянистые бронзы здесь составляют от 73% до 86% металла памятников, тогда как в степи этот показатель – 28%. В металле Катюшкино выше доля комплексных сплавов олова с мышьяком и свинцом. В целом же доля сплавов, легированных оловом, в металле Катюшкино также высока – 84%.

Металл заключительного этапа тагарской культуры из памятников лесостепи неодинаков: 1) Большой Берчикуль (79% металла изделий составляют медь и мышьяковистая бронза); 2) Серебряково I, Некрасово II (59% и 75% металла изделий составляют оловянистые сплавы), Ашпыл (91% составляют оловянистые бронзы [Хаврин, 2018, с. 89]). По поздне-сарагашенским (лепешкинским) материалам Минусинских котловин данных недостаточно [Хаврин, 2005, с. 96; Миняев, 1983, с. 76]. В нашем распоряжении были неопубликованные

результаты анализа находок из могильника Трошкино I (автор благодарен С. В. Хаврину за предоставленную возможность использовать эти данные). Коллекция Трошкино I отличается наличием сплавов с лигатурой свинца (52% изделий памятника), что выше единичных примеров из Серебряково I и Некрасово II.

По соотношению сплавов переходного тагаро-таштыкского периода в лесостепи намечаются две группы памятников: 1) Алчедат I (преобладают медные изделия); 2) Косогольский клад, Утинка, Шестаково I (преобладают изделия из мышьяковистой бронзы). Ко второй группе близко соотношение сплавов коллекции Тепсей VII [Миняев, Грязнов, 1979, с. 162]. В этих памятниках доли металла с лигатурой мышьяка составляют от 78% до 83%. Металл Алчедата I отличается преобладанием медных изделий (53%) и высоким показателем оловянистых бронз (34%). По доле сплавов, легированных оловом, намечаются три группы памятников: 1) Тепсей VII (11%), Косогольский клад (18%); 2) Утинка (33%); 3) Алчедат I (43%).

Сравнение типов сплавов из хронологически разнородных комплексов лесостепи показало следующую динамику. На раннем этапе (подгорновские комплексы) преобладали изделия из меди и мышьяковистой бронзы, в биджинских комплексах и на развитом этапе – оловянистые бронзы. На заключительном этапе при общей тенденции к снижению доли сплавов, легированных оловом, преобладали мышьяковая медь и мышьяковистая бронза или оловянистая бронза. В переходный тагаро-таштыкский период преобладающими являлись медь или мышьяковистая бронза.

Соотношения сплавов двух территориальных групп тагарских памятников схожи по характеру смен преобладающих рецептур на разных этапах культуры. Отличия лесостепных и минусинских бронз прослеживаются по более высоким показателям в последних сплавах, содержащих лигатуру свинца и комплексные присадки олова и мышьяка.

ЛИТЕРАТУРА

1. Вадецкая, Э. Б., Субботин, А. В., Красниенко, С. В. Ашпыл – некрополь древнего населения севера Минусинской котловины. – СПб., 2018. – 296 с.
2. Мартынов, А. И., Богданова-Березовская, И. В. Изделия из бронзы и бронзолитейное производство северо-западного района тагарской культуры // Из истории Западной Сибири. – 1966. – Вып. I. – С. 66–104.
3. Миняев, С. С. Производство бронзовых изделий у сюнну // Древние горняки и металлурги Сибири. – Барнаул, 1983. – С. 47–84.
4. Миняев, С. С., Грязнов, М. П. Спектральный анализ бронз из погребений у горы Тепсей // Комплекс археологических памятников у горы Тепсей на Енисее. – Новосибирск, 1979. – С. 162.

5. Пшеницына, М.Н., Хаврин, С.В. Исследование металла клада литейщика Ай-Дай (тесинская культура) // Материалы I Международной конференции «Древняя металлургия Саяно-Алтая и Восточной Азии: Минусинская котловина и сопредельные территории», посв. памяти д.и.н., проф. Я.И. Сунчугашева, Абакан, 23–27 сентября 2015 г. – Абакан, Эхимэ, 2015. – С. 70–74.
6. Савельева, А.С. Цветная металлургия тагарской культуры северо-западного лесостепного района (по данным элементного состава): автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Кемерово, 2018. – 33 с.
7. Савельева, А.С., Герман, П.В. Бронзы из курганного могильника тагарской культуры Некрасово II (по материалам раскопок 1970 г.) // Вестник Томского государственного университета. История. – 2015. – №6 (38). – С. 108–118.
8. Савельева, А.С., Герман, П.В. Сарагашенский комплекс бронз из могильника Серебряково I // Археология Южной Сибири. К 40-летию кафедры археологии КемГУ. – 2016. – Вып. 27. – С. 115–123.
9. Савельева, А.С., Герман, П.В., Боброва, Л.Ю. Бронзы кургана Алчедат I в контексте металлургии тесинского этапа тагарской культуры в Мариинской лесостепи // Вестник Кемеровского государственного университета. – 2016. – Вып. 1 (65). – С. 43–52.
10. Хаврин, С.В. Металлические изделия эпохи поздней бронзы – раннего железа из Аскизского района Хакасии // Древности Аскизского района Хакасии. – СПб., 2001. – С. 94–99.
11. Хаврин, С.В. Результаты рентгено-флюоресцентного анализа спектрального состава изделий из сплавов на основе меди могильника Ашпыл // Ашпыл – некрополь древнего населения севера Минусинской котловины. – СПб., 2018. – С. 89–90.
12. Хаврин, С.В. Спектральный анализ бронзовых изделий скифского времени Саяно-Алтая и проблемы хронологии тагарской культуры // Археология Южной Сибири: идеи, методы, открытия. – Красноярск, 2005. – С. 96–97.
13. Хаврин, С.В. Тагарские бронзы // Мировоззрение. Археология. Ритуал. Культура. – СПб., 2000. – С. 183–194.
14. Хаврин, С.В. Тагарские бронзы Ширинского района Хакасии // Сборник научных трудов в честь 60-летия А.В. Виноградова. – СПб.: Культ-Информ-Пресс, 2007. – С. 115–123.

*Л. С. Марсадолов,
Государственный Эрмитаж (Россия)*

ИССЛЕДОВАНИЯ Я.И. СУНЧУГАШЕВА В САЛБЫКСКОЙ ДОЛИНЕ

В статье рассматриваются основные объекты в Салбыкской долине, изученные в экспедиционных условиях Я.И. Сунчугашевым (1926–1996). В 1985 г. он исследовал каменоломню Хызыл-Хая и находящиеся там погрузочные эстакады. В начале 1990-х гг. Я.И. Сунчугашев совместно с Н.Н. Кузнецовым изучали каменные «ворота» и менгиры в Салбыке и в других районах Хакасии

с помощью новых геофизических и биолокационных методов. Я.И. Сунчугашев помог автору статьи в переводе хакасских топонимов на русский язык.

Ключевые слова: Хакасия, каменоломня, Врата, топонимика, Большой Салбыкский курган.

*L. S. Marsadolov,
The State Hermitage Museum (Russia)*

RESEARCHES YA. I. SUNCHUGASHEV IN SALBYK'S VALLEY

The article discusses the main objects in the Salbyk's valley, studied in the expeditionary conditions Ya.I. Sunchugashev (1926-1996). In 1985, he explored the Khyzyl-Khaya quarry and loading racks located there. In the early 1990-s, Ya.I. Sunchugashev together with N.N. Kuznetsov studied stone «gates» and menhirs in Salbyk and other areas

of Khakassia with the help of new geophysical and biolocation methods. Ya.I. Sunchugashev helped the author of the article in translating Khakassian toponyms into Russian.

Key words: Khakasia, quarry, Gates, toponymy, Great Salbyk barrow.

Автор познакомился с Яковом Ивановичем Сунчугашевым летом 1977 г. в городе Абакане, куда приехал в экспедицию, сопровождая известного сибирского археолога М.П. Грязнова. Мой научный руководитель Михаил Петрович

хотел создать цветной фотоальбом наиболее известных археологических памятников, запланировал и посетил ряд районов с наиболее монументальными наземными оградами курганов и каменными изваяниями древней Хакасии.

В тот год я, студент-археолог Ленинградского гос. университета, впервые всего за несколько часов детально осмотрел Большой Салбыкский курган, а также соседние объекты и составил их глазомерные планы. Этот памятник настолько поразил меня своими гигантскими размерами и огромными мегалитическими плитами, что я решил, что необходимо в будущем обязательно вернуться к его комплексному исследованию.

Только через 15 лет, в 1992 г., я вновь вернулся в Хакасию, в Салбыкскую долину, уже начальником Саяно-Алтайской археологической экспедиции Государственного Эрмитажа. Вместе со мной в экспедиционных работах участвовали астроном Пулковской обсерватории В.Л. Горшков, геолог А.М. Малолетко и геофизик Ф.Б. Бакшт. Мы обследовали Салбыкскую долину, а затем в полевых условиях, используя разные геологические, топографические и ландшафтные карты окрестностей Салбыка, я составил список топонимов в радиусе около 20 км вокруг Большого Салбыкского кургана. Семантикой топонимов меня заинтересовал ранее, в середине 1980-х гг., директор Бийского музея Б.Х. Кадиков, с которым мы вместе были в экспедиции на Алтае.

После окончания экспедиции 1992 г. я на несколько дней задержался в Абакане и в Хакасском научно-исследовательском институте языка, литературы и истории вновь повстречал Я.И. Сунчугашева. Он, тогда уже заслуженный хакасский ученый-археолог, директор института, с пониманием отнесся к моей просьбе перевести на русский язык многие хакасские топонимы, которые были выписаны из карт. Он терпеливо объяснял мне значение разных хакасских слов, иногда давая им свою интерпретацию, опираясь на свой богатый жизненный и научный опыт. Следует отметить, что, несмотря на то, что Яков Иванович был профессиональным археологом, он также ранее опубликовал ряд работ по лингвистике, в том числе и в таком престижном журнале, как «Советская тюркология» [Сунчугашев, 1976, 1982].

Только спустя 20 лет после той встречи мне удалось заинтересовать составленной ранее таблицей топонимов участника экспедиции томского ученого-геолога Алексея Михайловича Малолетко, которому я в 2011 г. переслал составленную мною ранее таблицу топонимов вокруг Большого Салбыкского кургана. А.М. Малолетко [2016] написал свою отдельную топонимическую статью, а я опубликовал свою статью по этим топонимам, используя их

сакральную интерпретацию [Марсаолов, 2014, 2016б].

Еще раз с Яковом Ивановичем Сунчугашевым мы встретились в Санкт-Петербурге в 1994 г., на международной конференции по применению методов естественных наук в археологии, где он делал доклад по салбыкским «воротам» и менгирам Хакасии совместно с абаканским геологом Н.Н. Кузнецовым [Сунчугашев, Кузнецов, 1994, 1995]. Они одними из первых провели научные геофизические работы на этом объекте. Так как я ранее тоже занимался изучением этого памятника, то мы решили написать совместную статью, но, к сожалению, из-за скоростной смерти Якова Ивановича в 1996 г. нам не удалось осуществить совместную публикацию. Абаканские ученые переслали мне свою часть готовых материалов по салбыкским «воротам», которую я дополнил новыми астроданными [Кузнецов, Марсаолов, Сигедина, 1996].

Позднее, неоднократно возвращаясь к этому объекту, я решил, что термин «ворота», который используют многие ученые, слишком упрощает его многогранную сакральную функцию, в том числе и астрономические аспекты. Поэтому я впервые предложил заменить старый термин «ворота» (с маленькой буквы) на новый – «Врата» (с большой буквы) [Марсаолов, 2010, с. 40; 2016а]. При редактировании моих статей мне иногда советовали использовать старый термин, как мог, я отказывался, и постепенно новый термин вошёл в научную и повседневную жизнь.

В процессе наших исследований в Салбыке в 1990-е гг. мне неоднократно говорили, что Я.И. Сунчугашев произвел геофизические работы на Большом Салбыкском кургане в связи с намечающимися там новыми раскопками совместно с немецкими археологами. В результате тех работ были обнаружены контуры новой ямы внутри каменной ограды кургана, но в полевом комитете в Москве им не дали разрешение на новые археологические раскопки. Сейчас трудно судить – правдивы ли эти рассказы или нет, но пока нет опубликованных материалов по этому вопросу.

При осмотре и изучении гигантских каменных плит Большого Салбыкского кургана всегда встает вопрос о том, где они могли быть взяты, т.е. где находилась древняя каменоломня. В ходе работ на этом кургане участники экспедиции С.В. Киселева в 1953 г. нашли древнюю каменоломню в 15 км к юго-западу от кургана в Хызыл-Хае (Красные камни). Среди архивных материалов С.В. Киселева не сохранилось сведе-

ний об их работах на этом объекте, кроме ряда фотографий.

Только спустя 30 лет, в 1985–1986 гг., археологическая экспедиция ХакНИИЯЛИ под руководством Я.И. Сунчугашева вновь осмотрела каменоломню и зафиксировала 5 погрузочных эстакад у подножия скалы. Около каждой эстакады были заложены небольшие раскопы глубиной до 0,8 м, но никаких находок не было обнаружено. Отчет об этих раскопках был послан из Абакана в Москву, но об этих исследованиях были напечатаны лишь небольшие заметки в местных газетах [Сунчугашев, 1985, 1986].

Еще через 30 лет, в 2016 г., краткий научный отчет Я.И. Сунчугашева о работах в Хызыл-Хае был опубликован в Абакане при содействии Л.С. Марсадолова и В.Н. Тугужековой в материалах об исследовании Большого Салбыкского кургана и окружающих его археологических памятниках [Сунчугашев, 2016]. К сожалению, отдельные рисунки эстакад из этого отчета Я.И. Сунчугашева тогда не были опубликованы, поэтому сейчас они сведены мною в один комбинированный рисунок (см. *рис. 1*).

В связи с тем, что в 1992 г. эрмитажная экспедиция исследовала еще ряд археологических памятников в Туве, мы тогда не успели добраться до каменоломни. По археологическим отчетам С.В. Киселева и Я.И. Сунчугашева было примерно известно месторасположение каменоломни Хызыл-Хая. При новом исследовании каменоломни нами в 1990-е гг. были заново прорисованы погрузочные эстакады, составлен план их местонахождения, найдены фрагменты керамики, сломанные орудия труда, зернотерки и жернова [Марсадолов, 2006, 2010, 2015].

В целом при работах в Салбыкской долине Я.И. Сунчугашевым были использованы не только археологические, но и новые геофизические и биолокационные методы полевых исследований.

Яков Иванович Сунчугашев оставил ученым и любителям древней истории большое научное наследие в виде многочисленных опубликованных и неопубликованных работ [Сунчугашев, 2006], а также изученных и открытых им археологических памятников, которые еще ждут своих заинтересованных исследователей для новых интересных обобщений.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кузнецов, Н.Н., Марсадолов, Л.С., Сигедина, Н.Г. Каменные «ворота» из Салбыка // Жречество и шаманизм в скифскую эпоху. Материалы международной конференции. – СПб., 1996. – С. 181–187.
2. Малолетко, А.М. Геоморфология и топонимия Салбыкской степи // Большой Салбыкский курган и археологические памятники в его окрестностях. Коллективная монография / Под общей редакцией Л.С. Марсадолова и В.Н. Тугужековой. – Абакан: ООО «Знак», 2016. – С. 27–34.
3. Марсадолов, Л.С. Астроориентация и окружение Салбыкских «Врат» // Большой Салбыкский курган и археологические памятники в его окрестностях. Коллективная монография / Под общей редакцией Л.С. Марсадолова и В.Н. Тугужековой. – Абакан, 2016а. – С. 150–152.
4. Марсадолов, Л.С. Большой Салбыкский курган в Хакасии. – Абакан: Хакасское книжное изд-во, 2010. – 128 с.
5. Марсадолов, Л.С. Древняя каменоломня в Хызыл-Хае // Отчет об исследовании Большого Салбыкского кургана и его окружения. Материалы Саяно-Алтайской археологической экспедиции Гос. Эрмитажа. – СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2015. – Вып. 6. – С. 41–42.
6. Марсадолов, Л.С. Древние каменоломни в Центральной Азии // Производственные центры: источники, «дороги», ареал распространения. Материалы тематической научной конференции. Санкт-Петербург, 18–21 декабря 2006 г. – СПб., 2006. – С. 179–185.
7. Марсадолов, Л.С. Топонимы вокруг Большого Салбыкского кургана // Народы и культуры Южной Сибири и сопредельных территорий. Материалы Международной научной конференции, посвященной 70-летию Хакасского научно-исследовательского института языка, литературы и истории (24–26 сентября 2014 г.). – Абакан: Хакасское книжное изд-во, 2014. – С. 165–170.
8. Марсадолов, Л.С. Топонимы вокруг Салбыкской долины // Большой Салбыкский курган и археологические памятники в его окрестностях. Коллективная монография / Под общей редакцией Л.С. Марсадолова и В.Н. Тугужековой. – Абакан, 2016б. – С. 35–40.
9. Сунчугашев Яков Иванович: Библиографический справочник (редактор Ю.Н. Есин). – Абакан: ХакНИИЯЛИ, 2006. – 61 с.
10. Сунчугашев, Я.И. Каменоломня тагарской культуры Хызыл-Хая // Большой Салбыкский курган и археологические памятники в его окрестностях. Коллективная монография / Под общей редакцией Л.С. Марсадолова и В.Н. Тугужековой. – Абакан, 2016. – С. 50–51.
11. Сунчугашев, Я.И. О связи междометия «ыйу» хакасского языка с древнетюркским «уйи» // Советская тюркология. – 1982. – № 1. – С. 97–98
12. Сунчугашев, Я.И. О термине «хурчаг» в хакасских героических сказаниях // Этнические и историко-

- культурные связи тюркских народов СССР: тез. докл. и сообщ. Всесоюз. тюркол. конф. 27–29 сент. 1976 г. – Алма-Ата, 1976. – С. 97–99.
13. Сунчугашев, Я.И. Салбык-Хызыл Хая: Чир – суубыстың пурунғызынан: [Древние памятники Хакасии] // Ленин чолы. – 1985. – 29 окт. Чалаас аар=Оса // Ленин чолы. – Абакан, 1985. – 7 дек., хоос. – (Подпись Я. Чорка).
14. Сунчугашев, Я.И. Тайны Салбыкской степи: туризм и археология // Совет. Хакасия. – Абакан, 1986. – 29 июня.
15. Сунчугашев, Я.И., Кузнецов, Н.Н. Исследования менгиров Хакасии методами геофизики и биолокации // Международная конференция по применению методов естественных наук в археологии, посвященная памяти доктора исторических наук Б.А. Колчина. Тезисы докладов. – СПб., 1994. – С. 176–177.
16. Сунчугашев, Я., Кузнецов, Н. Лечебные менгиры // Хакасия. – Абакан, 1995. – 28 октября.

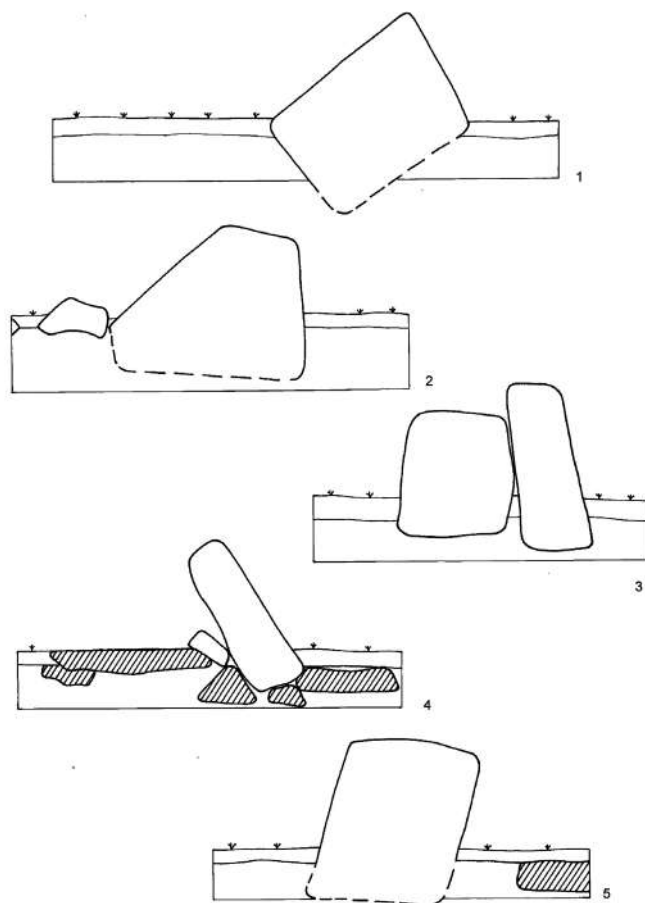

Рис. 1. Хакасия. Каменоломня Хызыл-Хая. Специально вкопанные «станки-эстакады» для обработки и погрузки каменных плит (1–5). По материалам экспедиции Я.И. Сунчугашева, заново прорисованы Л.С. Марсадаловым

Yasuyuki Murakami,

Research Center for Asian Archaeology of Industry and Culture (Japan)

STRATEGY OF THE IRON PRODUCTION IN THE ANCIENT NOMADIC SOCIETY (Mainly on the Altai Region)

The Altai region is homeland to ancient nomads. This region is bordered by Kazakhstan, Mongolia, Russia and China now. This area has long been known as an area rich in mineral resources. Although it is known that iron production sites are present in North Asia including this area, but they have not been excavated for a long time except in Minusinsk Basin and Sayan-Altai. Ya.I. Sunchugashev

excavated many iron production sites there and promoted his research on ancient iron production between the 1950s and 70s [Sunchugashev, 1969, 1979]. He clarified the structure of iron smelting furnaces and also discussed smelting technology in the Early Iron Age.

In this decade, a lot of iron production sites have been excavated in the Altai region and Minusinsk

fig. 1. Map of the investigated sites in the Altai project

fig. 2. Basic component of the pit-furnace

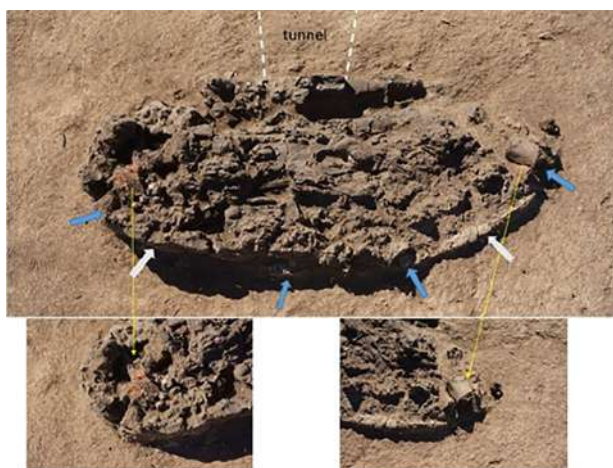

fig. 3. Six tuyeres set along the rim of the furnace

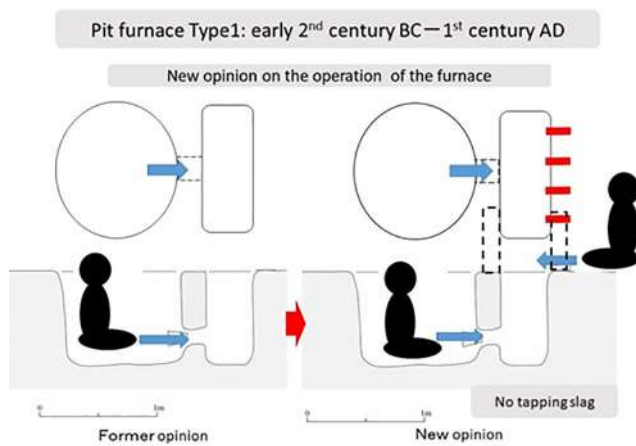

fig. 4. Schematic drawing of the pit-furnace Type A

fig. 5. Ten tuyeres set along the rim of the pit-furnace Koptu2 site, Republic of Tuva

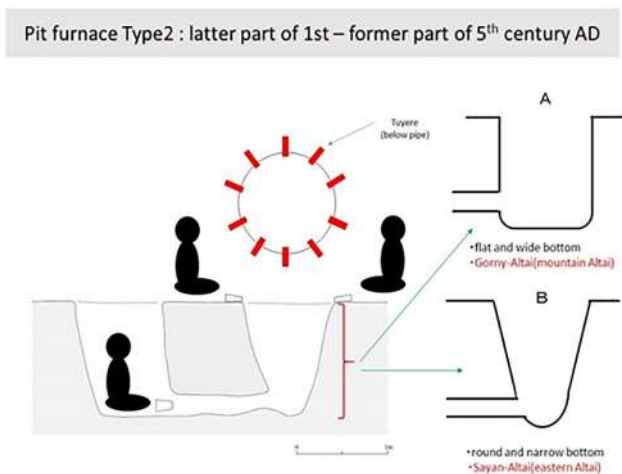

fig. 6. Schematic drawing of the pit-furnace Type B

fig. 7. Landscape, test pits, furnaces and crop-marks of the furnaces at Gung site -Uvs prefecture, Mongolia

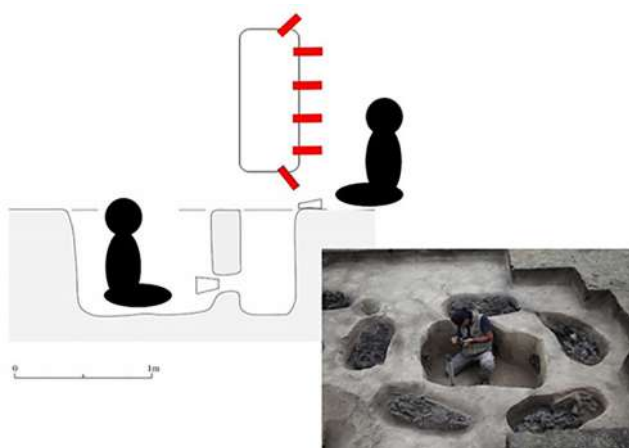

fig. 8. Schematic drawing and picture of the variation of the pit-furnace Type A

fig. 9. Stone-built furnace at Borgochood site Uvs prefecture, Mongolia

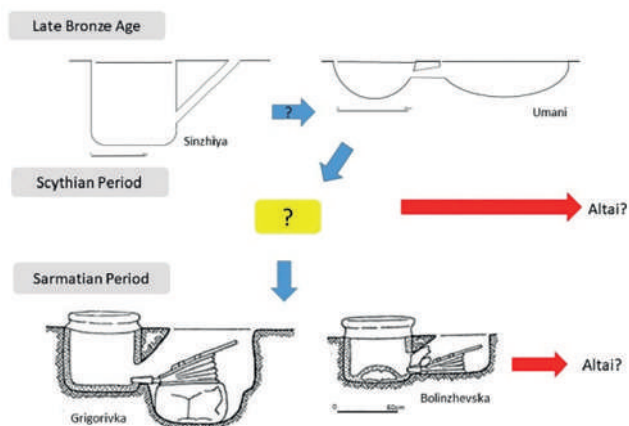

fig. 10. Schema of the evolution of the furnace in Ukraine

Basin. Based on the results of recent excavations and experimental smelting based on them, it is necessary to reconsider Sunchugashev's interpretation on the technology of iron smelting [Murakami, 2013].

Iron furnaces between 2nd century BC and 4th century AD are all pit-type furnaces. This furnaces are basically conected with tunnel and a pit for operation. This pit type furnace is temporarily classified into two groupes, Type A and B. Type A furnaces are small, shaped in oval and earlier. On the contrary, Type B furnaces are big, shaped in circle and later. Type A is considered to be the furnace of the Xiongnu (匈奴) period, and Type B is the era of the Xianbei (鲜卑) and Rouran (柔然) period.

As one site including these three periods, I would like to introduce one archeological site that will be attracting attention as iron smelting site. Gung site, located in Uvs prefecture, Mongolia, has more than 30 steel furnaces are densely distributed. The site is located at the foot of an iron mine with a forest area nearby. There are also iron production sites of various periods distributed in the surrounding area.

After the age of pit-type iron furnaces, the age of stone-built furnaces came in the Altai region. This type of furnace is superior to pit-type furnaces in all respects. It is also noteworthy that while pit-type steel furnaces were built on the river terrace, this stone-built furnace was constructed on the hills and slopes. First sentence concerning iron production in the Altai region emerged in Chinese official historical record (隋書) established in 7th century AD. In the Altai region, Turuk (突厥) was subordinate to Rouran (柔然) as smelter and blacksmith until

5th century. After that, Turuk defeated Rouran and established huge empire in 6th century. Turuk's Iron production must be supported by this stone-built furnace.

Many elements are being clarified about the temporal development of iron smelting furnace as mentioned above. However, there are still many points to be considered in the future as to whether they have developed domestically or have been influenced by external sources. In this regard, we should pay particular attention to the west of the

Altai region. It is generally said that ancient nomads in this region were in the same family as Scythian in the west. Our Surveys in Kazakhstan and Ukraine also started this year.

Through our fieldworks in the Altai region and the surrounding area, it is assumed that the

nomads in this area were not only moving for food production, but for mineral resources and forest resources for iron production as their economic strategy [Murakami, 2017].

REFERENCES

1. *Sunchugashev, Ya. I.* Mining and smelting in ancient Tuva -M.: Science Publishing House. – 1969. – 139 p.
2. *Sunchugashev, Ya. I.* Ancient metallurgy of Khakassia. Iron age. – Novosibirsk: Science Publishing House, – 1979. – 192 p.
3. *Murakami, Ya.* The Reconstruction of iron smelting furnace in Tashtyk culture. Sayan-Altay Scientific Review. – 2013. № 1(5). P. 233–237.
4. *Murakami, Ya.* The origin of Iron smelting and the spread of the technique to the East. Iron. Ferrum. – 2017. – 22V – № 12. P. 681–688.

Я. Мураками,

Научно-исследовательский центр азиатской археологии промышленности и культуры (Япония)

СТРАТЕГИЯ ПРОИЗВОДСТВА ЖЕЛЕЗА В ДРЕВНЕМ КОЧЕВОМ ОБЩЕСТВЕ (Главным образом по Алтайскому краю)

Алтайский край – это родина древних кочевников. Этот регион сейчас граничит с Казахстаном, Монголией, Россией и Китаем. Эта территория издавна известна как территория, богатая минеральными ресурсами. Хотя известно, что участки по производству железа существуют в Северной Азии, включая и этот район, но они не раскапывались в течение долгого времени, за исключением Минусинской котловины и Саяно-Алтая. Я.И. Сунчугашев раскопал там много мест производства железа и продвигал свои исследования по древнему производству железа между 1950-ми и 1970-ми гг. [Сунчугашев, 1969, 1979]. Он уточнил структуру железоплавильных печей, а также обсудил технологию выплавки в раннем железном веке.

В этом десятилетии в Алтайском крае и в Минусинской котловине было раскопано много объектов по производству железа. Основываясь на результатах последних раскопок и экспериментальной выплавки на их основе, необходимо пересмотреть интерпретацию Сунчугашева технологии выплавки железа [Мураками, 2013].

Железные печи периода между II в. до н. э. и IV в. н. э. – шахтного типа. Эти печи, по существу, соединены с тоннелем и ямой для функционирования. В классификации этого типа шахтных печей временно выделено 2 группы, тип А и В. Печи типа А малые, по форме овальные и более ранние. Напротив, печи типа В большие, круглой формы и более поздние. Типа А печи считаются относящимися к периоду Сюнну (匈奴), а типа В

относятся к периодам Сяньби (鮮卑) и Жоужань (柔然).

В качестве одного объекта, включающего эти три периода, я хотел бы представить археологический объект, который будет привлекать внимание как место выплавки железа. Памятник Гунг, расположенный в Увс аймаке в Монголии, имеет более 30 стальных печей, которые расположены компактно. Данный памятник расположен у подножия железного рудника с лесом неподалеку. Есть также железные производственные площадки различных периодов, распределенные в окрестностях.

После эпохи шахтного типа железных печей в Алтайском крае наступил век каменных печей. Этот тип печи лучше, чем шахтные печи, во всех отношениях. Примечательно также, что в то время как на речной террасе были построены сталеплавильные печи шахтного типа, эта каменная печь была построена на холмах и склонах. Первое упоминание, касающееся производства железа в Алтайском крае, появилось в китайской официальной исторической летописи (隋書), составленной в VII в. н. э. В Алтайском крае тюрки (突厥) подчинялись Жужаням (柔然) как плавильщикам и кузнецам до V в. После этого тюрки победили жужаней и основали огромную империю в VI в. Производство железа тюрками, должно быть, поддерживалось такой каменной печью.

Многие факты, как упоминалось выше, о развитии железоплавильной печи во времени

сейчас уточняются. Однако в будущем предстоит рассмотреть еще много вопросов относительно того, развивались они внутри страны или находились под влиянием внешних источников. В этой связи следует обратить особое внимание на запад Алтайского края. Обычно говорят, что древние кочевники в этом регионе были в той же семье, что и скифы на Западе. Наши опросы в Казахстане и Украине также начались в этом году.

В результате наших полевых работ в Алтайском крае и окрестностях мы предполагаем, что кочевники в этом крае передвигались не только для производства продуктов питания, но и для поиска минеральных и лесных ресурсов, необходимых для производства железа в качестве своей экономической стратегии [Мураками, 2017].

ЛИТЕРАТУРА

1. *Сунчугашев, Я.И.* Горное дело и выплавка в древней Туве. – М.: Наука, 1969. – 139 с.
2. *Сунчугашев, Я.И.* Древняя металлургия Хакасии. Эпоха железа. – Новосибирск: Наука, Сибирское отделение, 1979. – 192 с.
3. *Мураками, Я.* Реконструкция железоплавильной печи в таштыкской культур // Научное обозрение Саяно-Алтая. – 2013. – № 1(5). – С. 233–237.
4. *Мураками, Я.* Происхождение выплавки железа и распространение техники на Восток // Железо. – 2017. – 22V. – № 12. – С. 681–688.

С. Г. Скобелев, Е. В. Зеленина,

Новосибирский государственный университет (Россия)

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ПАМЯТНИКИ АРИНЦЕВ И КАЧИНЦЕВ В КРАСНОЯРСКОМ ЛЕСОСТЕПНОМ РАЙОНЕ (XVI–XVIII века)

В историческом отношении изучение территории Красноярской лесостепи стало возможным лишь с начала XVII в., с появлением первых русских письменных источников, когда стали накапливаться сведения об этническом составе, хозяйстве и духовной культуре местного населения. В последние десятилетия они были существенно дополнены материалами раскопок поздних погребальных памятников в данном районе. Так, силами археологического отряда Новосибирского государственного университета в 1982–1988 гг. здесь были изучены могильники Монашка, Шишка, Высокое, Бадалык, одиночные погребения Березка и Солонцы. Получен большой объем важных сведений, необходимых

для реконструкции процессов культурно-исторического развития. Показано, что в период с конца XVI в. в Красноярской лесостепи смешанно проживали кетоязычные аринцы и тюркоязычные качинцы, которые хоронили своих умерших в сходных природных условиях и по близким погребальным обрядам, в том числе с использованием огня. На основании полученных материалов даны общие характеристики развития этнодемографической ситуации в регионе Среднего Енисея в XVII–XVIII вв.

Ключевые слова: Красноярский лесостепной район, XVI–XVIII вв., аринцы, качинцы, погребения, погребальный инвентарь, культурная ситуация.

S. G. Skobelev, Ye. V. Zelenina,

Novosibirsk State University (Russia)

ARCHAEOLOGICAL OBJECTS ARINTS AND KACHINTS IN KRASNOYARSK FOREST-STEPPE AREA (XVI–XVIII centuries)

Historically, the study of the territory of the Krasnoyarsk forest-steppe became possible only from the beginning of the 17th century with the appearance of the first Russian written sources, when information about the ethnic composition, economy and spiritual culture of the local population began to accumulate. In recent decades, they have been substantially supplemented with materials from the

excavations of late funerary objects in the area. So, by the archaeological detachment of the Novosibirsk State University in 1982–1988, the burial grounds of Monashka, Shishka, Vysokoye, Badalyk, and the single burials of Berezka and Solontsy were studied here. Received a large amount of important information necessary for the reconstruction of the processes of cultural and historical development.

It has been shown that in the period from the end of the 16th century, Keto-speaking Arints and Türkic-speaking Kachints lived in the Krasnoyarsk forest-steppe, who buried their dead in similar environmental conditions and close burial rites, including with the use of fire. On the basis of the materials obtained, general characteristics of the

development in the ethnodemographic situation in the region of the Middle Yenisei in the XVII–XVIII centuries are given.

Key words: Krasnoyarsk forest-steppe region, XVI–XVIII centuries, Arints, Kachints, burials, funeral inventory, cultural situation.

Археологические памятники (включая и погребальные сооружения) являются важными историческими источниками. Результаты их анализа способны раскрыть многие стороны жизни древних популяций, в том числе дать сведения о состоянии не только духовной, но и материальной культуры, характеризовать социокультурную и демографическую ситуации у населения, эти объекты оставившего. Данные условия полностью применимы и для археологических памятников красноярских аринцев и качинцев, первоначально проживавших и сформировавшихся как этнические группы в Красноярском лесостепном районе на Енисее (см. *рис. 1*).

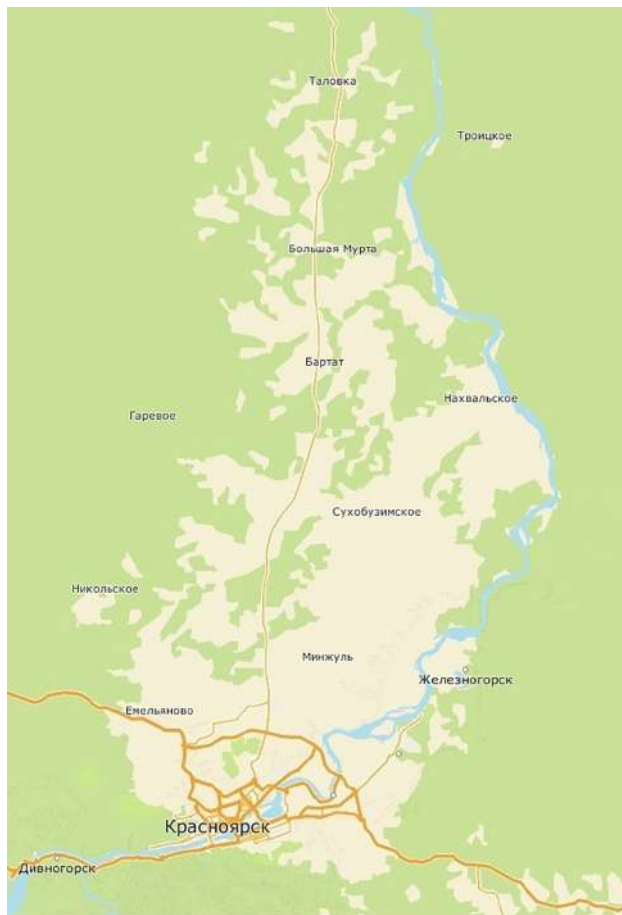

Рис. 1. Красноярский лесостепной район в современном состоянии (по: [<https://yandex.ru/search/>])

В историческом плане территория Красноярской лесостепи изучена крайне слабо. В настоящее время к этим местам, в отличие

от Минусинской котловины и иных районов Южной Сибири, практически невозможно применить сведения известных китайских, а также средневековых арабо- и персоязычных авторов, выходцев из Западной Европы XIII–XV вв. и создателей Сокровенного сказания монголов. Поэтому об этнической ситуации здесь до начала XVII в. достоверно ничего не известно. Лишь с началом включения данной территории в состав Русского государства и накоплением сведений первых русскоязычных источников появились и данные о родовом и племенном составе местного населения, его хозяйстве и культуре [Баташев, Вдовин, 2003].

Так, из сообщений ряда этих документов известно, что предки местных жителей к приходу русских людей уже достаточно давно занимали эту территорию – так называемую Тюлькину (Тюлкину) землю. Но, к сожалению, точное время начала расселения их здесь не устанавливается. Можно лишь полагать, что аринцы, составлявшие часть совокупного кетоязычного сообщества Енисея, уже проживали в данных местах к приходу тюркоязычных групп населения, позднее получивших свое этническое имя «качинцы» (от общего их самоназвания – хаас/хаач, или Kaschtar по Г.Ф. Миллеру) [Сибирь XVIII в., 1996, с. 59]. Первое упоминание в русских документах о жителях этого района относится к 1607 г. [История Хакасии, 1993, с. 144–145], а о Качинской земле в составе Тюлькиной земли впервые сообщается в 1626 г., хотя о самих качинцах как о соседях кызыльцев и басагар в Томске было известно уже в 1620 г. Красноярский острог ставился в 1628 г. именно в Качинской земле, на стрелке в устье Качи. После этого она, как и Аринская земля, стала называться «Подгородной» [Долгих, 1960, с. 229]. К приходу русских людей аринцев всего могло насчитываться около 640 человек, качинцев – 350 [Долгих, 1960, с. 227, 231]. В 1618 г. в обеих волостях проживало около 250 взрослых мужчин; к концу XVII столетия общая численность аринцев и качинцев составляла 380 и 615 чел. соответственно [Барахович, 2016, с. 7].

Еще как минимум с конца XVI и по 20-е гг. XVIII в. обе этнические группы жили исклю-

чительно здесь. Исходя из сведений русских источников, а также сообщений ряда западно-европейских авторов, можно детализировать информацию об их расселении. Так, аринцы проживали в северной части района, по обе стороны Енисея от устья Качи – крупнейшего в Красноярской лесостепи левого притока Енисея – до устья р. Сплошной и верховьев Кеми, Кети и Малого Кемчуга, в бассейнах рек Подъемной и Бузима; качинцы занимали южные части района – бассейн Качи, земли по Бирюсе и низовьям Маны [Долгих, 1960, с. 227, 229, 231, 232].

По сведениям письменных источников известно, что аринцы были сезонными кочевниками, жили в берестяных юртах, разводили лошадей, крупный рогатый скот и овец [Потапов, 1957, с. 97]. Но одновременно они собирали сарану и «курлык» (дикую гречиху) в значительном количестве, а также занимались охотой и рыболовством. Возможно, что у них были и пашни – «сеют хлеб ядрицу и ячмень» [Потапов, 1957, с. 97; Долгих, 1960, с. 229]. Качинцы были такими же кочевниками и жили летом в берестяных, а зимой в войлочных юртах и иных жилищах. Они, как и аринцы, разводили рогатый скот, овец, лошадей [Потапов, 1957, с. 98], собирали сарану и «курлык», занимались охотой, рыболовством и даже земледелием. Так, в ясачной книге Енисейского острога за 1622–1623 гг. в составе Тюлькиной земли выделены «пашенные татары» князца Базрака. Здесь имеется в виду основной род качинцев Каш (Каска, Кашлар), который первоначально назывался «Базараков улус». По-видимому, качинцы занимались земледелием более интенсивно, чем аринцы. По крайней мере, к концу XVII в. они жили богаче аринцев [Долгих, 1960, с. 229]. Отмечались процессы ассимиляции аринского населения со стороны качинцев [Сибирь XVIII века, 1996, с. 66].

После того, как в 1703 г. джунгары по причинам военно-политического характера увели кыргызов со Среднего Енисея и степи Минусинской котловины оказались свободными, туда устремилось население из соседних таежных районов и русских ясачных волостей, скрывавшееся там ранее от кыргызских набегов. Переселилась и значительная часть аринцев и качинцев. В челобитье есаула Буечека Кулчакова по этому поводу сказано: «...в прошлом де и в нынешнем 1720 г. в разных месяцах и числах, уехали из Красноярска без отпуску подгородные Коченские и Аренские и Ястынские служилые и ясашные татары со своих урочищ с женами и с детьми и со скотом вверх Енисея реки, и живут в разных местех,

где прежде сего жили киргизы» [Памятники Сибирской истории, 1885, с. 282]. Причиной миграции были интересы развития в более благоприятных климатических условиях привычного для большинства населения (особенно для качинцев) животноводческого хозяйства, которое в тех условиях давало больше средств к жизни, чем охота и малопривычное, неразвитое земледелие на прежних местах обитания. В результате в окрестностях Красноярска резко уменьшилась численность населения в ясачных волостях. Однако естественный прирост у оставшихся коренных жителей был так велик, что уже в начале XIX в. их число стало прежним. Например, если в 1712 г. в Качинской «землице» числилось всего 122 ясачных [Долгих, 1960, с. 231], то уже в 1826 г. среди качинцев в Красноярском округе только ясачных людей аринского происхождения насчитывалось 41 хозяйство; в том же 1826 г. в Минусинском округе среди качинцев имелось 125 аринских хозяйств [Карцов, 1960, с. 91].

Потомки переселившихся в степи юга Енисея аринцев и качинцев, получивших вскоре в связи с процессами тюркизации общее имя качинцы, стали одной из основных частей сформировавшегося позднее нового этноса – хакасов. Оставшиеся же на прежних местах слились с русским населением – к концу XIX в. здесь они уже официально не фиксировались. Сведений о времени начала перехода красноярских аринцев и качинцев в христианство не имеется. Возможно, нижний предел этого процесса следует относить к периоду не ранее второй половине XVIII в., о чем могут говорить два основных довода. Так, еще для 30-х гг. того столетия, по описаниям С.П. Крашенинникова, они с точки зрения религиозной принадлежности выглядели как язычники, соответствующим образом погребая своих умерших [Крашенинников, 1966, с. 61]. Во-вторых, у переселившихся на юг групп христианизация начиналась также не ранее указанного времени, официально завершившись лишь в 70-е гг. XIX в. Указанные выше сведения и обстоятельства весьма важны с точки зрения хронологической и этнической идентификации материалов из поздних археологических памятников, раскопанных нами в Красноярской лесостепи. Они могут применяться и при анализе материалов из раскопок аналогичных объектов на территории собственно Минусинской котловины.

В соответствии с изложенным, рамки нашего исследования охватывают последний этап позднего Средневековья и начальный Нового

времени, т. е. XVI – конец XVIII в. Выбор предложенной нижней границы объясняется тем, что работами С.М. Фокина уже достаточно детально изучен предшествующий исторический период развитого и заключительной части позднего Средневековья [Фокин, 2007]. Верхняя же граница определяется временем начала массового перехода большинства коренных жителей Красноярской лесостепи на христианскую погребальную обрядность. Но точно установить ее не представляется возможным из-за значительной степени растянутости такого процесса

Целью настоящей работы является введение в научный оборот части материалов по результатам открытия и изучения в 1982–1988 гг. археологическим отрядом Новосибирского государственного университета (НГУ) поздних погребальных памятников в Красноярском лесостепном районе, которые нами определяются как аринские и качинские. Актуальность исследования состоит в том, что оно позволяет логически завершить осуществленное С.М. Фокиным археологическое изучение культурно-исторических процессов здесь в более раннее время. Это поможет формированию исчерпывающей характеристики этнокультурного развития на данной территории в позднем Средневековье и в Новое время, в том числе выявлению его своеобразия, установлению внешних культурных связей, прослеживанию исторических судеб аринцев и качинцев – как оставшихся на месте, так и переселившихся в степи современных Хакасии и юга Красноярского края.

Красноярская лесостепь занимает равнины, склоны и террасы главным образом левобережья Енисея. Правобережная ее часть существенно меньше по площади. Лесостепь ограничена с юга таежными отрогами Восточного Саяна, с востока – Енисейским кряжем, на севере и севе-

ро-западе она переходит в Западно-Сибирскую равнинную тайгу. Рельеф местности в основном равнинный и холмисто-увалистый, но имеются и незалесенные горы, в том числе со скальными выходами. Климат континентальный (среднегодовая температура воздуха выражается отрицательной величиной), умеренно засушливый (годовая сумма осадков 300–500 мм – большая их часть выпадает в весенне-летний период, т. е. во время роста растительности). Господствующие ветры зимой – юго-западные. В северной части преобладают парковые леса; на юге – черноземные луговые и типичные степи (ковыльно-разнотравные и разнотравно-луговые). В целом данная местность по своему рельефу и наличию крупных степных участков, зимой часто свободных от снега, очень похожа на степи и лесостепи Минусинской котловины. Соответственно, этим определялся и характер хозяйства местного населения.

Большинство известных здесь поздних погребальных памятников были обнаружены в среднем течении и низовьях левого берега р. Качи (см. *рис. 2–3*). Территория их распространения не выходит за рамки Красноярской лесостепи. Скорее всего, и места расположения стоянок аринцев и качинцев соответствуют ее естественным границам, поскольку там, где находится большинство погребальных объектов, имеются и удобные для зимнего проживания природные убежища, защищенные от господствующих зимой ветров. Единственное известное нерусское поселение XVII в. – Айканова деревня, хотя и находится достаточно далеко от Красноярска (у с. Шивера на левобережье Енисея, т. е. в ареале преимущественного расселения аринцев), но располагается в месте, своим рельефом очень похожим на то, что характерно для левобережья Качи. Однако ни к аринцам,

Рис. 2. Горная гряда между селами Дрокино и Солонцы, на которой изучено большинство поздних погребений (вид с ЮЮВ; по: [Google Earth Pro])

Рис. 3 (фото). Долина Качи в среднем течении (вид с горы Высокое)

ни к качинцам этот памятник определенно отнести нельзя, поскольку деревня принадлежала роду служилых людей («детей боярских») Красноярского острога, основателем которого стал Айкан – выходец из числа кыргызских князей. Поэтому материалы раскопок одного из ее жилищ, проведенных П. В. Мандрыкой, в настоящей работе не рассматриваются.

Указанные природно-климатические и сопутствующие им обстоятельства историко-культурного характера позволяют считать данный регион имеющим свои выраженные природные особенности и четко определяемые географические границы.

Начало изучению здесь поздних археологических памятников было положено в 1957 г., когда военнотружущим В. П. Киселевым у пос. Иннокентьевский на северо-западной окраине современного г. Красноярска было случайно раскопано одиночное погребение мужчины, выполненное по обряду трупоположения. Оно располагалось на южном склоне небольшого овражка, в 1 км к северу от пос. Иннокентьевский. Среди находок имелись крупные железные наконечники стрел и пряжка, предметы конского снаряжения – удила и стремяна. И. Б. Николаева датировала этот вещевой комплекс XVI–XVII вв. [Николаева, 1963, с. 121]. Предложение опустить его датировку до XIII–XIV вв. [Фокин, 2004, с. 168] следует считать не совсем правомерной, т. к. материалы из него малохарактерны, например, для могил XIII–XIV вв. на Часовенной горе, но имеют аналогии тому, что известно для XVII в. Таким образом, это погребение следует считать первым изученным здесь погребальным памятником, датируемым поздним Средневековьем – началом Нового времени.

Затем в 1982–1988 гг. силами археологического отряда НГУ на левобережье Качи, в ее среднем и нижнем течении, был открыт и исследован ряд поздних погребений как в составе могильников (Монашка – 9 погребений по обряду трупоположения, Шишка – 3, Высокое – 7 плюс пять поминальников, Бадалык – 2 плюс один поминальник), так и одиночных (Березка и Солонцы).

Могильник Монашка, изученный первым из числа всех выявленных нами объектов, располагался на склоне и в седловине между двумя вершинами одноименной горы, в 0,2 км к В от с. Дрокино, в 2,0 км к ЮЗ от с. Логовое. Гора Монашка – один из наиболее заметных объектов ландшафта в данной местности. Является

крайней северо-западной точкой гряды гор по берегу Качи между селами Дрокино и Солонцы (см. рис. 2). Площадь могильника покрыта невысокой травой, отдельными кустиками полыни, заячьей капустой. Почвенные условия – мощный слой чернозема толщиной 0,25–0,3 м, залегающий поверх материкового грунта в виде желтого суглинка и мергелевого щебня красного цвета. Внешне могильник на поверхности земли почти не выделялся. Лишь при более тщательном рассмотрении с расстояния 1–2 м можно было заметить слабо выступающие на дневной поверхности отдельные мелкие обломки плит песчаника красного цвета, составлявшие едва заметные окружности (см. рис. 4). Погребения размещены довольно плотно на небольшой площади (могильное поле 7 x 25 м).

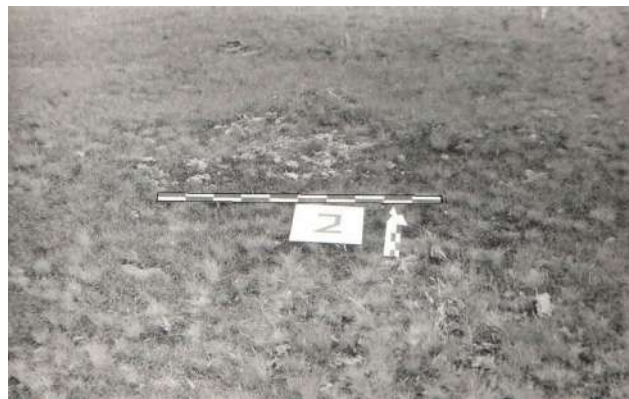

Рис. 4. Внешний вид кургана №2 могильника Монашка (вид с Ю)

Следует отметить, что подобные почвенные условия и возможности визуальной фиксации характерны для большинства погребальных памятников на данной горной гряде.

Изученный следующим могильник Шишка располагался на одном из южных отрогов одноименной горы, в 3,3 км к ЮВ от с. Дрокино. Погребения №1 и 2 находились очень близко друг от друга в одной седловине отрога, погребение №3 – в соседней седловине, на некотором удалении от первых двух. Погребения могильника Высокое расположены на уплощенной вершине одноименной горы – самого заметного объекта местного левобережного ландшафта, круто возвышающейся над широкой поймой р. Кача. Одно из них находилось также на увале восточного склона горы. Памятник расположен в 3,5 км к ЮВ от с. Дрокино, в 3,2 км от с. Солонцы. Одиночная могила Березка размещалась в седловине небольшого увала у вершины одноименной горы, в 1,5 км к В от с. Дрокино. Одиночное погребение Солонцы находилось в небольшой

седловине на склоне у вершины одной из возвышенностей, в 3,75 км к ЮВ от с. Дрокино, в 2,5 км к С от с. Солонцы.

Могильник Бадалык, единственный из изученных нами, находился не в долине р. Кача, а располагался в седловине заметного уступа на южном скате невысокого плато, тянувшегося с З на В вдоль небольшого одноименного ручья, впадающего в Енисей на северной окраине г. Красноярска, в 1,4 км к ЗЮЗ от Красноярского алюминиевого завода, в 0,12 км к Ю от геодезического знака, недалеко от одиночного погребения Иннокентьевский. Курганы могильника расположены очень близко друг к другу. Один из них выделялся слабой растительностью из-за наличия по всей его площади округлой каменной сплошной выкладки.

У всех вышеупомянутых погребальных памятников есть несколько общих черт. В первую очередь это расположение на местности, когда они, как правило (что характерно в то время для Южной Сибири в целом), находились в самых высоких точках рельефа ближайших окрестностей – на склонах, вершинах возвышенностей, на ровных уступах или в седловинах. В связи с наличием разного размера каменных выкладок и их определенной рельефности на дневной поверхности большинство погребальных объектов можно считать курганами. Они обычно представляли собой пологие, округлые, слабо возвышающиеся над внешней поверхностью каменные выкладки разной мощности (высотой обычно около 0,25 м), сделанные, как правило, в один слой, или фактически грунтовые насыпи, но выполненные с использованием некоторого количества камней и щебня. Диаметр курганов обычно не превышал 5 м, но в погребении Солонцы из-за оползания каменной выкладки вниз по склону он достигал 7 м. Максимальная высота – обычно по центру насыпи (лишь для погребений могильника Шишка характерно наличие западин овальной формы, ориентированных по линии З-В).

В данном отношении полученные нами материалы соответствуют тому, что сообщал о погребальном обряде аринцев в 30-е гг. XVIII в. сын боярский Красноярского острога

И. Нашивошников: «И как оные татары умирают, и тех мертвых оболочут в то платье, в чем он ходил и копают на высоком месте в ямы и засыпают землей, а на верх земли закладывают камнем» [Потапов, 1957, с. 97]. Относительно качинцев служилый атаман Мугунчаков отметил похожие обстоятельства: «А оной народ, как умирает, то кладут в землю и землю не закапывают, только кладут сверх мертвого деревянный потолок и сверх того потолку закладывают камнем» [Потапов, 1957, с. 98].

Пять из изученных нами погребений были в разной степени разграблены еще в древности.

подавляющее большинство захоронений выполнялось по обряду ингумации; имеется и некоторое количество погребений в виде труположения с трупобожжением (могильник Высокое). Обе разновидности представляли собой положение тела умершего в грунтовую могилу (обычно неглубокую, 0,2–0,5 м от уровня дневной поверхности) с применением разных элементов внутримогильных погребальных сооружений. Относительно сообщений атамана Мугунчакова и С.П. Крашенинникова отмечен довольно любопытный случай, когда гробовище из кургана №8 могильника Высокое залегало на глубине лишь 10–15 см. По особенностям расположения на местности и иным характеристикам погребения, выполненные по обряду трупобожжения, идентичны таковым, исполненным по обряду труположения. Их отличительной чертой является лишь применение огня перед положением в могильную яму умершего, а также разведение огня разной мощности поверх внутримогильного сооружения или самого умершего.

Именно эти обычаи у качинцев в районе Красноярска и были зафиксированы С.П. Крашенинниковым в 30-х гг. XVIII в., когда он писал, что своих покойников «...иных в каменю хоронят, а иных ежели сами прикажут, со всеми своими платьями и ружьем, которым они владели, сожигают...» [Крашенинников, 1966, с. 61]. В результате трупобожжения в погребениях могильника Высокое, в кургане №1 могильника Шишка и погребении Солонцы встречались фрагменты жженных костей, как животных, так и человеческих, остатки горелого дерева и бересты.

Рис. 5. Внутримогильное сооружение в кургане № 8 могильника Высокое (вид с ЮВ)

В могилах встречались гробы, гробовища со стенками из вырубленных топором плах различной толщины (см. рис. 5), дном и перекрытием (или покрытием), клетки или их отдельные детали; имелась и одна колода. Размер их для взрослых людей не превышал 1,7х0,9 м. Часть внутримогильных конструкций, видимо, сооружалась непосредственно в могильной яме, когда плахи не были соединены между собой заранее, а устанавливались встык и присыпались снаружи землей для устойчивости. Иногда в ямке они были укреплены вертикально при помощи вбитых по сторонам колышков. Деревянное дно у гробов имелось не всегда, его заменяли берестяные подстилки различной толщины, иногда достаточно искусно выделанные. Они по большей части имели следы прошивки. Иногда для опоры деревянного или берестяного перекрытия в верхней части гроба размещались продольные или поперечные плашки разного размера. В могиле №2 Монашка перекрытие в виде неошкуренных обрубков стволов сосны толщиной 10–12 см опиралось на края земляной ямы. В пяти случаях – в могилах №2 Монашка, 1–3 Высокое, а также Березка – покойники были уложены прямо на грунтовое дно ямы. В погре-

бении Солонцы не имелось боковых деревянных деталей при наличии подстилки из бересты и деревянного перекрытия, которое, однако, не достигало южной стенки и заменялось на этом месте каменным завалом.

В детском погребении №1 могильника Монашка (младенец около 1–2 лет) был обнаружен маленький гробик (его внутренние размеры – 0,83х0,25 м), грубо выполненный из тонких плах со следами затесов (по-видимому, оставленных широколезвийным проушным топором). Плахи соединялись встык и внахлест при помощи простых шипов и пазов. Дно выполнено из двух плашек, скрепленных парой поперечных брусков также с помощью пазов. Гробик не имел деревянного перекрытия и сверху был закрыт куском толстой березовой коры, снятой у комля дерева. В детской могиле №3 Высокое также фиксировались остатки деревянной конструкции, похожей на гробовище. Но на площади сплошного раскопа Монашка скелет ребенка 3–5 лет был обнаружен в простой грунтовой яме.

Имеется единственный пример погребального сооружения в виде колоды (одиночное погребение Березка). Она вытесана из цельного ствола дерева и имеет размеры 1,35х0,45 м с высотой не более 0,25 м. Деревянного или берестяного дна нет. От перекрытия остались лишь фрагменты нескольких плашек в районе ног костяка. В колоде находился скелет подростка 9–13 лет.

Могилы после положения усопшего, как правило, засыпались имеющимся в наличии материалом, уже извлеченным при сооружении могильной ямы, а также укладывались камнями, принесенными со стороны. Более всего камней присутствовало на могильниках Шишка и Высокое.

В каждом отдельном захоронении размещался только один умерший, т. е. коллективных и даже парных погребений не имелось. Интересно, что и детские погребения выполнялись всегда отдельно. Заметных различий между ними и захоронениями взрослых людей (за исключением разницы в размерах погребальных сооружений) не прослеживалось.

Традиционным положением погребенных являлась вытянутая поза, когда костяк лежал на спине (см. рис. 6–7). Лишь в одном случае (погребение №3 могильника Монашка) он был уложен с подогнутыми ногами и заметно повернутой влево головой; этот погребенный, видимо, умер от перелома позвоночного столба в районе шейного отдела (см. рис. 8). С головой, повернутой влево, но с вытянутыми ногами распо-

Рис. 6. Погребение № 2 могильника Монашка (вид с Ю):

- 1 – остатки сложносоставного лука уникальной S-образной формы (рог, кость, береста);
- 2 – остатки головного убора с берестяной основой

Рис. 7. Одинокое погребение Солонцы (вид с ЮВ):

- 1 – железное кольцо; 2 – остатки сложносоставного лука с берестяной обмоткой (рог, кость, береста)

Рис. 8. Погребение человека со сломанным позвоночником в могиле № 3 могильника Монашка (вид с ЮВ)

Рис. 9. Погребение № 3 могильника Бадалык в процессе зачистки (вид с ЮЗ)

лагался погребенный в могиле № 3 могильника Бадалык (см. рис. 9). Обычное положение рук погребенных – вытянуто вдоль тела, иногда чуть раскинуто. Но в погребениях № 8 могильника Высокое и Солонцы (в последнем случае костяк подростка не старше 15 лет) кисти рук лежали на тазовых костях. В могиле № 1 Высокое правая рука была вытянута вдоль туловища, а кисть левой находилась на тазовой кости. В могиле № 1 Монашка из-за сильного разложения косточек младенца положение костяка, кроме места расположения остатков его черепа, не установлено. Зафиксирован редкий случай положения покойного лицом вниз (могила № 5 Монашка).

Преобладает ориентация похороненных 3 и СЗ направлениях. Например, покойник в могиле № 3 Бадалык был уложен на спину головой на ЗЮЗ, с лицом, повернутым на Ю. В детском погребении № 1 Монашка косточки ребенка, видимо, тоже были ориентированы головой на

ЗЮЗ. Но есть случаи положения погребенных головой на С, ЮВ и СВ. К сожалению, для сильно разграбленных погребений – № 4 Монашка, 1 и 3 Шишка, № 2 Бадалык – невозможно установить изначальную позу и ориентацию захороненных.

В погребениях встречались разрозненные фрагменты костей крупных животных, таких как овцы, лошади и телята. В одинокое погребении Березка позвонки барана были обнаружены лежащими в анатомическом порядке. Кости животных имелись также между камнями выкладок и вне погребений, на небольшом расстоянии от них – вероятнее всего, они представляли собой остатки поминальной тризны. И. Нашивошников сообщал об аринцах: «...имеют у себя скот: кони и коровы и овцы – тем и питаются, и едят конинное и коровье, и овечье и козлиное мясо битое и пропастиное... копают корни сарану белую и желтую, и сушат, сушеную варят с водой и едят же. Также и звериное мясо едят медвежье, и сохатиное, протчих зверей, кроме волчье и лисье мясо... И над теми мертвыми чинят поминовенье: пьют ... вино и бьют коня и то мясо над тем мертвым

Рис. 10. Деревянная основа седла из погребения № 8 могильника Монашка

сварят и съедят, а голову и гриву, и хвост повесят над тем мертвым для знака и разъедутся по домам своим [Потапов, 1957, с. 97]. О качинцах говорилось, что они «...поминование чинят над мертвыми против того, как показано в Аринской землице» [Потапов, 1957, с. 98]. Вертикально вкопанный столб, остатки которого были найдены в кургане № 1 могильника Шишка, видимо, являлся основой сооружения для вывешивания шкуры коня.

Погребального инвентаря немного, но он довольно разнообразен. Прежде всего это предметы вооружения – простые и сложносоставные луки разных конструктивных схем, крупные железные черешковые наконечники, костяная свистунка с прямоугольными вытянутыми отверстиями, фрагмент древка стрелы, обмотанного берестой. Имеется конская сбруя – удила, фрагменты уздечек, распределители ремней, подпружные пряжки, остатки деревянных основ седел (см. рис. 10), предметы быта (посуда керамическая, берестяная, деревянная, включая мисочки и ложки, стальное зеркало), украшения (см. рис. 11–12), детали одежды (остатки тканей, бронзовые восьмеркообразные пуговицы, пряжки), головных уборов и кожаной обуви типа сапог и ботинок. В нескольких случаях зафиксировано размещение с покойниками украшений, уложенных в мешочек из кожи и ткани. Уникальной находкой является двойной «кин» из могильника Бадалык – кожаный, расширенный шелковыми нитками футляр, состоящий из двух частей, предназначенных для хранения пуповин новорожденных детей. В погребении Солонцы найден кожаный мешочек с камешком в виде сердечка. Обнаруженное в этом же погребении у головы подростка железное кольцо диаметром около 5 см (см. рис. 7) нельзя отнести к головному убору или одежде, но можно охарактеризовать как остатки известного у хакасов «аба теся» (медвежьего фетиша), включавшего

Рис. 11. Украшения из разных погребений могильника Монашка (стеклянная паста, бронза)

медное или железное кольцо диаметром около 4 см [Бутанаев, 2019]. Предметов христианского культа нет. Отсутствуют также характерные для Западной Сибири западноевропейские счетные жетоны и курительные трубки.

Самые многочисленные предметы погребального инвентаря – это украшения: бусы, бисер, серьги бронзовые и серебряные различных форм (прежде всего в форме знака «?») и подвески. Имеются даже медные фигурные накладки-скобы на гроб.

Значительное место в комплексе погребального инвентаря занимают предметы явно русского происхождения (или полученные в результате торговых отношений с Западной Европой и Китаем), датируемые XVII–XVIII вв. Прежде всего это почти все элементы украшений, монеты, шелковые нитки, стремяна с вогнутой подножкой и др. Упоминания о них присутствуют в сообщениях русских письменных источников. Такие предметы находят широкие аналогии в поздних памятниках соседних территорий. Классический образец позднесредневековых серег обнаружен в погребении № 5 могильника Монашка. Это тонкая бронзовая проволока, изогнутая в виде знака «?», на которую нанизаны две бусины из материала коричневого цвета – одна круглая, вторая плоская. Второй тип представлен ажурными серьгами округлой формы – два фрагмента такой серьги, отлитой очень тонко и с большим вкусом, обнаружены в погребении № 1 могильника Монашка. Это достаточно крупное изделие – его диаметр составляет более 3-х см (см. рис. 12). Серебряная русская монета-«чешуйка», соответственно, датируемая временем не позднее 1718 г., была обнаружена в погребении № 2 могильника Высокое (см. рис. 13).

Рис. 12 (фото). Серебряная серьга из погребения № 1 могильника Монашка

В целом анализ погребальной составляющей полученных археологических материалов позволяет сделать ряд важных выводов, касающихся этнокультурного развития населения региона в указанный исторический период.

Как можно видеть, раскопанные памятники объединены не только общностью мест расположения, но и единством погребального обряда, конструкций и погребального инвентаря, отсутствием коллективных и даже парных погребений, отдельным захоронением детей.

Уверенно можно сказать, что все изученные нами погребальные объекты относятся к населению, еще не принявшему христианскую посмертную обрядность. Важно также отметить отсутствие следов табакокурения. Эти обстоятельства свидетельствуют в пользу датировок большинства раскопанных памятников временем не позднее первой половины XVIII в. Но отдельные погребения могут быть несколько более «молодыми» (например, могила № 1 Монашка) или, напротив, более древними (могила № 2 Монашка, Березка, Солонцы).

Сопоставляя сведения письменных источников и результаты наших раскопок, следует однозначно определить этническую принадлежность изученных археологических памятников, а именно, что их оставили аринцы и качинцы. К сожалению, пока не представляется возможным провести подробную этническую градацию погребальных объектов из-за наличия характерного для кетоязычного населения обычая трупобожжения и одновременно обряда трупосожжения у качинцев, а также сведений о заметной степени тюркизации аринцев еще в Красноярской лесостепи. Но даже при этом проведенное исследование является одним из редких случаев, когда археологические материалы могут получить относительно достоверные

Рис. 13. Русская серебряная монета-«чешуйка» в погребении № 2 могильника Высокое (вид с ЮВ)

определения этнической принадлежности совокупного населения.

Многочисленные предметы русского происхождения свидетельствуют о тесных связях коренных жителей с русскими людьми, их культурном влиянии на местное население. Даже наличие в погребениях деревянных, выполненных на токарном станке мисочек и ложек вполне может считаться как одним из результатов русского культурного влияния, так и достаточно достоверным хронологическим показателем для поздних археологических памятников [Скобелев, 2005, с. 88–94]. В свою очередь, сведения о покупках русскими людьми из Красноярска у коренных жителей седел «красных добрых» и иных товаров [История Хакасии... 1993, с. 148] говорят о развитых культурных взаимодействиях. Вероятно, к XVII в. относится и введение в обиход местного населения русских денег, о чем косвенно свидетельствует найденная нами русская монета-«чешуйка».

В целом полученные археологические материалы существенно дополняют, уточняют и развивают сведения письменных источников, наглядно иллюстрируя наши представления о ходе историко-культурных процессов на завершающем этапе проживания коренных жителей в Красноярской лесостепи. Начиная с 20-х гг. XVIII в. история аринцев и качинцев все более и более связывалась с территорией Минусинской котловины и ее коренным населением [Яковлев, 1900].

В плане продолжения раскопок археологических объектов позднего Средневековья и начала Нового времени следует заметить, что, кроме значительного числа уже изученных погребений, в Красноярской лесостепи относительно численности проживавших там аринцев и качинцев должны иметься их погребения в значи-

тельно большем количестве и территориальном распространении. Соответственно поиски их могут стать весьма перспективным направле-

нием исследований археолого-этнографического характера.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Баташев, М. С., Вдовин, А. С.* Коренное население Красноярской лесостепи (этнические процессы в XVII–XIX вв.) // История и культура Приенисейской Сибири: сборник научных трудов. – Красноярск: РИО КГПУ, 2003. – С. 74–79.
2. *Барахович, Б. Н.* Службы красноярских «татар» в XVII столетии // Изв. Иркут. гос. ун-та. – Серия: История. – 2016. – Т. 17. – С. 6–11.
3. *Бутанаев, В. Я.* Семейно-родовые фетиши тюрков Хонгорая // Вестник Новосиб. гос. ун-та. – Серия: История, филология. – 2019. – Т. 4, вып. 5: Археология и этнография (в печати).
4. *Долгих, Б. О.* Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII веке. – М.: Изд-во АН СССР, 1960. – 624 с.
5. История Хакасии с древнейших времен до 1917 года. – М.: Наука, 1993. – 525 с.
6. *Карцов, В. Г.* Из истории красноярских качинцев и аринцев // Ученые записки ХакНИИЯЛИ. – Абакан, 1960. – Вып. 8. – С. 78–92.
7. С. П. Крашенинников в Сибири. Неопубликованные материалы. – М.; Л.: Наука, 1966. – 241 с.
8. *Николаева, И. Б.* Раскопки на территории бывшего Красноярского острога // Материалы и исследования по археологии, этнографии и истории Красноярского края. Красноярск: Краснояр. кн. изд-во, 1963. – С. 115–123.
9. Памятники сибирской истории XVIII века / [ред. А. И. Тимофеев]. – Кн. 2: 1713–1724. – Санкт-Петербург: Типография Министерства внутренних дел, 1885. – 541 с.
10. *Потапов, Л. П.* Происхождение и формирование хакасской народности. – Абакан: Хакас. кн. изд-во, 1957. – 307 с.
11. Сибирь XVIII века в путевых описаниях Г. Ф. Миллера. – Новосибирск: Сибирский хронограф, 1996. – 310 с.
12. *Скобелев, С. Г.* Деревянная посуда в погребениях позднего Средневековья и начала Нового времени на территории юга Средней Сибири как хронологический показатель // Вестник Новосиб. гос. ун-та. – Серия: История, филология. – 2005. – Т. 4, вып. 5: Археология и этнография. – С. 88–94.
13. *Фокин, С. М.* Этнокультурная принадлежность и датировка погребений развитого Средневековья Красноярской лесостепи // Этнос Сибири. Прошлое, настоящее, будущее. – Красноярск: Краснояр. кр. краевед. музей, 2004. – С. 164–170.
14. *Фокин, С. М.* Культурно-исторические процессы в раннем и развитом Средневековье Красноярской лесостепи. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Кемерово, 2007. – 23 с.
15. *Яковлев, Е. К.* Этнографический обзор инородческого населения долины Южного Енисея и объяснительный каталог Этнографического отдела музея. – Минусинск: Тип. В. И. Корнакова, 1900. – 357 с.

В. В. Ушницкий,

Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера Сибирского отделения Российской академии наук (Россия)

ГЕОКОНЦЕПТ КЫРГЫЗОВ В ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОМ ЛАНДШАФТЕ ЮЖНОЙ СИБИРИ

В статье обсуждается проблема роли кыргызов в формировании исторического и культурного ландшафта Южной Сибири. Богатое археологическое наследие кыргызов, представленное в материалах таштыкской и аскизской культуры, а также чаатасов, получило отражение в трудах С. Г. Скобелева, П. К. Дашковского, Ю. С. Худякова и Д. Г. Савинова. Енисейские кыргызы составили костяк хакасского народа, с ними также связывается этногенез тянь-шанских кыргызов.

В эпоху «кыргызского великодержавия» енисейские кыргызы доминировали на территории Центральной Азии. Кыргызы включили в состав

своего государства Алтай, Туву, Прибайкалье, Кузнецкий край, бассейн Иртыша. Немало труда потребовалось монголам, чтобы подавить сопротивление разрозненных кыргызских княжеств. Енисейские кыргызы были аристократической верхушкой из воинов дружинников, подчиненное ими население считалось кыштымами. Они включали в свой состав племена тоба-туматов, курыканов-хори, бома-алатов.

Ключевые слова: Хакасия, геоконцепт, Южная Сибирь, историко-культурный ландшафт, енисейские кыргызы, археология, этнография.

V. V. Ushnitsky,

Institute of humanitarian research and problems of Siberian small nations of the Siberian branch of the Russian Academy of Sciences (Russia)

GEOCONCEPT OF KYRGYZ IN THE HISTORICAL AND CULTURAL LANDSCAPE OF SOUTH SIBERIA

The article discusses the problem of the role of the Kyrgyz in the formation of the historical and cultural landscape of South Siberia. The rich archaeological heritage of the Kyrgyz people, presented in the materials of Tashtyk and Askiz culture, as well as Chaatas, was reflected in the works of SG Skobelev, PK Dashkovsky, Yu.S. Khudyakov and DG Savinov. The Yenisei Kyrgyz made up the backbone of the Khakass people, and the ethnogenesis of the Tian-Shan Kyrgyz is also associated with them.

In the era of the «Kyrgyz great power», the Yenisei Kyrgyz dominated the territory of Central

Геоконцептом может быть любое место, обладающее устойчивым образом. Абакан, Енисей, Алтай, Саяны, Минусинская котловина, Тува, Южная Сибирь, Кыргызстан, Хакасия – все это примеры геоконцептов разных по масштабу, территориальной локализации, спектру связанных с ними образов. Все эти геоконцепты объединяет то, что, во-первых, они получают свои названия в рамках определенной культуры (в данном случае тюркской); во-вторых, каждое из них обладает устойчивыми в пределах этой культуры образами, проявляющимися в виде ассоциаций, исторических преданий, пословиц, присловий; в-третьих, все эти места-топонимы могут быть локализованы, связаны с определенной территорией.

Имеющиеся в настоящее время источники позволяют вполне обоснованно говорить о существовании алтайского локального варианта культуры енисейских кыргызов на территории Южной Сибири. Выделенные А.А. Тишкиным и В.В. Горбуновым (2005) для алтайского варианта кыргызской культуры яконурский (втор. пол. IX – перв. пол. X в.) и ак-ташский (втор. пол. X–XI в.) этапы достаточно хорошо синхронизируются с периодами развития других локальных вариантов, в частности, тувинского и минусинского. Для кыргызского общества была характерна военно-иерархическая организация, что прослеживается как по письменным источникам, так и при корреляции сопроводительного инвентаря с особенностями погребальных сооружений. Показательно, что в большинстве кыргызских погребений на Алтае обнаружены разнообразные предметы вооружения,

Asia. Kyrgyz have included the Altai, Tuva, the Baikal region, the Kuznetsk Territory, the Irtysh basin in their state. It took a lot of work for the Mongols to crush the resistance of the scattered Kyrgyz principalities. The Yenisei Kyrgyz were the aristocratic elite of warriors of warriors, their subordinate population was considered Kyshtym. They included the tribes of toba-tumatos, Kurykan-Hori, and Boma-Alat.

Key words: Khakassia, geoconcept, Southern Siberia, historical and cultural landscape, Yenisei Kyrgyz, archeology, historiography.

что подтверждает военный статус умерших [Дашковский, 2015, с. 194].

Период IX–X вв. академик В.В. Бартольд назвал «кыргызским великодержавием». В результате тезис о «кыргызском великодержавии» настолько прижился в отечественной научной литературе, что не обсуждается ни его историческая правомерность, ни рамки, куда включают памятники «кыргызского великодержавия». П.П. Азбелев отмечает тот факт, что в китайской летописи почти не записывали хронику Кыргызской державы. Следовательно, не было «кыргызского великодержавия». Сам термин возник в пору становления киргизской государственности в рамках СССР. В.В. Бартольд по нему предложил публицистическую формулу. Л.Н. Гумилев отводил кыргызам лишь роль разрушителей. По утверждению П.П. Азбелева, часть считающихся кыргызскими признаков, распространившихся в южносибирских культурах в конце I тыс., имеет на самом деле не кыргызское, а восточноевропейское происхождение; кыргызы усвоили их наравне с другими южносибирскими народами [Азбелев, 2007, с. 110–116].

Именно для кыргызов занятия земледелием поставлены в повествовании на первое место, при этом даны достаточно детальные его характеристики, свидетельствующие о хорошем знании предмета китайскими авторами. Сведения письменных источников подтверждались и материалами масштабных археологических исследований памятников раннего железа и Средневековья на Енисее. Согласно им, территория коренных земель кыргызов еще в период раннего железа (на этапе тагарской культуры)

была известна как зона очагового земледелия. Население имело навыки оседлой жизни, что вело к развитию стационарного деревянного домостроения [цит. по: Скобелев, 2017, с. 78].

Как полагал Д. Г. Савинов, древняя земледельческая основа хозяйства кыргызов, связанная еще с таштыкской традицией, была несовместима с условиями существования в период Великодержавия в горно-степных и засушливых районах Центральной Азии [Савинов, 1978]. Поэтому они были вынуждены переходить к скотоводству. Кроме того, возвращавшиеся на Енисей группы населения не могли испытывать серьезных культурных влияний со стороны бывших центрально азиатских соседей, являвшихся преимущественно скотоводами и кочевниками. Соответственно сюда, на Енисей, приносились навыки в основном кочевого скотоводства [Скобелев, 2017, с. 80].

По утверждению С. А. Васютина, Кыргызский каганат относился к кочевым ксенократическим империям, представлявшим собой суперсложное вождество [Базаров, Крадин, Скрынникова, 2008, с. 120–121]. По мнению Н. Н. Крадина и Т. Д. Скрынниковой, власть в кочевых империях опирается не на гражданских чиновников, не на фискальную систему, государственный суд и письменный закон, а на кочевые традиции и институт престижной экономики (распределение военной добычи, даней). Третья ступень представлена двумя формами: типичными и данническими. В типичной империи номадов данничество охватывает наименее престижные группы кочевников, которые поставляли скот и оседлое население таежных окраинных областей (кыштымов) [Скобелев, 2017, с. 80].

Характеризуя социально-политические системы Уйгурского, Кыргызского и Кимакского каганатов, С. А. Плетнева отнесла их к третьей стадии развития кочевников, когда у последних побеждает тенденция к оседанию. Такие общества С. А. Плетнева [Плетнева, 1982, с. 73, 79, 88–89, 92, 102–104, 106; Дашковский, 2015, с. 139–140] трактует как «раннефеодальные», а в некоторых эпизодах книги как «классовые» и «феодальные». Наиболее развитым С. А. Плетнева считала Кыргызский каганат. Здесь, как она предполагала, оседание номадов привело к тому, что в Минусинской котловине стали выращивать просо, ячмень, пшеницу, развивалось железоплавильное и кузнечное ремесло, сложились устойчивые торговые связи «внутри государства» и с соседями. Социальный строй она оценивает как «развитый феодальный», а форму организации власти – как государ-

ственную. В качестве правящей «феодальной» элиты выступал род «кыргыз» во главе с каганом. С развитием общественных отношений в каганате, согласно точке зрения С. А. Плетневой, аристократия пожелала обособиться от черного люда (кара-будун) и приняла в середине IX в. манихейство. Однако эта религиозная традиция не приобрела популярности даже среди богатых и знатных, и в XI в. манихейские обряды уже не упоминались в источниках [Плетнева, 1982, с. 91–92, 94; Дашковский, 2015, с. 139–140].

Т. Барфилд поражается неспособностью кыргызов осуществлять политику экспансии. Они не создали кочевую империю в Центральной Азии. Кочевая империя требует умелого руководства, кыргызы не создали такого управления. Кыргызы, победив уйгуров, не воспользовались плодами своей победы. После их прихода степи Центральной Азии охватил хаос и анархия. Проживая вдали от мировых торговых путей, они не понимали их значения. Превосходные воины оказались никудышными политиками. Они превратили Монголию в захолустье. Единственным их желанием оказалось захватить Карабалгасун и ограбить его. Таким образом, кыргызы подвергаются исторической критике, так как не вымогали подарков с цивилизованного Китая [Барфилд, 2009].

Политическая история Кыргызского каганата прекрасно вписывается в геополитическую модель окраинного преимущества Р. Коллинза. Согласно этой модели, общество с наименьшим числом противников на прилегающих территориях имеет тенденцию побеждать в конфликтах и увеличивать свое преимущество. С течением времени окраинное преимущество пропадает, периферия становится центром и подвергается военному давлению извне. Поэтому военные победы кыргызов в Центральной Азии оказались недолговечными.

Ю. С. Худяков указал на одну из причин сравнительной недолговечности кочевых государств Центральной Азии. По его мнению, переход «рядовых членов правящего племени на военизированное положение означал подрыв их традиционного хозяйства, быструю убыль мужского населения фертильного возраста в войнах, размывание этноса вследствие расселения на большой территории в иной этнической среде» [Худяков, 1976, с. 209]. Ю. С. Худяков считал, что нечто подобное произошло и с кыргызами, так как в войнах с уйгурами poleg «весь цвет кыргызского воинства». Он обратил внимание, что большинство кыргызских погребений с оружием в Туве имели в составе инвентаря палаши.

С учетом предположения археолога, что рубящее оружие передавалось по наследству, тувинские захоронения свидетельствовали о том, что у погибших еще не было мужского потомства. Чтобы не «распылять» свои силы на огромной территории, кыргызы в конечном итоге вынуждены были отказаться от контроля за южными областями [цит. по: Дашковский, 2015, с. 136].

Считается что отставание Восточной Европы, стран Закавказья, Ближнего Востока

и Средней Азии от Западной Европы связано с монгольскими завоеваниями, их разрушительными действиями. Для вековой Минусинской цивилизации это был смертельный удар. Ведь монголы, разрушая все на пути, вторгались в Минусинскую котловину не один раз, сильное восстание вместе с воинственным племенем тумат (предки саха) были в период правления Чингисхана (подавлял восстание Джучи), Хубилая (подавлял Кыпчакский корпус Тутухи).

ЛИТЕРАТУРА

1. *Азбелев, П.П.* Об инновациях IX в. в южносибирских культурах // Изучение историко-культурного наследия народов Южной Сибири. Выпуск 6. Сборник научных трудов. – Горно-Алтайск: АКИН, 2007. – С. 106–115.
2. *Базаров, Б.В., Крадин, Н.Н., Скрынникова, Т.Д.* Монгольская империя и кочевой мир. Книга 3. – Улан-Удэ: Изд-во ИМБит СО РАН, 2008. – 498 с.
3. *Барфилд, Т.* Опасная граница. Кочевые империи и Китай (221 г. до н. э. – 1757 г. н. э.). – СПб.: Факультет филологии и искусств СПб. университета, 2009. – 488 с.
4. *Дашковский, П.К.* Кыргызы на Алтае в контексте этнокультурных процессов в Центральной Азии. – Барнаул: Изд-во Алтайского госуд. унив-та, 2015. – 224 с.
5. *Савинов, Д.Г.* Памятники енисейских кыргызов в Горном Алтае // Вопросы истории Горного Алтая. – Горно-Алтайск, 1980. Вып. 1. – С. 161–169.
6. *Скобелев, С.Г.* Енисейские кыргызы – кочевники или земледельцы: задачи преодоления распространенного стереотипа // Научное обозрение Саяно-Алтая. – 2017. – № 1. – С. 76–85.
7. *Плетнева, С.А.* Кочевники Средневековья: поиски исторических закономерностей. – М., 1982. – 188 с.
8. *Худяков, Ю.С.* Структура военной организации у кыргызов в IX–X вв. // Из истории Сибири. – Томск, 1976. Вып. 21. – С. 207–213.

ИСТОРИЯ И ТРАДИЦИИ НАРОДОВ САЯНО-АЛТАЯ И СОПРЕДЕЛЬНЫХ ТЕРРИТОРИЙ

*Н. О. Тадышева,
Научно-исследовательский институт
алтаистики им. С. С. Суразакова (Россия)*

СОХРАНЕНИЕ ТРАДИЦИОННОЙ СВАДЕБНОЙ ОБРЯДНОСТИ У АЛТАЙЦЕВ И ХАКАСОВ В СОВРЕМЕННЫЙ ПЕРИОД

В новых социокультурных условиях сохраняются основные кульминационные обрядовые элементы традиционной свадьбы. Но современные условия неприемлемы для проведения свадьбы по традиционному сценарию, чем и вызваны хронологические сокращения и локализация основного свадебного торжества в общественных местах. Трансформации традиционного церемониала и формирование новой обрядности являются следствием тенденции к унификации социокультурного пространства.

Но все же в современной свадебной обрядности прослеживаются архаичные черты. Так, жених и невеста проходят ряд ритуалов, в которых прослеживается влияние культа огня, магии слова, а также по отношению к невесте проводятся обряды перехода – отделение от своих близких родственников и включение в «чужой» род, семью.

Ключевые слова: Саяно-Алтай, свадебная обрядность, устойчивость, трансформации, сакральность.

*N. O. Tadysheva,
S. S. Surazakov Scientific-Research
Institute of Altaistics (Russian Federation)*

PRESERVATION OF TRADITIONAL WEDDING RITUALS OF THE ALTAIAN AND THE KHAKAS IN THE MODERN PERIOD

The main culminating ritual elements of a traditional wedding are preserved in the new social cultural conditions. But modern conditions are not acceptable for a traditional wedding ceremony what caused chronological reductions and localizations in public places. The transformation of traditional ceremony and the formation of new rituals is a consequence of the tendency towards unification of the sociocultural space. Nevertheless, archaic

features can be traced in modern wedding rituals, as the bride and groom undergo a series of rituals, in which the influence of the cult of fire, magic of the word is traced, also transition rites are performed in relation to the bride – separation from her close relatives and inclusion to the «alien» family.

Key words: Sayano-Altay, wedding rites, stability, transformations, sacredness.

В современных условиях, когда процесс демократических преобразований охватил практически все сферы российского общества, особый интерес приобретает трансформация социальных институтов и отношений, в том числе и такого, как обрядность. Инновационные изменения, проходившие в свадебной обрядности на протяжении XX в., существенно повлияли на свадебный ритуал, слившись с его традиционными элементами.

Во время комплексной экспедиции в 2017 г. в Республике Хакасия (участники: А. А. Кыржинаков, к. и. н., доцент Хакасского государственного университета им. Н. Ф. Ка-

танова; Н. С., к. фил. н., вед. н. с. Хакасского научно-исследовательского института языка, литературы, истории; Н. О. Тадышева, к. и. н., зам. дир. НИИ алтаистики им. С. С. Суразакова; Г. В. Юлдыбаева, к. фил. н., ст. н. с. Института истории, языка и литературы Уфимского научного центра РАН) наблюдали проведение свадьбы в Музее-заповеднике «Хуртуях тас» в аале Анхаков Аскизского района Республики Хакасия [Анхаковский].

Сотрудники музея-заповедника по сценарию провели свадебный обряд. У ворот на территорию заповедника работники музея в национальной одежде встретили молодых и их родствен-

ников. Чтобы пройти дальше, друзья жениха должны были показать танец белых лебедей, затем поднести дары (сосуды со спиртным). После прохождения испытаний сотрудники музея поднесли национальные блюда и айран (молочный напиток), объяснив, что это хакасский обычай – так встречать гостей. Некоторое расстояние невеста прошла под платком в сопровождении подруг, двигалась процессия за посаженной матерью, которая шла, говоря благословления молодым на хакасском и русском языках. Шествие сопровождалось современными конкурсами-испытаниями. Была экскурсия и лекция о каменной стеле Улуг Хуртуях тас. Здесь родственница со стороны жениха обошла изваяние три раза, окропляя прутиком из травы стелу молоком из пиалы, произносила благопожелания молодым. Все присутствующие родственники также за ней обошли изваяние три раза, затем молоко дали пригубить жениху, невесте и оставшееся молоко поставили у стелы. После этого всех присутствующих попросили выйти, оставив молодых и сотрудницу музея. Выход молодых из экспозиции был встречен присутствующими песней на хакасском языке.

В отдельной юрте была проведена имитация обряда «сют агы», «эмджек агы», как плату за грудное молоко матери невесты мать жениха поднесла ей деньги. Снаружи юрты состоялся конкурс для молодых: жениху нужно было расколоть деревянную чурку, а невеста должна была разжечь огонь. Родственница со стороны жениха деревянной ложкой окропляла огонь молоком из пиалы, обходя его три раза и приговаривая благопожелания, невеста шла за ней, держа блюдо с традиционной пищей и во время каждого круга в части, где находился «рот» очага, клала жертвенную пищу. В другом аиле проведена церемония бракосочетания с вручением свидетельства музея [Научный архив Научно-исследовательского института алтаистики им. С. С. Суразакова. МНЭ. Дело № 129].

В Республике Алтай в 2017 г. был зафиксирован свадебный обряд в городских условиях. Свадьба проводилась в доме родителей жениха. По обычаю невеста в день свадьбы находилась в доме старшего брата, дяди. За ней отправились на нескольких машинах, загрузив свадебную занавесь, взяв с собой гостинцы, продукты. Невесту отдали после прохождения испытаний. Прежде чем с ней отправиться, невесту покормили. Выводили и заводили невесту за свадебную занавесь (көжөгө) с исполнением песен. В традиционном айыле дядя жениха по материнской линии (таайы) разжег огонь в треножнике

и провел башпаады (букв. голова пошла), здесь слово дается, когда во время свадебной церемонии дается право говорить благопожелание (алкыш). В это же время проведен обряд заплетания волос невесты – невестки (со стороны жениха и невесты): волосы девушки разделяли четко посередине головы на две косы. Их заплетали, намазывая молоком. В настоящее время, когда у многих невест короткие стрижки, тем не менее обряд обязателен. После всех обрядов таайы открыл свадебную занавесь, благословляя молодых. Всех присутствующих родственники жениха пригласили за стол. Через несколько часов проведен в доме родителей невесты белкенчек (букв. задняя часть туши животного). На следующий день после свадьбы родственники жениха приходят к родителям невесты в знак уважения к ним за воспитание дочери с подношениями, также проводился обряд выкупа приданого невесты. Проведен обряд гостевания молодых. Сватов чествовали родственники невесты. Вечером в кафе проведена регистрация брака с приглашением служащего ЗАГСа и свадебный банкет с участием всех приглашенных с двух сторон [Научный архив Научно-исследовательского института алтаистики им. С. С. Суразакова. МНЭ. Дело № 136].

В проведении современных свадебных обрядов в Музее-заповеднике «Хуртуях-тас» и в городских условиях в Республике Алтай прослеживаются одинаковые черты:

- зрелищность: в первом случае наблюдается в национальных одеждах сотрудников музея и некоторых гостей свадьбы, веселые конкурсы; во втором – жених и невеста в национальной свадебной одежде, свадебная занавесь, песни при походе за невестой;

- знаково-символические системы традиционной культуры – обычай закрывать лицо невесты; ритуал с чашей с молоком, где на первый план выходит сакральность молока, представление о нем как об обереге; во всех свадебных церемониях народов Саяно-Алтая присутствует благопожелание (*алкыш* у алтайцев, у тувинцев – *йθрээлдер*, у хакасов – *алгыс сөзі*) как наиболее архаичный жанр народной поэзии, основанный на магии слова, направленный на пожелание благополучия в жизни, благоденствия и здоровья молодой семье; поклонение огню, в котором отражены архаические представления о культе огня, здесь огонь – символ новой семьи, нового дома; сохраняется реликтовый обряд «энезинин сүдинин каргыжы» (букв. проклятье материнского молока) у алтайцев, «сют агы» (букв. белое молоко) или «эмджек агы» (букв. грудь белая)

у хакасов, у тувинцев – «эмиг каргыжы» (букв. проклятье груди);

– имитации обрядов в музее или их упрощенный вариант в городских условиях: в музее свадьба проводилась в игровой форме, тем самым, можно сказать, теряется смысловая нагрузка обряда его сакральность; в г. Горно-Алтайске из-за объединения в один день трех торжеств чувствовалась некоторая фрагментарность, отрывочность, которая также сказалась на целостной картине проведения традиционной свадьбы.

Безусловно, необходимо отметить, что хронологические трансформации привели к формированию нового типа свадебной обрядности в современное время, в котором сочетаются традиционные и современные обряды, а разнообразие вариантов обеспечивается различной комбинацией обрядовых элементов. Ход свадьбы зависит от многих факторов, начиная от местности, где

проходит торжество, и заканчивая личными предпочтениями молодых и знаниями членов их семей традиционного сценария свадьбы.

И проведение свадьбы в музее облегчает вхождение музейного зрителя в национально-этнографическую традицию, происходит «погружение» в культуру и культурную среду. Сотрудниками музея в современных условиях урбанизации, в связи с уходом знающих обряды пожилых людей, трансформации и исчезновения обрядов проводится работа по популяризации традиционных свадебных обрядов и предпринимается попытка сохранения традиционной культуры.

Благодаря проведению свадеб по упрощенной форме, в игровом виде традиционная свадебная обрядность сохраняется и развивается, трансформируясь под новые условия. Прослеживается идея «соприкосновения с традициями».

ЛИТЕРАТУРА

1. Анхаковский музей-заповедник «Хуртуях-тас». [Электронный ресурс] // Электрон. текст. дан. [Б.м.], [Б.г.]. URL: <http://хуртуяхтас.рф> (дата обращения 20.12.2017).
2. Научный архив Научно-исследовательского института алтаистики им. С.С. Суразакова. МНЭ. Дело №129. Свадьба Толмачевых. Музей-
- заповедник «Хуртуях-тас», аал Анхаков Аскизского района Республики Хакасия, запись 2017 г.
3. Научный архив Научно-исследовательского института алтаистики им. С.С. Суразакова. МНЭ. Дело №136. Свадьба Тодошевых. г. Горно-Алтайск, запись 2017 г.

А. А. Кыржиников,

Хакасский государственный университет им. Н. Ф. Катанова (Россия)

ТРАДИЦИОННЫЙ КАЛЕНДАРЬ ХАКАСОВ: ОТРАЖЕНИЕ ХОЗЯЙСТВЕННЫХ ЗНАНИЙ

Статья посвящена анализу традиционной системы исчисления времени и пространства у хакасов в аспекте отражения в ней их хозяйственных занятий. В хакасском календаре прослеживаются локальные варианты номинаций месяцев, связанные со скотоводческим, охотничье-земледельческим направлениями. Автор

приходит к выводу, что в календаре хакасов отражены два основных хозяйственно-культурных комплекса: горно-степной скотоводческий, горно-таежный охотничье-земледельческий.

Ключевые слова: хакасы, календарь, скотоводство, охота, таежные промыслы.

Artur A. Kyrzhinikov,

Khakas State University named after N. F. Katanov (Russia)

TRADITIONAL KHAKAS PEOPLE CALENDAR: REFLECTION OF ECONOMIC ACTIVITIES

The article is devoted to the analysis of the traditional system of calculation of time and space in khakas people in the aspect of reflection of their economic activities. In the khakass calendar, local variants of the nominations of months associated with cattle breeding, hunting and agricultural areas

are traced. The author comes to the conclusion that the khakas calendar reflects two main economic and cultural complexes: mountain-steppe cattle-breeding, mountain-taiga hunting and agricultural.

Key words: khakas people, calendar, animal husbandry, hunting, taiga works.

В традиционной культуре хакасов важное место занимало исчисление временного цикла. В историографии о календаре хакасского этноса насчитывается небольшое количество научных изысканий исследователей дореволюционного и отечественного периодов. Первые сведения о названиях месяцев у коренного населения Хакасии встречаются в работе Г.Ф. Миллера в XVIII в. В ней автор отметил 12 месяцев степных хакасских скотоводов [Миллер, 2009, с. 74]. В XIX в. в материалах первого хакасского ученого Н.Ф. Катанова также имеются названия месяцев календаря [Радлов, 1907, с. 359]. В середине XX в. оставил сведения о названиях месяцев у южных хакасов П.И. Каралькин [Каралькин, 1947]. Впервые обстоятельно о хакасском календаре написал профессор В.Я. Бутанаев. В его труде дано подробное этнографическое описание традиционной системы летоисчисления хакасов, с учетом влияния православия. Например, автор пишет: «В настоящее время в двенадцатилетнем животном цикле «муче» население сохранило довольно смутные представления, т.к. в течение XVIII–XIX вв. он был полностью вытеснен православным календарем» [Бутанаев, 1984, с. 326–331].

На основе имеющегося этнографического материала нам представляется возможным проанализировать и раскрыть особенности национального календаря в аспекте отражения хозяйственного цикла у хакасов.

Календарная система «мючел» коренного населения Республики Хакасия, зародившаяся еще в эпоху Кыргызского государства, в VI–XII вв. н.э., была основана на лунно-солнечном измерении времени и пространства. В китайской летописи отмечено: «Первый месяц в году называют Маоши ай. Ай значит месяц. Три месяца составляют четверть года. Годы считаются двенадцатью знаками; напр., год в знаке Инь называют годом тигра. Атмосфера наиболее холодная, даже большие реки до половины промерзают. Сеют просо, ячмень, пшеницу и гималайский ячмень. Муку мелют ручными мельницами; хлеб сеют в третьей, а убирают в девятой луне» [Бичурин, 1950, с. 350]. Из примера видно, что население использовало лунное исчисление в хозяйственном земледельческом цикле. Из пяти «муче» складывался век – «пукул», в котором насчитывалось 60 лет. Каждый из пяти «муче» носил определенную цветовую символику, соответствующую пяти стихиям: синий (кёк) – цвет неба, красный (хызыл) – огня, белый (ах) – воды, черный (хара) – земли и зеленый (от кёк) – растительности. Для обозначения поня-

тия «год» хакасы используют термин «чыл», который определяется с помощью двенадцати животных и имеет свои характерные признаки. Первый год летоисчисления начинается с года мыши – «кёске чылы» (хороший, теплый год), второй – коровы «інек чылы» – (холодный год), третий – лисы «тўлгў чылы» (плохой год), четвертый – зайца «хозан чылы» (холодный год), пятый – год ящерицы «килескі чылы» (хороший год), шестой – год змеи «чылан чылы» (теплый год), седьмой – год лошади «чылыгы чылы» (теплый год), восьмой – год человека «кızı чылы» (холодный год), девятый – год овцы «хой чылы» (холодный год), десятый – год курицы «таңах чылы» (хороший год), одиннадцатый – год собаки «адай чылы» (год недостатка молочных продуктов – качинцы), двенадцатый – год журавля «турна чылы» (теплый, хороший год – сагайцы); тринадцатый – год свиньи «сосха чылы» (трудный год – качинцы), год козы «ёскі чылы» (хороший год – сагайцы) [Бутанаев, 1984, с. 326]. Из них год мыши, ящерицы, змеи, курицы, журавля, козы считаются теплыми и благоприятными, а года коровы, лисы, зайца, человека, овцы, собаки, свиньи являются холодными и неблагоприятными.

Хакасский лунный месяц насчитывал 30 дней. Он делился на новолуние «ай наазы» и на старую луну «ай иргізі». Междулуние «ай аразы» – период рождения новой луны. Полнолуние «ах толы» наступало на 14-й день, а 15-й день являлся последним днем новой луны, называвшийся «хызыл толы» – красное полнолуние. По представлению хакасов, в день красного полнолуния месяцу обрезали горло, и он, обогранный кровью, медленно начинал умирать. Счет старой луны вели в обратном направлении. На второй день старой луны месяц исчезал из поля зрения [Бутанаев, 1984, с. 326].

Начало годового цикла начинался с приходом весны. Этот временной отрезок соответствовал дню весеннего равноденствия – 21–22 марта. Следует отметить, что начало месяца в хакасском календаре начиналось примерно с 19–20 чисел предыдущего месяца, а конец приходился к этим же числам проходящего месяца, что соответствовало лунному измерению времени. Март у таежных хакасов назывался месяцем бурундука «корек айы». В это время у пушных зверьков начинается гон, в связи с этим на них охотились. Охотник с помощью манка подманивал их и с помощью лука со стрелами добывал. Стрелы наконечников специально делали тупыми, для того чтобы не испортить шкурку зверька. Также бурундуков ловили укрюком, на

конце которого была петля из конского волоса. Для укрюка брали тонкий прут длиной 3–4 м, на конце привязывали петлю. Зверолов сидя подзывал бурундуков и резко вставал, а зверьки мгновенно залезали на близстоящее дерево. Затем промышленник ловил их с помощью укрюка (урух) [Кыржинаков, 2005, с. 64]. У степных хакасов, качинцев, койбалов и части сагайцев март назывался «хаан/хоон», месяц возвращения перелетных птиц, гомон которых по-хакасски звучит «хаан-хоон». У кызыльцев он назывался «харга айы» – месяц вороны [Бутанаев, 1984, с. 326].

Апрель у хакасских скотоводов назывался «хосхар» – козел. В это время начиналась весенняя обработка овец (метка, стрижка, кастрация). В связи с этим этот месяц также называли «хой хырыхчан хосхар ай» – месяц стрижки овец. У северных хакасов (кызыльцы. – К. А.) он носил название «кёок айы» – месяц кукушки. У таежного населения Хакасии он именовался как «хыра айы» – букв. месяц пашни, также «абыл айы» – месяц абыла (пахотное орудие), т. е. месяц пахотных работ [Бутанаев, 1984, с. 326]. По материалам П. И. Каралькина, у южных хакасов апрель назывался «пис ай» – месяц кандынка [Каралькин, 1947, с. 7].

Май у степных скотоводов Хакасии обозначался как «силкер», т. е. месяц озеленения деревьев. Кызыльцы называли «кiчiг iзiг ай» – месяц малой жары. У таежных хакасов май имел название «пис айы» или «хандых айы» – месяц заготовки кандыка.

Июнь у многих этнографических групп хакасов назывался «тос айы» – месяц заготовки бересты. Береста у них использовалась для покрытия юрт, а также для изготовления предметов быта. В XX в. бересту также заготавливало таежное население с целью для розжига печи (ПМА, сведения А. В. Тахтараковой, 1917 г. р.; М. Н. Пакачакова, 1942 г. р.). У кызыльцев июнь считался месяцем большой жары – «улуғ iзiг». Таежные хакасы называли также как «улуғ ай» – месяц больших дней.

Июль именовался как «от айы» – месяц сенокоса. Все это время занимались заготовкой сена (ПМА, сведения М. Н. Пакачакова, 1942 г. р.).

Август назвался «орғах ай» – месяц жатвы. В этот период на пашнях начиналась жатва хлеба (ПМА, сведения А. В. Тахтараковой, 1917 г. р.; М. Н. Тинниковой, 1926 г. р.).

Сентябрь у подтаежных хакасов был связан с молотью урожая, поэтому назывался «уртун ай». Этот месяц у степных скотоводов ассоциировался с приходом осени, поэтому его именовали

«сарыг пур» – букв. желтый лист. Они его также обозначали «улгер», обозначавший Ориона. Вероятно, это название связано с охотой на маралов. В это время хакасы охотились на копытных. Как известно, в сентябре у маралов начинается гон, и на них хакасские звероловы охотились. По хакасской мифологии Орион – это души трех маралух, превратившихся в звезды. В древние времена в Хакасии жил богатырь Кокетей, который спас и вскормил щенка, рожденного из яйца турпана. По хакасским поверьям, турпан разбивает впервые снесенное яйцо, иначе из него рождается мифическая собака Хубай хус. Во время охоты от нее не может скрыться ни один зверь, ни одна птица. Однажды Кокетей вместе с крылатой собакой Хубай хус погнался за тремя маралухами. Загнанные звери попросили помощи у богов и были взяты на небо. Кокетей был превращен в звезду Сириус «Кокетей чылтыс». Там он вместе со своей собакой Хубай хус должен вечно гнаться за тремя маралухами (ряд из трех наклонно расположенных звезд Ориона). Кокетей стреляет в этих зверей. Стрела Кокетей (звезда Бетельгейза) ранила одного из маралов и имеет окровавленный цвет. Только в «последний год» мира Кокетей сойдет на землю и поможет людям. Катастрофа наступит тогда, когда на концах ушей зайца исчезнут черные пятна и хвост горностаия станет полностью белым. Каждый год у них выпадает по одной черной волосинке. Охотники, отправляясь в тайгу, поклонялись своему кумиру Кокетею (Сириусу) и просили об удаче на промысле [Бутанаев, 1984, с. 326; Очерки истории Хакасии с древнейших времен до современности, 2008, с. 431].

Октябрь имел названия у скотоводов «кичкер» – месяц малых морозов, а у таежников – «чарыс айы» – разделенный месяц, был связан осенним равноденствием. По их воззрениям, в это время зима и лето вступали между собой в противоборство.

Ноябрь именовался как «хырлас», «улуғ соох», т. е. месяц больших морозов. У бельтыр обозначался старушечьим месяцем – «хуртуйах айы». В это время день становится очень коротким, что якобы, пока старуха оденется, наступает вечер.

Декабрь имеет несколько номинаций – «алай», «улай», т. е. месяц исторжения воплей из-за большого мороза. К тому же у подтаежного населения Хакасии он назывался «кiчiг ай» – месяц коротких дней. В это время высота солнца в полдень достигает «длины конских пуг».

Январь «күрген» – месяц Плеяд. В это время хакасы наблюдали за схождением Плеяд с Луной

«айнаң хонысханы» на девятый день новолуния и по ним определяли будущий год. Если Луна «покрыла» их, то будет холодный год, если прошла рядом, то – урожайный [Бутанаев, 1984, с. 326].

У южных хакасов январь носил название «үзүрген айы» – месяц икрометания налима [Каралькин, 1947, с. 7]. В это время, вероятно, южные хакасы занимались подледным рыболовством. Таежные хакасы его называли «чил айы» – месяц ветров.

Февраль у сагайцев, качинцев, койбалов, бельтыр обозначался «пöзіг», связан был с высоким восхождением солнца. По народным приметам в это время солнце поднималось «на длину аркана». У кызыльцев он именовался «хузургул» – месяц орла. Это был период сильных ветров, когда сдуваются даже гнезда орлов. У таежного населения Хакасии «азыг айы» – месяц медведя [Бутанаев, 1984, с. 329].

В семи из двенадцати приведенных названий месяцев года прослеживаются хозяйствен-

ные отрасли хакасов – скотоводство, земледелие и таежные промыслы. У степных хакасских скотоводов в названиях месяцев преобладают названия, связанные со скотоводством, а у подтаежного и таежного хакасского населения – с таежными занятиями и земледелием. Другие пять месяцев у всех хакасов отражают природно-климатические изменения в окружающей среде.

Итак, традиционный календарь несет информацию о погодно-климатических условиях и отражает два основных локальных варианта хозяйственного уклада хакасского населения, сформированных в степной, подтаежной и таежной зонах Хакасии. Первый вариант, горно-степной, существовал у степных скотоводов, основанный на полукочевом скотоводстве с сочетанием других хозяйственных занятий. Второй – горно-таежный хозяйственно-культурный комплекс у таежного и подтаежного хакасского населения – был тесно связан с таежными промыслами и земледелием.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бичурин, Н.Я. [Иакинф] Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена // Т. I. – М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1950. – 382 с.
2. Бутанаев, В.Я. Народный календарь хакасов. Рериховские чтения 1984 г. // Материалы конференции. – Новосибирск, 1985. – С. 326–321.
3. Бутанаев, В.Я. Хакасско-русский историко-этнографический словарь: учебное пособие для преподавателей гуманитарных вузов тюркоязычных республик России. – Абакан: УПП «Хакасия», 1999. – 240 с.
4. Бутанаев, В.Я., Бутанаева, И.И., Буров, В.Ф., Верник, А.А., Кыржинаков, А.А., Торбостаев, К.М., Тутаркова, Н.В., Амзараков, П.Б. Очерки истории Хакасии (с древнейших времен до современности). – Абакан: Издательство Хакасского государственного университета им. Н.Ф. Катанова, 2008. – 672 с.; илл.
5. Каралькин, П.И. Земледелие и охота у бельтыров. (по материалам экспедиции в Аскизский и Таштыпский районы в 1947 г.). Рукописный фонд ХакНИИЯЛИ. Ф. № 341. – 40 с.
6. Кыржинаков, А.А. Таежные промыслы хакасов в XIX–XX вв. Диссер... на соискание ученой степени канд. ист. наук (рукопись). – Абакан, 2005. – 229 с.
7. Миллер, Г.Ф. Описание сибирских народов / пер. с нем. – М.: Памятники ист. мысли, 2009. – 453 с. (Источники по истории Сибири и Аляски в российских архивах: Т. 8, ч. 1: Этнографические труды).
8. ПМА (Полевые материалы автора), информанты: Анисья (Ама) Васильевна Тахатракова 1917 г.р., с. Картоев, Аскизский р-н; Матрена Никитична Тинникова 1926 г.р.; Максим Николаевич Пакачаков 1942 г.р., с. Кызлас, Аскизский р-н, Республика Хакасия.
9. Радлов, В.В. Образцы народной литературы тюркских племен, живущих в Южной Сибири и Дзунгарской степи: [на языках подлинников] / изд. В. Радловым. – СПб.: [б. и.], 1866 – 1907. Ч. 9: Наречия урянхайцев (сойотов), абаканских татар и карагасов: тексты / собр. и пер. Н.Ф. Катановым. – 1907. – 756 с.

*М. П. Чебодаева,**Хакасский научно-исследовательский институт
языка, литературы и истории (Россия)*

**ХАКАССКАЯ НАРОДНАЯ ВЫШИВКА
В ТРАДИЦИОННОМ МУЖСКОМ КОСТЮМЕ
(орнаментальные мотивы и расположение вышивки на костюме)**

Статья посвящена анализу хакасской народной вышивки в традиционном костюме. Основой для исследования послужили музейные коллекции Российского этнографического музея (Санкт-Петербург), Музея антропологии и этнографии им. П. Великого (Кунсткамера) и Хакасского национального музея. Автор рассматривает расположение вышивки на мужской одежде у качинцев, сагайцев, койбалов, кызыль-

цев и шорцев. Хакасская народная вышивка в костюме носила мифологические мотивы и была своеобразным оберегом человека. Главные орнаментальные мотивы в вышивке были связаны с пантеоном богов у хакасов – Тенгри, Умай, От Иней, Чир-Су, Солнцем и Луной.

Ключевые слова: хакасская народная вышивка, орнаментальные мотивы.

*М. P. Chebotaeva,**Khakass Research Institute of Language,
Literature and History (Russia)*

**Khakass Folk Embroidery in the Traditional Men's Suit
(ornamental motifs and the placement of embroidery at the suit)**

The Article is devoted to the analysis of Khakass folk embroidery in traditional costume. The basis for the study were the Museum collections of the Russian Museum of Ethnography (St. Petersburg), the Museum of anthropology and Ethnography. P. the Great (Kunstammer) and the Khakass national Museum. The author considers the location of embroidery on men's clothing from the Kachin,

Saginaw, kabalov, Kyzyltau and Shors. Khakass folk embroidery in a suit had a mythological character and was a kind of talisman of a man. The main ornamental motifs in the embroidery were associated with the Pantheon of gods in Khakas-Tengri, Umai, From Hoarfrost, Xip-Sub Sun and Moon.

Key words: Khakass folk embroidery, ornamental motifs.

В декоративно-прикладном искусстве хакасов народная вышивка – явление чрезвычайно сложное и многогранное, уходящее своими корнями в скифо-тагарскую культуру. Наиболее древняя вышивка (на кожаных ножнах) в Хакасии была найдена в 1965 г. у д. Сарагаш археологом М. П. Грязновым в могиле юноши. Вышивка выполнена в технике тамбурного шва с мотивом «мировое древо». В настоящее время эта древнейшая вышивка хранится в Государственном Эрмитаже в Санкт-Петербурге.

Со временем вышивка у хакасов стала одним из наиболее распространенных приемов украшения одежды. Шитьем украшали практически всю праздничную одежду, шубы, сикпены, сигедеки, платья и рубахи, мужские штаны, головные уборы и обувь. Искусство хакасских рукодельниц-вышивальщиц упоминается в героических сказаниях «Ах Чибек Арыг» и «Алтын Арыг».

Вышивание в хакасском традиционном обществе носило определенный этикет. Данным ремеслом занимались исключительно девушки, как члены семьи, наиболее располагающие временем и досугом, занимающиеся домашним бытом и хозяйством. Каждая хакасская девушка умела вышивать и в результате практики достигала известной степени мастерства в этом виде искусства. Почти в каждом аале, состоящем из 3 до 15 родственных семей, имелась хотя бы одна мастерица, пользующаяся славой в своем небольшом селении.

Сибирский исследователь хакасской вышивки А. В. Адрианов писал: «При самом поверхностном наблюдении над жизнью минусинских и ачинских инородцев бросается в глаза повсеместное распространение вышивок на костюмах. Ни у каких других народностей, с которыми мне приходилось иметь дело, каковы калмыки на Алтае, черневые татары в Кузнецком

уезде, киргизы в Семипалатинской области, буряты в Иркутской губернии, остяки и самоеды на севере Томской губернии, наконец, сойоты по верхнему Енисею и монголы в Монголии, я нигде

не видел такой любви к украшению одежды, как у инородцев Ачинского и Минусинского уездов» [Адрианов, 1911–1912, с. 103].

I. Орнаментальные мотивы в вышивке

По представлениям хакасов, макрокосмос делится на Верхний, Средний и Нижний миры, между которыми распределены живые существа, боги и духи. У хакасов в Верхнем мире находятся высшее божество Тенгри, богиня Умай, Чол-Тенгри, богиня Огня «От иней», богиня Солнца и богиня Луны, в Среднем мире – Чир-Су (Земля-Вода), в нижнем – бог Эрлик. Божество Тенгри, являясь главой тюркского пантеона, предопределяет судьбы людей, сроки их жизни. В орхоно-енисейских памятниках Тенгри наделен определенными человеческими чертами и говорит человеческим языком.

В рамках основных монотеистических вероучений (христианство, ислам и иудаизм) тенгрианство может рассматриваться как вера в единого бога Тенгри. Данное вероучение впервые получило развитие в 1956 г. в работах французского исследователя Жан-Поля Ру, выступившего с работой «Tangri. Essaisurleciel-diendespeoplesaltaigues» [Roux, 1956]. В работе автор рассмотрел идею о едином боге неба Тенгри у тюркских и монгольских народов с древности и до современности. В последние годы идея Ж.-П. Ру о едином боге у тюркских народов (казахов, кыргызов, алтайцев и хакасов) получила широкое освещение в работах современных ученых Л.П. Потапова, Ю.И. Дробышева, Н.Г. Аюпова, Н.В. Абаева, П.К. Дашковского, А.И. Котожекова, А.А. Бурнакова и др.

Хакасы считали, что Вселенной правят: бог Тенгри – верховное божество, Чир-Су (Земля-Вода), Эрлик, Чол Тенгри, богиня Умай, богиня Огня, богиня Солнца и богиня Луны. Бог Тенгри вместе с богом Чир-Су («Землей-Водой») вершили земные дела и прежде всего «распределяли сроки жизни», однако рождением людей ведала богиня Умай – олицетворение женского земного начала, а их смертью – бог подземного мира Эрлик. Бог Чир-Су (Земля-Вода) и Тенгри воспринимались как две стороны одного начала, не борющиеся друг с другом, а взаимно помогающие друг другу.

Известный ученый Н.Ф. Катанов писал: «Боги кудаи живут на небе, выше всех облаков, Живут они в юртах, перед нею стоит золотая коновязь, а внутри ее сидят за занавеской семь или девять богов кудаев и держат перед собой

«большую книгу жизни», в которой отмечают родившихся и умерших» [Примечание, 1887, с. 223–224].

Структура Вселенной у хакасов. Выразительной особенностью тенгрианства было выделение трех зон Вселенной: Небесной, Земной и Подземной, каждая из которых, в свою очередь, воспринималась как видимая и невидимая.

Небесный мир (Верхний, Невидимое Небо, дальний) состоял из семи горизонтальных ярусов, каждый из которых был обителью того или иного божества. На самом верхнем ярусе жил бог Неба Тенгри. Хакасские боги перемещались на конях, поэтому в жертву им приносили лошадей. Видимое Небо (ближний) было куполообразным. В нем располагались Солнце и Луна, звезды и радуга. Верхний Мир населен шестью главными богами – Тенгри, Умай, Огонь, Чол Тенгри, Солнце и Луна.

1. Бог Неба и Грозы Тенгри (с XIX в. у хакасов – Худай) в мифологии хакасов был божеством Верхнего мира. Именно он распоряжался всем происходящим в мире и прежде всего предопределял судьбы людей, распределял сроки жизни людей. В эпоху Кыргызского каганата бог Тенгри даровал каганам мудрость и власть, народу даровал каганов, наказывал согрешивших против каганов и приказывал каганам решать государственные и военные дела. Бог Тенгри считался супругом богини Ымай (Умай).

Орнамент бога Тенгри в народной вышивке – прямой или косой крест.

2. Богиня Умай

Богиня Умай в мифологии хакасов олицетворяла женское начало, была богиней плодородия и покровительствовала детям и воинам. Она считалась супругой бога Неба Тенгри.

В 1928 г. внешний облик богини Умай описала этнограф Н. Дыренкова: «Турецкие племена Сибири (как выявляется из молитв к Умай) представляют Умай в образе светлой женщины с длинными белыми или рыжими волосами в белой одежде (телеуты, шорцы, сагайцы). В молитвах Умай называют «золотоволосой среди 40 девиц и чистой» (телеуты), «матерью Умай с гребневидными волосами с чистейшими устами» (телеуты), «богатой матерью с пыш-

ными волосами, семидесяти люлек чистой матерью одетой в шелк, красивой девицей» (шорцы), «матерью Ымай с шестьюдесятью развевающимися косами» (качинцы) [Дыренкова, 1928, с. 135].

Орнамент богини Умай в хакасской вышивке – трилистник и праты и тартханы, которые символизировали саму богиню.

3. Бог Ыер-Су (Чир-Су)

В мифологии хакасов бог Чир-Су (Земля-Вода) олицетворял мужское начало и был богом Среднего мира, населенного людьми. Он покровительствовал людям, наделялся благодетельной и карающей функциями, иногда он выступал в значении Родины. Каменные изваяния бога Чир-Су (Земля-Вода) с бронзового века были установлены в степи, среди гор, рек, озер и лесов, где совершались жертвоприношения. Богу Чир-Су (Земля-Вода) подчинялись все духи-хозяйева гор, тайги, рек и озер.

В 1977 г. археологом А.Н. Липским была опубликована статья «Древнейшие енисейские изваяния – тагээзи», где автор, изучавший в течение многих лет окуневские изваяния, не без основания пришел к мнению, что древнейшие каменные изваяния в Хакасии «это изображение духа – хозяина места. Это пережитки верований того времени, когда человек зависел от сил природы, был слаб в борьбе с ними и населял природу духами, от которых, по его представлениям, зависела удача на промысле, личное благополучие» [Липский, 1977].

Орнамент бога Чир-Су (Земля-Вода) в народной вышивке был связан с геометрическим орнаментом, который встречается на рубашках, платьях, шубах в виде пунктирных линий, волн, зигзагов, овалов и т. д.

4. Богиня Огня «От Иней»

Богиня Огня считалась сестрой богини Умай. Богиня Огня в мифологии хакасов олицетворяла женское начало и была хозяйкой жилища, его хранительницей, оберегом для человека, защитой для пасущегося (скота) и т. д. Образ богини Огня неразрывно связан с домашним очагом. Очаг был центром юрты, местом, где протекала жизнь семьи. Кроме того, очаг – связующее звено между предками и потомками, символ преемственности поколений. В традиционном понимании хакасов богиня Огня «От Иней» давала тепло и свет, постоянно охраняла домашний очаг и семью от злых сил, очищала пространство, приносила удачу и богатство хозяину, жила заботами главы дома. Для сохранения благополучия семьи женщины были обязаны ежедневно кормить богиню Огня.

В 1905 г. ссыльный революционер Д.А. Лаппо писал: «Огонь называется матерью, имеющей 30 зубов, и караульщиком дома днем и ночью. В честь духа огня закалывался обыкновенно белый холощеный баран с черными щеками. У духа огня 50 косичек, спускающихся на спину, шею и плечи. Этот дух охраняет хозяина дома спереди и сзади, днем и ночью. В связи с огнем и Плеяды, так как у них и огня – один покровитель» [Лаппо, 1905, с. 22].

Орнамент богини Огня в народной вышивке – это пятилистник (лотос).

5. Богиня Солнца «Кун»

Богиня Солнца в мифологии хакасов олицетворяла женское начало и была богиней жизни. Солнце считалось сестрой богини Луны. Солнце – начало начал, говорили хакасы. Подойди к нему, оно тебе все расскажет. Без него невозможно жить на земле. Оно является животворным источником, своей энергией питающей все живые существа. Солнцу хакасы молились, задабривали жертвоприношениями, устраивали в честь него праздники. Один из таких праздников – Новый год «Чил пазы» – сохранился до наших дней, его отмечают ежегодно 22 марта, первого весеннего месяца. Отпраздновав его, хакасы устраивали той и после этого покидали зимние стоянки, уходя со стадами на летние пастбища. Встреча весны, к которой так тщательно готовились, была народным праздником хакасов. Он был связан с поклонением богине Солнца.

Известный археолог Я.И. Сунчугашев в монографии «Древняя металлургия Хакасии. Эпоха железа» особое значение уделил солярному орнаменту. По его мнению: «Особое место в орнаментике, выполненной древними ювелирами, занимает Солнце. Оно изображалось как на сбруйных, так и на поясных бляхах. Рисунок солнца, которое глубоко почитали древние хакасы, выписывался даже в очень мелких масштабах, но с хорошо видимыми лучами в небольшие прямоугольные бляхи... Бытование культа Солнца и Луны в верованиях древних хакасов подтверждается и памятниками енисейской письменности. Глубокое почитание Солнца и Луны древними зафиксировано также в хакасских богатырских сказаниях, создание которых восходит к периоду существования древнехакасского государства» [Сунчугашев, 1979, с. 142].

Богиня Солнца «Кун» в народной вышивке изображалась в виде розеток. Еще с древних времен человек заметил, что точка захода солнца в течение года перемещается от юго-востока к северо-востоку и наоборот. Это природное

явление породило у художников представление о спиралевидном движении Солнца, а в орнаменте – изображение выше упоминавшихся розеток, весьма распространенных в искусстве народных мастеров. Лучшее время года в степи длилось от шести до восьми месяцев и приходилось на весну, лето и осень. Вот почему вышиваемый орнамент нередко приобретал форму шести-, восьмилепестковой розетки, вписанной в круг.

6. Богиня Луны «Ай»

Богиня Луны в мифологии считалась сестрой богини Солнца. Богиня Луны олицетворяла женское начало и почиталась как воплощение Трединой богини. В мифопоэтическом мыш-

лении хакасов Солнце и Луна воплощают собой высшую красоту во всем мироздании. В эпической традиции принято для изображения яркой женской красоты и ее духовной чистоты обращаться к образам небесных светил. Сравнение девичьей привлекательности с Солнцем и Луной распространено у хакасов и в народных песнях. В архаических воззрениях Луна и Солнце, как правило, фигурируют в неразрывном союзе друг с другом. Полагали, что они связаны между собой родственными узами. В мифах они нередко предстают в образе молодых девушек. Богиня Луны в хакасской вышивке получила мотив полумесяца.

II. Расположение вышивки в мужском костюме

Вышивка получила наибольшее развитие в украшении национального костюма. Вышивкой украшалась как мужская, так и женская одежда. Орнамент вышивки можно разделить на мужской и женский. Женская одежда украшалась орнаментом богини Умай (трилистник), Бога Чир-Су (Земля-Вода), богини От Иней (пяти-

листник-лотос), богини Солнца (розетка) и Луны (полумесяц). Мужская одежда украшалась орнаментом бога Тенгри (крест), Солнца (розетка) и бога Чир-Су (Земля-Вода) (геометрический орнамент). В этом была некоторая консервативность и каноничность хакасского орнамента.

Мужская одежда

Шуба

По покрою мужская шуба «тон», «кыскаатар тон», была распашной.

Шуба шилась длинной, заднюю часть ее делали длиннее, чем перед; от пояса шуба раскланивалась (от 3 до 7 клиньев); спинка шубы в зависимости от покроя пройм рукавов (глубоких, остроугольных) кроилась в узкую талию. Овчинные шубы – нагольные и крытые – были с круглым отложным воротником «мойдрых» из меха выдры или мерлушки; подол и левую полу оторачивали полосой меха, которая называлась «хума» (у бедных – мехом ягненка, у богатых – мехом выдры или мерлушки); к концам рукавов пришивали специально выкрашенную опушку из меха выдры или мерлушки, отгибающуюся и прикрывающую тыльную сторону кисти руки. Шубу запахивали всегда слева направо.

Сибирский исследователь XIX в. Д.И. Каратанов так отметил вышивку на шубах у качинцев: «Зимою носят мерлушатаыя, лисьи, волчьи, крытые сукном или плисом, а более нагольные овчинные шубы. У некоторых на плечах и спине бывают вышивки цветов и узоров разноцветными шелками и шерстью...» [Каратанов, 1884, с. 622].

Праздничные мужские шубы также украшались вышивкой. Существовали определенные

каноны в размещении вышивки на одежде. У каждой этнической группы они имели свои особенности. Сагайцы украшали вышивкой рукава шубы (орнамент «розетка» – символ богини Солнца) (см. *рис. 1*), а качинцы – рукава шубы (орнамент «рога оленя» и крест – символ бога Неба Тенгри) (см. *рис. 2*) и спинку, где средний шов по спине и шов, соединяющий рукав со спинкой «аргазы», расшивались шелковыми нит-

Рис. 1. Шуба мужская сагайская. Принадлежала Ивану Карачакову (1874–?), сеок Читі пуур, проживавшего в аале Маткечик Аскизского района. Художник Ю. А. Шибяева. Рукописный фонд ХакНИИЯЛИ

Рис. 2. Иллюстрация. Шуба мужская качинская. Принадлежала Тандолу Тутатчикову (1890–?), сеок Пурут, проживавшего в аале Трояков Усть-Абаканского района. Художник Ю. А. Шибаета. Рукописный фонд ХакНИИЯЛИ

ками; вышивали и подол шубы пунктирными линиями – символ бога Чир-Су (Земля-Вода).

Рубаха

Мужская рубаха «когонек» имела свободный, длинный в подоле покрой. Это достигалось за счет вставленных по бокам клиньев. Сзади рубаха была длиннее, чем спереди, на груди и на спинке у воротника она собиралась в мелкие сборки. Воротник был широким и отложным, с острыми углами. Наплечник с подкладкой имел прямоугольную форму. Рукава тоже делались свободными и широкими, но с узкими обшлагами – «моркам». В подмышках к рубахе с помощью квадратных или ромбовидных кусков материи пришивались ластовицы «холтых», которые доходили почти до пояса. Разрез рубахи впереди застегивался на одну пуговицу. Сборки у наплечника пришивались цветными нитками. Наплечники, воротник и обшлага обычно делались из того же материала, что и сама рубаха. Но нередко встречались рубахи, у которых наплечник, воротник и обшлага делались из ткани другого цвета. Подол изнутри подшивался широкой полосой из той же ткани или другого материала. Рубаху носили навыпуск. Шили из ткани фабричного производства – ситца, сатина, бязи или другой материи с пестрым рисунком или полосками. Богатые хакасы праздничные рубахи шили из шерстяных или шелковых тканей. Хакасская рубаха была удобна для верховой езды.

Праздничные мужские рубашки украшались вышивкой. Существовали определенные каноны в размещении вышивки на мужской рубашке. Сагайцы и качинцы украшали вышивкой

Рис. 3. Качинец Григорий Петрович Чарков (1872–?) в праздничной рубашке

воротник, подол, рукав и средний шов на плече пунктирными, прямыми и зигзагообразными линиями – символом бога Среднего мира Чир-Су (Земля-Вода) (см. рис. 3). Мода делать вышивку на мужской рубашке (поликах и манжетах) растительным орнаментом пришла позднее, в советское время, предположительно, в 1950–1960-е гг.

Штаны

Мужские штаны «ыстан» шили из разных покупных тканей. Для их изготовления использовали трико, сукно, плис, тик, сатин, даба, холст, выделанные шкуры домашних и диких животных. Покрой штанов был более узкий, чем это было принято у русских крестьян. Застегивались они на одну пуговицу. Покрой мужских штанов состоял из четырех деталей штанин и двух вставок. Одна вставка представляла собой квадрат, другая – длинную трапецию. Все эти детали были соединены между собой. У талии штаны затягивались на шерстяной шнурок. С обеих сторон по внутреннему карману штаны обшивались снаружи двумя шелковыми лентами. По нижнему краю лент делалась вышивка.

В статье Д.И. Каратанов так описывает качинские штаны с вышивкой: «Одежда мужчин у всех одинаковая; рубаха, ситцевая ли, шелковая ли, и шаровары... Богатые люди сверх обыкновенной татарской длинной рубахи с большими углами у ворота и вышитых около карманов

разными узорами плисовых или суконных шароваров...» [Каратанов, 1884, с. 622].

Зажиточные хакасы имели праздничные штаны, сшитые из черного плиса, тонкого сукна или шерстяного трико. В них у разреза кармана клапаны украшались вышитыми шелковыми нитками или полосками цветной материи. На украшение чаще всего использовали ярко-красную материю, нижняя часть украшения, иногда имевшая вилообразную форму, виднелась из-под подола рубахи. Праздничные мужские штаны украшались вышивкой растительного орнамента. Существовали определенные каноны в народной вышивке, но в настоящее время мужские штаны сохранились в незначительном количестве в собраниях музея и выявить этнические особенности вышивки пока сложно.

Обувь

Как известно, мягкие сапоги без каблуков (*ичиги*) в прошлом были широко распространены среди кочевников Саяно-Алтая. Среди материалов по истории хакасской обуви имеются изобразительные археологические данные. О ношении кожаной обуви у предков хакасов-таштыкцев свидетельствует бронзовая бляшка VII–VIII вв. из Копенского чаатаса в виде скачущей фигурки всадника, которая дала наглядную картину костюма степняка с мягкими ичигами на ногах. Такая же обувь конных и пеших воинов представлена на таштыпских тепсейских гравированных планках, хранящихся в Государственном Эрмитаже.

Обувь «одік», «маймах» хакасы-мужчины носили кожаную и меховую.

Рис. 4. Обувь мужская кожаная

без каблуков, с тупым носком и высоким голенищем «турей», которые ниже колен стягивались ремешками «поос». Чтобы обувь не ступывалась, ее задник «эчек» делался двойным, шов

был внутренним. Обувь, сшитая из сыромятной кожи, называлась «сазан маймах», а из хорошо выделанной кожи – «хара одік». Для прочности и непроницаемости «хара одік» пропитывали черной краской, получаемой от варки железных обломков. Иногда передняя часть кожаной обуви для красоты вышивалась цветным узором. Обувь шили сухожильной ниткой.

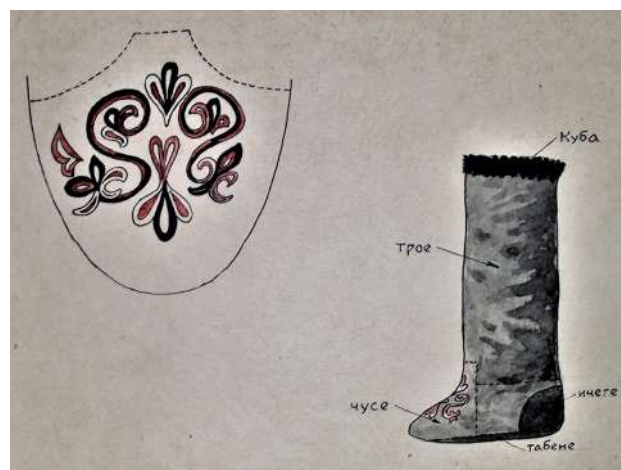

Рис. 5. Обувь мужская меховая шорская. Принадлежала Дмитрию Прокопьевичу Миагашеву (1871–?), сеок Хызыл хая, проживавшего в аале Харасуг Таштыпского района.

Рукописный фонд ХакНИИЯЛИ

Меховую обувь носили зимой (см. рис. 5). Мужскую обувь чаще всего шили из камуса коня или косули (дикой козы), шерстью наружу. По покрою обувь напоминала кожаную обувь. Передняя часть делалась полукруглой, с тупым носком, подошва была без каблуков. Для твердости задник изнутри подшивался кожей. Голенище имело кожаную или холщовую наставку для подвязки ремешком. Такая обувь от названия лапы животных называлась «пысхах одік» или «пысхах маймах». Обувь была мягкая и теплая, легкая и удобная при ходьбе. Кроме того, мужчины носили меховую обувь, сшитую из шкуры косули, шерстью внутрь. Иногда для прочности подошву дополнительно снаружи подшивали конской или козлиной лапой шерстью снаружи (наружу), а задник – кожей.

Вышивка на праздничной мужской обуви делалась на передней части обуви «чусе». Вышивка имела мифологический и зооморфный мотив. Существовали определенные каноны в народной вышивке. У каждой этнической группы они имели свои особенности. Образцов обуви сагайцев, койбал и кызыльцев не сохранилось, поэтому судить о вышивке мы не можем. Шорцы делали вышивку на передней

части обуви «чусе». А самая богатая отделка обуви была у качинцев, которые украшали переднюю часть обуви «чусе» вышивкой с орнаментом «мирового древа», 2-х параллельных полос – орнаментом бога Чир-Су (Земля-Вода), S-образным знаком – орнаментом «рога барана».

Головные уборы

Хакасские мужские головные уборы не так многочисленны, как женские. В путевых заметках и этнографических исследованиях упоминаются колпаки и войлочные шляпы, суконные и меховые малахаи. Повсеместно были приняты меховые шапки. Как верхняя часть всего комплекса костюма, головной убор хакасов был всегда связан с Небом, с богом Тенгри.

Не менее необходимым головным убором до последнего времени оставались меховые шапки. Ношение шапки в любое время года – обычай, характерный для быта, сохранившего скотоводческие традиции. Для торжественных случаев у состоятельных хакасов имелись дорогие шапки из меха камчатского калана, выдры. Шили уборы также из шкур волка, лисы, песца, реже из заячьего или беличьего меха.

Самым доступным материалом для шитья головного убора для кочевника являлись овчина, шкурки ягнят и каракуль. Особенностью мужских шапок была характерная вытянутая форма. Сверху шапки покрывались бархатом, сукном или иной плотной тканью. С внешней стороны имела выпушка или околыш. Нередко шапки из овчины обшивались по краю полосой дорогого меха.

Исследователь Д.И. Каратанов описал вышивку на качинских головных уборах: «Шапки носят высокие с лисьими, мерлушчатыми, овчинными и др. околышами, верх у них четырехугольный, сваливающийся на одну сторону, плюсовый или бархатный, вышитый затейливыми, фантастическими цветами и узорами...» [Каратанов, 1884, с. 622].

Зимними головными уборами у мужчин-хакасов служили двойные меховые шапки, большей частью из мерлушки «хурусха порік», с высоким околышем и тульей. Шапки по внешнему виду имели различные формы. Носили шапки из мерлушки, выдры и бобра высокой и круглой формы, с подкладкой из овчины или мерлушки. В моде была шапка с широким околышем и высокой тульей из четырех треугольных клиньев материи (плис, сукно, сатин) черного цвета. Более практичными были шапки с низким околышем и четырехклиновой выпуклой

тульей из ткани. Некоторые для красоты вышивали тульи шапки цветными узорами.

Зажиточные хакасы имели праздничные шапки как из мерлушки, так и из выдры «хамнос порік». По своей форме они имели полное сходство с вышеописанными видами головных уборов. Для их изготовления шкуру бобра, например, покупали у разъездных торговцев. Считали, что ее привозят с полуострова Камчатка. Отсюда произошло название шапки «камчат порік». В Южной Сибири бобры хищнически были уничтожены еще в XVIII в. Все зимние головные уборы у хакасов были самодельными, покупных шапок встречается очень мало. На подобные шапки указывала А. А. Кузнецова: «В Аскизской управе по рр. Еси и Абакану встречаются шапки с околышем из выдры, с большим висячим верхом из плиса, который иногда бывает вышит шелками. В настоящее время эти праздничные шапки уже исчезают» [Кузнецова, 1898, с. 158–159].

Рис. 6. Шапка мужская качинская

В коллекции Музея антропологии и этнографии им. П. Великого (Кунсткамера) сохранилась качинская шапка «кыска порік» с вышивкой (см. рис. 6). Шапка сшита из меха бобра и ткани. Круглая, с высоким черным околышем, отороченным по нижнему краю узкой овчинной полоской. Тулья круглая, из черного бархата, по верхней части шапки вышит крест – символ бога Тенгри. Вышивка сделана строчкой из цветного шелка синего, красного, светло-коричневого цветов в технике тамбура в виде пунктирных и волнистых линий – символа бога Чир-Су (Земля-Вода).

Таким образом, орнамент хакасской народной вышивки был связан с мифологией и религией хакасов – тенгрианством, основанных на вере в единого творца мира бога Тенгри. Как и

все мировые религии, тенгрианство возникло на почве, пропитанной идеями местного культа в Центральной Азии (шаманизм и др. формы различных культов, их пережитков). Развиваясь на этой почве, тенгрианство обогащалось за счет взаимоотношений с ними, а также в результате контактирования с соседними регионами Саяно-Алтая и Центральной Азии. Вполне естественно, что в различных регионах это смешение и контактирование складывалось по-разному. Но в Хакасии тенгрианство установилось с теми формами местных культов и религиозно-мифологических традиций, которые существовали с бронзового века и были связаны с окуневской культурой (III–II тыс. до н. э.), что и нашло отражение в орнаменте и декоративно-прикладном искусстве хакасов (вышивке, бисероплетении, художественной обработке дерева, металла, кожи и войлока).

Просматривая множество дошедших до нас вышитых вещей, хранящихся в музеях Санкт-Петербурга, Абакана и Минусинска, прихо-

дишь к мнению о том, что хакасская народная вышивка имела свои каноны в орнаментике и колорите, которые в настоящее время были утрачены. Однако было бы неправильным утверждать, что такая канонизированная устойчивость свидетельствует о консервативности народных мастеров, об их якобы слепом следовании веками устоявшимся традициям. Нет, это не так. Достаточно одного внимательного взгляда, чтобы убедиться, что каждое поколение мастеров создавало произведения, часто новаторские по своей сущности, произведения новые и нередко более совершенные по сравнению со старыми образцами.

Нужно сказать, что новшества в вышивке нисколько не повредили национальному своеобразию этого вида прикладного искусства, а возможно, обогатили художественное видение народных мастеров и расширили их возможности, у мастериц появились новые, до того неизвестные им средства художественной выразительности.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Адрианов, А. В.* Об орнаменте у сибирских инородцев // Труды Всероссийского съезда художников в Петрограде. – СПб., 1911–1912. – Т. 1. – С. 102–109.
2. *Дыренкова, Н.* Умай в культе турецких племен // Культура и письменность Востока. – Баку, 1928. – Книга 3. – С. 134–139.
3. *Каратанов, И.* Черты внешнего быта качинских татар // Известия Русского Географического Общества. – 1884. Т. XX, вып. 6. – С. 614–659.
4. *Кузнецова, А. А., Кулаков, П. Е.* Минусинские и ачинские инородцы. – Красноярск: Енисейский губернский статистический комитет, 1898. – 298 с.
5. *Ланно, Д. Е.* Троеверы // На сибирские темы. – СПб., 1905. – С. 22.
6. *Липский, А. Н.* Древнейшие енисейские изваяния таг-ээзи // Проблемы археологии Евразии и Северной Америки. – М., 1977. – С. 112–116.
7. Примечания Н. Ф. Катанова к поэме «Алтын Пыркан» // Сибирский сборник. – 1887. – С. 223–224.
8. *Сунчугашев, Я. И.* Древняя металлургия Хакасии. Эпоха железа. – Новосибирск: Наука, сибирское объединение, 1979. – С. 192.
9. Roux I.-P. Tangri. Essaisur le ciel-dien des peuples altaïques // RHR. – 1956. Т. 149, № 1–2. Т. 150, № 1–2.

В. М. Кимеев,

Кемеровский госуниверситет (Россия)

ЭТНОКУЛЬТУРНОЕ МИФОТВОРЧЕСТВО В СОВРЕМЕННОЙ ГОРНОЙ ШОРИИ¹

Появившиеся за последнее десятилетие в Горной Шории легенды о снежном человеке в священной Азасской пещере, о древнем каменном городе-крепости по притокам верховьев Томи и летающих тарелках над верховьями Мрассу можно считать продолжением мифологических представлений шорцев о пещерных и горных духах, о небесных светилах и духах,

героических эпос шорского фольклора с сюжетами о каменных и золотых дворцах, древних богатырях-кузнецах.

Ключевые слова: Горная Шория, шорцы, памятники этнокультурного наследия, снежный человек, героический эпос, космогонические представления, мифотворчество.

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ (проект № 17-11-42003-ОГН\18 «Этнокультурное наследие коренных малочисленных народов и русских старожилов Притомья: трансформация в современной социокультурной среде и подходы к актуализации»).

ETHNO-CULTURAL MYTH IN MODERN MOUNTAIN SHORIA

Introduced over the past decade, mountain Shoria legends about snow man in the Holy Azasskoj Cave of ancient stone town-fortress of the upper tributaries of Tomi and flying saucers over the headwaters of the MRAs-Su River can be considered a continuation mythological views of the shorski peoples about the cave and mountain spirits

Современная Горная Шория (*шор.* – Тағлығ Шор) как географический горно-таежный регион расположен на юге Кемеровской области, в центре Алтае-Саянского экорегиона. Само название закрепилось в научной литературе, справочниках и периодической печати только в 1920-х гг., после образования советскими властями Горно-Шорского национального района, просуществовавшего до 1939 г. Южные границы района совпадали с современными южными границами Таштагольского района Кемеровской области, а вот северные огибали промплощадки окрестностей г. Кузнецка и не включали старинные «шорские улусы» Осинники и Абагур, населенные в основном русскими. После упразднения района официальное его название закрепилось как географическое Горная Шория, без уточнения северных границ. Центром Горной Шории считается г. Таштагол – центр одноименного района с прилегающим к нему поселком Шерегеш, всемирно известным горнолыжным курортом.

Одновременно с развитием туризма стали появляться многочисленные краеведческие мифы о «древности» и «уникальности» как самой Горной Шории, так и о «древних» народах, а то и целых «древних цивилизаций», некогда господствующих в этих краях. Самым последним «открытием» краеведов и журналистов стали обнаруженные туристами и геологами якобы полуразрушенные каменные стены древнего города в глухой тайге в районе Поднебесных зубьев. По их утверждениям, это природное образование на самом деле сродни мегалитам, знаменитому Стоунхенджу или даже египетским пирамидам. Некий геолог Георгий Сидоров с увлечением поведал об этих «мировых загадках» тележурналистам, а те растиражировали в СМИ. Многие поверили, что Горная Шория таит неизведанные тайны, а коренные жители шорцы – это вообще потомки древних цивилизаций. А может быть, и космических пришельцев?

of celestial luminaries and spirits, heroic poems shoria folklore with scenes of stone and Golden palaces, Ancient Knights-kuznecah.

Key words: Khakassia, shors, ethno-cultural heritage monuments, Bigfoot, the heroic epic, cosmogonic representations, myth-making.

Историки, филологи и краеведы уверовали в высокое развитие древней металлургии и кузнечества у предков шорцев. Шорские легенды повествуют о богатырях, ковавших кулаком мечи, приводятся ссылки на отписки кузнецких воевод, где говорится о высоком качестве изделий кузнецких татар-шорцев. Однако новокузнецкому археологу Ю.В. Ширину на месте бывших улусов в раскопанных остатках плавильных печей так и не удалось обнаружить деталей холодного оружия и кованых доспехов, которые, судя по историческим запискам, изготавливались в большом количестве для кочевников. Неясным остается источник, позволивший новосибирским археологам утверждать об использовании изделий «шорских оружейников?» русскими служилыми воинами в Южной Сибири [Борисенко, 2007, с. 185–187]. Сообщение краеведов о случайной находке некой «шорской кольчуги» на реке Пызас в 1960-х гг. выглядит очень сомнительным [Улагашева, 1996].

Более вероятно гипотеза, что к степнякам вывозились только обработанные крицы, а там местные мастера делали весь набор оружия и снаряжение для верховых лошадей. Есть сведения об уходе кузнецов к джунгарам из «Елейской ... Шерской» и других Кондомских волостей в 1744 г. [Бобровский, 2013, с. 146]. Недавнее исследование кольчатого панциря из фондов Новокузнецкого краеведческого музея позволило предположить, что он по технике склепок колец сделан русскими кузнецами в XVII в. и принадлежал, видимо, казакам Кузнецкого острога [Мартюшев, 2017, с. 83].

Единственное на юге Горной Шории грунтовое погребение с труположением археолог Ю.В. Ширин обнаружил и раскопал в устье реки Пызас у п. Усть-Кабырза в 2009 г., но связал все находки с предками енисейских кыргызов, которые погибли на этом месте по дороге из алтайских в абаканские степи. Однако с легкой руки таштагольских журналистов изданная в 2011 г.

и хорошо иллюстрированная книга об этом открытии на Мрассу получила название «Тайны Кабырзинской принцессы». Одна из шорских «шаманок» в интервью известной кемеровской журналистке предостерегла, что эти раскопки привели к взрыву Саяно-Шушенской ГЭС, как ранее раскопки новосибирских археологов «алтайской принцессы» привели к землетрясению, наводнению и прочим бедствиям на Алтае. Поэтому повсеместно современные «шаманы» требуют захоронить останки на прежнем месте, изъяв все находки из экспозиций музеев. Пока же на месте раскопа в устье реки Пызас, вместо предложенного проектировщиками некрополя, местные власти вкопали деревянные изваяния «Кабырзинской принцессы» и ее «витязя», что очень нравится туристам [Кимеев, 2011].

Другой многолетний миф о т.н. «снежном человеке» сыграл свою роль в начале 2010-х гг. в развитии туризма на территории Шорского национального парка [Кимеев, 2010, с. 45]. Для этих целей были совершены многочисленные экспедиции журналистов и поездки на снегоходах, моторных лодках и вездеходах паломников (включая известных артистов типа Николая Валуева, главы кузбасской епархии владыки Аристарха и бывшего губернатора Амана Тулеева). Осенью 2011 г. в п. Усть-Кабырза властями была проведена Международная конференция гоминологов, где, кроме известного московского фантаста Дмитрия Бурцева, присутствовали известные биологи, генетики и историки. Но после всех заседаний и дискуссий

увлекательная поездка ученых и журналистов на вездеходах для поимки «гоминиды» закончилась очередной неудачей. Утверждения в популярных изданиях о многих совпадениях, отмеченных гоминологами в характере растительности у пещеры Азасской и пещер в американском штате Мичиган, а также о генетической исключительности волос шерсти, обнаруженной в пещере, являются очередным мифотворчеством. Так, якобы среди местного населения «не стихают слухи о том, что здесь проживает странное лохматое существо огромных размеров, обличьем похожее на человека, но плотного телосложения и ростом до трех метров, с волосатым покровом рыже-черного цвета по всему телу. Издали они напоминают некую разновидность бурого медведя. Хорошо лазают по деревьям. В следах на снегу и песке отчетливо отпечатываются пальцы ног» [Таштаголу 55, 2018, с. 142]. На самом же деле вблизи пещеры есть лог, именуемый на картах – Шаманов лог. Возможно, там собирались шаманы, один из которых, Савелий Адыяков, запечатлен этнографом Н.П. Дыренковой на фото 1927 г., где он сидит в белой шапке с бубном в руках в окружении шорцев [Кимеев, 2011].

Была попытка привлечь внимание журналистов и к регулярному появлению над Горной Шорией НЛЮ, и даже по ТВ был показан сюжет с заснятой на видеокамеру студентами одной из экспедиций тарелкой. Но московские уфологи не поверили и твердо сказали после личного осмотра места, где якобы производилась видеосъемка, что это был видеомонтаж.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бобровский, А.Ю. Об уводе кузнецов // Из кузнецкой старины. – Новокузнецк: Изд-во ООО «Полиграфист», 2013. – Вып. 4. – С. 144–146.
2. Борисенко, А.Ю. Изделия шорских оружейников в арсенале русских служилых воинов в Южной Сибири / А.Ю. Борисенко, Ю.С. Худяков // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: материалы годовой сессии Института археологии и этнографии СО РАН 2007 г. – Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2007. – Т. XIII. – С. 185–187.
3. Кимеев, В.М. Влияние мифа о снежном человеке на мировоззрение сибиряков и развитие туризма / В.М. Кимеев, А.Н. Мирошниченко // Сборник научных трудов. – Горно-Алтайск: РИО ГАГУ, 2010. – С. 43–48.
4. Кимеев, В.М. Тайны Кабырзинской принцессы / В.М. Кимеев, Ю.В. Ширин. – Кемерово: Примула, 2011. – 272 с.
5. Мартюшев, Р.А. Кольчатый панцирь из фондов Новокузнецкого краеведческого музея / Р.А. Мартюшев // Краеведение в современном мире: проблемы, достижения, перспективы: материалы Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 90-летию Новокузнецкого краеведческого музея. – Новокузнецк: Типография ООО «Логус-Прес», 2017б. – С. 81–86.
6. Таштаголу 55. Иллюстрированный альбом. – Кемерово, 2018. – 205 с.
7. Улагашева, И. Междуреченск. Информационный бюллетень «ТуганЧер», №12(42). 1996 год. [Электронный ресурс].-URL:<http://ethnic.ru/ethnic/design/shorskie-kuznetcy.html>. – (Дата обращения: 15.05.2019).

*А. С. Логачева,
(Россия)*

ПОТРЕБНОСТИ, ИНТЕРЕСЫ, ЦЕННОСТИ ХАКАССКОГО ЭТНОСА

В статье дается философское осмысление понятий «потребность», «интерес», «ценности». Автор раскрывает содержание этих понятий на примере хакасского этноса и приводит пример его базовых ценностей.

Ключевые слова: интерес, ценность, потребность, хакасский этнос, социологическое исследование.

*A. S. Logacheva
(Russia)*

NEEDS, INTERESTS, VALUES OF THE KHAKASS ETHNIC GROUP

The article gives a philosophical understanding of the concept of «need», «interest», «values». The author reveals the content of these concepts on the

example of khakass ethnic group and gives examples of its basic values.

Key words: interest, value, need, khakass ethnic, sociological research.

Взаимосвязь понятий «потребность», «интерес», «ценности» можно представить следующим образом: в любом обществе существуют фундаментальные ценности, и они связаны с типом общества, образуют определенную хозяйственную систему, определяющую потребности, которые формируют тип личности и ее интересы. Однозначного понимания природы интересов не существует, но мы считаем, что интерес существует объективно, независимо, осознан он или нет. Интерес, в свою очередь, стоит на пути превращения его в побудительную силу. Помимо этого, личность в обществе характеризуется набором ценностей. Ценности, потребности и интересы передаются от личности к личности, от поколения к поколению через общение и преемственность, которую следует как сохранять, так и охранять, соблюдая понятия, разум, цели. Достояние одного поколения передается через историческую память. Система ценностей, в свою очередь, является внутренним стержнем культуры, духовной квинтэссенцией потребностей и интересов общества, в частности, хакасов. Она также оказывает влияние на социальные интересы, являясь мотиватором социального действия и поведения членов общества в целом.

К базовым ценностям, характеризующим общество и, в частности, этнос, относятся:

- здоровый образ жизни;
- новое качество жизни, включающее характер труда и его смысл;
- интересы и их распределение между трудом и досугом;
- развитие способностей;
- углубление самосознания и т. д.

Поведение членов общества определяется взаимодействием как внутренних, так и внешних побудительных сил. Основу должны составить, конечно, внутренние формирующиеся потребности, интересы, желания, стремления, ценностные ориентации. Источником мотивации поведения личности являются потребности, удовлетворение их для нормального существования.

В науке определены три группы потребностей: 1) потребности производства для его расширения; 2) жизненные нужды общества, получаемые в процессе совместного общения (образование, медицина); 3) личные потребности. На формирование потребностей первой и второй группы влияют объективные факторы: историко-этнические, климат-географические, развитие и производство.

Личные потребности представляют материальные, духовные, социальные условия. Их структура меняется в зависимости от изменений в первых группах. К тому же они зависят от сознания и смысла существования. Следовательно, любая деятельность программируется и направляется сознанием, которое определяет причины и побудительные мотивы деятельности, опять же вытекающие из осознания потребности существования. Среди потребностей выделяются материальные, социальные и духовные. Специфика их выявляется в форме интереса с потребностями и интересами, как уже отмечалось, переплетающимися ценностями. Величайшей ценностью любого общества является человек и его здоровье, а отсюда соблюдение его интересов и потребностей. Не случайно

в Хакасии в последнее время много средств и внимания уделяется сохранению и укреплению здравоохранения.

В материалах исследования по Хакасии, в свое время приводившиеся нами, отражаются связи между национальными и экономическими интересами. Была предложена оценка мер «улучшения экономической, культурной и политической сфер жизни хакасского народа». Опрошенные выделили основные меры:

1. Экономического плана – подъем экономики и уменьшение безработицы, развитие хакасского села, формирование слоя хакасов-предпринимателей.

2. Социокультурного плана: движение хакасской интеллигенции за улучшение знания родного языка, доступность образования

и работы для хакасской молодежи, расширение связей с тюркскими народами.

3. Политического плана: увеличение представительства хакасов в органах власти и самоуправления, квотирование представительства хакасов в Верховном Совете Республики Хакасия.

Если говорить в целом об интересах, потребностях и ценностях хакасского народа, то этнос не обязательно должен подниматься до высот теоретического осмысления и усвоения глубинных процессов межнационального взаимодействия, факторов реализации коренных национальных интересов. Но обязательно и важно учитывать, чтобы ход мыслей и настроений, личностные установки соответствовали объективному ходу прогресса, выражали его действительные интересы.

А. С. Нилогов,

Хакасский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории (Россия)

БЛИЖАЙШИЙ ОБЩИЙ ПРЕДОК РУССКИХ И ХАКАСОВ ПО ДАННЫМ ДНК-ГЕНЕАЛОГИИ

В статье рассматривается вопрос определения общих генетических мужских предков у современных этнических русских и хакасов по данным ДНК-генеалогии. В результате удастся установить, что общий предок по прямой мужской линии для 48% современных русских

и 28% современных хакасов жил примерно 5,5 тысяч лет назад.

Ключевые слова: генофонд, хакасы, ДНК-генеалогия, снп-мутация, русские, гаплогруппа, Y-хромосома, Бутанаев, сеок, ближайший общий предок.

A. S. Nilogov,

*Khakass Research Institute of Language,
Literature and History (Russia)*

THE MOST RECENT COMMON ANCESTOR OF RUSSIAN AND KHAKAS ACCORDING TO DNA GENEALOGY

The article deals with the problem of determining the common genetic male ancestors of modern ethnic Russian and Khakas according to DNA genealogy. As a result, it is possible to establish that the common ancestor in a straight male line for 48%

of modern Russians and 28% of modern Khakas lived about 5.5 thousand years ago.

Key words: genetic fund, the khakass, DNA genealogy, SNP-mutation, russian, haplogroup, Y-chromosome, Butanaev, seok, most recent common ancestor

Генофонд современных хакасов изучался такими российскими генетиками, как О.В. Штыгашева, В.Г. Волков, В.Н. Харьков, В.А. Степанов и др. ([Штыгашева и др., 2010, с. 40–76], [Волков и др., 2010, с. 403–405], [Харьков и др., 2011, с. 446–458], [Харьков, 2012, с. 314–338], [Харьков и др., 2017, с. 35–38], [Новикова, 2017], [Волков, 2018, с. 40–44]).

Термин «хакасы» объединяет, по профессору В.Я. Бутанаеву, шесть разнородных образований – бельтиров, бирюсинцев, качинцев, койбалов, кызыльцев, сагайцев [Бутанаев, 1983, с. 68–73]. А теперь и генетические исследования подкрепляют этот историко-этнографический факт.

В работе мы будем использовать такие научные понятия, как ДНК, гаплогруппа, гаплотип и снип-мутация. ДНК – это дезоксирибонуклеиновая кислота, сложная молекула, в которой содержится наследственная информация об организме. Гаплогруппа – это группа схожих гаплотипов, имеющих общего предка, у которого произошла мутация, унаследованная всеми потомками. Термин «гаплогруппа» широко применяется в популяционной генетике и генетической генеалогии (ДНК-генеалогии – в терминологии А.А. Клесова [Клесов, 2018]). Генетическая генеалогия изучает генетическую историю человечества с помощью исследования гаплогрупп Y-хромосомы (Y-ДНК) и митохондриальной ДНК (мтДНК). Генетические маркеры Y-ДНК передаются с Y-хромосомой исключительно по отцовской линии, то есть от отца – сыновьям, а маркеры мтДНК по материнской линии – от матери всем детям. Таким

образом, мужчины являются носителями маркеров Y-ДНК и мтДНК, а женщины – только мтДНК [Гаплогруппы, 2019]. В настоящее время выделены 22 Y-гаплогруппы, которые охватывают мужскую часть современного человечества [ISOGG, 2019]. Вторым важным термин – снип (снип-мутация, снип-маркер; от англ. SNP – Single Nucleotide Polymorphism, то есть «одиночная нуклеотидная вариация»). Это практически необратимая метка в ДНК, фактически помечающая роды и племена, которые состоят из потомков одного общего предка – патриарха рода.

В 2007–2008 гг. генетиками из Абакана и Томска был проведен сбор ДНК-материала у 251 хакасского мужчины, проживавших в трех районах Республики Хакасия – Аскизском, Таштыпском и Ширинском. По результатам исследования были получены следующие данные о распределении гаплогрупп по Y-хромосоме (см. табл. 1) [Харьков и др., 2011, с. 449]:

Табл. 1

Распределение гаплогрупп Y-хромосомы у хакасов

Гаплогруппа	Частота встречаемости, % (N)							
	Аскизский район			Таштыпский район		Ширинский район		Всего (N = 251)
	(Сагайцы)			(Сагайцы)		(Качинцы)		
	Полтаков (N = 44)	Усть-Чуль (N = 41)	Кызлас (N = 34)	Матур (Сагайцы/Шорцы) (N = 46)	Бутрахты (N = 35)	Спирин (N = 22)	Топанов (N = 29)	
C3 (xM77)	–	–	–	–	–	–	7 (2)	0.8 (2)
E (M1)	–	–	–	–	3 (1)	–	–	0.4 (1)
N* (xP43, M178, M128)	4.5 (2)	–	–	–	–	–	–	0.8 (2)
N1b (P43)	34.5 (15)	56 (23)	50 (17)	15.2 (7)	11 (4)	86.5 (19)	89.5 (26)	44.2 (111)
N1c (M178)	25 (11)	24 (10)	15 (5)	39.2 (18)	14 (5)	4.5 (1)	–	19.9 (50)
Q (xM3)	–	–	–	2.1 (1)	28 (10)	–	3.5 (1)	4.8 (12)
R1a1a (xM458)	36 (16)	20 (8)	32 (11)	43.5 (20)	36 (13)	9 (2)	–	27.9 (70)
R1b1b1 (M73)	–	–	3 (1)	–	6 (2)	–	–	1.2 (3)
H	0.703 ± 0.027	0.602 ± 0.055	0.642 ± 0.052	0.663 ± 0.036	0.765 ± 0.042	0.255 ± 0.116	0.197 ± 0.095	
H YSTR	0.942 ± 0.019	0.931 ± 0.024	0.959 ± 0.021	0.957 ± 0.017	0.985 ± 0.011	0.792 ± 0.086	0.704 ± 0.081	

Примечание: H – генное разнообразие по гаплогруппам; H YSTR – генное разнообразие по микросателлитным гаплотипам.

Среди современных этнических русских мужчин мажорной (преобладающей) Y-гаплогруппой является – R1a (в среднем – 48% мужской популяции) с характерными снип-мутациями M458 и Z280 [Гаплогруппа R1a (Y-ДНК), 2019]. Приблизительно у трети мужчин-хакасов (28% от протестированных) также выявлена гаплогруппа R1a, однако с характерной снип-мутацией Z93(xZ94): у бельгиров из сеоков пилтир и частар, у бирюсинцев из Дальнекаргинского

рода (сеок туран), Кызыльского рода (сеок хызыл хая), Изушерского рода (сеоки таяс, халар, чити пуур), Мрасско-Изушерского рода (сеоки кичин и таяш) и Карачерского рода (сеоки сор, чилей) [Харьков и др., 2017].

Это означает, что и у половины современных этнических русских, и у трети современных этнических хакасов несколько тысяч лет назад жил общий предок по прямой мужской линии. Снип-мутации M458 и Z280 являются потомками

сний-мутации Z282, а она, в свою очередь, – потомком сний-мутации Z283, которая возникла примерно 5 тысяч лет назад. Сний-мутация Z93 появилась также приблизительно 5000 лет назад, являясь потомковой, как и сний-мутация Z283, для предковой сний-мутации Z645, возникшей около 5,5 тысяч лет назад [YFull Tree, 2019]. В итоге имеем следующий фрагмент родословного (филогенетического) дерева сний-мутаций Y-хромосомной гаплогруппы R1a (см. *рис. 1*):

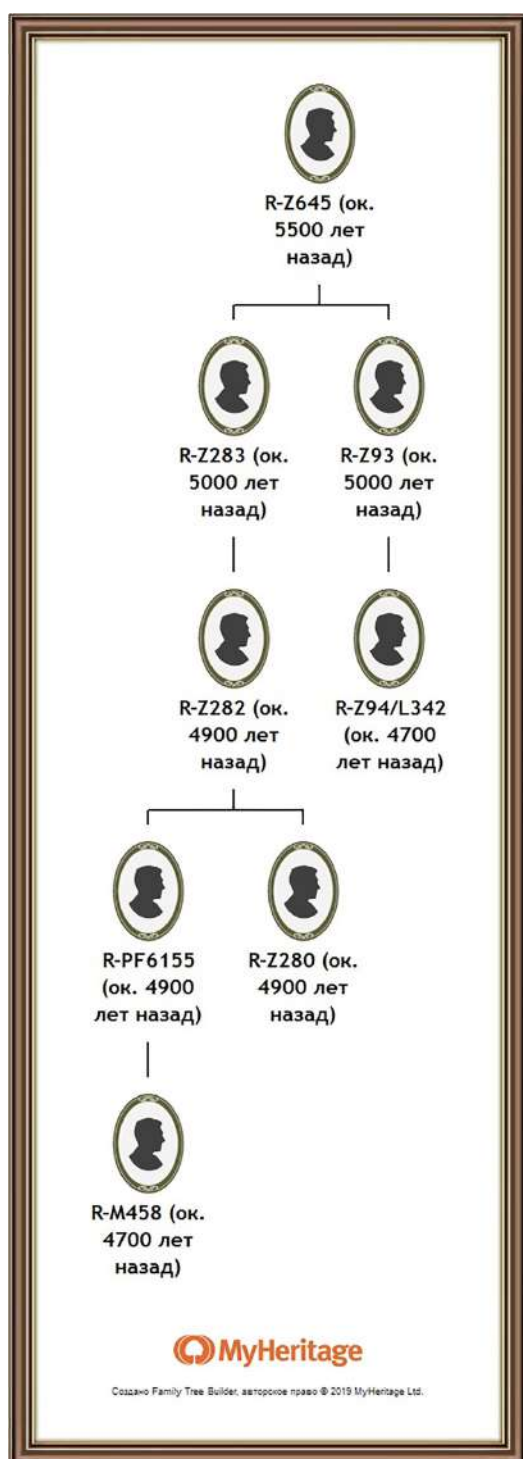

Рис. 1. Фрагмент филогенетического дерева сний-мутаций Y-хромосомной гаплогруппы R1a

Сний-мутации Z283 и Z93 аналогичны родным братьям в классическом генеалогическом древе, тогда как сний-мутация Z645 аналогична отцу (ср.: [Нилогов, 2016, с. 18–25]). Следовательно, общий предок по прямой мужской линии для половины современных этнических русских и трети современных этнических хакасов жил примерно 5,5 тысяч лет назад.

Интересно также, что сама гаплогруппа R1 зародилась в Южной Сибири (скорее всего, на Алтае) примерно 28,2 тысяч лет назад, а ее потомок – гаплогруппа R1a – около 22,8 тысяч лет назад, предположительно, в Азии [YFull Tree, 2019].

Теперь обратимся к самой преобладающей гаплогруппе, выявленной у современных хакасов (2/3 мужской популяции). Речь идет о гаплогруппе N, а именно о двух ее разновидностях (субкладах) – N1b-P43 (сний VL67) и N1c1-M178 ([Волков, 2018, с. 41], [Волков и др., 2018, с. 245]). Гаплогруппа N1b-P43 обнаружена у 44% протестированных: у бельтиров из сеоков сарыг и табан, у бирюсинцев из Ближнекаргинского рода в сеоках сайын и харга и у качинцев практически всех сеоков (Кубанов род – соххы, Мунгатов род – ызыр, Татаров род – пурут, Шалошин род – пурут и хасха) [Харьков и др., 2017]. Гаплогруппа N1c1-M178 найдена у 20% протестированных – у бирюсинцев из Кивинского и Кийского родов в сеоках хый и хобый [Харьков и др., 2017].

Будучи разными субкладами одной гаплогруппы N, хронологически между ними несколько тысячелетий: так, субклад N1b-P43 появился примерно 8,8 тысяч лет назад, а субклад N1c1-M178 – около 15,9 тысяч лет назад, тогда как сама гаплогруппа N сформировалась приблизительно 36,8 тысяч лет назад [YFull Tree, 2019]. Из фрагмента филогенетического дерева гаплогрупп мы видим (см. *рис. 2*), что общим предком для гаплогрупп N и R является гаплогруппа K2, которая образовалась около 45,4 тысяч лет назад [YFull Tree, 2019].

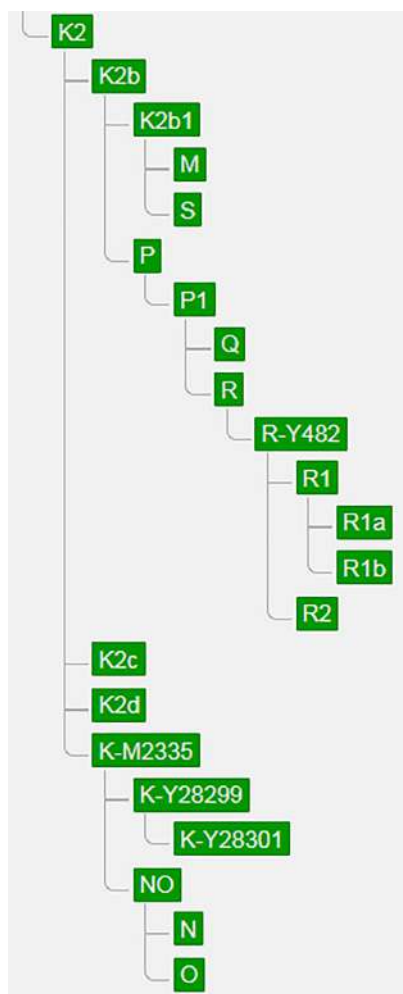

Рис. 2. Фрагмент филогенетического древа гаплогрупп Y-хромосомы

Следовательно, общий предок по прямой мужской линии (по Y-хромосоме) для современных русских (носителей гаплогруппы R1a) и хакасов (носителей гаплогруппы N) жил примерно 45 тысяч лет назад.

Таким образом, генетически ближе всего (около 5,5 тысяч лет) к современным русским (около 48% мужского населения этнических русских) относятся сагайцы из Аскизского и Таштыпского районов (около 28% мужского населения этнических хакасов), а с качинцами из Ширинского района дистанция составляет около 45 тысяч лет.

В заключение возьмем третью по численности гаплогруппу современных этнических русских – N1c1-M178 (ее доля в среднем составляет 16–20%). Данная гаплогруппа выявлена и у 20% современных хакасов (бирюсинцы из Кивинского и Кийского родов в сеоках хый и хобый). Получается, что общий предок по этой гаплогруппе для 16–20% современных этнических русских и 20% современных этнических хакасов жил примерно 16 тысяч лет назад [YFull Tree, 2019].

Дальнейшие ДНК-исследования по Y-хромосоме у русских и хакасов позволят уточнить хронологию и детализировать филогению снип-мутаций для определения ближайших общих предков этих двух народов.

ЛИТЕРАТУРА

1. International Society of Genetic Genealogy (ISOGG) [Эл. ресурс]. URL: <https://isogg.org/tree/>. – (Дата обращения: 01.05.2019).
2. YFull Tree [Эл. ресурс]. URL: <https://www.yfull.com/tree/>. – (Дата обращения: 01.05.2019).
3. Бутанаев, В.Я. Происхождение хакасов по данным этнодинамики // Проблемы археологии и этнографии. – Л., 1983. – Вып. 2. – С. 68–73.
4. Волков, В.Г. Общие генетические линии тюркских народов // Коренные народы Сибири: история, традиции и современность: материалы региональной научно-практической конференции с международным участием (Новосибирск, 12 октября 2017 г.). – Абакан, 2018. – С. 40–44.
5. Волков, В.Г., Каримов, А.А., Юлдашев, Ю.М. Происхождение и родственные связи родоплеменного объединения Юрматы по данным генетических исследований // История башкирских родов. Юрматы. – Том 30. Ч. 2. – Уфа, 2018. – С. 237–251. [Эл. ресурс]. URL: <http://bashkirica.ru/upload/iblock/fd9/fd9787f549b5aa7d582e03d2d9d9f8fe.pdf>, <https://www.twirpx.com/file/2722478/>. – (Дата обращения: 01.05.2019).
6. Волков, В.Г., Харьков, В.Н., Штыгашева, О.В., Степанов, В.А. Генетическое исследование хакасских и телеутских сеоков. Сравнительная характеристика по данным маркеров Y-хромосомы // Культура как система в историческом контексте: опыт Западно-Сибирских археолого-этнографических совещаний. Материалы XV Международной Западно-Сибирской археолого-этнографической конференции. – Томск, 19–21 мая 2010 года. – Томск, 2010. – С. 403–405. [Эл. ресурс]. URL: <http://trog.narod.ru/articles/sook.htm>, <http://vital.lib.tsu.ru/vital/access/manager/Repository/vtls:000397210>. – (Дата обращения: 01.05.2019).
7. Гаплогруппа R1a (Y-ДНК) [Эл. ресурс]. URL: [https://ru.wikipedia.org/wiki/Гаплогруппа_R1a_\(Y-ДНК\)](https://ru.wikipedia.org/wiki/Гаплогруппа_R1a_(Y-ДНК)). – (Дата обращения: 01.05.2019).
8. Гаплогруппы [Эл. ресурс]. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Гаплогруппы>. – (Дата обращения: 01.05.2019).
9. Клесов, А.А. Практическая ДНК-генеалогия для всех. – М., 2018. – 364 с.
10. Нилогов, А.С. Снипование как именование (антиязыковая методология в помощь ДНК-генеалогии) // Litera. – 2016. – № 1. – С. 18–25. [Эл.

- ресурс]. URL: http://e-notabene.ru/fil/article_17670.html. – (Дата обращения: 01.05.2019).
11. Новикова, Л.М. Структура генофонда шорцев и хакасов по аутосомным STR-маркерам и маркерам Y-хромосомы. Выпускная квалификационная работа бакалавра. – Томск, 2017. – 71 с. [Эл. ресурс]. URL: <http://vital.lib.tsu.ru/vital/access/manager/Repository/vital:4172>. – (Дата обращения: 01.05.2019).
 12. Харьков, В.Н. Структура и филогеография генофонда коренного населения Сибири по маркерам Y-хромосомы: диссертация ... доктора биологических наук. – Томск, 2012. – 397 с.
 13. Харьков, В.Н., Новикова, Л.М., Штыгашева, О.В., Агеева, Е.С., Волков, В.Г., Хитринская, И.Ю., Степанов, В.А. Анализ родоплеменной структуры хакасов по маркерам Y-хромосомы // Медицинская генетика. – 2017. – Т. 16. – №12. – С. 35–38. [Эл. ресурс]. URL: <https://www.medgen-journal.ru/jour/article/view/355/271>. – (Дата обращения: 01.05.2019).
 14. Харьков, В.Н., Халина, К.В., Медведева, О.Ф., Штыгашева, О.В., Степанов, В.А. Разнообразие генофонда хакасов: внутриэтническая дифференциация и структура гаплогрупп Y-хромосомы // Молекулярная биология. – 2011. – Т. 45. – №3. – С. 446–458. [Эл. ресурс]. URL: [http://www.medgenetics.ru/UserFile/File/Doc/Evolution%20Doc/Kharkov-MolBiol-2011-45\(3\)-446-458-Y-Khakas.pdf](http://www.medgenetics.ru/UserFile/File/Doc/Evolution%20Doc/Kharkov-MolBiol-2011-45(3)-446-458-Y-Khakas.pdf). – (Дата обращения 01.05.2019).
 15. Штыгашева, О.В., Агеева, Е.С., Харьков, В.Н., Степанов, В.А. Гены и болезни хакасов. – Красноярск: Поликор, 2010. – 296 с.

Р. М. Валеев,

Казанский (Приволжский) федеральный университет (Россия)

Д. Е. Мартынов,

Казанский (Приволжский) федеральный университет (Россия)

Ю. А. Мартынова,

Казанский (Приволжский) федеральный университет (Россия)

В. Н. Тугужекова,

Хакасский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории (Россия)

Р. З. Валеева,

Казанский инновационный университет им. В.Г. Тимирязева (Россия)

РУКОПИСНОЕ НАСЛЕДИЕ Н.Ф. КАТАНОВА: ДНЕВНИКИ ПЕРИОДА ПУТЕШЕСТВИЯ В СИБИРЬ И СИНЬЦЗЯНЬ (1889–1892 гг.)¹

В статье анализируется рукописное наследие ученого-востоковеда Н. Ф. Катанова, хранящиеся как в России, так и за рубежом. Большое внимание уделено его записям в период научной

командировки в Южную Сибирь и Восточный Туркестан в 1889–1892 гг.

Ключевые слова: Россия, Восток, Центральная Азия, востоковедение, тюркология, Н. Ф. Катанов, история, этнография, архивы.

R. M. Valeev,

Kazan (Volga region) Federal University (Russia)

D. Ye. Martynov,

Kazan (Volga region) Federal University (Russia)

Yu. A. Martynova,

Kazan (Volga region) Federal University (Russia)

V. N. Tuguzhekova,

Khakass Research Institute of Language, Literature and History (Russia)

R. Z. Valeeva,

Kazan Innovation University named after V.G. Timiryazev (Russia)

THE MANUSCRIPT HERITAGE OF N.F. KATANOV: JOURNEY DIARIES TO SIBERIA AND XINJIANG (1889–1892 years)

The article analyzes the manuscript heritage of the orientalist, scientist N.F. Katanov, stored both

in Russia and abroad. Much attention is paid to his

¹ Исследование осуществлено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научных проектов №18-09-00331 и №17-01-00209.

records during the scientific trip to southern Siberia and Eastern Turkestan in 1889–1892 years.

Академик и тюрколог В.А. Гордлевский в своей речи «Памяти Н.Ф. Катанова» от 11 июня 1922 г. на заседании Восточной комиссии Московского археологического общества отметил: «Историк востоковедения сумеет оценить труд долгий и бескорыстный, внесший обильный доброкачественный материал по языкам, до Катанова мало обследованным» [Гордлевский, 1968, с. 401]. Академик А.Н. Самойлович в журнале «Восток» в небольшом некрологе «Памяти Н.Ф. Катанова» особо выделял: «Хотелось бы надеяться, что давно ожидаемое ученым миром опубликование неизданных лингвистических и этнографических собраний Н.Ф. Катанова будет осуществлено после его смерти, а до издания материалы эти будут сохранены в надежном месте» [Самойлович, 1922, с. 105].

На современном этапе актуальными остаются дальнейшей поиск, изучение, систематизация и введение в научный оборот архивного наследия профессора Казанского университета Н.Ф. Катанова (1862–1922) – одного из ярких и колоритных национальных ученых и мыслителей российской науки, образования и культуры и выдающегося представителя хакасского народа. Данная исследовательская работа над архивным наследием Н.Ф. Катанова обусловлена необходимостью поиска его разнообразных рукописных материалов в архивных центрах Казани, Москвы, Санкт-Петербурга и ряда зарубежных институтов (Венгрия, Турция, Германия). Следует указать на необходимость соотнесения архивных материалов с опубликованными работами ученого. Во многом выявленное авторами данного доклада архивное наследие (дневники, письма, незаконченные рукописи и др.) Н.Ф. Катанова несет в себе общественно-политическую и исследовательскую печать эпохи конца XIX в. – первых десятилетий XX в. Поиск и введение в научный оборот рукописей Н.Ф. Катанова позволят выявить направления и особенности его исследовательской работы и сформировать объективную базу для подготовки академической биографии классика отечественной тюркологии.

В целом исследовательская работа с архивными «документами личного происхождения» Н.Ф. Катанова – архивными рукописями ученого представлена совокупностью четырех ключевых исследовательских приемов. Во-первых, поиск, обработка и расширение архивной и источник-

Key words: Russia, East, Central Asia, Oriental studies, turkology, N.F. Katanov, history, ethnography, archives.

ведческой базы на основе системного изучения личных фондов востоковедов в архивах России и ряда зарубежных стран, привлечение различных материалов (служебных документов, планов, записных книжек и др.). Во-вторых, поиск и систематизация материалов об истории российского и европейского востоковедения и тюркологии XIX – нач. XX в. В-третьих, историографический, источниковедческий и тематический поиск и обобщение историко-научных фактов и сведений о биографии Н.Ф. Катанова, а также последующая их систематизация и комментирование с целью исследования феномена его вклада и панорамы научной жизни в кон. XIX – нач. XX в.

В архивоведческом и историко-научном направлении изучения рукописного наследия Н.Ф. Катанова огромный интерес представляет период его научной экспедиции в Южную Сибирь и Восточный Туркестан в 1889–1892 гг. Эти годы связаны с истоками и развитием его комплексных исследований языков, традиционных и новых форм экономической и социальной жизни, быта, фольклора и духовной жизни тюркских народов Саяно-Алтая и Синьцзяня.

В 1904 г. экстраординарный профессор Санкт-Петербургского университета, тюрколог-лингвист П.М. Мелиоранский (1868–1906), рецензируя фундаментальную работу Н.Ф. Катанова «Опыт исследования урянхайского языка» (1903), выделил ряд значимых лингвистических и текстологических особенностей его собранных текстов. Он писал: «Вообще говоря, тексты записаны тщательно, транскрипция точна и выдержана, перевод не возбуждает сомнения». Далее П.М. Мелиоранский отмечал, что «...насколько мы можем судить, материал, приводимый автором по живым современным турецким наречиям, точен и надежен, – мало того, для некоторых наречий, напр., кашгарского, яркендского, турфанского, хамийского и др., материал это – представляет совершенную новизну, так как впервые собран самим г. К[атановым] [Записки, 1904, с. 0151, 0156].

Николай Федорович Катанов в 1889 г. был командирован на окраины Российской и Цинской империй для «изучения остатков тюркских племен». Эта экспедиция была запланирована императорским Русским географическим обществом, Академией наук и Санкт-Петербургским университетом и была

продиктована социально-культурными и политическими факторами. Почти одновременно с ней на территории Синьцзяна действовали экспедиционные отряды М.В. Певцова и братьев Г.Е. и М.Е. Грум-Гржимайло, причем маршруты последнего отряда проходили практически по тому же пути, что и у Н.Ф. Катанова. О значимости миссии Н.Ф. Катанова для властей свидетельствует и история с получением разрешения на проезд до оазисов Турфана и Хами. Когда начальник округа Тарбагатай не пропустил ученого далее Урумчи и потребовал специальный паспорт из Пекина, в его получении и доставке участвовали генеральные консулы Российской империи в Чугучаке и Урге – братья М.П. и Я.П. Шишмаревы, а позднее и российский МИД [Хохлов, 2013].

Историографическая ситуация сложилась так, что обобщающей работы по важнейшему событию научной биографии Катанова – его экспедиции 1889–1892 гг. – так и не было опубликовано. Важнейшими первоисточниками являются его дневники, значительную часть которых Н.Ф. Катанов подготовил к печати, однако в свет они вышли с огромным опозданием. Так, дневник путешествия в Урянхайский край (Туву) 1889 г., описанный С. Вайнштейном еще в 1968 г., пролежал в архиве Кунсткамеры до 2011 г., пока наконец не был опубликован тувинскими коллегами [Катанов, 2011]. Дневник, отражающий пребывание Н.Ф. Катанова в Хакасии и первую его поездку в Семиречье, Тарбагатай и Синьцзян в 1890 г., был расшифрован, прокомментирован и опубликован нашим авторским коллективом совсем недавно [Катанов, 2017].

В Государственном архиве Республики Татарстан (ГА РТ) хранятся оставшиеся рукописи дневников, находящиеся в разном состоянии. В первую очередь это объемное дело с авторским названием «Поездка в Семиречье и Тарбагатай. Дневник путешествия, совершенного в 1891 г. по поручению Имп. русского географического об-ва членом-корреспондентом оною Н.Ф. Катановым» (ГА РТ. Ф. 969. Оп. 1. Д. 11). Во время ожидания вакансии в Петербурге в 1892–1893 гг. материалы этого путешествия были обработаны Н.Ф. Катановым и переписаны. В результате образовался объемный том форматом 22 x 35 см, четко переписанный черными чернилами на бумаге хорошего качества, всего 539 листов, исписанных с обеих сторон. Как обычно, Н.Ф. Катанов сводил воедино полевой журнал и записи фольклора, которые он сразу переводил на русский язык, иногда вставляя дополнения или правя стиль. Дневник

должен был включать две части, первая была полностью окончена автором и заканчивается на л. 509 об. Вторая часть с титульным листом была оборвана в буквальном смысле на полуслове, и в дальнейшем по ряду обстоятельств Н. Катанов перевез рукопись в Казань, но так и не вернулся к дальнейшей обработке своих материалов.

Окончание путешествия – поездка до оазисов Хами и Турфан и возвращение в Абакан – также зафиксировано в дневниковых записях. В дальнейшем в архиве дали ему условное (и совершенно неверное) название «Дневник путешествия по Средней Азии и др. местам (Китай, Монголия)» (ГА РТ. Ф. 969. Оп. 1. Д. 76). Также неверно дана датировка (от 16 марта 1892 г.), тогда как в тексте самой ранней зафиксированной датой является 11 марта. Особую значимость этим материалам придает их черновой характер: сохранились черновые тетрадки, которые велись непосредственно в поле и служили основой для дальнейшей работы.

Тетрадки (судя по качеству и редким клеймам) делались для дешевизны из оберточной бумаги формата 9 x 11 см. Главная проблема заключается в том, что тетрадки зимней поездки из Урумчи до Хами не сохранились. Все они снабжались авторской нумерацией на титульном листе; сохранились только тетрадки 15–31. Дневники № 15–27 сшиты вместе (без обложки). Текст отражает обстоятельства поездки из Хами через Турфан до российской границы. Важно то, что записи фольклора велись отдельно и в эти материалы не включались. Последняя тетрадка – № 31 (переезд из Джаркенда в Минусинск и далее к хакасским родам) другого формата: 18 x 11 см. Текст во всех перечисленных материалах карандашный, реже – побуревшими от времени чернилами низкого качества. Чернильный текст более трудночитаемый, чем карандашный.

Помимо собственно исторических, лингвистических, этнографических и других сведений и материалов (дневники, например, позволили уточнить хронологию начала научного путешествия Н.Ф. Катанова), внимательное чтение позволяет задать направления дальнейшего архивоведческого исследовательского поиска. Например, из записей следует, что спутники Катанова – фотографы Васильев и Толшин – сформировали на территории Синьцзяна фотоархив этнических типов местного населения, часть которого была в распоряжении исследователя.

Рукописное наследие Н.Ф. Катанова содержит ценнейшие сведения о культурах тюркских народов Восточной Сибири, Семиречья и Синьцзяна. Ввиду отсутствия языкового барьера

между исследователем и объектом его исследований ему удалось представить на страницах своих дневников целостный комплекс духовной культуры народов, находящихся на разных стадиях развития материальной цивилизации и принадлежащих к разным конфессиям, от шаманизма до ислама. При этом следует учитывать, что задача создания сколько-нибудь представительного корпуса трудов Н.Ф. Катанова не только не решена, но и чрезвычайно далека до завершения.

Авторские рукописные материалы Н.Ф. Катанова периода командировки сохранились также в фондах архива Русского географического общества в Санкт-Петербурге. Это «Письмо с кратким обзором о поездке в Семиреченскую обл. 1891–1893 г.» (Разряд 87. оп. 1. № 15. 2 л.), «Описания медных монет, чеканившихся в Китайском Туркестане» (Разряд 90. Оп. 1. № 30. 5 л.), несколько официальных документов об организации путешествия Н.Ф. Катанова и особенно первый текст его отчета в имп. Русское географическое общество от 3 марта 1889 г. (Ф. 1 – 1886. Оп. 1. № 20. 27 л.).

В своем донесении Н.Ф. Катанов сообщал географические, экономические, социальные и культурные сведения и факты о Хакасии и в целом региона: «26 числа минувшего января я прибыл в г. Минусинск. С 4 февраля до 16 был в Сагайской степи... Тут я записал несколько пословиц на койбалском наречии и предание о каменной старухе (куртуяк-гас)... В Сагайской степной думе соединенных разнородных племен, находящейся в с. Аскис Минус[инского] округа, я разбирал архив... Со временем надеюсь пополнить собранное новыми сведениями и представить все Обществу. < > Несмотря на открытие 2-классного училища в Аскысе, число грамотных инородцев не увеличивается. Падежи скота и неурожай в последние 5 лет донельзя истощили народное богатство сагайских татар, бельтиров и койбалов. Качинцы по-прежнему считаются отличными скотоводами; по-прежнему они обладают сотнями голов рогатого и тысячами мелкого скота. В последнее время завелись самые оживленные сношения минусинских татар и казанских с урянхайцами-тюрками... (Ф. 1 – 1886. Оп. 1. № 20. Л. 5–6).

В 1920-х гг. особенно заметен интерес к текстологическому наследию Н.Ф. Катанова в европейской ориенталистике, в том числе среди немецких тюркологов. В 1930-х – перв. пол. 1950-х гг. в европейской тюркологии по инициативе известных немецких востоковедов Вильгельма Юлиуса Банга (Wilhelm Julius

Bang) (1869–1934) [Henri, 1929; Kononov, 1974; Knüppel, 2012] и его ученика слависта, тюрколога и алтаиста Карла Генриха Менгеса (Karl Heinrich Menges) (1908–1999) [Hazai, 1976] появился ряд текстов Н.Ф. Катанова, связанных с путешествиями в Сибирь и особенно в Восточный Туркестан (1889–1892). Эти выдающиеся основоположники немецкой классической тюркологии сформировали и углубили академическую научную традицию и направления изучения языков, культуры и истории тюркских народов Восточной Европы, Сибири и Центральной Азии. Рукописные материалы были переданы в 1926 г. А.И. Катановой, супругой Н.Ф. Катанова, для профессора Берлинского университета В. Банга (А.И. Катанова в письме от 7 декабря 1926 г. С.Е. Маслову писала, что летом 1926 г. в Казани доктору Феттиху, уполномоченному Берлинской научной организации, были показаны рукописи Н.Ф. Катанова. Из них «...он взял: 1) Поездка в Семиречье и Тарбагатай, тексты ч. I и II; 2) Переводы ч. I и II и сколько помню 3) Путешествие по Дзунгарии, Сибири и Туркестану, 520 листов». (См.: Санкт-Петербургский филиал Архива РАН. Ф. 1079. Оп. 3. Д 121. Л. 2. Далее – СПб. Ф АРАН). Издания этих текстов Н.Ф. Катанова, осуществленные в Германии в 1933 г. и 1943 г. К. Менгесом, были рецензированы С.Е. Маловым [Советское востоковедение., 1941, с. 305–306; Известия АН СССР, 1951, с. 206]. В 1952 г. известный монголовед и алтаист, профессор университета штата Вашингтон Н. Н. Поппе (Poppe Nicholas) (1897–1991) опубликовал в журнале «Harvard Journal of Asiatic Studies» свою рецензию на изданные тексты Н.Ф. Катанова в Германии в 1943 г. [Poppe, 1943].

В 1976 г. в Лейпциге по инициативе известного венгерского тюрколога и академика Георга Хазаи (Hazai Georges), в 1962–1983 гг. профессора Университета Гумбольда, и под редакцией К.Г. Менгеса тексты Н.Ф. Катанова были переизданы под названием «Народоведческие тексты Восточного Туркестана. Из наследия Н.Ф. Катанова». В своем предисловии к данной книге К. Г. Менгес писал: «Осенью 1973 года доктор Георг Хазаи в письме предложил мне переиздать в Лейпциге через «Центральный букинист» ГДР «Народоведческие тексты Восточного Туркестана», которые я выбрал и обработал из собранных Н.Ф. Катановым в Восточном Туркестане (китайская провинция Синьцзянь) обширных материалов. Я с благодарностью принял предложение доктора Хазаи, дал ему, как позже и Центральному букинисту, свое

согласие на переиздание, принимая во внимание тот факт, что первая часть работы вышла в свет в сборнике «Отчеты о заседаниях Прусской Академии наук», раздел «Философия-История», том XXXII (1933), и давно находится в свободном доступе, и те «особые обстоятельства», которые воспрепятствовали опубликованию почти вдвое превосходящей по объему II-й части в ученых записках Академии, куда эта вторая часть была принята весной 1936 года» [Volkskundliche. 1976. P. 2].

К сожалению, наши архивоведческие поиски переданных рукописных текстов дневников в Германии пока не увенчались успехом. Так же, как и письма Н.Ф. Катанова, написанные ряду венгерских тюркологов. В последние годы осуществляются поиск и систематизация архивных материалов о венгерских тюркологах кон. XIX – нач. XX в., которые провели научные экспедиции в Поволжье и Приуралье (Бернарт Мункачи и др.), а также сотрудничали и вели переписку с Н.Ф. Катановым.

В настоящее время проведены комплексный поиск и систематизация эпистолярного наследия Н.Ф. Катанова, в частности, его писем известным российским востоковедам (В.В. Бартольд, К.Г. Залеман, В.В. Радлов, В.Р. Розен, Э.К. Пекарский и др.). В 1890 г. Н.Ф. Катанов в своем письме К.Г. Залеману писал: «Теперь я занят переписыванием лингвистич[еских] материалов, собранных за время с октября 1889 г. по апрель 1890 г. (у Минус[инских] татар и карагасов). Всего накопилось около 3000 стран[иц]». В 1892 г. Н.Ф. Катанов также писал В.Р. Розену: «Из Петербурга я поехал в Сев[ерную] Монголию, где исследовал урянхайское наречие; потом в Вост[очной] Сибири исследовал быт и языки карагасов и минусинских татар; затем в Ср[едней] Азии исследовал быт и языки казак-киргизов и сартов, русских и китайских. Сколько я собрал и представил к печатанию, можете узнать у В.В. Радлова и Н.И. Веселовского». В 1901 г. уже из Казани он писал Э.К. Пекарскому: «...Я нахожу много сходного с чертами шаманства южно-сибир-

ских] тюрков и урянхайцев Сев[ерной] Монголии, быт, языки и верования которых я исследовал в 1889–1892 гг. Так как Вы вполне научно и основательно занимаетесь якут[ским] яз[ыком], то мне будет весьма приятно принести Вам весною, а может, и раньше, в дар мое обширное исследование об урянхайском языке, который, по мнению моему, вместе с карагасским сходен с якутским, а потому мое исследование будет Вам, быть может, не бесполезно и для тюркологии не бесследно, так как Вы можете, глядя на него, многое осветить иначе, ибо Вы стоите у источника, мало исчерпанного, и к тому, чтобы черпать из него, обладаете лучшими средствами, чем многие наши рус[ские] ученые» [Валеев, Тугужекова, Чочиева, 2012; Эпистолярное наследие Н.Ф. Катанова, 2016]. В ближайшие годы планируются подготовка и полное издание всех этих писем Н.Ф. Катанова петербургским востоковедам, сохранившихся в их личных фондах в Санкт-Петербургском филиале Архива РАН. К сожалению, до настоящего времени не обнаружены ответные письма петербургских востоковедов кон. XIX – нач. XX в.

В перспективе предстоит подготовить и опубликовать архивные рукописные материалы Н.Ф. Катанова, в том числе «документы личного происхождения» – дневники и переписку. Это направление изучения наследия Н.Ф. Катанова внесет вклад в оценку состояния, исследовательских идей и итогов развития отечественной тюркологии на рубеже XIX–XX вв.

Комплексное изучение архивных источников, посвященных опубликованному и рукописному наследию Н.Ф. Катанова, позволяет: во-первых, ввести в научный оборот новые неизвестные материалы отечественных востоковедов и оценить направления их научных и личных связей; во-вторых, осветить и существенно дополнить научную биографию и наследие ученого-тюрколога и просветителя; в-третьих, сохранить и продолжить преемственность в изучении наследия учителей и соратников профессора Н.Ф. Катанова на основе неопубликованных архивных фондов и материалов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Валеев, Р.М., Тугужекова, В.Н., Чочиева, А.С. Эпистолярное наследие Н.Ф. Катанова. – Абакан, 2012.
2. Валеев, Р.М., Тугужекова, В.Н., Чочиева, А.С., Ермилова, В.В., Рябцева, А.М. Эпистолярное наследие Н.Ф. Катанова (К 155-летию со дня рождения) / Сост. Р.М. Валеев, В.Н. Тугужекова, А.С. Чочиева, В.В. Ермилова, А.М. Рябцева – 2-е изд., доп. – Абакан, 2016.
3. Гордлевский, В.А. Памяти Н.Ф. Катанова (1862–1922) // Избранные сочинения. – Т. IV. – М., 1968. – С. 401.
4. Государственный архив Республики Татарстан. Ф. 969. «Катанов Н.Ф. Ординарный профессор сравнительного языкознания».

5. Записки Восточного отделения Русского археологического общества. Т. 15. 1902 – 1903. – СПб., 1904. – С. 0151; 0156.
6. Катанов, Н. Ф. Очерки Урянхайской земли. Дневник путешествия, исполненного в 1889 году... / подг. рукописи, комментарий А. К. Кужугет. – Кызыл, 2011.
7. Катанов, Н. Ф. Путешествие по Сибири, Дзунгарии и Восточному Туркестану. Дневник путешествия, совершенного по поручению Императорского Русского Географического Общества в 1890 г. членом-сотрудником оною Н. Ф. Катановым / отв. и науч. ред.: Р. М. Валеев, В. Н. Тугужекова, Д. Е. Мартынов. Введение Р. М. Валеева, Д. Е. Мартынова, Ю. А. Мартыновой и В. Н. Тугужековой; подг. к изд., сост., комментарии, указатели Д. А. Данькиной, Р. М. Валеева, Р. З. Валеевой, Д. Е. Мартынова, Ю. А. Мартыновой, Ф. Г. Миниханова, М. С. Минеевой, В. Н. Тугужековой; вступ. статьи А. М. Сибатуллин, И. Г. Смолиной, И. Р. Гафурова. – Казань, 2017. – 734 с.
8. Самойлович, А. Памяти Н. Ф. Катанова // Восток. – 1922. – Кн. 1. – С. 105.
9. Хохлов, А. Н. Поездка Н. Ф. Катанова в Северо-Западный Китай в 1890–1892 гг. и его труды по исламоведению // Архив российской китаистики. Т. II. – М.: ИВ РАН, 2013. – С. 327–355.
10. Henri de Vocht: Bibliographie der Arbeiten von Professor W. Bang Kaup. In: Ungarische Jahrbücher 9, 1929, S. 188–195; Andrej Nikolaevič Kononov: W. Bang-Kaup. Zum hundertsten Geburtstag. In: Sprache, Geschichte und Kultur der altaischen Völker. Berlin 1974, S. 47–49; Michael Knüppel, Alois van Tongerloo: Die orientalistische Gelehrtenrepublik am Vorabend des Ersten Weltkrieges. Der Briefwechsel zwischen Willi Bang(-Kaup) und Friedrich Carl Andreas aus den Jahren 1889 bis 1914 (= Abhandlungen der Akademie der Wissenschaften zu Göttingen N.F. 20). Berlin 2012 и др.
11. Hazai, G. Kurzes Schriftverzeichnis von K. H. Menges. 1932–1975 // Volkskundliche Texte aus Ost-Tiirkistan. Aus dem Nachlaß von N. Th. Katanov. Hgb. von K. H. Menges. Leipzig, 1976, S. VII–XVI.
12. Советское востоковедение. – 1941. – Т. 2. – С. 305–306; Известия АН СССР. Отд. литературы и языка. – 1951. – Т. X. – Вып. 2. – С. 206.
13. Poppe, N. Volkskundliche Texte aus Ost-Tiirkistan II. Aus dem Nachlass von N. Th. Katanov herausgegeben. Als Manuskript ge-druckt. Berlin, 1943, 185 pages // Harvard Journal of Asiatic Studies, Vol. 15, No. 3/4 (Dec., 1952). – P 523 – 525.

Ш. Цэдэнбал,

Музей Увс аймака (Монголия)

ПИСЬМЕННЫЕ ПАМЯТНИКИ НА ЯСНОМ ПИСЬМЕ В ФОНДЕ МУЗЕЯ УВС АЙМАКА

В статье анализируется содержание фондов музея Увс аймака Монголии. Автор отмечает, что значительная часть экспонатов религиозного характера. Целью данной статьи стало изучение письменных памятников «Ясного письма» –

«Тодо бичиг», созданного на основе старомонгольского языка в первой половине XVII в.

Ключевые слова: письменность, музей Увс аймака, Монголия, сутры.

Sh. Tsedenbal,

The Uvs village Museum (Mongolia)

THE WRITTEN MONUMENTS IN THE BRIGHT LETTER IN THE FUND OF THE MUSEUM IN UVS VILLAGE

The article analyzes the content of the funds of the Museum of Uvs village in Mongolia. The author notes that a significant part of the exhibits is of the religious nature. The purpose of this article was to study the written monuments of the Bright

letter «Todo bichig», created on the basis of the old mongolian language in the first half of the XVII century.

Key words: writing, Uvs village, Mongolia, sutra.

Одной из попыток преодоления периода политического распада Монгольского государства, примирения враждующих князей было объединение монголов на основе буддийских верований.

В это же время калмыцкий и ойратский деятель буддизма, поэт, великий просветитель Зая Панди Огторгуйн Далай разрабатывал новую письменность «Тодо бичиг», которая была предназначена для перевода буддийских канонов на

монгольский язык. Основой реформы являлось приближение письменности к произношению ойратского языка, а также упрощение записи санскритских и тибетских заимствований, широко использовавшихся в религиозных текстах. Он перевел с тибетского на ойратский язык примерно 180 буддийских канонических книг из Ганжуур и Данжуу, философских и медицинских трактатов и сборников легенд.

Доктор На. Сүхбаатар разделил развитие письменности «Ясное письмо» на 4 периода:

1. Период разработки и распространения «Ясного письма» (1648–1670).

2. «Ясное письмо» – государственная письменность (1670–1771).

3. Развитие «Ясного письма» в статусе территориальной письменности (1771–1930).

4. Падение официального статуса «Тодо бичиг». «Тодо бичиг» – письменность национальной интеллигенции (с 1940-х гг.).

В распространении «Тодо бичиг» огромную роль сыграли храмы, монастыри Төгс буянт, Намир, Улаангом, Цалгар, Дэжээлин Шар цэхээн хүрээ. Здесь на «Ясном письме» переписывали (копировали), распространяли, хранили священные сутры, рукописи.

В 1937–1938 гг. закрылись храмы и монастыри и были уничтожены письменные памятники буддизма. Позже в 1948 г. при Отделе просвещения аймака Увс был создан первый краеведческий музей в двухэтажном здании Харлаг бэйс Аюурзана.

С того времени постепенно пополнялся фонд музея, и в настоящее время в нем более 5700 экспонатов, почти 2000 из них памятники материальной культуры религиозного характера, в том числе письменные памятники на «Ясном письме». Например, деревянная ложка для подношения молока, нож с огнивом, каменная надпись, деревянный прибор для ксилографии, рукописи 472 сутр, 2 сутры ксилографического издания. В этом докладе будет представлено вышеперечисленное письменное наследие на «Ясном письме».

В 1960 гг. началось исследование письменной культуры «Тодо бичиг», но исследовательских работ по экспонатам данного музея немного:

– статья Х. Лувсанбалдана «“Тодо бичиг” и его письменные памятники»,

– статья Б. Түвшинтөгс «Традиция модон бар на “Ясном письме”» в сборнике «Б. Я. Владимирцов – монголовед XX века»,

– доклад Б. Түвшинтөгс «Тод и маньчжурские надписи на “Ясном письме”».

В 2017 г. Музей Увс аймака и Культурно-исторический, лингвистический центр исследования «Тод номын гэрэл төв» подписали договор о сотрудничестве. И в рамках проекта «“Ясное письмо” – XXI век» начали работы по каталогизации сутр на «Ясном письме», их исследование обертывания сутр шелком, благодаря этому внесено в список письменных памятников еще 8 редких сутр и 1 маленькая сутра.

Первым заведующим музеем был образованный человек Б. Самбуу, который в детстве служил в монастыре и хорошо знал тибетский, уйгурский языки, «Тодо бичиг» («Ясное письмо») и кириллицу. И им были собраны 9% всех экспонатов на «Ясном письме». В 1972–1974 гг. работал заведующим музея также блестяще знающий «“Ясное письмо”» Тая Бямбадорж. По окончании лингвистического факультета Монгольского государственного университета он написал дипломную работу «“Ясное письмо”». Специфика некоторых правил “Ясного письма”». 20 октября 1988 г. он защитил кандидатскую диссертацию в Академии науки Монголии. Им было собрано 35,4% всех экспонатов «Ясного письма».

О сутрах ксилографического издания

Эти сутры были каталогизированы по номерам 140, 142 на 50 и 110 страницах.

Названия: большая сутра «Хутагт билгийн чинад хүрсэн Таалагч очир». Сутры напечатаны в рамках 18,6x5,5 см, на русской бумаге темно-синими чернилами. Они были в собраниях 303 сутр, купленных как экспонаты музея аймака. Сутры «Тааслагч очир» несколько раз копировались ксилографией и были похожи на сутры, которые хранятся в аймаках Ховд и Баян-Өлгий.

140.	У.140.1	Таслагч Очир	22x7,5	Русская бумага, бамбуковая ручка, черные чернила	55 листьях, 110 страницах	Сутра баре
142.	У.142.1	Таслагч Очир	8x25	Русская бумага и черные чернила	55 листьях, 110 страницах	Сутра баре

Об обложках «Модон бар»

Первое сообщение об деревянном «бар»-е дал ученый Х. Лувсанбалдан. «Бар» – книгопечатный прибор, хранившийся в музее Увс аймака, на двух обложках нарезаны заклинания тарни.

Он был куплен в 1980 г., происхождение неизвестно, размер 1,5х4,5х5,8 см, сделан из березы. Между строчками 0,3 см, 66 строчек, длина строчки – 5 см.

Такие бары по одному экземпляру обнаружены в музеях России, Франции и в аймаке Увс в Монголии. Они считаются редким культурным наследием. Между прочим, в синей тетради общей регистрации музея мало информации: 224 экспоната, с номерами 521–745, собранные в 1964–1982 гг.

О сутрах «Ясного письма»

В 1970 г. стало известно, что в краеведческих музеях Увс и Ховд аймаков, в государственной публичной библиотеке, в фонде академии «Тодо бичиг» хранится письменное наследие «Ясного письма».

В сочинении Зая Бандида «Лунный свет» почти 180 сутр, 65 из них обнаружены ученым Х. Лувсанбалданом, 69 сутр – Мянгад Эрдэмтом. И в общем найдено 107 сутр.

По данным центра «Тод номын гэрэл төв», существует 474 сутры 52 видов.

В таблицах показано количество сутр, дата собрания, их содержание и сообщения, которые написаны в конце сутр:

№	Частный номер	Имя сутры	цена	Числа сутры	Дата
1		Тод үсгийн ном	3030₮	303+9	1971
2		Тод үсгийн хишиг буян дэлгэрэх арван гурван сан оршвой	1000₮	1	2001
3		Жил, сар, хоног цагийн сайн муугийн үр үзэх судар	1500₮	1	2001
4		Мили бурханы лүндэн	1000₮	1	2001
5		Хутагт цаглашгүй насан бэлэг билигт оршвой	1500₮	1	2001
6		Тод үсгийн Алтангэрэл	5000₮	1	2003
7		Тод үсгийн судар	5000₮	1	2003
8		Тод ном	2800₮	1	2005
9		Гаригийн шинжийн судар оршвой	2800₮	1	2005
10		Жилийн суусан мэнгэ үзэх судар	2800₮	1	2005
11		Төгс цогт охин тэнгэрийн намрын сарын өнгө	2800₮	1	2005
12		Очир хумсаа эх хэмээх судар оршвой	2800₮	1	2005
13		Найман зүгийн суудлын судар оршвой	2800₮	1	2005
14		Үзлэгийн судар	2800₮	1	2005

Контекты ясных письменных сутр:

№	Категория Х. Лувсанбалдана	Числа
1	Класс истории	7
2	Биография и история религии	65
3	Сургааль, туужийн анги	9
4	Үсэг бичгийн анги	2
5	Сан тахилгын анги	59
6	Зурхай мэргэ төлгийн анги	55
7	Эм домын анги	4
8	Аймаг сутра	
9	Тогтоол тарнийн аймаг	52
10	Итгэл бодь мөрийн аймаг	1
11	Үйлийн үрийн аймаг	
12	Шашин болон нийтийн зан үйлийн аймаг	1

13	Уншлагын аймаг/засал/	160
14	Эш зарлигийн аймаг	35
15	Тусгай анги /ерөөл/	22

Информация об ясных письменных сутрах.

№	Частный номер	Название книги	Размер	Материал	Письменные предметы	Стр.
22	Ү.22.1	Арван гурван алтайн сан	20,5x8,5	Русская бумага и черные чернила	Аюур дурдсанд Усан бичив	5 хуудас
44	Ү.44.1	Гэсэрийн сан оршвой	21,5		У бичивсан	
46	Ү.46.1	Үнэгний сан оршвой	8x21,5	Черно-красные чернила, бумага и бамбуковая ручка	Намрын сүүл сарын 2-нд..... Санг судар бичив	11 хуудас
52	Ү.52.1	Сайн морины судар оршвой	8,5x20	Черно-желтая русская бумага	Балжинням бичив	4 хуудас
150	Ү.150.1	Хутагт билгийн чинад хүрсэн Таслагч очир хэмээх их хөлгөн судар оршвой	21,5x8,5	Русская бумага, бамбуковая ручка, черные чернила	Өглөгийн эзэн Цэдэн дурдсанд хааны жилийн тэргүүнд тосон тосон босгов бичив	41 хуудас
250	Ү.250.1	Гурван учирлын занд оршвой	9,5x21	Русская бумага, бамбуковая ручка, черные чернила	Батга бичив	6 хуудас
251	Ү.251.1			Русская бумага, бамбуковая ручка, черные чернила	Бадаргуулт хааны арван гуравдугаар	19 хуудас
266	Ү.266.1			Русская бумага, бамбуковая ручка, черные чернила бичив	9 хуудас
279	Ү.279.1	Камчу нагва судар оршвой	7x12	Русская бумага, бамбуковая ручка, черные чернила	Янчир бичив	6 хуудас
280	Ү.280.1	Хамаг муу ёр хариулах харшын судар	8x20	Русская бумага, бамбуковая ручка, черные чернила	Бат бичив, Бавуу бичив	7 хуудас
300	Ү.300.1	Гэрэлт охин тэнгэрийн тогтоол	7x17	Русская бумага, бамбуковая ручка, черные чернилабичив	7 хуудас
310	Ү.310.1	Аюушийн тогтоол насан урт болгох судар	8,5x21	Русская бумага, бамбуковая ручка, черные чернила	Ноосон бичив	4 хуудас
313	Ү.313.1	Юмын хураангуй	8x20,5	Русская бумага, бамбуковая ручка, черные чернила	Ноосон бичив	7 хуудас
340	Ү.340.1	Амидава бурханы юүлэхийн увидас	7,5x20	Русская бумага, бамбуковая ручка, черные чернила	Увш бичив	7 хуудас

387	Y.387.1	Хон шим бодь садва мял бурхан хоёрын зарлиг	8x20	Русская бумага, бамбуковая ручка, черные чернила	Хөвүүн бичив	4 хуудас
390	Y.390.1	Мял бурханы зарлиг оршвой	8,5x20,5	Русская бумага, бамбуковая ручка, черные чернила	Донров бичив	13 хуудас
391	Y.391.1	Мял бурханы зарлиг оршвой	9,5x20,5	Русская бумага, бамбуковая ручка, черные чернила	Балжинням бичив	14 хуудас
427	Y.427.1	Сонсоод тонил-гогч зуурдын залбирал оршвой	20x8	Русская бумага, бамбуковая ручка, черные чернила	Ноосон бичив	23 хуудас

Например, номер 251 в списках регистрации.

В конце сутры «Дээд ном цагаан Бадам хорин 5-р болой» написано ᠮ «Бадаргуулт хааны арвангуравдугаар он». Это значит, что эта сутра создана в 1888 г. В сутре нарисованы портреты Богд зонхов, Бурхан багша, рисунки Бодь субаргана и есть 24 сутры, где некоторые страницы или заглавия написаны по-тибетски. И еще 88 сутр с вертикальной надписью, почти 10 сутр с рамкой как «бар», 205 сутр на переработанной бумаге, 267 сутр на бумаге других видов: русская бумага, муутуу, бумага с чертежем.

Среди редких сутр – сутра «Молойн тойн эхээ тамаас гаргасан судар оршвой» (в переводе: Молойн тойн вытянул мать из ада).

2 экземпляра данной сутры найдено, 1 из них в городе Санкт-Петербурге (Россия), другой – в музее Увс аймака (Монголия).

В целях сохранения письменного наследия выбрали редкие и дорогие 200 сутр, обернули и внесли в архив (книгохранилище) информационного фонда аймака в виде файлов и книги. Эта работа выполнена в рамках проекта «Тодо бичиг – XX в.».

Среди предметов с надписью «Ясного письма» – камень. Ученый Х. Лувсанбалдан отмечал, что на «Ясном письме» делали надписи на камнях и металлах.

Например, надпись «Тайхар чулуу», надпись «Шар сум» в Ховд аймаке, каменный обелиск Ил, надпись на ноже в музее Увс аймака. Один из них «Бал чулуу» – точильный камень. На нем написаны на «Ясном письме» тибетские заклинания – тарни: «Ум мани бадмэ хум Өвчин эдгэх буй», «Рашаан болтугай ум дари дүг дари дари сухой». Этот экспонат был куплен у Гансавы, жителя сомона Сагил, в 1972 г.

Деревянная ложка с надписью «Ясного письма» свидетельствует о том, что «Тодо

бичиг» использовали ойраты до 1930–1940 г. Такие культурные памятники очень редки. На ней написано «Арван гурван Алтай тахимой, 23 хангай тахимой». – «Поклоняемся перед 13 Алтаями, почтение 23 Хангаям». На двух сторонах ручки «цацал» вырезаны фигуры 12 животных в конце ручки – очир (нерун). Высота цацал – 4 см, длина – 39 см, ширина 6,5 см, вес – 165,77 г.

Ложку цацал мастерил резчик (гравер) Чойромбал из сомона Тэс и передал в фонд работнику музея Б. Самбуу.

Футляр ножа поступил как музейный экспонат в 1967 г. из сомона Наранбулаг. Длина футляра – 28,4 см, конец футляра – 8,8 см с паением, окаймлен чеканкой узоров, вставлены латуны. На двух сторонах на стали маньчжурская надпись «Ясным письмом», вставлено серебро. Конец футляра опоясан серебром шириной 11,8 см и поставлены узоры в виде луны, 4 кольца соединены стальными бляшками. На верху стальное кольцо-петля, как указал исследователь Б. Тувшинтөгс.

Надпись со стороны А 2,1 см: «Сэтгэл амар» – «Спокойная душа», надпись со стороны Б 1,7 см – «Спокойно мирно».

Благодаря хранению этих культурных памятников в музее Увс аймака нашему поколению передано такое редкое наследие, как обложки ксилографического издания футляра ножа, редкие сутры, каменные надписи, деревянная ложка «цацал». В 17 сомонах Увс аймака, хотя в сомонах Өмнөговь, Түргэн, Малчин, Хяргас, Улаангом были храмы и монастыри, работали и краеведческие кабинеты, не сохранились сутры «Ясного письма».

А в сомоне Давст в краеведческом кабинете хранятся 7 сутр «Ясного письма». В 1965 г. в сомоне Тариалан, в 1975 г. в остальных сомо-

нах были созданы краеведческие кабинеты, но не полностью сохранено культурное наследие и памятники. В дальнейшем важно ставить вопросы собрания и регистрации сутр и других культурных памятников, которые находятся у частных лиц, и организовать единый фонд информации о «Ясном письме».

Письменное наследие – это историческая память, духовная культура предков, потому что в письменном наследии запечатлена не только история, но и душа, духовность, мировоззрение и миропонимание народа, его самобытный менталитет.

Богатейший фонд все еще не изучен и ждет своих исследователей.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Батмөнх, Б.* Зая бандида Огторгуйн далай (общественно-политические, религиозные и культурные мероприятия). УБ. 2018.
2. *Лувсанбалдан, Х.* Письменные памятники «Ясное письмо». УБ. 1975.
3. *Сүхбаатар.* История использования «Ясное письмо». Г. Жамъян-80. Изучение «Ясные письмо» Tomus-XXX УБ. 2013.
4. *Түвшинтөгс, Б.* Тод бичгээрх бар хэвлэлийн уламжлал (Б.Я. Владимирцов – XX зууны монгольский учёный XX в.) хурлын эмхэтгэл. УБ. 2015.
5. Регистрации музея Увс аймака, использовать форма экспонанты ББЗМ-2.

Р. М. Валеев,

Казанский федеральный университет (Россия)

Р. З. Валева,

*Казанский инновационный университет
им. В.Г. Тимирязова (Россия)*

Л. М. Сахавова,

*Институт татарской энциклопедии
и регионоведения АНТ (Россия)*

ВОСТОКОВЕДЕНИЕ В РОССИИ И ВКЛАД В ЕГО РАЗВИТИЕ НЕМЕЦКИХ УЧЕНЫХ-ВОСТОКОВЕДОВ: КАЗАНЬ – САНКТ-ПЕТЕРБУРГ (XIX – нач. XX в.)¹

В статье показана история университетского востоковедения в Казани и Татарстане. Также рассказывается о становлении ориенталистики на базе Академии наук Санкт-Петербурга, различных ведомств и государственных учрежде-

ний. Уделено внимание модели академической ориенталистики в России.

Ключевые слова: Россия, Восток, востоковедение, университеты России, О.М. Ковалевский, В.П. Васильев, А.Е. Крымский, Х.Д. Френ, Ф.И. Эрдман, И.Ф. Готвальд, В.В. Радлов.

R. M. Valeev,

Kazan Federal University (Russia)

R. Z. Valeeva,

Kazan Innovation University named after V.G.Timiryasov (Russia)

L. M. Sahavova,

*Institute of Tatar encyclopedia and region studies of
Tatarstan Academy of Sciences (Russia)*

ORIENTAL STUDIES IN RUSSIA AND CONTRIBUTION TO IT'S DEVELOPMENT OF GERMAN ORIENTALISTS: KAZAN – SAINT PETERSBURG (XIX – beginning of xx century)

The article shows the history of University's oriental studies in Kazan and Tatarstan. It also describes the formation of the orientalism on the basis of the Academy of Sciences of Saint-

Petersburg, various departments and government agencies. Attention is paid to the model of academic orientalism in Russia.

¹ Исследование осуществлено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научных проектов № 18-09-00331 и № 17-01-00209.

Key words: Russia, East, Oriental studies, universities of Russia, O.M. Kovalevsky,

V.P. Vasilyev, A.Ye. Krymsky, H.D. Fren, F.I. Erdman, I.F. Gotwald, V.V. Radlov.

В 2017 г. исполнилось 210 лет со дня образования кафедры восточной словесности Казанского университета, в 2018 г. – 200 лет со дня образования Азиатского музея (Институт восточных рукописей РАН) и Института востоковедения РАН. В 2019 г. исполняется 165 лет со дня официального указа о создании восточного факультета Санкт-Петербургского государственного университета и 120 лет со дня создания Восточного института во Владивостоке. Начиная с истоков деятельности этих ведущих востоковедных центров России и Европы их связь и взаимодействие были органичными и значимыми в истории и культуре народов России и, конечно, в истории отечественной ориенталистики. Сегодня эти ведущие академические и университетские центры являются уникальными комплексными научно-исследовательскими и образовательными институтами, в которых ведутся исследования как классического, так и современного цикла и реализуются оригинальные профессиональные образовательные и гуманитарные программы.

В истории и культуре народов России, особенно Волго-Уральского историко-культурного пространства, Казанский университет и его научные школы сыграли исключительную роль. Период с конца XVIII в. по начало XX в. был ознаменован успешным развитием науки о Востоке в России и Европе. Когорта выдающихся отечественных и зарубежных ученых-востоковедов, представителей многих народов России, обеспечила мировой уровень комплексных филологических, исторических, археологических, этнографических исследований в академических и университетских центрах Отечества. Востоковедение стало важной образовательной, научной и просветительской дисциплиной и направлением начиная с истоков создания университетского сообщества в Казани. Преподаватели и профессора «восточного разряда» императорского Казанского университета в первой половине XIX в. знакомили общество с историей и культурой народов зарубежного Востока и Востока имперского государства, углубляли осмысление феномена культурного наследия древней и современной Азии [Бартольд, 1977; Валеев, 2019].

Сегодня историко-культурным и образовательным символом ориенталистики и ориентализма в Казанском федеральном университете является начало преподавания татарского языка

в Первой Казанской гимназии в 1769 г. Это событие органично вплетено в историю российского и зарубежного востоковедения и является особенной неотъемлемой составляющей цивилизационного и культурного взаимодействия России – Востока – Запада нового и новейшего времени. Преподавание языков народов России и различных восточных языков в общеобразовательных школах и университетах отвечало запросам и интересам государства и общества. Комплексные и планомерные исследования истории, этнографии, материальной и письменной культуры народов древнего и современного Востока формировали перспективную шкалу национальных интересов, приоритетные материальные и духовные ориентиры многонационального Российского государства и общества. Востоковедение в России сыграло важную роль в развитии таких значимых составляющих национальной идеи, как сохранение языка и культур народов и этносов; права личности; геополитические, политические, экономические, культурные и интеллектуальные интересы; поиск своего места в мировой цивилизации. Это гуманитарное направление обеспечивало усиление позитивных процессов в национальном сознании, раскрывало историко-культурные устремления и в целом историческую мечту многих народов России и Востока.

Процесс формирования и развития уникальных университетских и академических центров в России начался во второй четверти XVIII в. – первой половине XIX в. – создание Академии наук, открытие университетов в середине XVIII – начале XIX вв. и формирование университетского преподавания азиатских языков и создание кафедр восточной словесности: например, Московский университет (1756 г., приглашенный Йоганн Матиас Шаден; Харьковский университет, 1805–1806 гг., И.-Г. Барендт, первый в России университетский профессор востоковедения (В.В. Бартольд); 1829–1833 гг., Бернгард (Борис Анадреевич) Дорн читал курсы арабского и персидского языков; 1-я Казанская гимназия, 1769–1854 гг., преподавание восточных языков; Казанский университет, 1807–1817 гг., Христиан Мартин Френ, и 1818–1845 гг., зав. кафедрой арабо-персидской словесности Франц (Ф.И.) Эрдман и И.Ф. Готвальд, зав. кафедрой арабо-персидской словесности и библиотекарь университета (1849–1897).

В начале XX в. феномен профессиональной и гражданской трансформации академических ученых немецкого происхождения ярко продемонстрировал выдающийся тюрколог В.В. Радлов, который также жил и работал в Казани (1871–1884). В одном из своих писем вел. кн. Константину Константиновичу от 22 февраля 1905 г., в связи с подписанием им известной петиции властям «Нужды просвещения» (Записки 342 ученых), В.В. Радлов писал: «Я родился и вырос в Германии, но с 1858 г. живу в России. И все же мало кто из русских так хорошо, как я, знает страну и людей из самых разных слоев русского общества. При этом я утратил многие специфические черты немецкого характера, и с самого начала своей деятельности в Академии относили к русской партии. С первых дней войны я почувствовал, что моя русская родина мне много дороже, чем я привык считать» [Тункина, 2018, с. 743–744].

В первой половине XIX в. столица империи Санкт-Петербург продемонстрировала свою модель формирования университетского востоковедения, где проявились общеевропейские и национальные тенденции и формы ориенталистики и ориентализма. Основным итогом учебно-педагогических, исследовательских и культурных трансформаций стало образование на базе восточных кафедр (разряда восточной словесности) педагогического института (1819), особенного института и центра – восточного факультета Санкт-Петербургского университета (1854–1855). Важную роль в этом движении сыграли в первую очередь достижения и проблемы, проявившиеся в деятельности разряда восточной словесности Казанского императорского университета в 1807–1854 гг. и других закрытых перспективных университетских центров Российской империи (Институт восточных языков Ришельевского лицея в Одессе (1818–1854), Виленский университет (1803–1832). Кризис российской позитивистской университетской модели востоковедения первой половины XIX в. (разряд восточной словесности) был преодолен в результате формирования имперской (централизованной) и в то же время либеральной институциональной модели развития комплексной системы образования и науки о Востоке.

В 1803–1854 гг. отсутствие национальных ученых-востоковедов также стало поводом для приглашения в 1818 г. учеников крупного французского ориенталиста Сильвестра де Саси (1758–1838) – Жана Франсуа (Иван Францевич) Деманжа (1789–1839) и Франсуа Бернара (Франц

Францевич) Шармуа (1793–1868). Данный принцип ориентации на европейскую модель ориенталистики был усилен известной и преемственной традицией активной деятельности в университетах различных представителей восточных народов России XIX – начала XX в. В 1819 г. третьим преподавателем арабо-мусульманских языков в Санкт-Петербургском университете стал Мирза Джафар Топчибашев (1790–1869). На протяжении XIX в. в Казанском и Санкт-Петербургском университетах особенно выделяется другая европейская этнокультурная линия выпускников Виленского университета – О.М. Ковалевский (Казанский университет), О.И. Сенковский, А.О. Мухлинский, И.Б. Петрашевский (Петербургский университет).

В истории Академии наук в Петербурге и в развитии модели академической ориенталистики в России прослеживается взаимодействие западных и российских идей и принципов и преемственной роли приглашенных европейских ученых. Выделим наиболее интересные взаимосвязанные события и фигуры, а также общее и особенное в наследии ряда поколений европейских ученых. Особое место занимают «профессор восточных древностей» АН (с 1734 г.) Готлиб Зигфрид Байер (1726–1738); этапы академических экспедиций в азиатские территории империи с участием Герарда (Ф.И.) Миллера (1705–1783, в АН с 1725 г.), Иоганна Фишера (1697–1771, с 1730 г. в России, с 1747 г. профессор истории и древностей АН), Петра Симона Паласа (1741–1811, с 1767 г. в Петербурге), Самуила Готлиба Гмелина (1745–1774, в 1768–1774 гг. совершил научное путешествие по Кавказу и Ирану) и многие другие (И. Иерг, И.-Г. Гмелин, И.-А. Гюльденштедт).

Также наиболее переломными институциональными переменами является создание кафедры восточной словесности в АН с избранием в члены-корреспонденты в 1804 г. Г.-Ю. Клапрота (с 1807 г. академик АН) и знаковые фигуры в истории российской и европейской ориенталистики Я.И. Шмидта (1779–1847), Ф.Ф. Шармуа (1793–1868), Г.-Л. Флейшера (1801–1888), М.И. Броссе (1802–1888) и др.

Учреждение Азиатского музея (1818) – первого специального востоковедного центра в системе АН – это не только влияние западной исследовательской традиции, но и переломный научный рубеж в истории российской и европейской ориенталистики. Именно в Азиатском музее его директора Х.Д. Френ (1818–1842) и Б.А. Дорн (1842–1881) окончательно переломили немецкую традицию системы ориенталистики и развивали

самобытную науку о Востоке в российской науке и культуре XIX в. В 1881–1882 гг. – В.Р. Розен, в 1882–1885 гг. – Фердинанд (Ф.И.) Видеман и в 1885–1890 гг. – В.В. Радлов возглавляли Азиатский музей [Азиатский музей – Институт восточных рукописей, 2018].

В XVIII–XIX вв. получило развитие востоковедение в различных ведомствах и учреждениях государственной власти (МИД, Синод, МНП, военное ведомство и др.), обслуживающих военно-политические и социокультурные направления восточной политики империи. Обзор и систематизация характера и роли ряда европейских представителей в этой сфере имеют несомненный научный и прикладной интерес. Проекты выпускника Венского университета Янковича де Мириево о создании специального училища восточных языков, о создании «академии восточных наук и языков» выпускника Лейпцигского университета Георга Якоба Керра (1733), «Азиатской академии» С.С. Уварова и другие обобщали традиции и новации востоковедения Западной Европы и России. Во многом мысли об «Ориентальной академии» и интерес к Востоку М.В. Ломоносова определялись его знакомством с латинскими, голландскими, немецкими, французскими работами по истории и культуре народов восточных цивилизаций. Уже в начале XX в. проект «ученой школы» в области востоковедения был подготовлен С.Ф. Ольденбургом (1902) в Ташкенте под влиянием деятельности «французской школы Крайнего Востока в Сайгоне». В основе этого проекта была идея изучать в этой высшей школе востоковедения «не только русские среднеазиатские владения, но и Персию, Афганистан, Кашгарию, Тибет и даже Китай и Монголию» [Журнал Министерства народного просвещения, 1902, с. 47–51].

Многонациональный характер российского востоковедения – значимая социокультурная традиция в познании исторического и культурного наследия Востока.

Особый пласт разнообразных сведений и материалов связан с ролью и значением российской и европейской ориенталистики и ориентализма в российской литературе, культуре и искусстве нового времени. Бесспорно, переводные с европейских языков и оригинальные отечественные работы, посвященные Азии, отразились на огромном интересе российской общественности к социополитическому и культурному наследию восточных цивилизаций.

Особенно в XVIII – начале XX в. в изучении арабо-мусульманской цивилизации важную роль сыграли выпускники университетов Германии:

Г.З. (Готлиб Зигфрид Теофил) Байер (1694–1738), выпускник университета в Лейпциге (магистр с 1717 г.), профессор восточных языков в Санкт-Петербургской академии наук (1725–1737); Г.Я. (Георг Якоб) Кер (1692–1740), (магистр с 1712 г.), переводчик и преподаватель в Коллегии иностранных дел; Г.Ю. (Генрих Юлий) Клапрот (1783–1835), адъюнкт (1804), экстраординарный академик (1807), исключен из Академии наук (1812); Х.Д. (Христиан Мартин) Френ (1782–1851), ординарный академик (1817), профессор восточных языков в Казанском императорском университете (1807–1817), директор Азиатского музея (1818–1842); Б.А. (Иоганес Альбрехт Бернгардт) Дорн (1805–1881), выпускник университета Лейпцига, ординарный академик АН (1852), директор Азиатского музея (1842–1881); Ф.И. (Фридрих Франц) Эрдман (1793–1863), выпускник университетов в Ростове и Геттингене, профессор восточных языков в императорском Казанском университете (1818–1845); И.Ф. Готвальд (1813–1897), выпускник университета в Бреслау (1836), член-корреспондент АН (1870), профессор арабского и персидского языков (1849–1855) и библиотекарь (1855–1897) в Казанском университете; В.В. (Фридрих Вильгельм) Радлов (1837–1918), выпускник университета в Берлине (1858), ординарный академик АН (1884), директор Азиатского музея (1885–1890) и др.

Сформировалась первая плеяда известных российских востоковедов, «немцев в России и русских в Германии», окончивших университеты в Германии. В конце XIX – начале XX в. в истории отечественного востоковедения заметна тенденция формирования последней когорты востоковедов России, окончивших российские университеты и получивших классическое востоковедное образование (К.Г. Залеман (1849–1916), В.Р. Розен (1849–1908) и другие известные ученые).

Они сыграли важную роль в формировании одной из ключевых научных парадигм российского востоковедения – изучения материальных и письменных памятников народов Востока и признания их важной роли в мировой цивилизации.

Огромный академический и практический интерес представляют направления и итоги формирования и развития научных направлений и дисциплин, связанных с арабо-мусульманским миром в отечественном востоковедении в сравнении с европейскими центрами в XIX – начале XX в., в частности, вклад российских ученых немецкого происхождения. В этот период прослеживаются истоки и ключевые этапы развития

исследований Востока в академии, университетах, обществах, личностные и профессиональные судьбы отечественных и европейских (немецких) востоковедов, путешественников и мыслителей, этапы и особенности становления и развития значимых учебных и научных дисциплин в российском востоковедении – арабистики, тюркологии, иранистики, османистики, исламоведения и других, связанных с изучением языков и основных направлений исследования истории и культуры цивилизаций Ближнего и Среднего Востока, Центральной и Восточной Азии, а также традиционных азиатских этнокультурных регионов Российской империи.

История российского и европейского востоковедного образования, научной мысли о Востоке XIX – начала XX в. представлена известными и забытыми именами и трудами ориенталистов, общественно значимым научно-просветительским наследием востоковедов России и Германии. В ряду основоположников академического и университетского востоковедения особое занимает Х. Д. (Христиан Мартин) Френ (1782–1851) [Френ Христиан Данилович; Труды архива, 1959, с. 248–251].

По оценке И. Ю. Крачковского: «В истории нашей арабистической науки только два таких гиганта – Френ в начале XIX в., Розен в конце его». Далее, сравнивая наследие двух известных востоковедов России и Европы немецкого происхождения – Х. Д. Френа и В. Р. Розена (1849–1908), он оценивал роль В. Р. Розена: «Как Френ, он немало посвятил труда разработке рукописных фондов; как Френ, он углубил изучение арабских источников для истории народов нашей страны» [Памяти академика В. Р. Розена, 1947, с. 8].

Наследие Френа на рубеже XVIII–XIX вв. и научный вклад Розена в начале XX в. олицетворяли важные рубежи формирования и развития

классического востоковедения, в особенности в изучении мусульманского мира в России и Европе [Азиатский музей – Институт восточных рукописей, 2018, с. 8, 807–809].

На современном этапе данную оценку можно отнести ко многим российским и немецким ориенталистам, сыгравшим исключительную роль в развитии образования и науки о Востоке в России и Европе. В целом в истории дореволюционного (имперского) российского востоковедения прослеживается социополитическая и социокультурная преемственность в российско-германских научных и культурных связях.

Деятельность и наследие крупнейших востоковедов России XIX – начала XX в. ярко продемонстрировали следующие тенденции: развитие востоковедения в России становится одним «из важнейших факторов русской культуры» и органичная связь «между развитием русского ориентализма и осуществлением политических и культурных задач России на Востоке» (В. В. Бартольд) [Памяти барона Виктора Романовича Розена, 1909, с. 31].

В перспективе исследовательский проект ученых ведущих гуманитарных центров России и Германии будет направлен на изучение наследия российских и европейских (немецкого происхождения) ученых-ориенталистов, их историко-научного, социокультурного и мировоззренческого контекста жизни и творческой деятельности, на современный анализ традиций и новаций в формировании и развитии арабистики, тюркологии, иранистики, османистики, исламоведения и др., связанных с изучением языков, истории и культуры цивилизаций Ближнего и Среднего Востока и в целом Востока, а также народов традиционных азиатских этнокультурных регионов Российской империи в востоковедческих центрах России и Европы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Азиатский музей – Институт восточных рукописей РАН: путеводитель. – М.: Восточная литература, 2018. – 895 с.
2. Бартольд, В. В. Сочинения. Работы по истории востоковедения. Т. IX. – М., 1977. – 966 с.
3. Валеев, Р. М. Ориенталистика в Казанском университете (1807 – 20-е гг. XX в.). – Lambert, 2019. – 303 с.
4. Журнал министерства народного просвещения. – 1902. – Ч. 340. Отд. IV. – С. 47–51.
5. Бартольд, В. В. Барон, В. Р. Розен и русский провинциальный ориентализм // Памяти барона Виктора Романовича Розена. Сообщения, читанные в заседании Отделения 20 ноября 2008 г., и список трудов барона В. Р. Розена. – СПб., 1909. – С. 31–38.
6. Крачковский, И. Ю. Вступительное слово // Памяти академика В. Р. Розена. Статьи и материалы к сорокалетию со дня его смерти (1908–1948). – М.-Л., 1947. – С. 7–9.
7. Труды архива. Архив Академии наук СССР. Обзор архивных материалов. Т. IV. Вып. 16. – М.-Л., 1959.
8. Тункина, И. В. Актуальное прошлое: взаимодействие и баланс интересов Академии наук и Российского государства в XVIII – нач. XX в. Очерки истории: в 2 кн. – СПб.: Реноме, 2018. – Кн. II. – 642 с.
9. Френ Христиан Данилович. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.nlr.ru:8101/persons/fren.htm>. – (Дата обращения: 25.04.2019).

*М. Соегов,
Академия наук (Туркменистан)*

ОБ ИСТОРИЧЕСКИХ ЛИЦАХ, ИЗОБРАЖЕННЫХ В ОДНОЙ СТАРОЙ ФОТОГРАФИИ, И ОТДЕЛЬНО О ШТАБС-КАПИТАНЕ МИЛИЦИИ КУЛЬБАТЫР-СЕРДАРЕ

Основной целью статьи является снабжение одной старой коллективной фотографии документальными подписями относительно присутствующих в ней 7 (семи) фигурантов. Более подробному описанию подвергаются ратные подвиги одного из этих фигурантов –

Кульбатыр-Сердара, боевого соратника Тыкма-Сердара по Геоктепинскому сражению.

Ключевые слова: высочайший прием, документы, надписи к фотографии, туркменский богатырь.

*М. Soyegov,
Academy of Sciences (Turkmenistan)*

ABOUT THE HISTORICAL PERSONS REPRESENTED IN ONE OLD PHOTO, AND SEPARATELY ABOUT THE SHTABS-CAPTAIN OF MILITIA KULBATYR-SERDARE

A main objective article is supply of one old collective photo by documentary signatures concerning 7 (seven) figurants present at it. To more detailed description feats of arms of one of these

figurants – Kulbatyr-Serdar, fighting colleague Tykma-Serdar on Geok-tepe's are exposed to battle.

Key words: highest reception, documents, inscriptions to a photo, the Turkmen athlete.

Начнем с рассмотрения двух фотографий, которые сняты в восьмидесятые годы XIX в. соответственно в Санкт-Петербурге и Ашхабаде. Эти фотографии заимствованы из изданных в последующем работ и выложены на интернет-сайтах для всеобщего обозрения.

Для создания удобства нашим уважаемым читателям сначала укажем, что справа (см. рис. 2) фотографически изображен один человек – Кульбатыр-Сердар с погонями штабс-капитана туркменской милиции на плечах. Фотография снята, предположительно, в конце восьмидесятых годов XIX в., а нами заимствована из книги

«Адрес-справочник по Закаспийской области на 1915 год», изданной в Ашхабаде в том же 1915 г. [1]. Добавим и то, что в небольшой статье-персоналии, помещенной во 2-м томе десятитомной «Туркменской советской энциклопедии», наряду с другими краткими биографическими данными, сообщается о награждении Кульбатыр-Сердара большой золотой медалью и присвоении ему чина прапорщика во время приема у императора России Александра III в 1881 г. [Туркменская советская энциклопедия, 1979, с. 395]. Этот факт повторяется на некоторых туркменоязычных интернет-сайтах [Gulbatyr serdar и др.].

Рис. 1. Коллективная фотография

Рис. 2. Кульбатыр-Сердар

Теперь приступаем к ознакомлению с лицами на коллективном фото (см. *рис. 1*), где нашли свое отражение члены текинской (туркменской) депутации после высочайшего приема у его Величества императора Александра III, состоявшегося 24 мая 1881 г. С целью достижения наибольшей достоверности будем пользоваться данными о членах депутации, содержащимися в одном из документов Центрального государственного военно-исторического архива Российской Федерации (ЦГВИА, Ф. 400. 1881 г. Л. 7). Подписи к фигурантам, которые изображены в фотографии, приводим в виде выдержек из этого документа (документ №68) с некоторыми разъяснениями (фактически он представляет собой информационное сообщение петербургской газеты «Вечернее время» от 15 мая 1881 г.).

1. «Во главе ее (депутации. – *М. С.*) находится бывший начальник вооруженных сил текинцев Тыкма-Сердар, 55-ти лет, среднего роста, крепкого сложения; умное, смуглое лицо его окаймлено седой бородой, глаза пронизательные, лоб покрыт морщинами». В другом документе приводится его полное имя: Овез Мурад-Тыкма-Сердар (см. несколько ниже). В описываемой нами коллективной фотографии сидит в первом ряду в центре (седины его бороды почти не заметны).

2. «Затем в составе депутации находятся: почетное лицо текинец Авиз – молодой человек, почти без всякой растительности на лице...». Этот Авиз в другом документе представлен с полным своим именем и фамилией: Магомед-Овез-Сеид-Гельдыев (см. несколько ниже). В фотографии стоит во втором ряду, второй справа.

3. «При депутации находится слуга-текинец Хан-Магомед, с черной небольшой бородкой». В следующем документе он проходит как Хан-Магомед-Риза-Оглы. В фотографии стоит во втором ряду, второй слева.

4. «Он (Тыкма-Сердар. – *М. С.*) привез с собой в Петербург своего сына, по имени Уразберды, 10-ти лет. Смугленькое личико его носит отпечаток добродушия и прямоты. Тыкма-Сердар

желает оставить его в Петербурге, в одном из военных учебных заведений, на воспитание. Говорят, он будет помещен в Пажеский корпус». В фотографии стоит во втором ряду, первый справа. Действительно, сын Тыкма-Сердара Уразберды (будущий генерал-майор Ораз-Сердар, 1871–1929?) окончил российские военные учебные заведения, стал офицером Царской армии, участвовал в Первой мировой и Гражданской войнах. Был Главнокомандующим Закаспийского фронта и первым туркменом, который удостоился звания генерала [Соегов, 2015, с. 43–49].

5. «Затем в составе депутации находятся: ...один из мервских старшин Халли-Сердар, лет 60-ти, довольно высокого роста, с седой бородой. Этот Халли-Сердар не принадлежит к ахал-текинской депутации в буквальном смысле, он только сопутствует ей, чтобы посмотреть на столицу Белого царя, на его войска и вообще на Россию и о своих впечатлениях сообщить своим родичам, находящимся в Мерве». В другом документе приводится и его фамилия: Халли Хан-Бердиев (см. ниже). Газета «Олонецкие губернские ведомости» (г. Петрозаводск) от 3 июня 1881 г. именует его как «текинец из Мерва, Халли-Гаипбердиев» [Соегов, 2018, с. 116–120]. В фотографии он стоит во втором ряду, первый слева.

Мы описали тех пятерых из коллективной фотографии, о которых газета «Вечернее время» писала вначале, что «сегодня, в пятницу, 15-го мая, в восемь часов 15 минут утра с обыкновенным поездом Николаевской железной дороги прибыла (из Москвы. – *М. С.*) в Петербург депутация от новых подданных Российской державы, от завоеванных туркменом племени теке. Депутация состоит из пяти лиц», а потом сообщила о каждом из этих пятерых в отдельности, с которыми мы уже ознакомились как подписи к их фотографиям.

Приводим ниже обещанный другой документ, подлинник которого также хранится в упомянутом архиве – ЦГВИА (Ф. 400. Д. 20. 1881 г. Лл. 20–21) [Документ № 74].

Медали всемилостивейшие пожалованы и повелено раздать их по изготовлению.**Подарки и награды означены против каждого***Ген.-адъютант Ванновский. 23. V-1881 г.**Список прибывших депутатов от текинцев*

№	Имена депутатов	Предполагалось пожаловать
1	Овез Мурад-Тыкма-Сердар, бывший главный защитник Геок-Тепе, глава рода Теке и самое влиятельное лицо во вновь покоренном крае. Приехал повергнуть к стопам императорского величества обещание верного подданства всего Ахал-Текинского народа на вечные времена и выражение надежды, что по мере заслуг милость его величества распространится на Ахал-Текинский народ, наравне со всеми другими мусульманами подданными.	Чин майора милиции. Всемило- стивейше пожаловано чин майора, шашка с портупей и золотые часы.
2	Магомед-Овез-Сеид-Гельдыев, близкий родственник Тыкма- Сердара.	Большую золотую медаль для ношения на шею на Анненской ленте. Золотые часы.
3	Хан-Магомед-Риза-Оглы, дальний родственник Тыкма-Сердара.	Большую серебряную медаль для ношения на шею на Станиславской ленте. Золотые часы.
4	Ураз-Берды, сын Тыкма-Сердара, мальчик 10-ти лет.	Маленькие золотые часы с цепоч- кой. Золотые часы.
5	Халли Хан-Бердиев, мервский текинец, родственник Тыкма- Сердара. Пользуясь поездкой своего родственника, приехал в Петербург, дабы иметь счастье повергнуть к стопам его величе- ства от своего рода Киманова Мервских чувства беспредельной любви и доверия и выразить надежду, что милости государя императора коснутся и его народа.	Большую золотую медаль для ношения из шее на Анненской ленте. Золотые часы.

*Ген.-адъютант Ванновский. 23. V-1881 г.**Генерал-адъютант Обручев*

Согласно последнему документу, наградам и другим почестям были удостоены сам Тыкма-Сердар, его 10-летний сын и еще трое его род- ственников (всего 5 чел.). Но на коллективной фотографии, снятой после высочайшего приема, проходившего 24 мая 1881 г., фигурируют не 5, а 7 человек. Кто же эти двое безымянные?

Ответа на этот вопрос ищем в том же сооб- щении газеты «Вечернее время» от 15 мая 1881 г., где читаем: «Депутацию сопровождают из Красноводска до Петербурга состоящий в распоряжении временно командующего вой- сками Закаспийского края ротмистр Байтоков и в качестве прислуги – всадник, находившийся в конвое генерала М. Д. Скобелева, джигит из туркестанских киргизов Юсуп Акбулатов. Грудь его украшена крестом св. Георгия и несколь- кими медалями» [Документ № 68]. С высокой долей вероятности можем утверждать, что одним из этих неизвестных двоих является киргиз (казах) Юсуп (Жусуп) Акбулатов, кото- рый на фотографии сидит, надев туркменскую папаху (силкме тельпек) и согнув колени, рядом с Тыкма-Сердаром (первый ряд, первый справа). Ротмистр Байтоков, служивший переводчиком

членам депутации по всему пути их следования в Санкт-Петербург, скорее всего, не сфотографи- ровался вместе с ними.

Таким образом, неразгаданным для нас остается лишь одно белобородое лицо, которое на фотографии сидит, согнув колени, рядом с Тыкма-Сердаром (первый ряд, первый слева). Его нетрудно отождествлять с Кульбатыр-Сердаром, и сходство его фотографии, снятой примерно через десять лет после этого (см. *рис. 2*), дает нам подобное предположение, тем более мы уже в начале статьи привели сообщение, что он был награжден большой золотой медалью и присвоен ему чин прапорщика во время приема у импе- ратора России Александра III в 1881 г. Если это действительно так, то почему имя Кульбатыр- Сердара не числится в рассмотренных докумен- тах? Этому была весомая причина.

Обратимся сначала к работам, изданным в последние годы по интересующей нас тематике. В частности, Ф. Нагдалиев в тех старицах своей книги, выпущенной в Москве в 2006 г., где речь ведет о Геоктепинском сражении, пишет, что «23-го декабря (1880) очередной раз Петрусевич выступил из Самурского к Геок-Тепе. Текинцы,

по-видимому, предвидели появление русской кавалерии и приготовили ей сюрприз. **400 добровольцев во главе с Куль Батыр-Сердаром** (здесь и далее выделено нами. – М. С.) засели в одном из укреплений (кала) неподалеку от крепости, на пути следования «неверных». Когда колонна россиян приблизилась, текинцы открыли огонь. Петрусеви́ч приказал казакам и драгунам спешиться и штурмовать укрепление и сам бросился в ворота. Внутри началась рукопашная схватка. **Петрусеви́ч пал одним из первых.** Из Геок-Тепе стала выходить конница, угрожавшая россиянам ударом в тыл. Принявший командование полковник Арцышевский приказал коноводам открыть по текинцам огонь, а сам послал за подкреплением. Между тем в кале резня продолжалась. Тело Петрусеви́ча несколько раз переходило из рук в руки, у русских выбыло до 50 убитыми и ранеными, в том числе три офицера» [Нагдалиев, 2006, с. 197]. Как и Ф. Нагдалиев, на основании имеющихся источников эти же сведения проводит туркменский автор Н. Ходжагелдиев в своей книжке, изданной в 1991 г. в Ашхабаде под названием «Крепость Геок-Тепе» [Hoјageldiyew, 1991, с. 47]. Для обоих авторов первоисточником этих сведений служили работы самих участников военных действий (Н. И. Гродеков и др.). Не исключено, что Кульбатыр-Сердар и Петрусеви́ч дрались в рукопашной схватке непосредственно друг с другом, и в этом роковом для русского генерала случае фортуна улыбнулась туркменскому богатырю.

Еще в 1900 г. А. П. Андреев в своей статье «Туркменский суд», напечатанной в журнале «Исторический вестник», так характеризовал

Кульбатыр-Сердара, одного из делегатов областного съезда народных судей: «Вот, например, помощник дурунского пристава, подпоручик милиции Куль-батырь. Это древний уже старик с седой бородой. Во времена независимой Туркмении (туркманчалык воктында) он был одним из знаменитейших и храбрейших аламанщиков, за что и получил звание батыра, т. е. удальца» [Андреев, 1990]. Д. Н. Логофет в 1909 г. на примере Кульбатыр-Сердара констатировал о туркменских батырах следующее: «Особенно выдающимся сердарам давалось еще название батырь, то есть храбрец-богатырь. Это звание давалось редко и только за подвиги особой храбрости. Недавно умер штабс-капитан милиции Куль-Батырь-Сердар, один из военачальников текинцев, носивший название батыра. Человек редкой храбрости, а после завоевания края русскими был верным слугою России» [Логофет, 1909, с. 105].

Из общедоступной справочной литературы (Википедия и др.) о Петрусеви́че, павшем в вооруженном столкновении с отрядом Кульбатыр-Сердара, еще узнаем, что Николай Григорьевич Петрусеви́ч (? – 23 декабря 1880 г. (4 января 1881 г.) – русский генерал, произведенный в марте 1880 г. в генерал-майоры, принял в конце того же года участие в экспедиции против ахал-текинцев. Скобелев поручил ему производить рекогносцировку местности впереди Геок-Тепе; Петрусеви́ч произвел их с боем 21, 22 и 23 декабря 1880 г. и во время последней был убит в бою за укрепление Джулы-Кала. Н. Г. Петрусеви́ч стал не только единственным погибшим генералом-участником Ахал-текинской военной экспедиции, но до этого был одним из ее вдохновителей.

Рис. 3. Генерал М. Д. Скобелев

Рис. 4. Генерал Н. Г. Петрусеви́ч

Будучи в 1879 г. начальником Закаспийского военного отдела, Н. Г. Петрусеви́ч в своей докладной записке, отправленной из Красноводска (ныне Туркменбаши) в Ташкент на имя генерал-губернатора Туркестана, генерал-адъютанта К. П. фон Кауфмана, утверждал: «В случае столкновения с Англией и необходимости движения к английской Индии мы должны будем идти через Ахал-Текинский оазис, и текинцы никогда нас не пропустят без боя; следовательно, сначала придется заняться ими, а потом уже двинуться далее». Исходя из этого, он предлагал немедленно приступить к решительному и беспощадному военному погрому, который показал бы туркменам Ахал-Текинского оазиса «невозможность сопротивления». В конце своей записки Петрусеви́ч высказывает мнение о необходимости продолжить движение русских войск через Ахал-Теке в сторону Герата. Следует отметить, что по поводу этого и других подобных высказываний официальных лиц царского командования на страницах англо-индийских газет развернулась шумная кампания [Dokumenty/ M. Asien].

Спустя год с лишним после этой шумихи, развернутой на страницах англоязычной периодической печати, генерал российской регулярной армии Петрусеви́ч погибает от рук туркменских ополченцев-защитников крепости Геок-Тепе, а именно в столкновении с отрядом, действующим под командованием Кульбатыр-Сердара. По официальным данным, русские потери за всю осаду со штурмом составили 1104 человека, а во время штурма крепости было потеряно 398 человек (в том числе 34 офицера). По мнению военных кругов, приближенных ко двору, означало бы позор для русских в глазах англичан – противников России по «Большой игре», если прилюдно награждать Кульбатыр-Сердара, который был включен в состав депутации в Ашхабаде по настоянию Тыкма-Сердара как пользующий наибольшим авторитетом у народа, чем другие участники-командиры защитников Геок-Тепе. Изложенные факты свидетельствуют о том, что именно по этой причине он не числится в известном нам списке награжденных туркмен, а документ о его награждении в свое время был засекречен. Как с этим документом ознакомились туркменские авторы, писавшие до этого о Кульбатыр-Сердаре, остается для нас неизвестным по настоящее время.

Перед тем как поставить последнюю точку в своих записях, хотим отметить, что Тыкма-Сердар, удостоенный звания майора милиции, из-за кончины в 1882 г. по неуточненным до настоящего времени причинам не мог, конечно,

участвовать в создании в 1885 г. первого отряда Туркменской конной милиции, хотя он, как свидетельствует документ, сохранившийся в Центральном государственном архиве Туркменистана (Ф. 97. Оп. 1. Д. 66. Лл. 40–52) [Завоевание Туркмении, 1899], в этом милицейском звании принимал активное участие летом и осенью 1881 г. (например, он встретился с Махтумкули-ханом, находившимся в Мерве в бегах от русских и др.) в начавшейся тогда работе по мирному присоединению Мервского оазиса (ныне Марыйский вилайет) в состав России, которая успешно завершилась к началу 1884 г. В феврале 1885 г. был оформлен Туркменский отряд милиции, который в составе русских войск в марте того же года получил свое боевое крещение в победоносном бою около моста Таш-кепри (Каменный мост) на речке Кушка, отбросившем назад вторжение афганцев, натравленных англичанами против туркмен и русских [Соегов, 2016, с. 39–44]. Нет сомнений в том, что с 1881 г. прапорщик, а в последующем штабс-капитан милиции Кульбатыр-Сердар стоял у истоков Туркменской конной милиции, на человеческой и материальной базе которой был создан Туркменский (Текинский) конный полк, показавший пример храбрости и героизма на фронтах Первой мировой (Большой) войны.

Нижеследующее утверждение профессора Н. Е. Бекмахановой (2015) также требует своего документального подтверждения и соответствующего уточнения в будущем: «Депутация туркмен прибыла в Петербург 18 июня 1881 г., была представлена императору Александру III и награждена: глава депутации Тыкма-Сердар получил чин майора милиции и был награжден почетной шашкой, М. Гельдиев, М. Берды-хан, О. Кули-Сердар – большими золотыми медалями на Анненской ленте, М. Риза-оглы и **Куль Батыр – серебряными медалями на Станиславской ленте**. Всем были также вручены золотые часы и почетные бархатные халаты» [Бекмаханова, 2015].

Несовершенно вариант этого утверждения находим в книге В. Масальского «Скобелев. Исторический портрет», которая издана в 1998 г.: «В связи с возвращением депутации Главный штаб в распоряжении Закаспийскому военному отделу извещал: “Текинская депутация имела счастье представляться государю императору и удостоилась получить следующие высочайшие награды: глава депутации Тыкма-Сердар – чин майора милиции и почетную шашку, Магомед Гельдиев, мервец Магомед Берды-хан и Овез Кули-Сердар – каждый большую золотую

медаль для ношения на шее на Анненской ленте; Магомед Риза-оглы и **Куль Батыр – большую серебряную медаль на Станиславской ленте**. Кроме того, каждый из них получил золотые часы и почетный бархатный халат. По высочайшему повелению депутации разрешено возвратиться в свои места, в Ахал-Текинский оазис. На управление Закаспийским военным отделом возлагается забота по отправлению депутации из Красноводска в места их жительства» [Масальский, 1998]. Досадно то, что, как признает сам автор книги, за недостатком места он не имел возможности давать подробные примечания по каждому цитируемому источнику [Масальский, 1998].

В качестве общего заключения можно констатировать, что начиная с четырехтомного труда участников событий Н.И. Гродекова «Война в Туркмении», изданного в 1883–1884 гг. [Гродеков, 1883–1884], и одностомника А.Н. Куропаткина «Завоевание Туркмении» (издан в 1899 г.) [Завоевание Туркмении, 1899], а

также трехтомника М.А. Терентьева, выпущенного в 1903–1906 гг. под названием «История завоевания Средней Азии» [Терентьев, 1903–1906], легендарный Тькма-Сердар и члены его команды, в том числе Кульбатыр-Сердар, постоянно находятся в центре внимания немалого числа последующих исследователей, хотя прошло уже около 140 лет после героических Геоктепинских событий. Не вызывает сомнения и то, что они и впредь будут находиться в поле зрения ученых-гуманитариев, обосновавших новые, более перспективные аспекты для исследования и обративших внимание на значимые подробности и важные детали в героической деятельности участников этих событий как с одной, так и с другой стороны, с целью извлечения уроков на будущее для дальнейшего укрепления дружеских отношений между Российской Федерацией и Туркменистаном, нейтральный статус которого был дважды всемирно признан принятием специальных резолюций Генеральной Ассамблеи ООН в 1995 и 2015 гг.

ЛИТЕРАТУРА

1. Адрес-справочник по Закаспийской области на 1915 год. Издание Закаспийского областного статистического комитета. – Асхабад: Электротпечатня З.Д. Джаврова, 1915. – С. 424.
2. *Андреев, А.П.* Туркменский суд // Исторический вестник, №8. 1900 // URL: http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/M.Asien/XIX/1880-1900/Andreev_A_P/turk_sud.htm. – (Дата обращения: 03.06.2019).
3. *Бекмаханова, Н.* Присоединение Центральной Азии к Российской империи в XVIII–XIX вв. – СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2015 // URL: <https://iknigi.net/avtor-nailya-bekmahanova/102657-prisoedinenie-centralnoy-azii-k-rossiyskoy-imperii-v-xviiiix-vv-nailya-bekmahanova.html>. – (Дата обращения: 24.05.2019).
4. *Гродеков, Н.И.* Война в Туркмении. Поход Скобелева в 1880–1881 гг. В 4-х томах. – СПб.: Типография В.С. Балашева, 1883–1884. – Т. 1. IV+282+158 с., 7 л. иллюстраций и планов, 3 л. чертежей и таблиц; Т. 2. IV+336+60 с., 8 л. илл.; Т. 3. IV+296+56 с., 22 л. илл.; Т. 4. IV+382+116+XVI+II с., 7 л. иллюстраций и 2 л. чертежей.
5. Документ №68 // URL: http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/M.Asien/XIX/1860-1880/Russ_turkmenII/Razdel_V/68.htm, – (Дата обращения: 31.05.2019).
6. Документ №74 // URL: http://drevlit.ru/docs/central_asia/XIX/1860-1880/Russ_turkmenII/Razdel_V/74.php. – (Дата обращения: 29.05.2019).
7. Завоевание Туркмении. Поход в Ахал-Теке в 1880–1881 гг. с очерком военных действий в Средней Азии с 1839 по 1876 г. / Составитель. А.Н. Куропаткин. – СПб.: Издатель В. Березовский. Типография Э. Арнольда, 1899. – IV+224 с., 1 л. план., ил., портр., карт., план.
8. *Логофет, Д.Н.* На границах Средней Азии. Путевые очерки (в трех книгах). Книга I. Персидская граница. – СПб., 1909. – 246 с.
9. *Масальский, В.* Скобелев. Исторический портрет. – М.: Андреевский флаг, 1998. – 414 с. // URL: <https://profilib.site/chtenie/102198/valentin-masalskiy-skobelev-istoricheskiy-portret-42.php>. – (Дата обращения: 06.06.2019)
10. *Нагдалиев, Ф.* Ханы Нахичеванские в Российской империи. – М.: Новый Аргумент, 2006. – 432 с.
11. Рапорт начальника Закаспийской области командующему Кавказской армией о положении в Туркмении, взаимоотношениях русских властей с Ираном и Мервом. 19 октября 1881 г. // URL: http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/M.Asien/XIX/1860-1880/Prisoed_turk_ross/301-320/308.htm. – (Дата обращения: 28.05.2019)
12. *Соегов, М.* Достойные противники: генерал М.Д. Скобелев и Овезмурат Дыкма-сердар // Вестник Калужского университета. – Калуга, 2017. – №4. – С. 38–43.
13. *Соегов, М.* К истории сражения 1885 г. при р. Кушка с участием туркмен под командованием офицера-аварца // Вестник Института истории, археологии и этнографии (ДНИЦ РАН). – №2 (46). – Махачкала, 2016. – С. 39–44.
14. *Соегов, М.* О высочайшем приеме от 24 мая 1881 г. для «главного начальника всех текинских вооруженных сил, выставленных против русских войск» // Псковский военно-исторический вестник. Научный альманах. Выпуск 4. – Псков, 2018. – С. 116–120.

15. *Соегов, М.* Туркмены-командиры Царской и «Белой» армий: генерал Ораз-сердар, сын Дыкмасердара // Научный Татарстан. Гуманитарные науки, №3. – Казань, 2015. – С. 43–49.
16. *Терентьев, М.А.* История завоевания Средней Азии. В 3-х томах. – СПб.: Типолиитография В.В. Комарова, 1903–1906. Том 1. – 510 с.; Том 2. – 547 с.; Том 3. – 526 с.
17. [Электронный ресурс] URL: [http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty /M.Asien/XIX/1860-1880/Prisoed_turk_ross/vved.htm](http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/M.Asien/XIX/1860-1880/Prisoed_turk_ross/vved.htm). – (Дата обращения: 02.06.2019).
18. Gulbatyr serdar // URL: https://tk.wikipedia.org/wiki/Gulbatyr_serdar. – (Дата обращения: 07.06.2019).
19. *Hojageldiyew, N.* Gökdepe galasy. – Aşgabat: Çäç, 1991. – 80 s. (Digital görnüşe geçiren: Garabatyr, 2010. PDF-a geçirildi: 20. İyun 2010).

Т.Е. Санжиева,

*Бурятский государственный университет
им. Доржи Банзарова (Россия)*

МИНУСИНСКИЙ УЕЗД НАЧАЛА XX в. В ПУБЛИКАЦИЯХ М.Н. БОГДАНОВА

В статье дается описание публицистических изданий М.Н. Богданова в газете «Сибирь». Являясь производителем работ по поземельному устройству хакасов, он провел исследование земельных отношений, экономики и типа хозяйства. В статьях он дал характеристику и сделал сравнительный анализ скотоводческого и земледельческого хозяйств, пришел к выводу, что

занятие земледелием не утратило традиционный быт и религию хакасов. М.Н. Богданов выявил ряд проблем, связанных с отчуждением земли хакасов местными властями и использованием оросительных каналов.

Ключевые слова: Минусинский уезд, начало XX в., М.Н. Богданов, газета «Сибирь», титульное население, землепользование.

Т.Е. Sanzhieva,

Buryat State University named after Dorzhi Banzarov (Russia)

MINUSINSKY DISTRICT OF THE BEGINNING OF THE XX CENTURY IN PUBLICATIONS M.N. BOGDANOV

The article describes the publications of M.N. Bogdanov in the newspaper «Siberia». As a producer of works on the land device of the Khakas, he conducted a study of land relations, the economy and the type of economy. In the articles he gave a characterization and made a comparative analysis of the cattle-breeding and agricultural farms, came to the conclusion that farming did

not lose the traditional way of life and religion of the Khakas. M.N. Bogdanov revealed a number of problems associated with the alienation of the land of the Khakas by local authorities, and in the use of irrigation ditches.

Key words: Minusinsk district, beginning of the 20th century, M.N. Bogdanov, the newspaper «Siberia», title population, land use.

Начало XX в. ознаменовалось активизацией национального движения среди народов России. Ярким представителем молодой бурятской интеллигенции был Михаил Николаевич Богданов, впоследствии ставший лидером национального движения бурят. В 1909 г. М.Н. Богданов из Иркутской губернии переезжает в Минусинский уезд Енисейской губернии работать в переселенческом управлении на должность производителя работ по поземельному устройству хакасов, куда его пригласил Н.Н. Козьмин. За 1909–1913 гг., время пребывания М.Н. Богданова в Минусинском уезде, он вместе с Н.Н. Козьминым выполнил большую работу по статистико-экономическому изучению хозяйства и землепользования хакасов

Минусинского уезда: были выработаны нормы наделения скотоводческого и полускотоводческого населения, составлен и осуществлен план землеустройства (работы были закончены после отъезда М.Н. Богданова в 1915 г.) [Козьмин, 1925, с. 23]. Большой труд М.Н. Богданова по исследованию хозяйства и землепользования не был издан, по словам Н.Н. Козьмина, рукопись хранится в архиве переселенческого Управления.

М.Н. Богданов активно публиковался в ежедневной прогрессивной непартийной газете «Сибирь», издававшейся в Иркутске с 1906 по 1918 г. Находясь в Минусинском уезде, он написал 12 статей на разные темы: в основном по поземельному устройству, о правах хакасов на воду, на лесные угодья, о поэзии, свадьбе,

а также доклад, «К инородческому вопросу юга Енисейской губернии», сделанный в Красноярске, на заседании отдела РГО. Статьи выходили под псевдонимами: Н. Тостожаков, Ниспан Тостожаков и Ниспан Т-в.

В статье «Сагайская степь» М.Н. Богданов дает подробную характеристику хозяйства хакасов и приходит к выводу: «Хозяйство местного населения носит, в общем, преимущественно скотоводческий характер. Сами инородцы держат более скот, чем пашню. Скот – основа их жизни и благосостояния» [Тостожаков, 1910. № 54]. О земледелии он пишет, что оно известно хакасам с XVIII в. и было в районе рр. Еси и Тея и в долине р. Таштып. Но оно не было доминирующим: «...мы видим, что там, где скотоводство в широких размерах невозможно по условиям природы, инородец связан с рынком не земледельческим хозяйством, а охотничьим и ореховым промыслами» [Тостожаков, 1910. № 52].

В статье «Инородческое земледелие на юге Енисейской губернии» М.Н. Богданов приходит к выводу: несмотря на то, что земледелие возникло у хакасов еще до прихода русских, в начале XX в. оно находилось «в стадии зарождающейся отрасли хозяйства». В Кызыльском ведомстве имеют запашку только 1/3 хозяйств, в Абаканском – 28,5% хозяйств, в Аскизском – 3/4 хозяйств. В начале 90-х гг. XIX в. 9/10 крестьян-старожилов Минусинского уезда имели запашку [Тостожаков, 1910. № 198]. Эти цифры свидетельствуют о том, что у хакасов земледелие не играло такой роли, как у русских крестьян.

В статье, посвященной водным ресурсам, М.Н. Богданов дает анализ искусственному орошению. Хакасы с р. Еси загораживали себе участки при устье р. Базы, проводили каналы и заводили распашку; жившие у с. Таштыпа участвовали в «мочагах» по р. Еси. «Благодаря этим особенностям землепользования земельные угодья распределены между отдельными улусами, а также между отдельными хозяевами весьма неравномерно. На перифериях управской территории ощущается малоземелье в довольно острой форме» [Тостожаков, 1910. № 60]. Поскольку строить оросительные каналы могли состоятельные люди, то они не допускали бедняков, ссылаясь на «право затраченного труда». Это обстоятельство вызывало беспокойство у М.Н. Богданова: «Ввиду указанных обстоятельств, по времени окончания поземельного устройства в Сагайской степи должны быть выработаны и изданы особые правила, которые ставили бы в строго определенные рамки как порядок проведения оросительных каналов через

чужие надельные дачи и соседние улусы, так и пользование оросительными канавами и орошаемыми угодьями. Вопрос этот весьма трудный и сложный для удовлетворительного разрешения. В настоящее время в этой области царит полный беспорядок» [Тостожаков, 1910. № 71].

Обострение земельных отношений привело к тому, что малоземельная и безземельная беднота выступала за уравнильное землепользование. Земельный вопрос обострили начавшиеся в 1909 г. поземельно-устроительные работы. «В Сагайской степи этот процесс, как и следовало ожидать, наиболее резко выражается в южной ее части – в долине р. Таштыпа и почти не замечен на севере, в районе р. Аскыс. Поэтому образование более или менее мелких надельных единиц возможно только на юге. Всякое же деление района р. Аскыса, населенного чуть не 2 тыс. мужского населения, сопряжено с крупными потрясениями всего уклада экономической жизни населения» [Тостожаков, 1910. № 71].

М.Н. Богданов писал об отчуждении лесов у хакасов в статье «Лесоустроительная эпопея (письмо из Минусинского уезда)». Занимаясь землеустройством хакасов, он отмечал важность лесных угодий для их хозяйства. «В годы засухи, когда все инородческие степи начисто выгорают, лесные прогалины вольного пользования сплошь выкашиваются инородцами из самых отдаленных районов. Они представляют собой, таким образом, нечто из рода страхового сенокосного фонда на случай засухи в степях» [Тостожаков, 1912. № 174]. Кроме того, лесные пространства использовались хакасами в качестве пастбища, а также как лесной материал (строевой и на дрова), который они использовали сами и продавали. «Во всех подтаежных районах, где имеются горнопромышленные предприятия, инородцы занимаются и лесными промыслами – доставкой леса и дров. ...В некоторых местах инородные управы давали разрешение отдельным горнопромышленникам на рубку леса за определенную плату в определенных местах» [Тостожаков, 1912. № 174]. Иностранная управа следила за рубкой леса, например, чтобы на дрова использовался только перестойный лес. Таким образом, лесные угодья имели немаловажное значение в хозяйстве хакасов в собственном использовании и в получении дохода. Кроме того, лесное хозяйство было хорошо организовано с экологической точки зрения. Однако в начале XX в. началось создание так называемых «заказников» на территории хакасских лесных угодий. Мало того что в состав заказников вошли покосы, но и целые улусы с постоянными

постройками. В Абаканском ведомстве в состав Тинско-Тубинской казенной лесной дачи вошли все покосы Кутеньбузукского и Салбыкского улусов, в которых числилось около 40 домохозяев. «...лесное ведомство искусственно создало условия обезземеления значительного количества инородческих улусов. В настоящее время во всех упомянутых выше районах ведутся работы по поземельному устройству инородческого населения. Землеустройство, которому так боялись инородцы в районах, обездоленных лесным ведомством, является часто желательным для инородцев. Инородцы усиленно ходатайствуют перед устроителями о “прирезке” им их же покосов, но часто встречают отказ в такой “прирезке”» [Тостожаков, 1912 г. № 174]. М. Н. Богданов поднял этот вопрос и адресовал властям: «Что им делать? Как поступить?»

М. Н. Богданов занимался этнографией, прослушав лекции известных профессоров в Томском и Петербургском университетах. Он совершил ряд экспедиций с известными этнографами по местам расселения бурят в Иркутской губернии. И в Минусинском уезде он провел исследования по этнографии хакасов, которые изложил в статьях, опубликованных в газете «Сибирь». Одну из статей «Сагаи и качинцы» он посвятил сравнительному анализу хакасов Аскизского и Абаканского ведомств, в которых из-за разного хозяйственно-бытового уклада сформировались два субэтнуса. Сагаи занимались земледелием, только на границе с Абаканским ведомством они развивали скотоводство. Качинцы – скотоводы, земледелие у них развито слабо, местами почти нет. «Отсюда, согласно общераспространенному воззрению, казалось бы, нужно сделать вывод о большей отсталости качинцев в сравнении с их более быстро прогрессирующим соседями сагаями» [Тостожаков, 1912. № 149]. Качинцы сохранили свой быт, одежду и т. д. Сагаи носят русские косоворотки, пиджаки, однорядки, большинство из них живет в избах. Эти изменения носят экономический характер, поскольку старинный костюм пастуха не приспособлен для земледельческой работы, тогда как «пышный покрой платья» удобен для размашистых движений при накидывании аркана и т. д.

В сфере духовной культуры сагаи оказались консервативнее качинцев, поскольку ими соблюдаются старинные обычаи. Номинально являясь православными христианами, сагаи и качинцы придерживались своей традиционной религии – шаманства. «До сих пор практикуются кровавые жертвоприношения на горах – таяй’и».

В Аскизском ведомстве их проводили каждые три года около д. Имек, в долине р. Таштып. В Аскизском ведомстве шаманов было больше, чем в Абаканском. У сагаев при рождении ребенку с соблюдением всех обрядов давалось татарское имя, потом при крещении имя давал священник. Второе имя впоследствии забывалось и родственниками и самим носителем имени. У качинцев татарское имя иногда не давалось, чаще всего татарское и русское имя сливались в одно.

М. Н. Богданов ставит под сомнение, что земледелие приводит к русификации хакасов: «В южных частях Аскизского ведомства, где более распространено земледелие, где население может вполне продовольствоваться своим хлебом, там знание русского языка распространено гораздо слабее, чем в северных, более скотоводческих районах того же ведомства; на юге, например, в долинах рр. Теи и Еси, из 10 семейств в 9 нет никого знающего русский язык, тогда как на севере, по соседству с качинцами, семьи со знающими русский язык составляют приблизительно половину всего числа семейств. Приведенные только что факты коренным образом противоречат обычному и широко распространенному воззрению, согласно которому переход к земледелию неизбежно связывается с обрусением инородцев и потерей ими племенных особенностей, в том числе и языка. ...Очевидно, процесс обрусения идет в минусинских степях по особенному руслу» [Тостожаков, 1912. № 149]. На родине М. Н. Богданова буряты занимались земледелием с XVIII в., к 1878 г. – году его рождения – земледелие стало основой западного бурятского хозяйства. Поэтому он к переходу хакасов к другому хозяйственному укладу отнесся спокойно, но заметил: «Но этот процесс нельзя назвать явлением прогрессивного характера» [Тостожаков, 1912. № 149].

Бурят М. Н. Богданов вызывал доверие у хакасов как человек родственного происхождения и пользовался авторитетом как защитник их интересов. Он пытался научиться говорить «по-татарски», выучил много пословиц и поговорок. Хакасы ценили М. Н. Богданова за знание и соблюдение степного этикета. М. Н. Богданов оказал влияние на будущего национального лидера хакасов С. Д. Майнагашева: «Большой популярностью и авторитетом среди своих пользуется молодой инородец С. Д. Майнагашев, окончивший курс духовной семинарии. Он в настоящее время состоит одним из уполномоченных по делам землеустройства, обладает большой осведомленностью в этой области и

умело отстаивает интересы своих родичей» [Тостожаков, 1910. № 52]. Вероятно, под его влиянием С. Д. Майнагашев поехал учиться в Томск [Тугужекова, 2008, с. 30]. М. Н. Богданов привлекал хакасскую интеллигенцию к защите прав своего народа. По его совету С. Д. Майнагашев был избран уполномоченным по поземельному устройству Аскызского ведомства, а также вернувшийся из эмиграции Барашков, Н. И. Окунев, учитель Аланов и др. [Козьмин, 1925, с. 24].

Статьи М. Н. Богданова, основанные на статистических данных и личных наблюдениях,

носят исследовательский характер. В них он раскрывает проблемы, стоящие перед хакасами, и ищет пути выхода из них. В процессе землеустроительных работ М. Н. Богданов защищал интересы хакасов, за что Национальный комитет в 1917 г. выразил М. Н. Богданову свою признательность [Козьмин, 1925, с. 24]. Таким образом, хакасский народ дал высокую оценку деятельности М. Н. Богданова в Минусинском уезде по землеустройству.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Козьмин, Н. Н.* Михаил Николаевич Богданов (из личных воспоминаний) // Жизнь Бурятии. – 1925. – № 3–4. – С. 19–26.
2. *Тостожаков, Н.* Сагайская степь // Сибирь. – 1910. – № 48, 52, 64, 60, 71.
3. *Тостожаков, Н.* О водном законе для Сибири (письмо из Минусинского уезда) // Сибирь. – 1910. – № 251, 252.
4. *Тостожаков, Н.* К инородческому вопросу в Енисейской губернии // Сибирь. – 1912. – № 23, 29.
5. *Тостожаков, Н.* Сагаи и качинцы // Сибирь. – 1912. – № 149.
6. *Тостожаков, Н.* Инородческое земледелие на юге Енисейской губернии // Сибирь. – 1912. – № 198.
7. *Тостожаков, Н.* Лесоустроительная эпопея // Сибирь. – 1912. – № 174.
8. *Тугужекова, В. Н.* Богданов Михаил Николаевич в Хакасии (к 130-летию со дня рождения) // Вестник Бурятского государственного университета. Вып. 7. История. – Улан-Удэ: Издательство Бурятского государственного университета, 2008. – С. 28–31.

*Г. А. Корнеева,
Хакасский научно-исследовательский институт
языка, литературы и истории (Россия)*

ДИНАМИКА ПРАВОМОНАРХИЧЕСКОГО ДВИЖЕНИЯ НАЧАЛА XX в. В СИБИРИ В КОНТЕКСТЕ ПЕРИОДИЗАЦИИ (ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)

В сибирской историографии достаточно полно проработаны критерии периодизации черносотенного (правомонархического) движения, с учетом фактора запоздалости обоснована концепция асинхронности протекания революционного процесса и оформления отделов центральных партий (главным образом СРН и РНСМА), установлена роль либерально-консервативного союза 17 октября, духовенства сибирских епархий в оформлении самостоятельных отделов партийных организаций правомонархического толка, их официальное оформление в структуре СРН не ранее осени 1906 г. (за исключением Иркутского отдела Русского собрания), с 1908–1911 г. повсеместное открытие отделов

СРН и РНСМА, сельских подотделов. Период с 1912 г. в целом характеризуется в парадигме противоречивой, но устойчивой динамики по линии спада и нарастания кризиса движения в регионе, в 1915–1916 гг. – процесса деградации. Предложенная в сибирской историографии периодизация правомонархического движения подтверждает концепцию противоречивой направленности развития и спада движения от центра к периферии.

Ключевые слова: Сибирский регион, революция 1905–1907 гг., отделы правомонархических партий (Союз русского народа, Русский народный союз им. Михаила Архангела), вопрос периодизации в сибирской историографии.

*G. A. Korneeva,
Khakass Scientific Research Institute
of Language, Literature and History (Russia)*

DYNAMICS OF THE LAW-MONARCHICAL MOVEMENT OF THE EARLY XX CENTURY IN SIBERIA

In the historiography of Siberia the criteria for periodization of black-hundred (law-monarchical) movement are analyzed enough, considering the factor of lateness, the concepts of asynchrony in the revolutionary process and the registration of Central parties departments were proved (mainly RPU and RNUMA), and the role of the liberal-conservative Union of 17 October, the clergy of the Siberian dioceses in the establishment of the independent departments of the party organization of law-monarchical direction, their official establishment in the structure of RPU not early than autumn of 1906 (excepting the Irkutsk Department of the Russian Assembly), the widespread opening of the offices of the RPU and RNUMA and rural sub-department

Партийное оформление правого фланга в общественно-политическом пространстве России начала XX в. развивалось в процессе политико-мировоззренческой дифференциации «старого» либерализма, в границах определяющих центров политической консолидации носителей традиционалистско-консервативной идеологии и практики. В процессе распада «земской партии» в течение 1902–1904 гг. в кружке «Беседа» выделилась новая генерация земского либерализма шиповско-шереметевского толка (неославянофилы), после ноябрьского земского съезда 1904 г. окончательно распавшаяся на крайне правый охранительно-традиционалистский (шереметевцы) и умеренно-традиционалистский с либеральным уклоном (шиповцы) тип славянофильства (неославянофилы).

Умеренная консервативная дворянская «фронта» свое организационное оформление развертывала на основополагающих доктринах славянофильской компоненты консервативной идеологии, составляющей идейной базы и для монархистов всех оттенков (крайних, умеренных, националистов), и либеральных консерваторов (октябристов, прогрессистов, представленных партиями в основном крупного капитала).

В условиях политического кризиса кануна и затем Первой русской революции правые земцы-традиционалисты актуализировали теорию и идеологию славянофилов и предложили правительству и обществу модель развития России, основанную на принципах преемственности

from 1908–1909–1911 years were determined too. The period from 1912 year is generally characterized by the paradigm of conflicting but stable dynamics on the line of recession and increase of crisis of movement in the region, and of the degradation process in 1915–1916 years. The periodization of the law-monarchical movement, proposed for Siberian historiography, confirms the concept of contradictory direction of development and decline of the movement from the center to the periphery.

Key words: Siberia, revolution of 1905–1907 years, departments of law-monarchical parties (Russian peoples Union, Russian National Union of Archangel Michael), the question of periodization in Siberian historiography.

исторического развития страны и национальной идентичности, придав основополагающим политическим доктринам идеологии славянофилов выраженный охранительный характер. Целевая установка в достижении компромисса во взаимоотношениях власти и общества была рассчитана на устойчивость базовых ценностных структур в менталитете («картина мира») традиционного социума, обеспечивающий в условиях «лимита времени» «запас прочности» политического режима, в целом «цивилизационную устойчивость страны». Первым подобного типа идеологическим центром стала «русофильская элитарная культурно-просветительского толка» организация, «казенно-патриотическое» Русское собрание (РС) (устав утвержден 26 января 1901 г.). С 1902 г. РС, «интеллектуальный клуб» просветительского характера, становится политическим центром консолидации крайних и умеренных правых, в период революции 1905–1907 гг. превратившийся «фактически в политическую партию», став «мозговым центром» «консервативных сил» [Кирьянов, 2003, с. 3, 112–127; Раскин, 1992, с. 8]. Системное оформление партийного спектра консерваторов-традиционалистов начинается с выходом рескрипта 18 февраля 1905 г., в апреле 1905 г. на базе протопартийной организации «Кружок москвичей» (шереметевцы) был образован славянофильский «Союз русских людей» (СРЛ) (председатель гр. П. С. Шереметев, с ноября 1905 г. кн. А. Г. Щербатов), редакция

«Московских ведомостей» основала Русскую монархическую партию крайне правого толка во главе с В.А. Грингмутом, но «фактическое оформление правых сил в партии и превращение их во всероссийские объединения» произошло после выхода Манифеста 17 октября 1905 г. Стратегическая задача объединить правые организации под лозунгом «За веру, царя и отечество» была реализована в марте – августе 1906 г., когда 28 марта московским городским отделом об обществах был утвержден устав, а 26 августа московским градоначальником генерал-майором Рейнботом на основании устава зарегистрирован Всенародный русский союз (ВРС) [Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1284. Оп. 187. Д. 157. Л. 168; Д. 174. Л. 13], объединивший правые московские, петербургские и ряд провинциальных организаций [РГИА. Ф. 1284. Оп. 187. Д. 157. Л. 160, 167; 38. С. 25]. Под руководством ВРС был подготовлен и проведен II Всероссийский съезд русских людей в Москве 6–12 апреля 1906 г. [РГИА. Ф. 1284. Оп. 187. Д. 174. Л. 1, 5; Листовка-обращение. 1998, с. 141–142]. Согласно решению киевского III Всероссийского съезда русских людей (2–7 октября 1906 г.), заложившего основы организационной структуры правомонархического политического движения, ВРС прекратил функционировать как самостоятельный центр объединенных в его составе организаций, так как был образован общий для всех монархических «союзов, кружков, обществ, партий, собраний, собратств, содружеств, громад, согласий и дружин» коалиционный центральный координационный орган – «Главная управа объединенного русского народа», в состав управы вошли от «Союза русского народа» (СРН) А.И. Дубровин, от РС – М.Л. Шаховский и «кооптированный ими от РМП и ВРС прототипом И. Восторгов». Соответственно на местах должны были создаваться коалиционные областные управы, ВРС был преобразован в Московский областной отдел объединенного русского народа [III Всероссийский съезд, 1998, с. 215–218, 225, 240–241; Кирьянов, 2001, с. 105–106; Омелянчук, 2015, с. 152; Омелянчук, 2011, с. 25–30]. 30 ноября 1906 г. московский градоначальник сообщил в департамент общих дел МВД, что ВРС «в настоящее время приостановил свою деятельность» [РГИА. Ф. 1284. Оп. 187. Д. 157. Л. 181]. С этого времени организационная роль в идейно-политическом объединении всех монархических сил перешла к СРН, так как на Киевском съезде было решено в качестве платформы объединения взять за основу программу союза и местным «единомышленным организа-

циям» рекомендовалось ознакомиться и «постепенно к ней присоединиться» [III Всероссийский съезд, 1998, с. 217, 218, 20–241].

Партийное оформление консерваторов-традиционалистов в качестве всесословного политического движения в историографии связывается с образованием крайне правой организации черносотенного типа СРН в ноябре 1905 г. (председатель А.И. Дубровин). С выходом исследования С.А. Степанова трансформация СРН во всероссийскую и действительно массовую, всесословную политическую организацию рассматривается и как результат стихийной реакции традиционного социума на накал революционно-демократического движения (радикалы – революционеры, либералы – конституционалисты) 1905–1907 гг., обусловленная комплексом факторов, и «снизу» – актуализацией «базовых структур» сознания, подвергшихся «наиболее мощному давлению со стороны революционно-освободительного движения». Утвердилось понимание, что политическое оформление «черной сотни» имело широкую социальную базу, с одной стороны, в орбиту объединительной деятельности центра на местах вовлекались политизирующиеся «низы», с другой – инициатива, «подпитка» образования отделов в структуре СРН шла «снизу» («искали руководства») [Степанов, 1992, с. 51; Политические партии, 1998, с. 6, 17; Михайлова, 2009, с. 85–87; Нарский, 1994, с. 17; Омелянчук, 2015, с. 148, 151–152]. На спаде революции в условиях «контрреволюционного подъема» после Всероссийских съездов 1906 и 1907 гг. именно СРН идейно и политически возглавил процесс объединения и определил организационную структуру большинства местных самостоятельных «черносотенных организаций», возникших после выхода Манифеста 17 октября и волны октябрьских погромов [III Всероссийский съезд, 1998, с. 217, 218, 240–241; Всероссийский съезд, 1998, с. 329–330]. Заложенные III Киевским и IV Московским съездами организационные принципы обусловили крайнюю аморфность консолидации, структурную рыхлость объединенных монархических политических сил, так как постановления главной управы становились обязательными для местных организаций только с момента получения центром информации о согласии с его постановлениями [III Всероссийский съезд, 1998, с. 225], решения главного совета СРН были обязательны к исполнению только со стороны его отделов, относительно других монархических организаций имели рекомендательный характер (принимались к сведению) при полной свободе

последних в вопросе поддержки действий центра [IV Всероссийский съезд, 1998, с. 329].

Никакой перспективы трансформации во всероссийскую централизованную партию, спаянную партийной дисциплиной, единой программой и тактикой, объединение подобного рода не имело, причем правые сами стремились избежать «партийности». Судьба консолидации монархических сил во всероссийском масштабе стала проблематичной уже после IV Московского съезда. Некоторые, особенно московские организации во главе с протоиереем И. Восторговым (после смерти В. А. Грингмута 29 сентября 1907 г. председатель РМП и Русского монархического собрания, член Московского губернского совета СРН, с 1908 г. председатель Русского монархического союза, был образован в результате объединения РМП и Московского губотдела СРН), опасались чрезмерного усиления и партийного диктата СРН во главе с А.И. Дубровиным [Омельячук, 2011, с. 25–30]. В конце декабря 1907 г. о. Иоанн Восторгов при поддержке (благословлении) О.И. Кронштадтского обратился к Ю.П. Бартеневу (один из руководителей Всенародного русского союза) с проектом объединения монархических организаций принципиально иного характера в формате Всероссийского православного братства. По проекту структура новой всероссийской организации была аналогичной административному устройству РПЦ: в каждом приходе предполагалось образовать приходские братства во главе со священником, которые объединялись в епархиальные во главе с архиереем, епархиальные – во Всероссийское братство с центром в Москве под руководством Совета во главе с митрополитом, таким образом предлагалось объединить все православное население страны «около святынь под водительством духовенства». Руководство СРЛ категорически отвергло проект И. Восторгова, усмотрев стремление протоиерея заменить существующий СРН Всероссийским православным братством, совместить светскую власть с ее «суею и греховностью» с духовной и поставить «православное духовенство... на путь римской католической церкви». По справедливому мнению Ю.П. Бартенева, если бы братство «преследовало исключительно цели духовно-просветительные, собирая людей вокруг храмов на началах жизни церковной и братской взаимопомощи», то члены СРН «сделались бы братьями и просвещались духовно, проникаясь духом истины», что качественно изменяло бы состав союза. «Но у вас цель другая, – писал Ю.П. Бартенева. – Братством вы предполагаете если не уничто-

жить окончательно, то втянуть в себя “Союз русского народа” со всей его программой целиком». СРН «содружество политическое» и «в силу необходимости «политическая партия», значит, и братство будет иметь политический, к тому же во главе духовных лиц, церковный характер», следовательно, в отличие от СРН в идеологическом плане основанный на принципе «православия», то есть «церковности». «Такое вовлечение в политику духовенства и всей православной Руси представляется мне в высшей степени нежелательным и даже опасным», «вся приходско-епархиальная Русь заполитизируется», и это «будет вгоняться в самую глубину народного духа». «Нельзя православную Русь превращать в политическую партию», считал Ю.П. Бартенева, и по ряду политического и культурного плана причин: реальной угрозы захвата руководящего центра конституционалистами, так как есть примеры участия священников в кадетской партии, возможных противоречий братства с правительством, если для последнего окажется неприемлемой политическая программа первого. И вообще, возможно ли всех православных «с их греховностью» причислить к «братчикам», когда и среди монашествующих многие ли «соблюдают церковные обряды», такого рода объединение может привести в целом «к падению престижа» и СРН, и религии однозначно, по мнению Ю.П. Бартенева, братство может быть учреждено «с исключительно духовно-просветительными целями», что в целом «соответствует и программе» председателя СРЛ кн. А.Г. Щербатова [Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 116. Оп. 2. Д. 39. Л. 11–12 обл].

В исследованиях начальная граница организационного оформления правомонархистов (черносотенцев) в масштабе всероссийского всесословного политического движения хронологически датируется концом 1905 г., конечная – первыми днями марта 1917 г., когда деятельность правых партий официально запретили Временное правительство и исполкома Советов рабочих и солдатских депутатов, тогда же были закрыты и печатные органы «союзнических» партий (постановление исполкома Петроградского Совета от 5 марта 1917 г.) [Политические партии, 1998, с. 6, 16, 18; История политических партий, 1994, с. 62–63; Королева, 1990, с. 110–127; Степанов, 1994, с. 32–39, 43, 86–95; Кирьянов, 2001, с. 5, 425; Черная сотня, 2008, с. 503, 449].

Периодизация черносотенного движения основывается на следующих общих критериях:

складывание конкретной общественно-политической ситуации в целом в стране и в регионах в периоды 1905–1907 гг. и 1908–1917 гг., отношение правительства к правым в условиях революции, думской монархии, организационное и общественно-политическое состояние правого движения в новых политических реалиях постреволюционного периода (прежде всего, перманентный процесс раскола СРН), взаимоотношения «союзников», правительства, монархии и Русской православной церкви (РПЦ) на основных этапах политической трансформации России начала XX в., роль Первой мировой войны в исторической судьбе правомонархических партий и организаций на завершающем этапе их деятельности. В исследованиях регионального уровня периодизация (помимо общих критериев) обосновывается с учетом специфики социально-экономического, общественно-политического, этноконфессионального положения региона, но период 1905–1907 гг. в большинстве исследований обоснован как пик развития («расцвета») черносотенного движения в центре и на периферии европейской части империи, характеризуемый идейно-политической консолидацией и организационным оформлением партийного спектра правого движения, прежде всего, массовым открытием отделов СРН в течение 1906–1907 гг. в условиях избирательной кампании в Государственную думу первого и второго созывов, то есть на спаде («излете») революции, в сибирской историографии – с учетом факторов, обусловивших запоздалость процесса организационного оформления отделов СРН.

Хотя критерии расширяются, но в основном исследователи придерживаются периодизации, определившейся еще после февраля 1917 г. Ю.И. Кирьянов отмечает, что в материалах Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства выделено три периода в деятельности правых партий, подтверждаемые источниками. I период – 1905–1907 гг., расцвет (пик развития), когда правомонархические союзы и организации возникали повсеместно и их использовали для борьбы с революцией. II период – 1908 г. – июль 1915 г., постепенный упадок правых организаций, теперь «правительство их только терпит», помня о заслугах в борьбе с революцией, численность партий сокращается, падает активность и их влияние на население. В границах второго периода (1908–1915) рядом исследователей «была сделана попытка обосновать и такой промежуточный рубеж, как конец 1911 г.», обусловленный сменой правительства после убийства П.А. Столыпина и

«дальнейшим размежеванием сил внутри самого правого лагеря, среди самих правых», в частности, это ноябрьский 1911 г. съезд «дубровинцев» и образование Всероссийского Дубровинского СРН (ВДСРН) (устав был утвержден в августе 1912 г.). III период – с июля 1915 г. по март 1917 г. Основными вехами в деятельности правых партий, по сведениям Ю.И. Кирьянова, исследователи выделяют 1905 г., 1908 г., 1915 г., февраль 1917 г., признавая, что рубежи выделенных периодов несколько «выпрямлены», «схематично огрублены». В периодизации Ю.И. Кирьянова можно выделить еще промежуточные рубежи: это конец 1907 – начало 1908 г., связанный с изменением отношения правительства П.А. Столыпина к правым и началом раскола СРН (образование Русского народного союза имени Михаила Архангела (РНСМА) под председательством В.М. Пуришкевича, летом 1908 г. «на базе думской фракции националистов» – Всероссийского национального союза (ВНС) под председательством С.В. Рухлова), а также рубеж после 1909 г., обусловленный некоторым спадом деятельности, и лето (июль) 1915 г., когда «деятельность союзов начинает оживляться» в связи с образованием Прогрессивного блока и созывом IV Государственной думы, проявляется явная тенденция монархистов к объединению, свидетельством чего стали резолюции съездов в Нижнем Новгороде и Петрограде [Политические партии, 1998, с. 9, 16, 18, 20–22, 23–24; Кирьянов, 1997, Кирьянов, 1999; 22, с. 146–177; Кирьянов, 2001, с. 53; Переписка, 1998, с. 96].

В историографии сибирского черносотенства обоснован вывод о более позднем и замедленном, по сравнению с центральными губерниями, процессе формирования местных правых организаций в структуре СРН, хотя М.В. Шиловский период расцвета партийной деятельности, в том числе и формирования черносотенцев в городах Западной Сибири, датирует 1905–1907 гг., затем на спаде движения «оживление происходило только в период выборов в III и IV Государственные думы» «даже у легально действовавших либералов и черносотенцев» [Шиловский, 2001, с. 127].

Начало «организационного оформления сибирских черносотенцев» (правомонархистов, традиционалистов-монархистов, правых – понятия одного синонимического ряда) в большинстве исследований датируется периодом «отступления и спада революции», что объясняется наличием факторов, которые «тормозили процесс политической консолидации традиционалистско-монархических сил» в регионе.

Во-первых, определенная деполитизация общественной жизни в условиях стабилизации обстановки в крае в результате подавления декабрьского вооруженного восстания в Красноярске и Чите в конце 1905 – начале 1906 г. Отход от политической борьбы отмечается прежде всего в среде «участников патриотических» манифестаций 1905 г., которые считали свою миссию выполненной, во время уличных беспорядков обыватель, «выплеснув отрицательные эмоции», возвращался к обыденным, повседневным делам, «решив, что жизнь возвращается в привычное русло, отошел от политики, в которой слабо разбирался». Во-вторых, идея парламентаризма на некоторое время захватила цензовые слои населения, поэтому «накал политической борьбы слабел и политические энергии перетекали с улиц в парламентские собрания». В-третьих, роль удаленности от эпицентра политической жизни, но главное, по сравнению с европейской частью страны некоторая «притушенность» национального вопроса, отсутствие повода, «почвы для провоцирования широких межнациональных конфликтов», что объясняется малочисленностью некоренного населения в общем населении региона, «иногородцев» – евреев, «еврейский вопрос» «не занимал в общественной жизни Сибири такого места, как в центре». В-четвертых, отсутствие такого консолидирующего фактора, «ведущей силы структурирования монархистов» в центральных губерниях, как сословие помещиков, которое сыграло «не последнюю роль» в создании правомонархических организаций в центральной части России. В-пятых, «в крае не сформировались лидеры харизматического типа, подобные, например, В.М. Пуришкевичу», поэтому главную роль в создании правых организаций в Сибири сыграло консервативное, «прочерносотенно ориентированное духовенство», которое достаточно поздно включилось в правомонархическое движение. В-шестых, определенная пассивность и политическая инертность «активистов», так как, как отмечает А.Е. Язынин, «активность многих заявителей практически заканчивалась» после получения разрешения на открытие отдела. Не случайно Главная палата РНСМА требовала с мест подтверждения открытия и деятельности отдела [Толочко, 1999, с. 14, 15; Бузмаков, 2000, с. 47, 25, 64; Штырбул, 2008, с. 64; Станкова, 1996, с. 57; Язынин, 2005, с. 71, 80, 90; Буктугутова, 2007, с. 32].

В современных исследованиях с введением в научный оборот новых источников накоплен большой объем фактического материала по

истории открытия, деятельности отделов и подотделов РС, СРН, РНСМА в Сибири. Вышел ряд специальных исследований по теме, уточняется датировка и периодизация консолидации и политического оформления социума, представляющего структуры традиционного общества, социальный, руководящий состав, количество отделов и их численность, основные направления и итоги деятельности. Главным образом на материале Западной Сибири установлено, что первые самостоятельные правомонархические (черносотенные) организации в основном сформировались в процессе раскола октябристских отделов, с осени 1906 г. началось их официальное оформление в качестве отделов СРН, сначала в орбиту организационной деятельности СРН были включены губернские (одновременно епархиальные) центры, с 1908–1909 гг. параллельно с открытием новых отделов СРН началось открытие отделов РНСМА, сельские отделы стали возникать, когда городские достигли апогея своего развития» [Бузмаков, 1997, с. 77–87; Бузмаков, 2007, с. 99–105; Бузмаков, 2000а, с. 242–245; Бузмаков, 2000б, с. 64, приложение I; Волков, 2010, с. 185–186; Ищенко, 2010, с. 196–228; Ищенко, 2003, с. 127–140; Ноздрин, 2011, с. 207; Попов, 2000, с. 165–166; Попов, 2014, с. 26; Станкова, 1996, с. 57–60; Станкова, 2006, с. 59–62; Станкова, 1999, приложение 2, 3; Толочко, 1999; Толочко, 2000, с. 121–126; Филиппов, 2004, с. 20–22; Шиловский, 2001, с. 127; Шиловский, 1999, с. 16–37; Шиловский, 2012, с. 110–115; Язынин, 2000; Язынин, 1998, с. 78–80; Язынин, 2005, приложение № 3–6]. К настоящему времени вышли исследования в объеме статей, посвященные конкретным вопросам истории правых в губерниях и областях Восточной Сибири, в диссертационной работе и монографическом исследовании А.В. Давиденко имеются сведения о деятельности протоиерея И. Восторгова по открытию отделов РНСМА на Дальнем Востоке [Дегальцева, 2005; Гурьева, Вавилова, 2012; Давиденко, 2001, с. 186–210; Давиденко, 2006, с. 162–172; Макаручук, 2018; Путинцева, 2003; Шилина].

В сибирской историографии неоднозначно определяются датировка открытия и хронологические границы деятельности ряда отделов и подотделов СРН и РНСМА, что объясняется информативностью имеющихся источников, смешением в типологии партий правоцентристского толка (прежде всего «Союза 17 октября») либерально-консервативного (правого) фланга либерализма с протоправомонархическими организациями 1905–1906 гг. Менее всего изу-

ченным остается период с конца октября 1905 г. и до осени 1906 г., поэтому сохраняется неясность направленности трансформации сибирских монархистов после октябрьских 1905 г. событий из аморфного, достаточно широкого движения традиционного социума в оформившееся политическое движение, представленное основным спектром правых партий. Не случайно в большинстве работ этот период не определяется в периодизации, исследователи ограничиваются констатацией, что образование монархических организаций в Сибири началось после октябрьских событий 1905 г., хотя отделы СРН стали открываться год спустя после образования самой партии.

Проблема начальной границы организационного оформления черносотенно-монархического движения в Сибири решается неоднозначно, но присутствует явная попытка «развести» волну погромов 20-х чисел октября 1905 г. в регионе после выхода Манифеста 17 октября 1905 г. с консолидацией монархистов в форме различных политических объединений, в том числе и в составе крайне правого крыла отделов «Союза 17 октября», и затем периодом самостоятельного организационного оформления монархистов-черносотенцев, начиная с весны – осени 1906 г., либо как отделов Русского собрания (Иркутск (ИОРС), апрель 1906 г.), СРН (Красноярск (КОСРН), октябрь – ноябрь 1906 г.), Всенародного русского союза (Тобольск (ТОВРС), сентябрь 1906 г.), либо как самостоятельных черносотенных организаций – «Союз мира и порядка» в Красноярске (с октября 1905 г.), Русское народное общество «За веру, царя и отечество» (РНО) в Томске (сентябрь 1906 г.), которые вошли затем в структуру общероссийской партии СРН. Установлено, что консолидация сил сибирских монархистов началась после октябрьских погромов 1905 г. вслед или одновременно с Европейской Россией, но этот процесс в Сибири затянулся, и в силу вышеуказанных причин первые организационно оформленные отделы СРН здесь появились лишь осенью 1906 г., т. е. год спустя после образования партии СРН в ноябре 1905 г., центрами консолидации сил монархистов стали губернские и областные города – епархиальные центры, ведущую роль в этом процессе играли представители консервативного духовенства РЦП, хотя некоторые авторы ограничиваются только указанием, что монархические организации в Сибири были созданы в период революции 1905–1907 гг.

По сведениям Е.Л. Бузмакова, М.В. Станковой, попытка образования в типологии авто-

ров монархической организации была предпринята в октябре 1905 г. в Томске, которая не была реализована из-за погрома 20–22 октября 1905 г. Вместо отдела «Союза русских людей» здесь был образован отдел либерально-консервативной партии «Союза 17 октября», поддерживаемый местной епархиальной властью, начал работу 14 декабря 1905 г., в состав руководства союза вошли будущие лидеры томских черносотенцев Д.Г. Малышев (купец I гильдии, председатель бюро отдела «Союза 17 октября»), Н.В. Миницкий (секретарь отдела), А.Т. Колосов, А.К. Завитков и др. Только в сентябре – октябре 1906 г. крайне правое крыло томского отдела октябристов образовало самостоятельное «крайне правое общество» РНО «За веру, царя и отечество» [Бузмаков, 2000б, с. 58; Станкова, 1999, с. 73, 78]. По противоречивому утверждению Е.Л. Бузмакова, в Сибири «первой оформившейся организацией крайне правого направления стал открытый в двадцатых числах октября 1905 г.» красноярский СМП, но на первом этапе деятельности союза с осени 1905 г. до февраля 1906 г. «происходил выбор политических приоритетов», в результате чего в феврале 1906 г. СМП принял программу «Союза 17 октября». М.В. Шиловский типологизирует «Союз мира и порядка» как организацию, идентичную РМП, и датирует его образованием концом ноября 1905 г. Также, по сведениям Е.Л. Бузмакова, «второй по времени образования черносотенной организацией Сибири стал ИОРС, который открылся 23 апреля 1906 г.» по инициативе кружка «истинно русских людей» при просветительском обществе св. Иннокентия. Р.С. Буктугутова установила существование в годы первой революции в Семипалатинске отделения «Партии упорядочения произвола», которую также относит к типу черносотенной [Бузмаков, 2000б, с. 47, 50; Бузмаков, 2007, с. 99–105; Шиловский, 1999; Буктугутова, 2007].

Политические организации конца 1905 г. в генезисе черносотенного движения в Сибири в исследованиях рассматриваются в дискурсе предпосылок оформления правых в структуре СРН. В некоторых исследованиях первые политические объединения либерально-консервативного типа в Сибири относятся к типу черносотенных, поэтому начальная граница партийного оформления правого лагеря в регионе «сдвигается» к 1905 г. В зависимости от того, как исследователи типологизируют эти объединения, определяется начальная хронологическая граница образования первых политических организаций черносотенцев, понимается и их

роль в образовании отделов СРН с 1906 г. По определению Г.А. Ноздрина, «местные монархические организации» конца 1905 г., такие как «Союз мира и порядка», «Союз русских людей» и «Союз 17 октября» (Томск), стали базой формирования отделов всероссийских черносотенных партий в 1906–1908 гг. [Ноздрик, 2011, с. 206]. Е.Л. Бузмаков связывает «формирование крайне правых отделов» с праволиберальными организациями октябристского толка, «из недр которых появились первые правые партии», например, отдел СРН в Барнауле, как и в Томске, «сформировался из политически активной части местного духовенства, некоторое время входившей в октябристскую организацию». Присоединение «умеренно правого» СМП в Красноярске к СРН автор датирует 1906 г., когда на базе теперь уже октябристского союза был образован КОСРН. «В Западной Сибири процесс формирования черносотенных организаций затянулся», «первой монархической организацией» в данном регионе Сибири Е.Л. Бузмаков и М.В. Станкова называют ТОВРС, который был образован «из части членов Тобольского отделения партии центра» (ТОПЦ) 22 сентября 1906 г., в числе его организаторов были Н.Ю. Шильдер-Шульднер и Н. Харченко (Е.Л. Бузмаков). М.В. Станкова считает, что общество было создано при непосредственном участии Тобольского и Сибирского епископа Антония и «вновь организованный отдел органически был связан с церковью». Осенью 1906 г. томские монархисты вышли из «Союза 17 октября», 15 сентября 1906 г. они зарегистрировали самостоятельную организацию РНО «За веру, царя и отечество», 10 ноября 1906 г. во «Времени» были опубликованы воззвание, устав и программа новой политической организации.

Согласно выводам Е.Л. Бузмакова, в Сибири «формирование крайне правых отделов происходило двумя путями: в рамках октябристских – праволиберальных организаций (Томск, Тобольск, Красноярск, Барнаул) «и непосредственно как монархических союзов» (Иркутск), но действовали «сибирские правые», «с одной стороны, как отделы центральных монархических партий и союзов», а «с другой стороны, как самостоятельные организации» – РНО «За веру, царя и отечество» в Томске, СМП в Красноярске. Явную противоречивость в типологии первых политических организаций, появившихся в Сибири после октябрьских событий 1905 г. (с одной стороны, это были самостоятельные крайне правые монархические организации, затем вошедшие в состав «Союза 17 октября»,

с другой – умеренно-правые, праволиберальные, «зародившиеся в недрах» «Союза 17 октября»), автор «снимает» обоснованием близости их программных установок с программами праволиберальных партий «прогрессистского» толка, так, например, «определенное сходство с программой «Союза 17 октября» демонстрирует программа ТОПЦ, в рамках которой зародился тобольский черносотенный союз», а «предвыборные воззвания» ТОПЦ были аналогичны положениям, «предлагавшимся томскими и красноярскими правыми» [Бузмаков, 2000, с. 63, 64, 65, 68, 77, 68, 56; Бузмаков, 1997, с. 79; Бузмаков, 2007, с. 99, 100, 102, 103; Станкова, 1999, с. 73, 78].

В историографии признается «родовая» связь монархистов и октябристов. В региональных исследованиях обосновано, что изначально в местные отделы партий «прогрессистского» типа входили «как правые, так и умеренные монархисты», на спаде революции началось их размежевание, что и подготовило почву для оформления отделов правых партий. По наблюдению С.А. Степанова, «правый фланг октябристов фактически сливался с черной сотней, а некоторые организации находились на этой зыбкой границе» [Степанов, 1992, с. 122]. На сибирском материале еще И.Г. Мосина обратила внимание на подвижность социальной границы между черносотенными и октябристскими организациями, она же, а затем О.А. Харусь показали близость некоторых установок правого крыла сибирских октябристов в рамках общепартийной программы в области государственного устройства России принципам, которые отстаивали монархисты [Мосина, 1978, с. 65, 68–69; Карусь, 1996, с. 136–143]. Однако в работах исследователей в соответствии с типологией по-разному понимается история образования первых монархических организаций. По мнению И.Г. Мосиной, близость монархического красноярского СМП к октябристам, томских октябристов и монархистов привела их к слиянию на платформе программы «Союза 17 октября». По утверждению автора, «в Томске часть октябристской организации, слившаяся с черносотенной, сохраняла элементы и той и другой», в Красноярске «брожение умов» старого купечества в составе СМП привело к тому, что в феврале 1906 г. союз «принял программу партии октябристов, а организатор отдела А.Г. Смирнов числился потом как октябрист», большая часть красноярских октябристов первоначально входила в красноярскую же организацию монархистов. Образование томского общества «За веру, царя и отечество» во главе с купцом I гильдии

Д.Г. Малышевым в исследовании рассматривается как результат распада томского отдела октябристов в июне – декабре 1906 г. Такую аморфность октябристских организаций И.Г. Мосина объясняет их внутренней разобщенностью и политической незрелостью, что «приводило к тому, что октябристские организации варьировали и изменяли свою программу, меняли свою ориентацию. Наиболее часто они объединялись с монархическими организациями» [Мосина, 1978, с. 65, 67, 71–72]. По существу, Е.Л. Бузмаков разделяет позицию И.Г. Мосиной, ссылаясь на ее исследование, «смешение октябристских и черносотенских организаций» в Томске и Красноярске в этот период он объясняет двумя причинами: не было достаточного «влияния для образования самостоятельных политических организаций» и отсутствием четкой политической позиции власти после Манифеста 17 октября 1905 г. [Бузмаков, 2000, с. 59].

О.А. Харусь рассматривает появление черносотенных организаций с позиции раскола сибирских отделов «Союза 17 октября», причины которого усматривает в такой их характерной особенности, как наличие крайне правого крыла, ментально близкого к «адептам» «теории официальной народности». В частности, автор отмечает, что, помимо ориентации на самодержавие в рамках Манифеста 17 октября 1905 г., «в программных установках ряда сибирских октябристских организаций можно уловить некий специфический оттенок, проявлявшийся в подчеркнутой апелляции к традиционалистским нравственным началам русского общественного сознания», «акцентированная ориентация на нравственные ценности» и «созвучное им просветительство», на «приоритетное значение православной религии», что позволяет говорить о наличии своеобразного фундамента «для зарождения в рядах октябристов правого патриотического движения», имевшего «больше шансов для идейного сближения с черносотенцами». Именно данным обстоятельством О.А. Харусь объясняет идейное и политическое «самоопределение» «адептов нравственных начал, обозначившееся в практике октябристской организации Томска», суть которого можно обозначить как «дрейф в сторону черносотенства», в частности, раскол в томской организации октябристов после роспуска I Государственной Думы и образование РНО «За веру, царя и отечество» (датирует регистрацию в губернской администрации 12 сентября 1906 г.) на основополагающих доктринах монархической идеологии «самодержавие,

православие и народность» [Харусь, 1996, с. 139, 143–147].

Сохранялась некоторая «размытость» пограничья правых октябристов и «союзнических» отделов в период их организационного становления, совпадение политических позиций обусловило тесные контакты и сотрудничество октябристов и черносотенцев в практической деятельности, что нашло свое выражение в положительном отношении первых к образованию местных отделов СРН, в единстве тактических установок в борьбе с революционным движением, в попытках блокирования в период избирательной кампании во II Государственную думу [Харусь, 1996, с. 210–213].

Концепцию «формирования крайне правых отделов в рамках октябристских» – «праволиберальных организаций» поддерживает Е.Л. Бузмаков (как и концепцию «слияния», «смешения» И.Г. Мосиной), а разделение «октябристско-черносотенных» организаций он объясняет изданием Основных законов Российской империи от 23 апреля 1906 г., в которых «государственно-правовые установки были четко зафиксированы», но раскол томского отдела октябристов осенью 1906 г. справедливо связывает с развитием кризиса «Союза 17 октября» в перводумский период и оформлением Прогрессивной партии мирного обновления (ППМО) после роспуска I Государственной думы. Однако образование ППМО «из числа либерально настроенных членов союза» автор расценивает только как «непосредственный повод» выделения из Томского отдела «Союза 17 октября» «крайне правого общества» РНО, когда «в ответ на демократические изменения, происходившие в союзе, консервативно настроенные члены организации 15 сентября 1906 г. зарегистрировали РНО – «За веру, царя и отечество», 10 ноября 1906 г. опубликовали программу и устав в газете «Время». 27 декабря 1906 г. состоялось открытие общества [Бузмаков, 2000, с. 59–60]. По нашему мнению, в исследовании недооценивается влияние мирнообновленчества («прогрессизма») на размежевание крайне правого и левого крыла в сибирских отделах октябристов, так как поиски выхода из кризиса в некоторых отделах шли на основе «очищения» либеральных консерваторов от консерваторов-традиционалистов, эволюции «умеренных» (земцы-конституционалисты, занявшие левый фланг «Союза 17 октября») октябристов («прогрессистов») к программе и тактике ППМО, что стало одним из решающих

факторов самоопределения «адептов нравственных начал» в форме правомонархических организаций на спаде революции, а затем в качестве политической оппозиции сибирского либерального движения («прогрессизма»). Помимо Томской губернии, этот процесс явно проявился в Тобольском, Барнаульском отделах октябристов после выборов в I Государственную думу, в Красноярске тенденция СМП к объединению с томскими октябристами (в условиях развивающегося в томском отделе кризиса весной – летом 1906 г.) закончилась образованием отдела КОСРН осенью 1906 г., в Иркутске образование отдела ППМО, а затем отдела Всероссийского национального союза («прогресса») оказало существенное влияние на организационное состояние местных монархических организаций. Также основную роль в «разделении октябристско-черносотенных организаций» и в политическом самоопределении монархистов «после вступления в силу основных государственных законов 23 апреля 1906 г.» Е. Л. Бузмаков отводит «священнослужителям сибирских епархий», основой размежевания, по мнению автора, стали претензии священнослужителей на активную роль церкви в «возрождении российского государства на началах Евангелия», поэтому «их политические взгляды несколько отличались от программных установок тех политических партий, в которые они входили», в частности, «церковный вопрос вообще не входил в программу “Союза 17 октября”». Последний по ряду факторов автор рассматривает также как определяющий в размежевании монархистов и октябристов, так как с «появлением на политической арене самостоятельных черносотенных организаций» произошли «определенные консервативные изменения в программных документах правых организаций Сибири». Например, позиция одного из лидеров СМП О. В. Захарова «по государственному устройству» (церковь – «главный корень русской государственности») «значительно приближала программные положения этой организации к позиции СРН», что и стало «одной из причин образования на базе СМП Красноярского отдела СРН» [Бузмаков, 2000, с. 58–59, 69]. Несмотря на некоторую непоследовательность в типологии СМП, автор справедливо делает акцент на связи между появлением «на политической арене самостоятельных черносотенных организаций» и выделением консервативного течения в среде духовенства, так как идейно-политическое самоопределение крайне правого крыла в сибирских отделах октябристов в перводумский период шло и под

влиянием консервативно настроенных епархиальных иерархов и приходских священников, некоторые из них, втягиваясь в политическую деятельность, стали выступать в роли идеологов кристаллизирующихся сил черносотенцев.

Таким образом, точкой отсчета политического оформления тобольских, красноярских, иркутских и томских монархистов в структуре СРН в историографии признается период избирательной кампании во II Государственную думу, когда после неудачи на выборах в I думу в условиях размежевания октябристов и мирнообновленцев монархисты к осени 1906 г. постепенно стали приобретать свои идейные и тактические контуры в границах крайне правого фланга октябризма. По нашему мнению, в отличие от либералов политическое самоопределение и организационное оформление монархистов в Сибири после издания Манифеста 17 октября 1905 г. не носило самостоятельного характера, до конца октября – ноября 1906 г. нет никаких сведений о существовании в регионе отделов СРН (томский интеллектуальный кружок – отдел союза славянофильского типа носил нелегальный характер, после издания Манифеста 17 октября 1905 г. вошел в отдел октябристов, заняв место на его крайне левом фланге), РМП, СРН, исключением стало образование отдела РС в Иркутске 23 апреля 1906 г. Поэтому нет оснований рассматривать период с октября 1905 г. и до осени 1906 г. (за исключением Иркутска) как период «образования самостоятельных монархических союзов и отделов центральных черносотенных организаций». Тем более в границах предлагаемой периодизации Е. Л. Бузмаков справедливо выделяет в первом периоде (1905 – февраль 1907 г.) истории сибирских монархистов такую характерную черту, как «выбор политических приоритетов» (красноярский СМП) [Бузмаков, 2000, с. 47]. В генезисе сибирского правомонархического движения период с октября 1905 г. по осень 1906 г., на наш взгляд, правомерно рассматривать как переходный, для которого была характерна ориентация будущих лидеров черносотенства на внешне «созвучные» традиционному сознанию политико-идеологические установки либерального консерватизма в его долговременной связи с традиционализмом, так как иных идейно-политических ориентиров у них в этот период просто не существовало, а консервативное духовенство было занято внутренними проблемами, связанными с реформированием Русской православной церкви (РПЦ), в вопросах общественно-политической деятельности следовало установкам Синода «беспартийно-

сти», по крайней мере, до середины 1906 г. еще не играло роли в консолидации правых сил. Этот переходный период в истории черносотенцев является в определенной степени показателем уровня сознания средних («старых») городских слоев, что в границах возможного позволяет выявить ментальные конструкции (архетипы), на основе которых политизирующиеся низы города в старой части мещанского сословия под влиянием лидеров движения разрешили альтернативу своего политического самоопределения в условиях социокультурного кризиса начала XX в. к осени 1906 г. В свою очередь, постепенно дистанцируясь от правых либералов после неудачной выборной кампании в I Государственную думу, «кристаллизация» черносотенства оказала влияние на размежевание сил политически многопланового правого фланга либерального лагеря. Следствием кризиса в перводумский период и раскола «Союза 17 октября» после роспуска I Государственной думы в процессе «очищения» либерального консерватизма от консервативного традиционализма (показатель несостоявшегося синтеза) стало формирование мирнообновленческого направления, оформившегося в самостоятельную партию, занимавшего положение между умеренными правыми справа и октябристами слева, согласно программным и тактическим установкам место партии в границах либерально-консервативного оппозиционного движения лидеры определили как центристское или «прогрессистское». В историческом времени первой революции, особенно на этапе столыпинского «успокоения», затем периода конституционного эксперимента в модели думского парламентаризма, «прогрессизм» оказал влияние не только на размежевание сил либерально-консервативного (сохраняющего приверженность в своей идеологии принципу национализма, типу российского, «дарованного сверху», парламентаризма) течения в общественно-политическом движении региона, но и на оформление «союзнических» отделов и их организационное состояние, хотя впоследствии в большей степени обусловленного процессом перманентного раскола в Главном совете СРН и раскольнической деятельностью О.И. Восторгова с московскими соратниками в Сибири и на Дальнем Востоке.

Установлено, что отделы СРН на периферии, в том числе и в Сибири, преимущественно стали открываться не позднее осени 1906 г. Согласно периодизации А.П. Толочко, черносотенное движение в регионе с конца 1907 – начала 1908 г. «находилось на подъеме», пик образования организаций (за пределами губернских,

епархиальных городов) пришелся на 1908 г., в течение 1906–1909 гг. «в Сибири сложилась в основном сеть местных черносотенно-монархических организаций». К концу 1909 г. «союзнические» организации действовали во всех губерниях и областях Сибири (за исключением Якутской области) от Тобольска до Сретенска. «Организационное оформление правого лагеря в Западной Сибири» Д.И. Попов также определяет в хронологических границах «с конца 1906 г. по 1909 г.» [Толочко, 1999, с. 20–21, 22; Толочко, 2000, с. 124–125; Попов, 2000, с. 165–166].

Количественные показатели отделов правых партий и численности их рядов в целом в России И.Н. Киселева, А.П. Корелина, В.В. Шелохаева (в 1907 г. в 62-х в губерниях и областях, «в 2208 населенных пунктах действовали 2229 черносотенных монархических отделов», из них – 2124 СРН, их общая численность летом 1906 г. составляла 253,4 тыс. человек, к концу 1907 г. примерно 410 тыс.) [Киселев, Корелин, Шелохаев, 1990, с. 75–76] получили подтверждение в исследовании С.А. Степанова (в конце 1907 – начале 1908 г. действовали в 66 губерниях, 2208 населенных пунктах, всего существовало 2229 монархических организаций общей численностью 410 чел., из них в СРН 350 тыс. чел.). В процентном соотношении к общей численности населения это составляло 0,3–0,4% [Степанов, 1992, с. 108]. Показатели С.А. Степанова коррелируются с показателями Ю.И. Кирьянова (общая численность рядов правых партий и организаций в 1908 г. составляла 401–399,5 тыс. чел.) [Кирьянов, 2001, с. 83; 25. с. 30]. В исторической энциклопедии «Черная сотня» под цифрой 400 тыс. человек понимается «только черносотенный актив», «общее число русских людей, связанных с деятельностью» СРН определяется в пределах не менее 2-х млн с 400-ми местными организациями [Черная, 2008, с. 8].

По данным А.П. Толочко, в конце 1909 г. в Сибири существовало не менее 30 отделов и подотделов СРН и РНСМА общей численностью 5200 чел., что составляло 1,5% от общего состава правомонархических партий в России [Толочко, 1999, с. 21, 22–23, 28, 31].

По мере введения в научный оборот новых источников (ГАРФ. Ф. 116, 117, материалы правомонархических газет, фонды местных архивов) выводы А.П. Толочко в исследованиях 90-х гг. XX в. были подтверждены, но существенно скорректированы хронологические границы «расцвета» и «пика», количественные показатели черносотенного движения в Сибири. С конца 90-х гг. XX в. в историографии получила

обоснование концепция асинхронности протекания революционного процесса, образования и активности отделов СРН и РНСМА в Сибири, так как по мере уточнения датировки открытия отделов и количественных показателей их динамики стало утверждаться мнение, что организационное и структурное оформление сибирских «союзников» как части всероссийского всеобщего «союзнического» партийного движения в основном проходило в послереволюционный период. По подсчетам Е.Л. Бузмакова, на пике развития во второй половине 1907–1911 гг. число черносотенных организаций в Сибири составило 68 отделов (из них 34 в Томской губернии) общей численностью в пределах минимума и максимума от 11098 до 11295 человек, что сопоставимо «с численностью монархических союзов в других регионах Российской империи» [Бузмаков, 2006, с. 85]. По интенсивности открытия отделов доминировала Томская губерния (по данным М.В. Станковой, в Западной Сибири было открыто всего 42 отдела черносотенно-монархических организаций, из них 38 отделов и подотделов в Томской губернии) [Станкова, 1999, с. 78, 79, 81, 101]. Данные Е.Л. Бузмакова и М.В. Станковой по Томской губернии коррелируются с Енисейской, где в разное время функционировало «примерно такое же количество союзнических организаций» [Бузмаков, 2000а, с. 243]. В сельской местности, по данным Г.А. Ноздрин, общая численность состава подотделов «колебалась от 900 до 1350 человек» (от общих показателей численности Е.Л. Бузмакова) [Ноздрин, 2011, с. 209, 215]. По интенсивности открытия отделов в Восточной Сибири доминировала Забайкальская область, где с 1910 г. активно шел процесс открытия отделов РНСМА, наименьшая активность отмечается в Тобольской губернии и Омском уезде Акмолинской области Западной Сибири.

«Активный процесс образования союзнических организаций в Сибири» Е.Л. Бузмаков относит ко второй половине 1907–1911 гг., тогда на базе роста монархических настроений после поражения революции черносотенное движение в Сибири «достигло пика своей активности», в этот период «расцвета черносотенного движения в Сибири», «в условиях новой политической реальности» их организации «стали занимать одно из ведущих мест в российской партийной системе». В целом автор выделяет три периода в истории сибирского черносотенства: первый (1905 – начало июня 1907 г.) – период «образования самостоятельных монархических союзов и отделов центральных черносотенных органи-

заций»; второй (июнь 1907–1911 гг.) – «расцвет черносотенного движения в Сибири», характеризующийся «большим количеством разнообразных монархических союзов, включением этих союзов в общую структуру правомонархических организаций России, активной политической и общественной деятельностью монархистов»; третий (1912 – февраль 1917 г.) – период кризиса движения, снижения «политической активности крайне правых, переход к экономической и воспитательной работе» [Бузмаков, 2000б, с. 13–14, 78, 89, 162; Бузмаков, 2000а, с. 242–245; Бузмаков, 1997, с. 81]. Таким образом, периодизация правомонархического (черносотенного) движения в Сибири, предложенная Е.Л. Бузмаковым, за исключение первого периода, не совпадает с общероссийской. Авторская концепция динамики движения свидетельствует, что «расцвет» черносотенного движения в регионе (июнь 1907–1911 гг.) пришелся на первый этап второго периода (1908 – июль 1915 г.) в истории правых в периодизации Ю.И. Кирьянова – «постепенного упадка правых организаций», но деятельность правых с 1912 г. автор характеризует как устойчивую динамику по линии спада. Г.А. Ноздрин в основном придерживается периодизации Ю.И. Кирьянова, но запоздалый спад деятельности сибирских городских отделов датирует 1909 г., когда союзнические организации попали в орбиту общего кризиса правого движения, с 1912 г. – сельские подотделы, поэтому считает неправомерным характеризовать период 1907–1911 гг. «расцветом» черносотенства в Сибири, отмечая количественный рост подотделов СРН и РНСМА, справедливо обращает внимание на качественные характеристики состояния правомонархического движения в целом, так как с 1912 г. «начался раскол в сельских организациях правых» [Ноздрин, 2011, с. 206, 218].

Периодизация Е.Л. Бузмакова нашла подтверждение на материале Западной Сибири в исследованиях М.В. Станковой, а затем А.Е. Язынина. М.В. Станкова, проследив динамику открытия отделов в регионе, пришла к выводу, что «активность черносотенных отделов в Западной Сибири не соотносится с революционным движением», «пик деятельности организаций по созданию новых отделов приходится на 1908–1912 гг.». Поэтому она не рассматривает революционное движение в качестве определяющего фактора в динамике увеличения численности черносотенных организаций в 1908–1912 гг. в Сибири, по мнению автора, «рост организаций» «был связан с деятельностью III Государственной думы» [Станкова, 1999, с. 81,

103, 196–197]. А.Е. Язынин кульминационный период в «функционировании» сибирских черносотенцев так же определяет «примерно 1908–1912 гг.». Критерии в определении «пика», «расцвета» правомонархического движения (черносотенства) в предложенной периодизации определяется на основании введения в научный оборот архивных материалов (прежде всего ГАРФ Ф. 117), в исследованиях отмечается количественный «рост черносотенных организаций к 1910 г., так как на этот год падает основной массив переписки с Главной палатой Союза Михаила Архангела, ...в которой местные монархисты информируют об открытии или намерении открыть отделы и подотделы союза» [Язынин, 2005, с. 79, 90]. Факт количественного роста правомонархических организаций с 1908 по 1912 г. нашел подтверждение в исследовании Г.А. Ноздрина, 1908–1911 гг. автор определяет как период наиболее активного «образования сельских подотделов» СРН и РНСМА, большинство из которых возникли в Томской губернии и Забайкальской области, в целом же численность «сельских организаций росла вплоть до 1914 г.». О.В. Ищенко отмечает активизацию деятельности правых из томских студентов и оформление академической корпорации в 1910–1911 гг. [Ноздрин, 2011, с. 209, 207; Ищенко, 2003, с. 12].

Как уже отмечалось, в общероссийской историографии 1908 г. в истории правомонархических партий определяется как переломный рубеж, с которого движение, пережив период расцвета 1905–1907 гг., пройдя пик своего развития во второй половине 1907–1908 гг., вступило в стадию распада и общего кризиса. Однако сохраняется некоторая неясность в определении направленности процесса спада черносотенного движения с 1908 г. по регионам. По выводам Ю.И. Кирьянова, спад шел от периферии к центру, «в некоторых губерниях, особенно западных, сокращение численности членов правых организаций» было особенно значительным (в десятки раз), к группам таких губерний он относит украинские, белорусские, из сибирских – Иркутскую и др., «относительно меньший спад был во внутренних губерниях России (Центрально-Промышленный и Центрально-Черноземный районы, Среднее и Нижнее Поволжье, Урал)» [Кирьянов, 2001, с. 72–73, 83; Политические партии, 1998, с. 22, 23–24; Кирьянов, 1999, с. 221]. Исследование И.В. Омелянчука несколько противоречит выводу Ю.И. Кирьянова, так, по мнению автора, «после спада революционной волны» черносотенцы стали терять своих сторонников в центральных регионах, когда

значительная часть рядовых членов стала отходить от активной политической деятельности, не видя теперь в ней смысла. «В окраинных же губерниях (особенно в юго-западных) численность монархических организаций увеличивалась вплоть до Первой мировой войны», так как «уровень политизации населения здесь не снижался, подпитываемый постоянно тлеющими социально-экономическими конфликтами с ярко выраженной этнической окраской» [Омелянчук, 2006, с. 31, 46]. Но авторы сходятся в обосновании неравномерности и противоречивости процесса спада черносотенного движения, в частности, не было немедленного и резкого сокращения численности и влияния правых партий, что объясняется инерционностью данного социального явления и существенными отличиями в протекании политического процесса в различных регионах империи; спад шел, но тем не менее деятельность правых партий и организаций продолжалась, они «проявляли все же заметную активность», свидетельством чего стало проведение съездов, отчеты местных организаций, продолжали выходить правые газеты и журналы, «в том числе всероссийские», черносотенцы приняли активное участие в избирательной кампании в III и IV думу, «где они имели соответственно свои фракцию и группу», в годы войны сохраняли «определенные позиции в некоторых общественных организациях (прежде всего беженцев)» (Ю.И. Кирьянов). По сведениям Д.Д. Богоявленского, в период избирательной кампании в III Государственную думу «значительно увеличилось число монархических газет и было открыто 45 отделений СРН в различных губерниях России». Период «с середины 1915 г. и до февраля 1917 г.» в исследованиях определяется как период последнего подъема и распада правомонархического движения [Богоявленский, 2012, с. 86, 202]. Неравномерность и «волнообразность» спада по регионам отмечает Н.Д. Постников [Постников, 2013, с. 150–156].

Выводы о противоречивости развития и неравномерности спада правомонархического движения в межреволюционный период подтверждаются в исследованиях регионального характера. В диссертационном исследовании Н.С. Сидоренко обосновано, что «по сравнению с западными губерниями и Сибирью консервативная уральская периферия оказалась более устойчивой, спад движения в 1908–1915 гг. был в несколько раз ниже» и «сопоставим с губерниями Центрального промышленного региона, Среднего и Нижнего Поволжья» [Сидоренко,

2009; Сидоренко, 2006, с. 32–33]. Согласно выводам Н. Д. Постникова, темпы сокращения правомонархических организаций в Сибири были сопоставимы с европейской частью России и Кавказом [Постников, 2013, с. 158]. По существу, весь послереволюционный период в историографии рассматривается как процесс противоречивого, «волнообразного» развития кризиса правомонархического движения, разложения к началу войны, Первая мировая война как определяющий фактор, который придал этому процессу необратимый характер деградации, что и предопределило крах всего партийного спектра правого лагеря [Кириянов, 1999, с. 179; Кириянов, 2001, с. 426; Нарский, 1994, с. 22]. В исследованиях вопрос ухода с политической арены, идейно и политически связанных с режимом правых партий и организаций в период их деградации, «увязывается» с падением монархии: «правомонархические партии начала XX в. умерли вместе с тем строем, который они защищали и который перестал существовать в 1917 г.» [Кириянов, 2001, с. 427; Иванов, 2014. Гл. I. с. 155–168; Омельянчук, 2017, с. 3–21; Иванов, 2017, с. 49].

В современной сибирской историографии в периодизации А. П. Толочко переломный рубеж правого движения в Сибири хронологически сдвигается с 1910 г. к 1912 г., с которого начинается устойчивая тенденция спада, углубление кризисных явлений в связи с развитием раскола в отделах СРН, втягиванием в полосу кризиса и сельских подотделов, в 1915–1916 гг. получивших характер деградации. Показателем деградации стало прекращение деятельности центров монархического движения в регионе: в феврале 1916 г. Тобольского отдела СРН, Омского отдела РНСМА, в Томске к июлю 1915 г. из 5 отделов монархических союзов продолжал функционировать только Песочный городской отдел ВДСРН, в целом из 40 черносотенных союзов губернии в 1916 г. действовало только 3 (М. В. Станкова). Хотя новые союзы и после 1912 г. продолжали открываться до 1916 г., некоторые отделы проявляли некоторый потенциал в своей деятельности (наибольшую устойчивость дубровинские отделы, показателями потенциала стала избирательная кампания в IV Государственную думу, «патриотическая волна» в начале Первой мировой войны и достаточно разносторонняя деятельность ряда отделов в период войны, участие в общероссийском совещании в Петрограде 21–23 ноября 1915 г. и общих акциях, реакция на решения Петроградского и Нижегородского съездов об объединении правомонархических

сил, практические шаги Новониколаевского отдела по организации выпуска в 1915–1916 г. своей газеты), но период 1912–1915 гг. характеризуется в парадигме закрытия и прекращения функционирования большинства отделов (Е. Л. Бузмаков), когда они «стремительно сходят на нет» (А. Е. Язынин) [Бузмаков, 2000б, с. 14, 164–165; 4. С. 85; Язынин, 2005, с. 90; Станкова, 1999, с. 80–82; Ноздрин, 2011, с. 206, 218, 221]. Накануне февральской революции 1917 г. «политической деятельностью занимался только» Новониколаевский отдел СРН [66], «остальные организации либо полностью перешли на хозяйственную или образовательную работу» (иркутские монархисты), «либо существовали только номинально» (Барнаульский отдел ВДСРН, Томский городской Песочный отдел ВДСРН, Бийский отдел ВДСРН, Иннокентьевский отдел РНСМА). 29 января 1915 г. прекратила свое существование последняя из действующих в Сибири монархических газет томская «Сибирская правда», летом 1916 г. Томское губернское жандармское управление констатировало закрытие большинства черносотенных организаций в губернии (М. В. Станкова, Е. Л. Бузмаков). Таким образом, М. В. Станкова приходит к выводу, что черносотенные организации в Западной Сибири «прекратили свое существование еще до того, как были объявлены вне закона».

В административных границах Восточной Сибири Е. Л. Бузмаковым установлено, что в Забайкальской области к февралю 1916 г. сохранилось только два отдела РНСМА: в Чите (ЗОРНСМА), который «практически не работал», и на станции Верхнеудинск (45 чел.). В Иркутской губернии в 1916 г. продолжали работу ИОСРН (40 чел., если исходить из данных Ю. И. Кириянова, произошло сокращение в 5 раз) и ИОРС (50 чел.), отдел РНСМА в п. Иннокентьевском (70 чел.), но он в период войны фактически бездействовал. В Енисейской губернии А. П. Толочко отмечает развитие кризиса Красноярского отдела СРН уже в 1911 г. (60 чел.), отдел фактически прекратил работу в 1914 г., Е. Л. Бузмаков подтвердил эту информацию, так как после отъезда из Красноярска председателя О. В. Захарова в конце 1914 г. в 1915 г. отделы в Красноярске не проявляли никакой деятельности, собрания не собирались, 14 сентября 1914 г. вышел последний номер «Сусанина», попытки наладить издание новой газеты «Сусанин XX века» закончились выпуском только одного номера. В первой половине 1914 г. распался Красноярский отдел РНСМА [Толочко, 1999, с. 77, 91, 70; Кириянов, 2001, с. 76; Ноздрин, 2011,

с. 206, 218; Бузмаков, 2000б, с. 201, 203–212; Станкова, 1997, с. 60, 62; Станкова, 1999, с. 80–82, 197].

Первым показателем развития кризиса в историографии рассматривается сужение социальной базы правых партий после революции, причем этот процесс отмечается практически во всех социальных слоях и сословиях, но в первую очередь по мере отхода предпринимателей, «уже через несколько лет после революции», еще до Первой мировой войны, от правых стали отходить рабочие, которые ориентировались «на политические пристрастия хозяев», интеллигенция, купечество, мещане и только отчасти крестьяне и даже дворяне. Такая динамика социальной базы обусловила снижение качественного состава и материального положения правых партий, особенно на местах и без того не обладающих высоким материальным и интеллектуальным уровнем, что не позволило правым закрепиться в Земском и Городском союзах, Центральном военно-промышленном комитете [Кириянов, 1999, с. 177; Кириянов, 2001, с. 96, 97, 98–99, 100, 101, 102, 408–409, 411; Лебедев, 1999, с. 113]. В регионах Западной Сибири М.В. Станкова отмечает большой отток духовенства из отделов СРН и РНСМА с декабря 1914 по март 1915 г., когда духовенство практически ушло из местных монархических союзов, так, в Томском городском Песочном отделе осталось два священника (70-летний И. А. Смирнов и уволенный за штат П. Ф. Серебряков), в советах Барнаульского и Новониколаевского отделов в 1916 г. священников уже не было. Распад сельских подотделов с 1912 г., по данным Ноздрин, был обусловлен уходом зажиточных крестьян, торговцев, полицейских [Станкова, 2006, с. 60; Ноздрин, 2011, с. 219].

В исследованиях, выполненных с позиций социокультурного подхода, отмечается эволюция «образа власти» в сознании сибирского социума в границах 1914 – середины 1915 г. и рубежа 1916–1916 гг. от патриотического подъема через период «патриотической тревоги» к десакрализации власти царя к февралю 1917 г., нарастание конфликта поколений по линии утраты психоментального контроля старших над

поведенческим стереотипом младшего поколения. Перелом в иерархии ценностных структур сознания, связанных с образом царской власти, прослеживается с лета 1915 г. [Кижаяева, 2006; Дегальцева, 2013; Дегальцева, 2005; Скорлупкин, 2004]. В условиях кризиса деградация и развал отделов правых партий в Сибири в периодизации определяются так же рубежом 1915 г.

Таким образом, в сибирской историографии достаточно полно проработаны критерии периодизации черносотенного (правомонархического) движения, с учетом фактора запоздалости и реакции традиционного социума на вызовы революции обоснована концепция асинхронности протекания революционного процесса и оформления отделов центральных партий (главным образом СРН и РНСМА), хронологически, с наполнением конкретными текстами, определены основные периоды черносотенного движения в регионе с 1906 по 1917 г. Вместе с тем метод хронологии и периодизации в исследовании правомонархического движения в Сибири выявил ряд вопросов, требующих, на наш взгляд, дальнейшего исследования: 1) типология протоправомонархических организаций, возникших накануне и после выхода Манифеста 17 октября 1905 г.; 2) анализ теоретико-мировоззренческих доктрин, на основе которых в условиях слабо дифференцированного общественно-политического пространства Сибири развертывалась политическая консолидация традиционного социума, их конкретизация в программных ориентирах и тактических установках до осени 1906 г.; 3) с позиций компаративистики уточнить характеристики состояния правомонархического движения в Сибири на основных этапах относительно периодизации общероссийского правомонархического движения; 4) включенность регионов Дальнего Востока в административных границах начала XX в. в правомонархическое движение с учетом принятой в историографии периодизации, что предполагает введение в научный оборот источников, связанных с деятельностью протоиерея И. Восторгова и его московских соратников в регионе (начиная с 1908 г.).

ЛИТЕРАТУРА

1. *Богоявленский, Д. Д.* Проблема лидерства в Союзе русского народа: монография. – М.: Изд-во МГОУ, 2012. – 240 с.
2. *Буктугутова, Р. С.* Общественное движение в Степном крае в конце XIX – начале XX в.: автореферат диссертации ... доктора исторических наук. – Омск, 2007. – 50 с.
3. *Бузмаков, Е. Л.* Образование и основные направления деятельности правомонархических организаций в Западной Сибири (начало XX в.) //

- Социокультурные исследования. 1997: Сб. статей / Под ред. Е. А. Тюгашева (отв. ред.), Д. О. Серова. Новосибирск: Изд-во Новосиб. ун-та, 1997. – С. 77–87.
4. Бузмаков, Е.Л. Расширение черносотенного движения в Западной Сибири и Енисейской губернии в 1907–1910 гг. // Актуальные вопросы истории Сибири. 2-е научные чтения памяти проф. А. П. Бородавкина: материалы конференции / Под ред. Ю. Ф. Кирюшина, В. А. Скубневского. – Барнаул: Алтайский государственный университет, 2000а. – С. 242–245.
 5. Бузмаков, Е.Л. Черносотенные организации в Сибири. 1905–1917 гг.: диссертация ... кандидата исторических наук. – Томск, 2000б. – 243 с.
 6. Бузмаков, Е.Л. Образование черносотенных организаций в Сибири // Сибирское общество в период социальных трансформаций XX в.: материалы Всероссийской научной конференции (Томск, 19–21 октября 2005 г.) / Под ред. д-ра ист. наук В. П. Зиновьева. – Томск: Изд-во Томского ун-та, 2007. – С. 99–105.
 7. Волков, А. Э. К вопросу об образовании «Союза русского народа» в Тобольской губернии в начале XX в. // Материалы 44-й Всероссийской научной конференции с международным участием студентов и молодых ученых «Актуальные проблемы теоретической, экспериментальной, клинической медицины и формации». – Тюмень: ООО «Печатник», 2010. – С. 185–186.
 9. Гурьева, А. А., Вавилова, Ю. С. Черносотенное движение в Енисейской губернии 1906–1910 гг. (по материалам газеты «Сусанин») // Енисейская губерния – Красноярский край: 190 лет истории: VII краеведческие чтения (5 декабря 2012 г.). – Красноярск: Б. и., 2012. – С. 103–108.
 10. Давиденко, А. В. Эволюция правовомонархических концепций политического устройства России (1900–1917): диссертация ... кандидата исторических наук. – Хабаровск, 2001. – 285 с.
 11. Давиденко, А. В. Правомонархические интерпретации думской монархии (октябрь 1905 – февраль 1917 г.): монография. – Хабаровск: Дальневосточный юридический институт МВД России, 2006. – 207 с.
 12. Дегальцева, Е. А. Войны второй половины XIX начала XX в. в представлениях сибиряков // URL: [Электронный ресурс] <http://zaimka.ru>. – (Дата обращения: 27 октября 2013).
 13. Дегальцева, Е. А. Образ жизни сибиряков во второй половине XIX – начале XX в. – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2005 // URL: [Электронный ресурс] www.referum.com. – (Дата обращения: 11 ноября 2013).
 14. Иванов, А. А. Консервативные партии // Россия в годы Первой мировой войны: экономическое положение, социальные процессы, политический кризис / Отв. ред. Ю. И. Петров. – М.: Российская политическая энциклопедия, 2014. – Гл. I. – С. 155–168.
 15. Иванов, А. «Черная сотня сгинула в подполье»: русские правые и революция 1917 г. // Российская история – 2017. – № 2. – С. 42–58.
 16. История политических партий России: учеб. для студентов вузов, обучающихся по спец. «История» / Н. Г. Думова, Н. Д. Ерофеев, С. В. Тютюкин и др. / Под ред. А. И. Зевелева. – М.: Высшая школа, 1994. – 447 с.
 17. Ищенко, О. В. Из истории существования и деятельности академической корпорации студентов г. Томска в начале XX в. // Исторический ежегодник. 2002–2003 / Под ред. В. П. Корзун и А. В. Якуба. – Омск: Омск. гос. ун-т, 2003. – С. 127–140.
 18. Ищенко, О. В. Студенческая и учащаяся молодежь как фактор общественного движения и культурной жизни Сибири (конец XIX – начало XX в.): монография. – Омск: Изд-во Ом. ун-та, 2010. – 499 с.
 19. Кижяева, Т. А. Образ власти в потестарном сознании сельского населения Томской губернии накануне Февральской революции 1917 г. // Крестьянство восточных регионов России и Казахстана в революциях и Гражданской войне (1905–1918): сб. науч. статей / Под ред. И. В. Курьшева. – Ишим: Изд-во ИГПИ им. П. П. Ершова, 2006. – С. 46–53.
 20. Кирьянов, Ю. И. Правые партии в России накануне и в февральско-мартовские дни 1917 г.: причины кризиса и краха // 1917 год в судьбах России и мира. Февральская революция: от новых источников к новому осмыслению: материалы конф., 4–5 февр. 1997 г. / Редкол. П. В. Волобуев (отв. ред.) и др. – М.: ИРИ, 1997. – С. 79–94.
 21. Кирьянов, Ю. И. Правые партии в России (1905–1917): причины кризиса и краха // Россия: XXI в. – М., 1999. – № 2 (март-апрель). – С. 146–177.
 22. Кирьянов, Ю. И. Крайне правые партии и общество // Политические партии и общество в России. 1914–1917 гг.: сборник статей и документов: / Редкол. Ю. И. Кирьянов и др. – М.: РАН ИНИОН. Центр социальных научно-информационных исследований, 1999. – С. 162–180.
 23. Кирьянов, Ю. И. Численность и состав правых партий в России в 1914–1917 гг. // Россия и Первая мировая война (материалы международного научного colloquium). – СПб.: Издательство «Дмитрий Буланин», 1999. – С. 216–229.
 24. Кирьянов, Ю. И. Численность и состав крайних правых партий в России (1905–1917): тенденции и причины изменений // Отечественная история. – 1999. – № 5. – С. 29–43.
 25. Кирьянов, Ю. И. Правые партии в России. 1911–1917. – М.: РОССПЭН, 2001. – 464 с.
 26. Кирьянов, Ю. И. Русское собрание 1900–1917 гг. – М.: РОССПЭН, 2003. – 352 с.
 27. Киселев, И. Н., Корелин, А. П., Шелохаев, В. В. Политические партии в России в 1905–1907 гг.: численность, состав, размещение (количественный анализ) // История СССР. – 1990. – № 4. – С. 71–87.

28. *Королева, Н.Г.* Правые партии в борьбе с революцией 1905–1907 гг. // Исторические записки. – М.: Наука, 1990. – Т. 118. – С. 102–138.
29. *Лебедев, С.В.* Альтернатива справа. Национально-патриотическое движение в России. Историческая традиция, идеологические направления и перспективы. – СПб.: «Нестор», 1999. – 360 с.
30. Листовка-обращение Всенародного русского союза (март 1906 г.) // Политические партии России: конец XIX – первая треть XX века: Документальное наследие. В 2-х т. – М.: РОССПЭН, 1998; Правые партии. 1905–1917. Документы и материалы. Т. 1. 1905–1910 гг. / Составитель, автор предисловия и комментариев Ю.И. Кирьянов. – М.: РОССПЭН, 1998. – С. 141–142.
31. *Макарчук, С.В.* Красноярская газета «Сусанин» в 1907–1914 гг.: политическая и гражданская культура монархического издания // Вестник КемГУКИ. – 2018. – №43. – С. 99–111.
32. *Михайлова, Е.М.* Правые партии в дискурсе двух революций: победа в 1905 г. и поражение в 1917 г. // Революция 1917 года в России: новые подходы и взгляды. Сб. науч. статей / Редкол.: А. Б. Николаев (отв. ред. и сост.), Д. А. Бажанов, А. А. Иванов. – СПб.: Б. и., 2009. – С. 84–90.
33. *Мосина, И.Г.* Формирование буржуазии в политическую силу в Сибири. – Томск: Изд-во Томского университета, 1978. – 169 с.
34. *Нарский, И.В.* Революционеры «справа»: черносотенцы на Урале 1905–1917 гг. (материалы к исследованию «русскости»). – Екатеринбург: Изд-во «Сicret», 1994. – 127 с.
35. *Ноздрин, Г.А.* Политические объединения в сибирской деревне (середина 90-х гг. XIX в. – 1914 г.). – Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2011. – 352 с.
36. *Омельянчук, И.В.* Черносотенное движение в Российской империи (1901–1914): автореферат диссертации ... доктора исторических наук. – Воронеж, 2006. – 46 с.
37. *Омельянчук, И.В.* Попытки консолидации монархического движения в 1906–1917 гг. // Современная наука: гуманитарные науки. – 2011. – №3. – С. 25–30.
38. *Омельянчук, И.В.* Монархисты в 1905–1917 гг.: от триумфа к катастрофе // Вопросы истории. – М., 2017. – №4. – С. 3–21.
39. *Омельянчук, И.В.* Русский консерватизм начала XX века в поисках партийного самоопределения // Тетради по консерватизму. – 2015. – №4. – С. 47–158.
40. Переписка и другие документы правых 1911 года // Публикация Ю.И. Кирьянова // Вопросы истории. – 1998. – №10. – С. 94–110.
41. Политические партии России: конец XIX – первая треть XX в.: Документальное наследие. В 2-х т. – М.: РОССПЭН, 1998; Правые партии. 1905–1917. Документы и материалы. Т. 1. 1905–1910 гг. / Составитель, автор предисловия и комментариев Ю.И. Кирьянов. – М.: РОССПЭН, 1998. – 815 с.
42. *Попов, Д.И.* Культурно-просветительная деятельность черносотенцев в Западной Сибири в 1907–1914 гг. // Проблемы историографии, источниковедения и исторического краеведения в вузовском курсе Отечественной истории: тезисы докладов и сообщений IV региональной научно-методической конференции / Редкол.: Г.М. Ипатов, Г.Г. Касаров, А.В. Ремнев и др. – Омск: ОмГУ, 2000. – С. 165–168.
43. *Попов, Д.И.* Борьба правомонархических партий за влияние на массы в условиях поляризации партийно-политических сил в Сибири в 1907–1917 гг. // Вестник Омского университета. Серия «Исторические науки». – 2014. – №3 (3). – С. 25–30.
44. *Постников, Н.Д.* Территориальное размещение и численность политических партий России (1907 – февраль 1917). – М.: МГОУ, 2013. – 325 с.
45. *Путинцева, М.А.* Красноярский отдел «Союза русского народа» // Люди и судьбы. XX век: тезисы докладов и сообщений научной конференции. Красноярск, 30 октября 2003 г. / Красноярский культурно-исторический музейный комплекс. – Красноярск: Кларетианум, 2003. – С. 18–21.
46. *Раскин, Д.И.* Идеология русского правого радикализма в конце XIX – начале XX в. // Национальная правая прежде и теперь. Историко-социологические очерки. – СПб.: Б. и., 1992. Ч. I. Россия и русское зарубежье. – С. 5–46.
47. *Сидоренко, Н.С.* Уральские консерваторы и либералы накануне Февральской революции 1917 года // URL: [Электронный ресурс] <http://www.squ.ru>. – (Дата обращения 14 ноября 2009).
48. *Сидоренко, Н.С.* Монархические партии и промонархические организации Урала в процессе эволюции государственно-политической системы России в начале XX века: автореферат диссертации ... доктора исторических наук. – М., 2006. – 55 с.
49. *Скорлупин, Г.Н.* Политические симпатии зажиточного крестьянства в период марта – октября 1917 г. // Человек, культура и образование: сб. ст. – Барнаул: БГПУ, 2004. – С. 75–81.
50. *Станкова, М.В.* К вопросу о черносотенно-монархическом движении в Западной Сибири накануне революции 1917 г. (август 1914–1917 гг.) // Революция 1917 г. в России: история, современность, поиски путей примирения и согласия: материалы регион. науч. конф. / Редкол.: В.Д. Полканов (отв. ред.) и др. – Омск: Ом. гос. техн. ун-т, 1997. – С. 59–62.
51. *Станкова, М.В.* К вопросу о монархическом движении в 1905–1907 гг. (на примере Омской епархии) // По страницам российской истории: сб. статей. – Омск: ОмГПУ, 1996. – С. 57–60.
52. *Станкова, М.В.* Черносотенно-монархическое движение в Западной Сибири в 1905–1917 годах: диссертация ... кандидата исторических наук. – Омск, 1999. – 330 с.
53. *Степанов, С.А.* Черная сотня в России. 1905–1914 гг. – М.: Изд-во ВЗПИ, А/О «Росвузнаука», 1992. – 330 с.

54. Третий Всероссийский съезд Русских людей в Киеве (2–7 октября 1906 г.) // Политические партии России: конец XIX – первая треть XX века: Документальное наследие. В 2-х т. – М.: РОССПЭН, 1998; Правые партии. 1905–1917. Документы и материалы. Т. 1. 1905–1910 гг. / Составитель, автор предисловия и комментариев Ю.И. Кирьянов. – М.: РОССПЭН, 1998. – С. 203–243.
55. Толочко, А.П. Черносотенцы в Сибири (1905 – февраль 1917 г.): монография. – Омск: Омск. госуниверситет, 1999. – 123 с.
56. Толочко, А.П. Организационное оформление черносотенного движения в Сибири в начале XX в. // Вестник Омского отделения Академии гуманитарных наук. – 2000. – №4. – С. 121–126.
57. Филиппов, Д.В. Становление Всенародного русского союза в Тобольске // Словцовские чтения: материалы докладов и сообщений XVI Всероссийской научно-практической краеведческой конференции. Ч. I. – Тюмень: Изд-во Тюменского государственного университета, 2004. – С. 20–22.
58. Харусь, О.А. Либерализм в Сибири начала XX века: идеология и политика. – Томск: Томский гос. университет, 1996. – 226 с.
59. IV Всероссийский съезд объединенного русского народа в Москве (26 апреля – 1 мая 1907 г.) // Политические партии России: конец XIX – первая треть XX века: Документальное наследие. В 2-х т. – М.: РОССПЭН, 1998; – Правые партии. 1905–1917. Документы и материалы. Т. 1. 1905–1910 гг. / Составитель, автор предисловия и комментариев Ю.И. Кирьянов. – М.: РОССПЭН, 1998. С. 309–333.
60. Черная сотня. Историческая энциклопедия 1900–1917 гг. / Отв. редактор О.А. Платонов. – М.: Крафт+, Институт русской цивилизации, 2008. – 640 с.
61. Шилина, А.С. Деятельность Красноярского и Иркутского отделов «Союза русского народа» в годы Первой мировой войны // URL: [Электронный ресурс] www.history.nsc.ru. – (Дата обращения 20 ноября 2018).
62. Шиловский, М.В. Черносотенно-монархическое движение в Сибири начала XX века // Вопросы истории Сибири в начале XX века. Межвузовский сб. науч. тр. / Под ред. М.В. Шиловского. – Новосибирск: Новосиб. гос. ун-т, 1999. – С. 16–37.
63. Шиловский, М.В. Факторы, влиявшие на общественно-политическую жизнь западносибирских городов второй половины XIX – начала XX в. // Города Сибири XVIII – начала XX в. Сб. науч. трудов / Отв. ред. В.А. Скубневский. – Барнаул: Алтайский гос. ун-т, 2001. – С. 113–133.
64. Шиловский, М.В. Новониколаевский отдел «Союза русского народа» (1908–1917 гг.) // Новосибирская область: история и современность. Материалы научно-практической конференции, посвященной 75-летию Новосибирской области, 27 апреля 2012 г. Ч. II. – Новосибирск, 2012. – С. 110–115.
65. Штырбул, А.А. Политическая культура Сибири: опыт провинциальной многопартийности (конец XIX – первая треть XX в.): монография. – Омск: Изд-во ОМГПУ; Издательский дом «Наука», 2008. – 612 с.
66. Язынин, А.Е. Возникновение черносотенно-монархических организаций Западной Сибири и их противоборство с политическими противниками. 1905–1914 гг.: диссертация ... кандидата исторических наук. – Омск, 2005. – 187 с.

В. Г. Дацышен,

Сибирский федеральный университет (СФУ) (Россия)

ХАКАСИЯ, ХАКАСЫ И ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА В РОССИИ

В статье рассматривается политическая ситуация в Минусинском уезде накануне и в годы Гражданской войны, отношение хакасов к власти большевиков, их реакция на действия правительства А.В. Колчака. Отдельно уделено

внимание участию хакасской национальной элиты в событиях Гражданской войны.

Ключевые слова: национальная элита, Гражданская война, большевики, Минусинский уезд.

V. G. Datsyshen,

Siberian Federal University (Russia)

KHAKASIA, THE KHAKAS AND CIVIL WAR IN RUSSIA

The article describes the political situation in the Minusinsk district on the eve and during the civil war, the attitude of the khakass to bolshevik authorities, their reaction to the action of the government of A.V.Kolchak. Special attention is paid

to the participation of the khakass national elite in the events of the civil war.

Key words: national elite, civil war, bolshevik, Minusinsk district.

История Гражданской войны в России в силу комплекса причин на протяжении всех прошедших с ее начала ста лет вызывала интерес и исследователей, и общественности. Ход Гражданской войны в Приенисейском крае, с яркой историей первых большевистских Советов, успехов крестьянских армий, трагедии «Ледового похода» и пр., предопределил особое место в общей картине событий нашего региона. Однако территория современной Хакасии, большая часть которой в то время входила в состав Минусинского уезда, на протяжении 1917–1920 гг. оставалась как бы «в стороне» от основных событий. Действительно, в обобщающей работе «Гражданская война в СССР» даже обо всем Минусинском уезде авторы ограничиваются упоминанием: «Партизаны временно отошли через Минусинский уезд в Туву» [Гражданская, 1986, с. 92]. Здесь же появляется ложный тезис: «В Енисейской губернии осенью 1919 г. ... Минусинский... уезды фактически находились под контролем партизан» [Гражданская, 1986, с. 94], который в конце работы опровергается самими авторами: «Партизаны... к 10 января 1920 г. полностью освободили Минусинский уезд» [Гражданская, 1986, с. 231]. Таким образом, советские историки косвенно указали на сложность и противоречивость событий Гражданской войны на юге Енисейской губернии, когда на территориях с русским населением белая власть была свергнута до прихода Красной армии, а в районах с преобладающим хакасским населением Советы смогли победить лишь после победы большевиков на территории всей Сибири. Поскольку на территории Хакасии большевиков и «сочувствующих» им сил практически не было, то и история этого региона в годы Гражданской войны мало интересовала советскую историческую науку.

В постсоветское время ситуация изменилась. И лишь в последние годы историки, работающие в Хакасии и Минусинске, успешно исследуют вопросы участия хакасов в событиях, развернувшихся в Сибири в 1917–1920 гг. Однако пока рано говорить о том, что история Хакасии и хакасов во время Гражданской войны всесторонне изучена и органично вписана в историческую картину России.

Революция 1917 г. разрушила имперскую систему России. Декреты советской власти дали основания для ликвидации преимущественных прав хакасов на свои земли. Катаклизмы мировой и Гражданской войн привели к тому, что русские рабочие, строители и беженцы осели на

«инородческих землях». Следствием этого стал рост русско-хакасских противоречий, ставших одним из заметных элементов раскола российского общества на противостоявшие друг другу группы и слои российского общества.

В начале XX в. у местных народностей Сибири уже сформировалась новая национальная элита, которая, правда, была немногочисленной. В числе новых хакасских лидеров был Степан Дмитриевич Майнагашев, которому к началу революции исполнилось 30 лет. Он учился в Красноярской духовной семинарии, Томском университете, Народном университете им. Шанявского в Москве, а с 1913 г. занялся исследованием Хакасии.

Первая мировая война дала и первых офицеров-героев российской армии, которые сыграли важную роль в событиях Гражданской войны. Ярким примером здесь был Георгий Матвеевич Тудояков. В опубликованном о нем материале были даны краткие биографические данные: «Сын инородца; родился 3-го апреля 1895 г. и в 1910 г. поступил в Красноярскую духовную семинарию». За мужество и героизм, проявленные в боях в сентябре 1915 г., Г.М. Тудояков был награжден орденами св. Анны 4 ст., св. Станислава 3-й ст. Далее, как сообщалось в публикации об этом офицере, «за разведку противника, произведенную им в ноябре мес. 1915 г. награжден был орденом св. Анны 3 ст. с мечами и бантом». В 1916 г. Г.М. Тудояков «участвовал в боях... выдержал еще две атаки 20 и 21 июня и был ранен в правое плечо и правую руку... За эти бои награжден орденом св. Станислава 2 степени с мечами» и был представлен к чину поручика [Енисейская церковная нива, 1917, №4–5, с. 7–8].

В 1916 г. на фронт отбыл подпоручик Стефан Васильевич Барашков. В биографической справке сообщалось: «Родился в апреле месяце 1894 г. В Красноярскую дух. семинарию поступил в 1910 г. В сентябре месяце 1914 г. поступил вольно определяющимся на военную службу и по окончании Казанского военного училища 1-го февраля 1915 г. произведен в прапорщики с назначением на службу в распоряжение Командующего Омским военным округом... был ротным командиром 8-й роты 22 Сибирского запасного батальона. В этой должности в апреле 1916 г. произведен в подпоручики. 22 октября 1916 г. назначен и выбыл с маршевой ротой в действующую армию» [Енисейская церковная нива, 1917, №4–5, с. 7–8].

Уроженцы Минусинского уезда, как и представители других регионов, в подавляющем большинстве приняли революцию 1917 г.

Некоторые минусинцы, представлявшие различные политические силы, получили широкую известность. Даже в составе первого Советского правительства (СНК РСФСР) был бывший священник минусинского Спасского собора Александр Иванович Бриллиантов. Но весной 1918 г. вместе с другими левыми эсерами он в знак протеста против заключения Брестского мира покинул Советское правительство [Черкасов, 2011].

Известным деятелем демократической Сибири и политическим лидером хакасского народа с 1917 г. был С.Д. Майнагашев. Он стал председателем «национального комитета инородцев Минусинского края» и членом Центрального Сибирского организационного комитета. С.Д. Майнагашев, как и большинство представителей местной интеллигенции, был близок к идеям Сибирского областничества [Государственный архив Красноярского края (ГАКК). Ф. 64. Оп. 10. Д. 30.] Он представлял хакасов на общесибирском областном съезде, открывшемся в Томске в августе 1917 г.

Ход революционных преобразований в Минусинском уезде в 1917 г. имел отличия от других районов Енисейской губернии. Большевики здесь были не столь популярны. Это было связано с более высоким процентом казачества, отсутствием лагеря военнопленных и гарнизона с запасными полками, но также и наличием в составе населения «местных инородцев» – хакасов. В Минусинске в 1917 г. даже отряд Красной гвардии был сформирован позже, чем в других городах Енисейской губернии [Сафронов, Шекшеев, 1962, с. 672].

В 1917 г. в Енисейской губернии, как и в других регионах, прошли выборы в будущий представительный орган власти. Зарубежный исследователь отмечает: «Выборы в Учредительное собрание... завершились для большевиков поражением в России не слишком серьезным, а в Сибири – катастрофическим. В то время как в европейской части страны партия смогла получить, по крайней мере, 25% депутатских мест, в Сибири за большевиков проголосовало только 10% избирателей, 75% досталось эсерам» [Дальман, 2015, с. 326]. Современные сибирские историки уточняют, в Сибири за большевиков проголосовали лишь 8,6% избирателей, в то время как за социалистов-революционеров – 75% избирателей [Добровольский, 1999, с. 9].

В конце октября (7–8 ноября по новому стилю) 1917 г. руководство Российской коммунистической партии (большевиков), терпя поражение на выборах в Учредительное собрание,

пошло на силовой захват власти в Петрограде. Всю полноту власти на себя принял Съезд Советов под контролем большевиков и левых эсеров. Созданное правительство – Совет народных комиссаров возглавил лидер РКП(б) В.И. Ленин (Ульянов). Через несколько дней так же поступили большевики в Красноярске. Представители местного самоуправления Приенисейской Сибири не признали захват власти большевиками, тем более среди тех практически не было представителей местного населения. Енисейская губернская земская управа во главе с председателем И.В. Казанцевым 27 октября приняла резолюцию, осуждающую захват власти в Красноярске большевиками, начавших, по словам народных представителей, «тем самым Гражданскую войну» [Шиловский, 2011, с. 82].

29 октября 1917 г. был образован Енисейский губернский комитет объединенных общественных организаций, в состав которого вошли все небольшевистские организации, включая Совет крестьянских депутатов. Но большевики начали аресты чиновников, отказывающихся служить новой власти. 4 ноября 1917 г. по декрету Красноярского Совдепа был арестован и заключен в тюрьму помощник губернского комиссара Н.В. Доброхотов, на следующий день был арестован большевиками и отправлен в городскую тюрьму губернский комиссар В.М. Крутовский. Что касается победы большевиков в Минусинском уезде, то современные исследователи указывают, что даже жители Минусинска никогда не поддерживали большевиков, а «самым главным условием победы стала аполитичность деревни» [Топчеев, 2017, с. 262].

В числе тех, кто не признал Октябрьский переворот в Петрограде и захват большевиками власти в Сибири, были и енисейские казаки. На общем собрании Войскового правления и Красноярского казачьего дивизиона 30 октября 1917 г. под председательством вахмистра В.Г. Садовского была принята резолюция, в которой говорилось, что казаки признают только власть Енисейского губернского комитета объединенных общественных организаций и подчиняются ему. Но атаман А.А. Сотников все же оставался до конца года начальником Красноярского гарнизона. Лишь в январе 1918 г., оставаясь на позициях верности Учредительному собранию, А.А. Сотников вынужден был со своими сторонниками покинуть Красноярск и уйти в Минусинский уезд. Но в это время и Минусинск в условиях обострения крестьянско-казачьих противоречий поддержал новую

красноярскую власть. Последним районом в Енисейской губернии, где атаман А. А. Сотников надеялся найти поддержку в борьбе с большевиками, был район Таштыпа. И действительно, на левобережье Минусинского уезда его поддержали, но сил для противостояния вооруженным отрядам из правобережной части уезда там было недостаточно.

Захватившим в Красноярске власть большевикам удалось подавить сопротивление земства. Красноярский историк С. В. Максимов пишет: «Земское движение в Сибири так же пыталось выжить в условиях большевистской диктатуры... Об этом свидетельствуют протоколы заседания гласных первого Енисейского губернского земского собрания в феврале 1918 г. К депутатам-земцам обратился с письменным посланием глава Енисейского земства И. В. Казанцев... обращение было написано 6 февраля 1918 г. в... Красноярской тюрьме: «Работайте, товарищи, боритесь, не покладая рук, Учредительное собрание разогнали, да здравствует Учредительное собрание; земство разгонят, да здравствует земство. Свободы топятся в крови и насилии – да здравствует народовластие». 8 марта 1918 г. от имени президиума Губернского исполнительного комитета вышло извещение, которое подписал Вейнбаум, в нем говорилось... о ликвидации губернской земской управы» [Максимов, 1999, с. 7]. В начале 1918 г. продолжали функционировать земские организации и в Минусинском уезде.

В Минусинске победа большевиков, которые там в подавляющем большинстве были из числа неместного населения, во многом была обусловлена тем, что лидером местной организации был сын одного из самых богатых купцов юга Приенисейской Сибири и яркий представитель местной интеллигенции Г. П. Сафьянов, а председателем военно-революционного комитета став уроженец Абазы К. Е. Трубеньков. Однако Совет крестьянских депутатов в ноябре 1918 г. отказывался признать власть большевиков, заявляя, что местный Совет рабочих и солдатских депутатов «не выражает воли большинства рабочих, солдат и крестьян уезда» [Архив города Минусинска (АГМ). Ф. Р-4. Оп. 1. Д. 6. Л. 14].

Власть большевиков в Минусинске была свергнута мирным путем. 22 июня (по новому стилю) 1918 г. 7-й чрезвычайный крестьянский съезд Минусинского уезда, поддержанный казацко-крестьянскими дружинами, объявил о взятии в свои руки всей полноты власти. В числе активных участников этого съезда был и С. Д. Майнагашев. Среди дружинников, высту-

пивших против большевиков, «находился и отряд инородцев, лидеры которых поддержали смену власти» [Шекшеев, 2014, с. 86].

Чрезвычайный крестьянский съезд Минусинского уезда назначил начальником Минусинского военно-революционного штаба С. В. Тудоякова. Енисейский губернский комиссариат 26 июня 1918 г. назначил в состав Минусинского уездного комиссариата Майнагашева, Тарелкина и Феокистова. Таким образом, в органах власти, созданных большевиками, представителей хакасского народа не было, в антибольшевистских органах власти, выбранных крестьянско-казачьим населением Минусинского уезда, хакасская интеллигенция принимала активное участие.

Летом 1918 г. по инициативе властей в Аскизе был собран съезд, в работе которого приняли участие 88 хакасских делегатов. В работе съезда приняли участие известные представители хакасской интеллигенции: С. Д. Майнагашев, Н. И. Орешков, Е. П. Саражак, А. В. Барашков, К. П. Амзараков и др.

Военные события 1919 г. мало затрагивали жителей хакасских улусов. Но непопулярные для сибирской общественности идеи и действия правительства А. В. Колчака не способствовали росту поддержки белых хакасским населением. В 1919 г. на хакасское население распространялись мобилизационные мероприятия. В начале лета 1919 г. в Енисейской губернии были призваны в действующую армию 165 хакасов. Но призывники не хотели воевать за пределами своего региона и по пути на фронт частью разбежались [Богущий, 2012, с. 59]. Тем не менее в белой армии на фронте с Советской Россией воевал Хакасский дивизион. Хакасы в составе белых войск принимали участие в боях с красными партизанами на енисейском правобережье, а «инородческие дружины» участвовали в успешной операции по ликвидации прорыва Тальского полка на левобережье в октябре 1919 г.

Для привлечения хакасов на свою сторону в Минусинский уезд в 1919 г. приезжали из Красноярска светские и церковные власти. Газеты сообщали: «Управляющий губернией П. С. Троицкий прибыл 22 мая в Минусинск... В Минусинск прибыл 22 мая епископ красноярский и енисейский Назарий» [Минусинский край, 1990, 24 мая].

В 1919 г. в Енисейской губернии зримо проявились противоречия между русской властью и хакасской национальной элитой. Для решения этих проблем «в Усть-Абаканской управе состоялось совещание представителей хакасских

волостей Минусинского уезда под председательством управляющего Енисейской губернии П.С. Троицкого». В работе совещания приняли участие все руководители Минусинского уезда во главе с управляющим Минусинского уезда П.Н. Тарелкиным, начальником Минусинского военного района подполковником Романенко, главой земства Добровым и атаманом Тялшинским. Хакасское население представляли главы хакасских волостных земских управ и другие известные лица. Сообщая об этом совещании, газеты писали: «И.В. Барашков от главной массы населения говорит, что хакасское население обслуживается уездным земством плохо, представителей от него там нет». [Минусинский край, 1919, 11 июня (29 мая)].

В условиях Гражданской войны мобилизационные мероприятия сопровождались злоупотреблениями и саботажем. Газеты сообщали: «1 февраля, вечером, арестован уполномоченный по организации добровольческой хакасской армии М.А. Добрицкий, которому ставится в вину растрата 28 000 руб. казенных и общественных сумм. По этому же делу арестован бывший бухгалтер минусинского совдепа Савищенко» [Труд, 1919, 4 января (22 декабря 1918)].

После свержения власти большевиков в Минусинске летом 1918 г. хакасские земли оказались в стороне от событий крестьянских восстаний. Действия отряда М.Х. Перевалова и путь отступления отряда П.Е. Щетинкина весной 1919 г. затронул лишь улусы на юге Ачинского уезда. П.Е. Щетинкин писал в своих воспоминаниях, что он с отрядом прошел через Шарыпово, Божье озеро, Учум, Копьево, Марьясово, Светлолобово, при этом нет упоминаний о мобилизации в свою армию хакасов. Минусинская газета так освещала эти события: «Разбитый Щетинкин перебрался из Ачинского уезда в Минусинский, где преследование его энергично продолжается... 5 апреля есаул Бологов из Ужура направил свой отряд в Копьево; другие отряды преследовали красных по пятам. 6 апреля, утром, Бологов вступил в бой под Копьевым. Большевики в панике бежали через горы в Букашкино» [Труд, 1919, 9 апреля (25 марта)].

Летом 1919 г. отступающая в Монголию из Баджея крестьянская армия Кравченко и Щетинкина также не заходила на территорию хакасских улусов. В сентябре 1919 г. крестьянская армия вышла с юга в пределы Минусинского уезда, белые без боя оставили город Минусинск, но красные партизаны не смогли перейти на левый берег Енисея. Наступление на левобе-

режье Минусинского уезда партизаны повели после того, как на Енисее установился лед.

На левобережье Минусинского уезда у красных партизан не было поддержки местного населения. Действовавший в районе Аскиза в декабре 1919 г. отряд сообщал в главный штаб: «Далее преследовать противника невозможно. Масса ему симпатизирует, а к нам относится враждебно. Шпионы повсюду, а у нас проводника нет...». [Государственный архив Новосибирской области (ГАО). Ф. П-5. Оп. 9. Д. 947. Л. 80.]. Кроме казаков, сопротивление оказывали партизанам местное хакасское население, не случайно командир полка Марченко заявлял: «Сюда необходимо силу хорошую и потом пройти всю татарву и загнать в Ачинский уезд» [ГАО. Ф. П-5. Оп. 9. Д. 947. Л. 80.]. Исследователь А.П. Шекшеев утверждает: «Появление на территории инородческого района партизан, которые своей деятельностью усилили прошлые издержки российской колонизации, инициировало первые признаки повстанчества» [Шекшеев, 2014, с. 93].

После прихода Красной армии в Приенисейский край большевики начали борьбу с произволом красных партизан в отношении местного населения в Минусинском уезде. В Минусинский уезд были отправлены части 27-й стрелковой дивизии 5-й армии. Однако партизанский произвол здесь был заменен на «красный террор». Весной 1920 г. были арестованы и расстреляны оставшиеся на родине местные лидеры. В их числе были С.Д. Майнагашев с родным братом. Партизанские лидеры во главе с Кравченко и Щетинкиным также были арестованы, но большевики не решились на открытый суд, отпустили их, а ликвидировали тайно, несколько позже. Таким образом, пришедшая с 5-й армией новая советская власть не стала «заигрывать» с хакасской, как и местной русской интеллигенцией. Не имела она серьезной поддержки и среди бывших красных партизан, но сил Красной армии было достаточно для утверждения своей власти над расколотым социально-экономически и политически населением Минусинского уезда.

Революция и Гражданская война имели серьезные последствия для развития Хакасии и хакасского народа. Политические и социально-экономические катаклизмы революционной эпохи привели к тому, что «инородческие земли» стали осваиваться и закрепляться за русскими рабочими, беженцами и переселенцами. Это вело к противоречиям и конфликтам, в том числе и на национальной основе. Местная русская интеллигенция, имевшая богатый опыт

и традиции взаимодействия с хакасами, в подавляющем большинстве была отстранена от власти большевиками, заменена на «пришельцев» и «назначенцев», далеких от местной истории и культуры.

По причине того, что хакасская элита и большинство всего хакасского народа в Гражданской войне были на стороне антисоветских сил, то после победы большевиков в Сибири хакасы оказались в положении «завоеванных» или «проигравших в войне». При этом революция и Гражданская война пробудили активность

народа, усилили процессы национальной консолидации. Все это, в частности, подтверждается тезисами, озвученными в «Докладной записке о политическом состоянии Хакасского уезда Енисейской губернии с 20 мая по 20 июня 1924 г.»: «Среди хакасов развит антагонизм к русским... Причина этому является преступная агитация против русских более зажиточной части хакасов...»; «установлено, что почти весь цвет хакинтеллигенции принадлежит к антисоветским группам: ээры и др.». [ТАКК. Ф.Р-49. Оп. 2 Д. 130. Л. 132–132об.].

ЛИТЕРАТУРА

1. *Богущий, А.Е.* Призыв хакасского и бурятского населения в Енисейское и Иркутское казачьи войска в период Гражданской войны // Вестник Бурятского государственного университета. – 2012. – № 7. – С. 56–62.
2. *Бутанаев, В.Я., Индыгашев, Б.Я.* Хакасский элемент в истории енисейского казачества // Вестник Хакасского государственного университета им. Н.Ф. Катанова. Вып. II. Сер. 3. История. Право. – Абакан, 2002. – С. 19–22.
3. Гражданская война в СССР. Т. 2. – М.: Воениздат, 1986. – 447 с.
4. *Дальман, Д.* Сибирь с XVI в. и до настоящего времени. – М.: Политическая энциклопедия, 2015. – 438 с.
5. *Добровольский, А.В.* Социалисты-революционеры Сибири в конце 1917 – начале 1920 г. – Новосибирск: Сиб. предприятие Наука РАН, 1999. – 143 с.
6. *Максимов, С.В.* Сибирь: ожидание Гражданской войны (ноябрь 1917 – май 1918 г.) // Гражданская война в Сибири: сборник докладов и статей научной конференции. – Красноярск: Издательский центр Красноярского госуниверситета, 1999. – С. 5–10.
7. *Мамышева, Е.П.* Общественно-политическая деятельность С.Д. Майнагашева // Россия и Хакасия: 290 лет совместного развития. – Абакан, 1998. – С. 126–131.
8. *Сафронов, В.П.* Октябрь в Сибири. – Красноярск: Кн. изд-во, 1962. – 723 с.
9. *Топчиев, В.В.* Воспоминания участников событий 1917 г. в Минусинске как исторический источник // Революция 1917 года: 100 лет спустя. Взгляд из Сибири. Материалы Сибирского исторического форума. – Красноярск: ООО «Лаборатория развития», 2017. – С. 260–263.
10. *Черкасов, И., Козлов, О.* Александр Иванович Бриллиантов (1896 – после 1924): от сельского священника до члена Совнаркома // Сибирский исторический альманах. Т. 2. Сибирь на переломе эпох. Начало XX века. – Красноярск: Версо, 2011. – С. 289–292.
11. *Шекишев, А.П.* Гражданская война на юге Приенисейской Сибири (1918–1922 гг.) // Известия лаборатории древних технологий. – 2014. – № 2 (11). – С. 81–108.
12. *Шиловский, М.* Представительские функции в деятельности земских учреждений в Сибири (1917–1919 гг.) // Сибирский исторический альманах. Т. 2. Сибирь на переломе эпох. Начало XX века. – Красноярск: Версо, 2011. – С. 81–84.

Т. В. Захарова,

Казенное учреждение «Государственный архив социально-правовой документации Республики Алтай» (Россия)

«ДЛЯ СКОРОЙ ПОБЕДЫ»: ТРУДОВОЙ ПОДВИГ ЖЕНЩИН ОЙРОТИИ¹ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

В статье рассматривается один из наиболее сложных периодов в истории Ойротии – годы военного лихолетья. Особое внимание автор уделяет роли женщин-тружениц тыла в организации помощи фронту, перестройке экономики Ойротии в соответствии с задачами военного времени. В работе определено, что основным

фактором, позволившим выполнить стоящие перед регионом задачи, стал женский энтузиазм, позволивший обеспечить фронт всем тем, что требовалось для победы.

Ключевые слова: Ойротия, Великая Отечественная война, женщины, энтузиазм, помощь фронту.

¹ Ойротия (Ойротская автономная область) – административно-территориальная единица РСФСР, существовавшая с 1922 по 1948 г.

T. V. Zakharova,

State institution «Governmental archive of social and legal documentation of the Republic of Altay» (Russia)

«FOR AN EARLY VICTORY»: THE LABOR FEAT OF THE WOMEN OF OIROTIA DURING THE GREAT PATRIOTIK WAR

The article discusses one of the most difficult periods in the history of Oirotia – the years of wartime. The author pays special attention to the role of women – home front workers in organizing assistance to the front, economic reconstruction of Oirotia in accordance with wartime mission. It was determined in the article that the main factor that

made it possible to fulfill the tasks facing the whole region was female enthusiasm, which allowed the front to be provided with all that was needed for victory.

Key words: Oirotia, The Great Patriotic War, women, enthusiasm, assistance to the front.

К концу 1930-х гг. в соответствии с поставленными задачами государству удалось вовлечь женщин Ойротии в общественно-политическую и культурную работу. В условиях коллективизации и индустриализации женские трудовые ресурсы были брошены на выполнение производственных планов и задач: они принимали активное участие в сеноуборочных кампаниях, открытии ясель, ликвидации неграмотности, социалистических соревнованиях, стахановском движении, занимали руководящие должности в колхозах и совхозах, участвовали в деятельности партийных органов власти.

Великая Отечественная война внесла свои коррективы: первоочередной задачей стала помощь фронту.

Работа среди женщин на производстве в тылу организовывалась женскими советами, которыми с 1941 г. по всей стране руководил Комитет советских женщин. Они создавали так называемые «огородные бригады»: выращивали на территории предприятий овощи, которыми подкармливали детей и стариков, отправляли урожаи в детские сады и детские дома, проводили сбор теплой одежды для Красной армии, оказывали помощь в оборудовании госпиталей.

Поскольку с началом войны большая часть мужчин ушла на фронт, то вся тяжесть забот легла на плечи женщин, подростков, стариков. На отдельных предприятиях Ойротии число женщин достигло 65–70% к общему количеству работающих. В 1941 г. на областных курсах трактористок обучалось более двухсот девушек [Суртаева, 2010, с. 85]. К 1943 г. более 80% трактористов и 3/4 комбайнеров в Ойротской области составляли женщины [Казенное учреждение «Государственный архив социально-правовой документации Республики Алтай» (ГА СПД РА). Ф. П-1. Оп. 2. Д. 993. Л. 85]. Именно они пахали, сеяли, заготавливали корма и лес, ухаживали за

скотом, занимали ответственные руководящие должности. Женщины возглавляли две трети полеводческих бригад, руководили 525 животноводческими фермами, 29 трудились бригадиром тракторных бригад, более 90% агрономов составляли женщины, 798 женщин являлись членами правлений колхозов [Кольцов, 2010, с. 15]. Из 500 охотников-промысловиков 83 были женщинами [Красная Ойротия, 1942].

К концу 1941 г. экономику Ойротии удалось перестроить на военный лад. Посевные площади, по сравнению с 1940 г., выросли на 11%, на 8% выросло поголовье крупного рогатого скота, овец и коз – на 21,6%, свиней – на 8%. Увеличилось валовое получение продукции животноводства: по молоку на 11,1%, шерсти на 24,7%. На 9,6% возросли денежные доходы колхозов. Однако, несмотря на увеличение посевных площадей в 1941 г., валовый сбор зерна в среднем по области снизился на 4,7%, не выполнялся план по поднятию продуктивности животноводства: если по плану на одну фуражную корову требовалось надоить 1200 литров, то фактически за 1941 г. было надоено 786 литров. Не выполнялся план по настригу шерсти, наблюдался большой падеж молодняка, взрослого скота и прихолост маточного поголовья [Была война, 2010, с. 215]. Экономические трудности, несомненно, в определенной степени были обусловлены оттоком трудовых ресурсов – более 40 тыс. человек ушли на фронт. Их место заняли женщины, в условиях военного времени занявшие руководящие должности.

К примеру, в Эликманарском аймаке в 12 колхозах из 22 председателями работали женщины. Колхоз «Ойрот Анчи» долгое время считался отстающим в аймаке. В начале 1942 г. председателем этого колхоза была избрана молодая женщина, секретарь комсомольской организации Мария Голышева. В короткий срок она проявила

исключительные способности по руководству хозяйством. Колхоз первым в аймаке закончил весенний сев, первый провел уборку урожая и рассчитался по всем видам поставок с государством, организованно провели колхозники заготовку кормов.

Председателем колхоза имени Молотова работала коммунистка Анна Романовна Шадрина. За полгода работы она добилась резкого перелома в жизни колхоза. Одной из крупнейших сельхозартелей руководила т. Груздева, показавшая себя как умелый организатор, хозяйственник. Колхоз успешно справился с уборочными работами, полностью рассчитался с государством и 1500 пудов хлеба сдал сверх плана [Красная Ойротия, 1943]. Практика показала, что большинство женщин, выдвинутых на руководящую работу, справлялись с ней не хуже мужчин.

Женский энтузиазм стал важным фактором, использованным органами власти для достижения показателей, выполнения и перевыполнения планов. В 1941 г. трактористки Онгудайской МТС на страницах газеты «Красная Ойротия» обратились с призывом ко всем патриоткам Ойротии: «Мы, трактористки Онгудайской МТС, глубоко, как самое дорогое для нас, изучили доклад товарища Сталина, и сердца наши наполнились необыкновенной силой – работать и работать, не жалея сил, для победы над гнусными убийцами, насильниками из гитлеровских шаяк. Призыв товарища Сталина возбудил в нас небывалый прилив энергии. На слова любимого вождя мы отвечаем большевистскими делами. Мы, девушки, уезжаем учиться в краевую школу механизации. И прежде чем выехать в школу, отчислили на строительство танковой колонны «Комсомолец Алтая» по 15 процентов заработанного нами зерна. Многие из нас отчислили по 2 центнера зерна. Обязуемся учиться только отлично. Мы вернемся умелыми водителями машин. Девушки-трактористки! Сейчас развертывается ремонт тракторов. Заботливее относитесь к этому важному делу. Лучше ремонтируйте машины, по-хозяйски подготовьте их к весеннему севу» [Ко всем патриоткам, 1941].

По всей стране развернулись массовые социалистические соревнования, в том числе между женщинами. В 1942 г. в стране развернулось движение женских тракторных бригад. В Горном Алтае в нем приняло участие более 180 женщин [Белоусова, 2010, с. 60]. Трактористки Ойротии взяли на себя обязательства «выработать на каждый пятнадцатисильный трактор 450–550 га при хорошем качестве обработки земли, сэкономить

10% горючего и смазочных материалов и 10% средств, отгруженных на ремонт» [История, 2014, с. 103]. В 1941 г., когда большая часть трактористов Усть-Коксинской МТС ушла на фронт, многие женщины сели за руль тракторов. В их числе была и Зоя Васильевна Тарабрина. Первое время было трудно управлять этой сложной машиной, но упорство, с которым она взялась за работу, победило. С тех пор она из года в год не только выполняла, но и перевыполняла план работ [Красная Ойротия, 1947]. В Онгудайском аймаке в социалистическом соревновании приняло участие 19 женщин-трактористок. Лучшей стала Кымыс Диунова, вспахивавшая ежедневно по две нормы, за что была награждена медалью «За трудовое отличие».

Работая заведующей МТФ колхоза «Дьаны Дьол» Кош-Агачского аймака, тов. Сандыкова добилась в 1942 г. высоких показателей. Государственный план 1942 г. по поголовью крупного рогатого скота фермой был выполнен на 106,4%. Поголовье скота за год увеличилось на 110 голов, или на 10%. Сохранено 316 телят [Красная Ойротия, 1943].

Весной 1943 г. в Абайском молочно-мясном совхозе была создана женская тракторная бригада из 6 человек, бригадиром которой стала комсомолка Аграфена Андреевна Егорова. Бригада активно включилась в социалистическое соревнование. О лучших трактористках бригады, перевыполнивших план, писали в боевых листках, стенгазетах, говорили на совещаниях. Значительны были и показатели: бригадир бригады Аграфена Егорова перевыполнила план на 117%, Агафья Сабашкина – на 124% [Была война, 2010, с. 237–238]. Анна Сигарева из Усть-Коксинского аймака приняла участие в социалистическом соревновании пахарей, перевыполнив норму более чем на 150%. Отличились и женщины-пахари Чойского, Онгудайского амаков, перевыполнив норму вспашки на 200% [Белоусова, 2010, с. 61].

Женщины-передовики сельского хозяйства в условиях военного времени были премированы самым необходимым: ботинками, платьями, чулками, валенками, брюками. В 1944 г., подводя итоги социалистического соревнования по подъему животноводства в области, переходящее Красное знамя было вручено победителю – колхозу «Ойрот» Александровского сельсовета. За полное сохранение молодняка на Доску почета были занесены имена Марии Щербаковой – старшей свиначки, Анны Долговой – телятницы колхоза «Красные орлы», Клавдии Тришкиной – заведующей МТФ колхоза «Путь Ленина»

и других женщин-ударниц [Была война, 2010, с. 225]. Подобные итоги соревнований широко освещались на страницах областных и аймачных газет.

Так, в 1943 г. в газете «Красная Ойротия» была опубликована статья под названием «Оплата за самоотверженный труд», в которой говорилось о том, что «...передовые колхозницы Усть-Коксинского аймака получают дополнительную оплату труда за отличную работу в животноводстве, за перевыполнение планов по выращиванию молодняка, надою коров. Лучшая доярка колхоза “Животновод” тов. Сартакова получила по 1750 литров молока от каждой коровы своей группы, значительно перевыполнив установленный план. За свой стахановский труд она получила от колхоза дополнительно к оплате за трудодни 225 литров молока...» [Красная Ойротия, 1943].

Многие женщины работали чабанами на отдаленных стоянках, добивались лучших в отрасли показателей. Среди них были чабаны прославленного колхоза «Мухор-Тархата» Сары Мандышканова, Барсук Ачинова.

С 1944 г. в целях повышения материальной заинтересованности и улучшения показателей колхозы получили право выдавать работающим на животноводческих фермах сверх установлен-

ной оплаты трудодней дополнительно натурой за перевыполнение заданий по выращиванию молодняка и сохранению взрослого скота. Эта мера позволила обеспечить семьи колхозников минимальными продуктами питания. За 1944–1945 гг. в области в качестве дополнительной оплаты было выдано 99 лошадей, 480 голов крупного рогатого скота, 4102 овец и коз, 346 голов свиней [История, 2014, с. 98].

Подобное ударничество наблюдалось и в других сферах. Ударно трудилась передовая бригада швейной фабрики, возглавляемая А.К. Александровой. Ее члены З. Болгова, Т. Данилова выполнили по три нормы. Работницы промартели «Ойротка» выполняли нормы на 170%, каждая третья работница артели была двухсотницей. Под руководством М.М. Круминой промартель стала лучшей в области и получила переходящее Красное знамя и денежную премию [История, 2014, с. 98].

Таким образом, в годы Великой Отечественной войны в условиях дефицита трудовых ресурсов власть сделала основную ставку на женщин: они заняли руководящие должности, участвовали в социалистических соревнованиях, поднимали экономику страны. Работая на пределе жизненных сил, женщины Ойротии добились значительных результатов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Белоусова, Н.В. К вопросу о социалистическом соревновании молодежи в Горном Алтае в годы Великой Отечественной войны // Горный Алтай в годы Великой Отечественной войны: материалы республиканской научно-практической конференции, Горно-Алтайск, 29 апреля 2010 г. – Горно-Алтайск, 2010. – С. 60–64.
2. Была война... Сборник архивных документов 1941–1945 гг. – Горно-Алтайск, 2010. – 421 с.
3. Войны: материалы республиканской научно-практической конференции, Горно-Алтайск, 29 апреля 2010 г. – Горно-Алтайск, 2010. – С. 13–51.
4. История Горного Алтая: учебное пособие. – Горно-Алтайск, 2014. – 480 с.
5. Кольцов, И.А. Сельскохозяйственное развитие Ойротской автономной области в годы Великой Отечественной войны // Горный Алтай в годы Великой Отечественной войны: материалы республиканской научно-практической конференции, Горно-Алтайск, 29 апреля 2010 г. – Горно-Алтайск, 2010. – С. 85–87.
6. Ко всем патриоткам Ойротии // Красная Ойротия. – 1941. – 26 ноября.
7. Красная Ойротия. – 1942. – 3 апреля.
8. Красная Ойротия. – 1943. – 1 января.
9. Красная Ойротия. – 1943. – 8 марта
10. Красная Ойротия. – 1947. – 1 июля.
11. Суртаева, Г.Н. Трудовой подвиг тыла как составляющая часть победы в Великой Отечественной войне (на примере Горного Алтая) // Горный Алтай в годы Великой Отечественной войны: материалы республиканской научно-практической конференции, Горно-Алтайск, 29 апреля 2010 г. – Горно-Алтайск, 2010. – С. 85–87.

В. А. Печерский,

*Хакасский научно-исследовательский институт языка,
литературы и истории (Россия)*

ДЕВИАЦИИ В ПОВЕДЕНИИ ЖИТЕЛЕЙ ХАКАСИИ В ПОСТСТАЛИНСКИЙ ПЕРИОД (1953–1960)

В статье раскрываются такие примеры девиантного поведения жителей Хакасии, как суицид, пьянство. Автор выводит закономерность между пьянством и суицидом. Он приходит к

выводу, что пьянство являлось одной из причин суицида у взрослого населения.

Ключевые слова: Хакасия, девиации, самоубийства, пьянство, преступность.

V. A. Pechersky,

Khakass Research Institute of Language, Literature and History (Russia)

DEVIATION IN BEHAVIOR OF THE PEOPLE OF KHAKASSIA IN POST-STALIN PERIOD (1953–1960 years)

The article reveals such examples of deviant behavior of the people of Khakassia such as suicide, alcoholism. The author makes a strong correlation between alcoholism and suicide. He concludes that

drinking was one of the causes of suicide in the adult population.

Key words: Khakassia, deviation, suicide, alcoholism, crime.

В начале 1950-х гг. в СССР начался новый этап исторического развития. Страна, до того пережившая раскулачивание, коллективизацию, массовые репрессии, войну и послевоенное восстановление народного хозяйства, вступила в период относительного спокойствия и стабильности, когда граждане Советского Союза могли не опасаться за свое ближайшее будущее. Однако именно в это время был отмечен всплеск девиантного поведения в стране вообще и у населения Хакасии в частности.

Одной из форм проявления девиации были самоубийства. В 1955 г. только в Аскизском районе было зафиксировано 30 случаев самоубийств. А с января по июнь 1956 г. – 7, из них 6 самоубийц были хакасами и 1 русским. Столь частые случаи суицида привлекли внимание Комитета государственной безопасности.

Расследование, проведенное сотрудниками КГБ, показало, что причиной самоубийств были личные неприятности и неудачи, семейные ссоры и боязнь репрессий за злоупотребления по службе. При этом КГБ сообщило обкому КПСС, что «никаких данных, указывающих на причастность к этим самоубийствам враждебного националистического элемента и местных шаманов, получено не было».

Для сведения счетов с жизнью самоубийцы чаще всего выбирали удушение. Так сделал, например, житель Бельтыр М.А. Асочаков, 1921 г.р. Михаил Ананьевич работал налоговым инспектором районного финансового отдела.

Растратив 2 тыс. рублей государственных денег и поссорившись с женой, он заявил, что задушится или зарежется и 5 февраля 1956 г. финансовый работник, избрав первый вариант, ушел из жизни.

Иной способ суицида избрал инспектор Аскизского отдела культуры И.Е. Сукин, 1926 г.р. Иван Ефимович не имел неприятностей на работе, но его семейная жизнь пошла под откос – инспектор изменял жене, в результате чего у него были постоянные скандалы с супругой, и 25 мая 1956 г. он застрелил ее, а потом застрелился сам [ГКУ «Национальный архив». Ф. 2. Оп 1. Д. 2297. Л. 5–6].

Причиной самоубийств были не только семейные и служебные неурядицы, но и душевные муки. Воспитанница Казановского пансионата Нина Мамышева пыталась повеситься, подражая А.И. Ахпашеву, молодому человеку, в которого была влюблена и который незадолго до того покончил с собой. Нина также утверждала, что кто-то призывал ее к самоубийству. В этом случае подтверждаются мысли Э. Дюркгейма: «Не подлежит никакому сомнению, что мысль о самоубийстве обладает заразительностью» [Дюркгейм, 2018, с. 117].

Из беседы члена колхоза им. И.В. Сталина с секретным сотрудником в КГБ узнали, что самоубийства хакасов связаны с их верой в духа-душителя, который нападает на человека в период жизненных невзгод. А заместитель председателя этого колхоза член КПСС И.К. Боргояков сооб-

шил информатору комитета о том, что верит в существование духов и даже назвал ему место, где можно повстречать потусторонние сущности.

Коммунист Боргояков сообщил агенту КГБ, что он думает по поводу самоубийств: «Люди верят – человек в нашем мире находится временно, а жизнь его в том мире постоянная. Здесь, в нашем мире, много всяких трудностей. Трудно жить, а там жить хорошо и без труда».

Более подробно о вредоносной деятельности духов осведомителю КГБ поведал житель Бельтыр шаман Гавриил Асочаков. По его мнению, духи сами решали, каким способом привлечь к себе избранного человека: веревкой, морозом или водой. А душили человека 2 духа: Пунчжах – дух-душитель, принуждающий человека повеситься, и Юзют – удушающий человека изнутри.

Причины самоубийств среди хакасского населения остались до конца не понятны сотрудникам комитета. Ясность в этот вопрос не внесли и беседы, проведенные оперативными сотрудниками областного управления КГБ с родственниками и знакомыми самоубийц [ГКУ «Национальный архив». Ф. 2. Оп. 1. Д. 2297. Л. 5–6].

Традиционные верования были весьма широко распространены у хакасского народа и в середине 1950-х гг., несмотря на ведущуюся уже не первое десятилетие массированную борьбу с религией. Порой формы этих верований приобретали довольно причудливый характер и толкали своих адептов на необдуманные действия.

По классификации Э. Дюркгейма описанные выше случаи самоубийства относились к эгоистическому типу, характерной чертой которого «является состояние томительной меланхолии, парализующей всякую деятельность человека. Всевозможные дела, общественная служба и даже домашние обязанности внушают ему только чувство безразличия и отчуждения» [Дюркгейм, 2018, с. 297]. В таком душевном состоянии находились многие из тех жителей Хакасии, которые решили расстаться с жизнью.

Для предотвращения самоубийств начальник областного управления КГБ майор Соколов считал, что целесообразно было организовать в хакасских улусах систематическое чтение лекций по вопросам происхождения Вселенной, жизни человека, вопросам религии, борьбе с пьянством как источником психических заболеваний. По мнению главного чекиста Хакасии, необходимо было также издать «красочные, понятные для населения листовки, плакаты, бро-

шюры сжатого текста, популярные, написанные доходчивым языком на высоте современных знаний и конкретном материале на самые различные культурно-просветительские темы, в том числе антирелигиозные» [ГКУ «Национальный архив». Ф. 2. Оп. 1. Д. 2297. Л. 13].

Просветительская работа, безусловно, помогла бы сократить число самоубийств, однако уменьшить это явление до минимума было невозможно без оказания должной психологической помощи людям, поскольку сводили счеты с жизнью представители самых разных слоев населения, относившиеся к разным национальностям и по самым разным мотивам.

Так, в Ширинском районе рядовой милиционер Балахчинского поселкового отделения Я. Г. Колмаков, 1927 г. р., поссорившись с сожительницей, 15 февраля 1956 г. застрелился из табельного пистолета [ГКУ РХ «Национальный архив». Ф. 2. Оп. 1. Д. 2298. Л. 22–23].

В 1959 г. добровольно расстались с жизнью 74 жителя Хакасии, из них в Аскизском районе – 15, Усть-Абаканском – 10, Ширинском – 10, Орджоникидзевском – 5, Таштыпском – 4, в Алтайском, Богградском и Бейском районах по 3. В Абакане – 11, Черногорске – 10.

Среди самоубийц 46 были русскими, 21 хакас и 7 представителей других национальностей. По своей воле ушли из жизни 63 мужчины и 11 женщин. 24 самоубийцы работали в совхозах, 3 – в колхозах, 3 – в тресте «Хакасуголь», 43 – на горнодобывающих предприятиях, 4 – в торговле, 3 – в лесной промышленности, 4 – на железнодорожном транспорте, 19 – на других предприятиях и учреждениях, 10 – нигде не работали [ГКУ РХ «Национальный архив». Ф. 2. Оп. 1. Д. 2620. Л. 1–2]. Количество самоубийств в Аскизском районе значительно снизилось по сравнению с 1956 г. Меры по борьбе с этим негативным явлением дали положительный результат. Половой состав самоубийц подтверждает тот факт, что мужчины более склонны к добровольному уходу из жизни, чем женщины. Доминирование среди самоубийц работников горнодобывающих предприятий показывает, насколько сильно возросло значение этого вида промышленности в области и, соответственно, количество занятых в ней.

Повешение как способ добровольного ухода из жизни избрали 49 человек, застрелились – 15, другими способами расстаться с жизнью воспользовались 10. Так, четверо работников совхозов бросились под движущиеся трактора, 3 – отравились с помощью уксусной эссенции и морфия. Оригинальный, но наиболее доступный для себя способ ухода из жизни выбрал взрывник

Саралинского рудоуправления А. Н. Григорьев, взорвавший себя с помощью похищенной на работе взрывчатки.

Мотивами самоубийств были тяжелые болезни или неприятности на любовном фронте. Жертвой несчастной любви была работница треста «Хакасуголь» Т. Н. Филиппенко, 1939 г. р. Тамара Николаевна сошлась с женатым коллегой А. Г. Поповым. После развода с женой Попов не пожелал вступать в повторный брак с любовницей, и обиженная Тамара плеснула в лицо Попову кислотой, однако тот удачно увернулся и травм не получил, последнее сильно взволновало девушку, и 15 июля 1959 г. она повесилась на воротах ограды дома Попова, оставив предсмертную записку: «Во всём виноват он. Он загубил мою жизнь, и я отдаю ему ее».

Цепную реакцию вызвало самоубийство жителя поселка Немир Усть-Абаканского района А. А. Чертыкова, произошедшее 17 июля 1959 г. В день поминок застрелился присутствовавший там Я. В. Котюбеев, а через полгода покончил с собой сын Я. В. Котюбеева.

Пытались наложить на себя руки и дети. 15 апреля 1959 г. на окраине Абакана был обнаружен с петлей на шее и доставлен в больницу в бессознательном состоянии пятиклассник абаканской школы №13 Олег Федоров. В кармане брюк мальчика была обнаружена прощальная записка: «Мама, никого не вини, я сам собою пожертвовал жизнью в 11 часов. Все». Исследование причин, толкнувших Олега на столь отчаянный шаг, открыло неприглядную картину его жизни. Его мать и отчим оба инвалиды второй группы, не работали, и семья из пяти человек жила очень бедно. Олег часто пропускал школу, потому что вынужден был оставаться с двумя младшими детьми, пока мать навещала мужа в больнице. Из-за этого он плохо учился, ходил в школу в рваной одежде и обуви, за что подвергался насмешкам со стороны других детей. На уроке был прочитан рассказ, герой которого, школьник, тоже отстал от товарищей по учебе и решил покончить с собой. Это и послужило последней каплей, заставившей Олега принять страшное решение [ГКУ РХ «Национальный архив». Ф. 2. Оп 1. Д. 2620. Л. 3–5].

Не слишком веселой была жизнь у третьеклассницы из Аскизского района Тани Тютюбеевой. Мать чрезмерно загружала ее работой по дому, заставляла пасти овец. Девочка жаловалась на головные боли и чрезмерную занятость. 20 августа 1959 г. Таня обнаружила повесившегося соседа, этот факт потряс ее, и на следующий день она удавилась на кусте чере-

мухи [ГКУ РХ «Национальный архив». Ф. 2. Оп 1. Д. 2620. Л. 3–5].

Самоубийства детей происходили вследствие непонимания к серьезности их проблем взрослыми. Невнимание к детским заботам порою приводило к трагедиям, детская психика не выдерживала сваливавшегося на нее груза.

Основной причиной самоубийств тех, кто перешел порог совершеннолетия, было пьянство. Практически все взрослые самоубийцы в момент суицида находились в состоянии опьянения. В 1959 г. 51 человек в момент самоубийства был пьян, из них 26, будучи пьяными, раньше покушались на свою жизнь [ГКУ РХ «Национальный архив». Ф. 2. Оп 1. Д. 2620. Л. 9].

По мнению Н. Б. Лебиной, в исследуемый период алкоголь по инициативе властных и идеологических структур превращался в средство контроля над настроениями населения» [Лебина, 2015, с. 122]. Настроения же эти порой были ужасны.

Не только подавляющее большинство самоубийств, но и ряд преступлений совершались под действием алкогольных паров. В 1958 г. в области более 90% случаев хулиганства и около 80% умышленных убийств были совершены в состоянии опьянения.

Рост потребления алкоголя происходил параллельно с ростом соответствующих видов преступлений. Так, в Черногорске в 1950 г. на каждого взрослого жителя города было продано 8,9 литров водки, а в 1958 г. – уже 19. В 1958 г. областной потребительский союз продал водки на 14% больше, чем в 1957 г. Абаканторгом в 1958 г. было продано водки на 20% больше, чем в предыдущем году. При этом если в 1948 г. в Хакасии было совершено 8 убийств, то в 1958 г. – уже 64. Количество же случаев хулиганства за этот период выросло в 6 раз [ГКУ РХ «Национальный архив». Ф. 2. Оп 1. Д. 2519. Л. 10].

В состоянии алкогольного опьянения происходило и большинство несчастных случаев со смертельным исходом. В 1958 г. в Хакасии 16 человек погибли в дорожно-транспортных происшествиях. Задохнулись от рвотных масс, утонули и замерзли в состоянии опьянения – 27 [ГКУ РХ «Национальный архив». Ф. 2. Оп 1. Д. 2519. Л. 39].

С одной стороны, продажа алкоголя приносила государству немалый доход, с другой – потребление алкоголя представляло собой большую общественную опасность. Государство боролось с пьянством разными способами.

Н.С. Хрущев в распространении пьянства обвинял систему торговли и предприятия общественного питания. Никита Сергеевич так обрисовал ситуацию: «Торговцы на каждом углу продают водку, вышел человек из дома, и тут же она к его услугам. Спаиваете вы людей» [Лебина, 2015, с. 123].

Победить пьянство не помогло ни сокращение мест торговли горячительными напитками, ни усиление культурно-воспитательной работы среди населения.

Стимулировало пьянство и весьма распространенное в сельской местности самогонование. В 1950-е гг. в СССР усилилась борьба с этим явлением, особенно после Постановления ЦК КПСС и Совета Министров СССР «Об усилении борьбы с пьянством и самогонованием» от 15 декабря 1958 г. За 1959 г. в Хакасии мили-

ционеры изъяли и уничтожили 186 самогонных аппаратов, 260 литров самогона и 812 ведер браги [ГКУ РХ «Национальный архив». Ф. 2. Оп 1. Д. 2619. Л. 8].

С середины 1950-х гг. над людьми не довлел страх ареста или гибели на войне. Чувство свободы и безопасности зачастую провоцировали отклонения от нормы, так как исчезал страх наказания, а скучная обыденная жизнь требовала острых ощущений.

Основной же причиной проявлений девиации было чрезмерное потребление алкоголя, которое часто было нормальным средством общения, и проведения свободного времени. Предложить же полноценную альтернативу такому времяпрепровождению на тот момент государство не могло.

ЛИТЕРАТУРА

1. Дюркгейм, Э. Самоубийство. – М.: Изд-во АСТ, 2018. – 448 с.
2. Лебина, Н.Б. Повседневность эпохи космоса и кукурузы: Деструкция большого стиля: Ленинград, 1950–1960-е годы. – СПб.: Крига, 2015. – 484 с.

*Т. А. Кискидосова,
Хакасский научно-исследовательский институт
языка, литературы и истории (Россия)*

ПОВСЕДНЕВНОЕ ПРОСТРАНСТВО ПРОВИНЦИАЛЬНОГО СИБИРСКОГО ГОРОДА В СОВЕТСКИЙ ПЕРИОД

В статье рассмотрены новые направления в изучении повседневной истории города. Особое внимание обращено на междисциплинарный подход в изучении городского пространства.

Ключевые слова: город, городское пространство, повседневность, историческая урбанистика.

*Т. А. Kiskidosova,
Khakass Scientific Research Institute of
Language, Literature and History*

EVERYDAY LIVING SPACE OF THE PROVINCIAL SIBERIAN CITY IN THE SOVIET PERIOD

The article deals with new directions in the study of the daily history of the city. Particular attention is paid to the interdisciplinary approach in the study of urban space.

Key words: city, urban space, everyday life, historical urbanism.

История повседневности подразумевает несколько школ, изучающих повседневную жизнь общества. Во второй половине XX в. появление модернистских социологических концепций стало важным шагом к выделению исследований повседневности в отрасль науки. История

повседневности нашла свою собственную трактовку в рамках различных школ и направлений. Ученые Великобритании, Германии, Италии, Франции внесли существенный вклад в изучение истории повседневности [Бродель, 1986–1992; Ле Гофф, 1992 и др.]. Значимым представляется

введение в научный оборот Ф. Броделем понятие «структуры повседневности», под которым понимаются способы организации пространства человеческой жизни (интерьер, ландшафт, архитектура); поведение и общение людей (обряды, обычаи, традиции, ритуалы, этикет), что способствовало как терминологическому оформлению нового методологического направления, так и определенного круга вопросов, включаемых в историю повседневности.

В настоящее время в мировой науке сосуществуют два основных понимания истории повседневности – как реконструирующий ментальный макроконтекст событийной истории и как реализация приемов микроисторического анализа.

Большое внимание уделяется изучению истории городской повседневности. С начала 1990-х гг. изучением городской повседневности стали заниматься российские исследователи. В отечественной историографии были разработаны новые подходы к изучению истории города. Сформировались такие направления, как культурная и новая интеллектуальная история, новая социальная история и новая городская история (*urban history*). Последнее направление предлагает в рамках междисциплинарного подхода проводить исторический анализ [Репина, 2009; Румянцева, 1999, с. 57–69].

Понятие «город» многомерно и возможно, поэтому может стать объектом междисциплинарного изучения. Интерес к «социологии повседневности» и превращение ее в самостоятельное направление в рамках наук об обществе вызвали к жизни сходные изменения и в историческом знании. В настоящее время город изучается в традиционных для урбанистики аспектах и на междисциплинарной основе в рамках истории повседневности. В отечественной историографии появились работы, посвященные повседневности больших и малых городов нашей страны в различные эпохи. Повседневная история городов XX в. рассмотрена в трудах О.Л. Лейбовича, Е.Ю. Зубковой, Н.Б. Лебиной, И.В. Нарского и др. [Лейбович, 2008; Зубкова, 2000; Лебина, 1999; Нарский, 2001 и др.].

В последние годы в сибирской историографии тема провинциального города особенно актуальна. Повседневной жизни сибирских городов в советский период посвящены работы В.И. Исаева, Е.И. Красильниковой, А.М. Иминохоева, А.Г. Елизова, А.В. Мордвинцевой, А.Г. Борина и др. В частности, Е.И. Красильникова рассмотрела повседневную жизнь Новосибирска в контексте взаимодействия

пространства повседневности – городской среды и горожан с целью удовлетворения разноуровневых потребностей последних [Красильникова, 2008].

Современные исследования повседневного городского пространства чаще всего носят междисциплинарный характер и связаны с достаточно широким кругом проблем. Ученые-урбанисты разной направленности выходят на новый уровень изучения истории городов [Бессмертный, 1990; Репина, 2009; Румянцева, 1999]. Э. Бриггс предложила использовать в исторических исследованиях концепцию урбан-социологии [Бриггс, Клэвин, 2006]. Исторические исследования в междисциплинарном пространстве способствуют появлению новых принципов, понятий, проблем, методов и приемов изучения города. В частности, *Urban history*, рассматривающая социокультурные подходы к истории города, включая соотношение города и городского пространства в микроисторическом, культурном и семиотическом аспектах, а также в контексте повседневных городских практик и городских локальных микросообществ. В рамках междисциплинарного подхода исследовано городское пространство города Ставрополя в работе Т.А. Булыгиной. Автор предлагает рассматривать городское пространство в категориях микроистории, семиотики, имагологии [Булыгина, 2017].

Специфика города как пространства взаимодействия проявляется в особенностях городского образа жизни, в признаках влияния города на личность. Повседневная городская история связана с особенностями и видами организации окружающего пространства и пространством конструирования идеальных образов мышления и поведения человека и его внешнего вида. По мнению Н.Л. Пушкаревой, история повседневности подразумевает отрасль исторического знания, предметом изучения которой является сфера человеческой обыденности во множественных историко-культурных, политико-событийных, этнических и конфессиональных контекстах. В центре внимания истории повседневности лежит комплексное исследование образа жизни и его изменений у представителей разных социальных слоев, их поведения и эмоциональных реакций на жизненные события [Пушкарева, 2004, с. 3].

Сложность феномена «история городской повседневности» продиктована ограничением рамок исследования во времени и пространстве и использованием локального подхода, что обеспечивает возможность всестороннего рассмотрения города и людей, в нем проживающих.

Согласно исследователям «новой локальной истории», город представляет собой городское локальное сообщество в национальной и мировой истории, внутри которого развивалось множество локальных сообществ – от семьи до корпорации и прихода, от дома до улицы и района. Все эти локусы сопровождалось созданием как общегородской символики, так и символов этого микросообщества. Сторонники «новой локальной истории» выделяют социокультурный подход и контекстность исторического анализа. На основе локального подхода можно изучать региональные особенности города. Семиотическое городское пространство включает расположение улиц и их названия, места памяти, природные ландшафты, которые человек наполняет определенными смыслами [Булыгина, 2011, с. 86–87].

При исследовании городского пространства целесообразно отталкиваться от структурно-функционального подхода, который позволит не только выявить различные связи между структурными элементами города, но и оценить их с точки зрения функциональности. Ретроспективный принцип предусматривает использование современных знаний для изуче-

ния проблемы в прошлом, предполагая проверку выводов исторического исследования данными последующей практики.

В социологии городское пространство в основном рассматривается через социокультурный подход, который основывается на изучении социальных отношений и культурных смыслов в единстве. Современные социологи города тяготеют к синтетическому подходу в рассмотрении многочисленных феноменов, касающихся взаимодействия общества и городских пространств. Исследования носят междисциплинарный характер и связаны с широким кругом проблем: изучение структуры городского пространства [Мякинников, 2008, с. 110–114; Заборова, Исламова, 2013, с. 97–101; Хуснутдинова, Дембич, Закирова, 2016, с. 28–35 и др.].

Таким образом, историю повседневного пространства города необходимо рассматривать в рамках компаративного источниковедения и междисциплинарных исследований. На основе новых подходов можно выявить новые пути изучения и проанализировать прошлое и настоящее городов.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Бессмертный, Ю.Л.* Споры о главном. К итогам международного коллоквиума «Школа “Анналов” вчера и сегодня» // Новая и новейшая история. – 1990. – №6. – С. 123–131.
2. *Бродель, Ф.* Материальная цивилизация, экономика и капитализм. XV–XVIII вв. В 3 т. – М.: Прогресс. – 1945 с. (Т. 1. Структуры повседневности: возможное и невозможное; Т. 2. Игры обмена; Т. 3. Время мира).
3. *Бриггс, Э., Клэвин, П.* Европа нового и новейшего времени: с 1789 года и до наших дней. – М.: Весь мир, 2006. – 600 с.
4. *Булыгина, Т.А.* Город и его пространство: попытка исторического измерения // Новое прошлое. – 2017. – №3. – С. 82–95.
5. *Ле Гофф, Ж.* Цивилизация средневекового Запада. – М.: Изд. Группа «Прогресс», «Прогресс-Академия», 1992. – 376 с.
6. *Заборова, Е.Н., Исламова, А.Ф.* Город как социальное пространство // Социологические исследования. – 2013. – №2. – С. 97–101.
7. *Зубкова, Е.Ю.* Послевоенное советское общество: политика и повседневность. 1945–1953 гг. – М.: РОССПЭН, 2000. – 229 с.
8. *Красильникова, Е.И.* Жизнь в городе-акселерате: обеспечение потребностей новосибирцев в межвоенное время. – Новосибирск: НГТУ, 2008. – 253 с.
9. *Лебина, Н.Б.* Повседневная жизнь советского города. 1920–1930-е гг. – СПб.: «Нева» – «Летний сад», 1999. – 320 с.
10. *Лейбович, О.Л.* В городе М. Очерки социальной повседневности советской провинции в 1940–1950-е гг. – М.: РОССПЭН, 2008. – 295 с.
11. *Мякинников, С.П.* Экологическая экспликация пространства городской культуры // Вестник Кузбасского государственного технического университета. – 2008. – №1. – С. 110–114.
12. *Нарский, И.В.* Жизнь в катастрофе. Будни населения Урала в 1917–1922 гг. – М.: РОССПЭН, 2001. – 633 с.
13. *Пушкарева, Н.Л.* Предмет и методы изучения «истории повседневности» // Этнографическое обозрение. – 2004. – №5. – С. 3–19.
14. *Репина, Л.П.* «Новая историческая наука» и социальная история. – М.: ЛКИ, 2009. – 320 с.
15. *Румянцева, М.Ф.* Урбанизация как проблема сравнительно-исторического исследования: методологические аспекты феноменологического подхода // Урбанизация в формировании социокультурного пространства. – М., 1999. – С. 57–69.
16. *Хуснутдинова, С.Р., Дембич, А.А., Закирова, Ю.А.* Социально-экологические факторы формирования комфортной среды урбанизированных территорий // Географический вестник. – 2016. – №4 (39). – С. 28–35.

СОВРЕМЕННАЯ МОЛОДЕЖЬ И ПРОБЛЕМА ДВУЯЗЫЧИЯ В ТУВЕ

Данная работа посвящена изучению проблемы двуязычия и основных тенденций развития этноязыковых процессов среди молодого поколения Тувы. Анализ показал, что в ряду этноязыковых проблем местной тувинской молодежи, прежде всего, следует назвать довольно значительную численность слабо владеющих русским языком. Вместе с тем, по данным нашего исследования, современная молодежь

осознает и все больше ощущает объективную потребность и необходимость в знании и качественном владении языком межнационального общения. Работа основана на материалах официальной статистики и результатах этносоциологических исследований.

Ключевые слова: молодежь, Тува, языковые процессы, русский язык, проблема двуязычия, слабое владение языком.

Z. V. Aniban,

Institute of Oriental Sciences (Russia)

CONTEMPORARY YOUTH AND THE PROBLEM OF BILINGUALISM IN TUVA

This work is devoted to the study of the problems of bilingualism and the main tendencies in the development of ethno-linguistic processes among the young people of Tuva. The analysis showed that among the local ethnolinguistic problems of local Tuvan youth should be called a fairly high percentage of insufficient knowledge of the Russian language. At the same time, according to our research, today's young people are aware and

increasingly feel the objective need and the need for knowledge and quality knowledge of the language of international communication. The study is based on official statistical materials and the results of ethnopsociological survey.

Key words: youth, Tuva, language processes, Russian language, problem of bilingualism, poor language skills.

В числе основных проблем, обозначившихся в постперестроечный период в этноязыковой жизни Тувы, следует назвать проблему слабого владения русским языком значительной частью местной молодежи – представителей титульного этноса. Сказанное в большей степени касается молодежных групп, проживающих в сельской местности. Вместе с тем, как демонстрируют результаты последней Всероссийской переписи населения 2010 г., численность владеющих русским языком среди титульной национальности в Туве довольно внушительна. Этот показатель по республике составил 81,9%, в столице еще больше – 91% [Итоги Всероссийской переписи населения 2010 г., 2013, с. 2168]. Для сравнения отметим, что, по данным предыдущей переписи (2002), численность тувинцев, знающих русский язык, была еще выше и достигала 84,4% [Итоги Всероссийской переписи населения 2002 г., 2004, с. 23]. Таким образом, из материалов переписи следует, что в настоящее время среди тувинцев отмечается довольно высокий, ранее для них нехарактерный показатель владения русским языком. С нашей точки зрения, данное обстоятельство обусловлено несколько завышенной

самооценкой владеющих языком, а также наблюдаемой в настоящее время актуализацией этнической идентификации, одним из проявлений которого на первых порах было обращение к родному языку, а в дальнейшем и к знанию других языков, в числе которых владение русским языком как языком межнационального общения в разных регионах Российской Федерации вновь стало позитивным и престижным явлением. Иными словами, вопреки приведенной статистике названная выше проблема в языковой жизни населения Тувы остается и на сегодняшний день все еще не снимается с повестки дня. Подтверждением тому служат результаты нашего исследования, осуществленного среди местной молодежи.

Так, по данным нашего опроса, осуществленного по проекту «Современная молодежь Тувы и Хакасии: этносоциальный портрет» (2015), свободно владеют русским языком среди тувинцев 63%, что, на наш взгляд, больше соответствует реальному положению вещей. При этом уровень владения русским языком в городе и на селе существенно отличается: практически вся тувинская молодежь, выросшая и живущая в

городе, двуязычна, «свободно говорит, читает и пишет на русском языке». Кроме того, по признанию подавляющего большинства молодых горожан, во всех сферах жизни – на работе, во время учебы, в семье и в общественных местах – они в равной степени используют как тувинский, так и русский языки (87%). Иная ситуация на селе: здесь в речевом поведении молодых, независимо от сферы применения, фигурирует только родной язык (93%) [Материалы этносоциологического исследования, 2015].

Безусловно, сложившаяся языковая ситуация обусловлена спецификой этнического состава населения данной республики. Как мы знаем, численность представителей титульной национальности – тувинцев в республике существенно превалирует. По результатам Всероссийской переписи населения 2010 г., численность тувинцев в республике составила 82%, русских – 16,3%, представителей других национальностей – 1,7%. За период между двумя последними переписями доля русских заметно сократилась (с 20,1% в 2002 г. до 16,3% в 2010 г.), а доля тувинцев, наоборот, несколько возросла (с 78,5% в 2002 г. до 82% в 2010 г.) [Итоги Всероссийской переписи населения 2002 г., 2004, с. 1858]. Таким образом, в Туве процент русских, второй по численности этнической группы республики, составляет менее пятой части всей численности населения, доля других национальностей – бурятов, белорусов, украинцев, немцев, хакасов и др. – не достигает 2% [Социально-экономическое положение, 2012, с. 62].

С другой стороны, имевшее место в постперестроечные годы в Туве недостаточное внимание со стороны соответствующих инстанций к развитию русского языка и в определенной степени индифферентное отношение к нему со стороны местного населения в конечном счете сказалось на уровне владения им, прежде всего в молодежной среде. Не секрет, что сегодня весьма слабое знание русского языка, особенно сельскими школьниками, является одной из основных причин неконкурентоспособности выпускников тувинских школ при поступлении в вузы. На это также в процессе экспертного опроса указывали наши респонденты. Данный опрос был осуществлен нами летом 2017 г. среди тех, кто лучше других знает социально-экономические и этнокультурные проблемы республики, – руководители соответствующих ведомств и организаций, политики, педагоги, лидеры местных общественных организаций, журналисты (всего было опрошено 30 человек). Так, говоря о «болевых» этнокультурных проблемах республики,

эксперты в большинстве своем указывали на слабое владение или зачастую незнание русского языка жителями села. При этом в числе основных факторов чаще всего называли этнически однородный состав подавляющего большинства сельских поселений республики и отсутствие языковой практики для дальнейшего совершенствования полученных знаний через активное речевое поведение.

В этой связи необходимо сказать, что на снижение роли русского языка и заметное сокращение численности владеющих им в значительной степени повлияли такие серьезные индикаторы, как начавшийся с начала 1990-х гг. и практически продолжающийся по сей день, хотя и не такими темпами, как ранее, миграционный отток русскоязычных жителей из республики, главным образом из сельских поселений Тувы. В свою очередь, это обстоятельство, кроме всего прочего, породило и другую проблему – нехватку учителей русского языка и литературы в сельских школах, а в некоторых случаях и в городских. Отсюда снижение уровня и качества владения русским языком, сужение круга межличностного общения и соответственно языковой практики, что в наибольшей степени коснулось молодежи. Об этой проблеме, о трудностях ее решения при нашей встрече говорили и преподаватели Тувинского государственного университета. В частности, по их мнению, молодые люди, выходцы из сельской глубинки, продолжают испытывать языковые сложности уже будучи студентами, поскольку в данном вузе преподавание большинства учебных дисциплин, как правило, ведется на русском языке.

Между тем нельзя не сказать о том, что соответствующие органы республики уделяли и продолжают уделять значительное внимание этой проблеме. В этой связи достаточно обратиться к недавним наиболее значимым инициативам и мерам руководства республики, направленным непосредственно на улучшение сложившейся этноязыковой ситуации в регионе. Так, в 2013 г. было принято решение об учреждении в республике Года русского языка. В конце этого же года Правительством республики была утверждена Государственная программа развития русского языка в Туве на 2014–2018 гг., в которой «одним из узловых пунктов» программы был вопрос о кадровом обеспечении школ специалистами русского языка, особое внимание уделялось закреплению учителей русского языка и литературы в сельских школах. В Туве, первом из российских регионов, по инициативе главы республики введена должность главного государственного

инспектора по русскому языку в ранге заместителя министра образования и науки, при котором был создан Общественный совет [В Туве стартует год русского языка, 2014, электронный ресурс]. По информации пресс-службы Правительства Тувы, инициативы республики по развитию русского языка были оценены на федеральном уровне как достойные применения в других регионах России, где существуют аналогичные проблемы. В частности, это касается вопроса привлечения в школы учителей русского языка, являющихся его носителями. Главная цель данного проекта – создать русскую языковую среду в школах сельских поселений с мононациональным тувинским населением. На предложение откликнулись учителя из Красноярского и Пермского краев, Иркутской области, Республики Башкортостан и других регионов. Для участия в проекте все они прошли конкурсный отбор [Тувинский опыт развития русского языка, 2017, электронный ресурс].

Как мы отмечали в своих предыдущих публикациях, билингвизм в республике, впрочем, как и в подавляющем большинстве других республик Российской Федерации, имеет односторонний характер. Показательно, что по результатам нашего исследования в рамках проекта «Проблемы адаптации народов Южной Сибири к новым реалиям жизни» (2006) из числа опрошенных русских жителей Тувы, впрочем, как и на Алтае и в Хакасии, не нашлось ни одного, который бы в той или иной мере владел языком титульной национальности. Можно предположить, что с тех пор вряд ли ситуация как-то кардинально изменилась, поскольку явных признаков на то пока что не зафиксировано. И все же скорее в качестве пожелания следует сказать, что в перспективе хотелось бы, чтобы русские, живущие в разных национальных российских регионах, осваивали языки титульных этносов, поскольку это способствует не только языковому и культурному взаимодействию и взаимообогащению, но и налаживанию дружеских контактов и общению, предотвращению разного рода межэтнических конфликтов и напряженности.

Таким образом, можно констатировать, что в этноязыковых процессах в Туве роль русского языка, в первую очередь как языка межнационального общения, в дальнейшем будет только возрастать. Как показала практика, глобализационные процессы, явления мультикультурализма, условия и требования современной жизни диктуют необходимость хорошего знания представителями титульной национальности, помимо родного и других языков, в числе которых по многим объективным и субъективным факторам на территории Российской Федерации на первом месте стоит русский язык. Не секрет, что в условиях российской действительности именно владение русским языком открывает возможности приобщения не только к духовно-культурным ценностям других этнических групп, проживающих на данной территории, но и благодаря ему и через него – к достижениям мировой цивилизации. Кроме того, можно предположить, что немало важным стимулом активного приобщения тувинской молодежи к русскому языку служат конкретные примеры успешного социально-профессионального продвижения среди тех, кто знал языки и тем самым смог интегрироваться в мировое сообщество. Как показали наши исследования, в том числе использование метода включенного наблюдения, на данном этапе среди молодежи Тувы, фактически рожденной и выросшей уже в постсоветский период, не наблюдается спада интереса к русскому языку, наоборот, отмечается понимание объективной необходимости в знании этого языка. Хотя, как было сказано, в пореформенные годы в сельской местности республики русский язык значительно утратил свои позиции. В настоящее время, несмотря на названные проблемы, имеющиеся в процессах тувинско-русского двуязычия, в большей степени присущие молодежным группам, позиции русского языка в Туве в целом достаточно прочны и устойчивы, он объективно востребован. В этой связи хочется надеяться, что в республике и в дальнейшем будут создаваться необходимые условия для благоприятного функционирования русского языка.

ЛИТЕРАТУРА

1. Итоги Всероссийской переписи населения 2010 года. – М.: ИИЦ «Статистика России», 2013. – Т. 4. – 2917 с.
2. Итоги Всероссийской переписи населения 2002 г. Национальный состав и владение языками, гражданство. – М.: ИИЦ «Статистика России», 2004.
3. Материалы этносоциологического исследования по проекту «Современная молодежь Тувы и Хакасии: этносоциальный портрет» (2015). – Текущий архив Отдела истории Востока Института востоковедения РАН.

4. Социально-экономическое положение Республики Тыва за 2011 г. Статистический сборник. – Кызыл: Тывастат, 2012. – 128 с.
5. В Туве стартует Год русского языка. 2014. Электронный ресурс. – <http://kizil.bezformata.com/listnews/startuet-god-russkogo-yazika/1725499>. – (Дата обращения: 04.03.2019 г.).
6. Тувинский опыт развития русского языка распространяется на регионы Северного Кавказа. 31 октября 2017 г. Электронный ресурс. – <https://www.facebook.com/tuvpravitelstvo/posts>. – (Дата обращения: 10.01.2018 г.).

Е. Е. Тиникова,

Хакасский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории (Россия)

ОСНОВНЫЕ ТRENДЫ РАЗВИТИЯ ЭТНИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ СРЕДИ ГОРОДСКИХ ХАКАСОВ¹

Статья посвящена анализу влияния городского образа жизни на этнические процессы в среде хакасского народа, такие как этническая консолидация и мобилизация, размывание этнической идентичности. Автор предлагает исследовать этническую трансформацию хакасов

горожан на основе сопоставления их с русским городским населением региона, а также с хакасами, проживающими в сельской местности.

Ключевые слова: урбанизация, этнические процессы, хакасы, межэтнические отношения, город.

Е. Е. Tinikova,

Khakass Scientific Research Institute of Language, Literature and History (Russia)

THE MAIN TRENDS OF DEVELOPMENT OF ETHNIC PROCESSES AMONG THE URBAN KHAKASS

The article is devoted to the analysis of the influence of urban lifestyle on the ethnic processes among the khakass people, such as ethnic consolidation and mobilization, erasure of ethnic identity. The author suggests to explore the ethnic transformation of the khakass urban people on the

basis of their comparison with the russian urban population of the region, as well as with the khakass living in rural areas.

Key words: urbanization, ethnic processes, the khakass, interethnic relations, city.

Анализ этнической трансформации коренных жителей любого национального региона необходим для решения одной из ключевых проблем современной российской урбанистики – проблемы оценки отечественной модели урбанизации, поскольку целостная картина урбанизационного развития страны с учетом ее протяженности и уникального исторического прошлого отдельных ее субъектов не может сложиться без детального анализа урбанизационных процессов в конкретных регионах России. В национальных субъектах специфика протекания урбанизационных процессов всегда так или иначе связана с этническим фактором. Однако до сих пор на материалах Хакасии данный тезис не был ни подтвержден, ни опровергнут. Между тем в современной науке существует несколько попыток встраивания республики в общерос-

сийскую модель урбанизационного развития [Тиникова, 2018, с. 238–239], но все они не учитывают в полном объеме специфику национальных субъектов страны и поэтому не отражают реальную картину их городского развития.

Данная статья подготовлена на основе статистических данных Всесоюзной переписи населения 1989 г. и Всероссийских переписей населения 2002 г. и 2010 г., материалах текущего учета населения, представленных на официальном сайте Федеральной службы государственной статистики (<http://www.gks.ru>) в разделе «Демография». Также при сборе и обработке эмпирического материала использован анкетный опрос (выборка – 1500 человек). Количественный его анализ проведен с помощью применения пакета программ SPSS.

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ (проект № 18-39-00074 мол_а).

Урбанизация хакасов началась значительно позже восточнославянских народов, проживающих в регионе. В начале XXI в. хакасский этнос остается относительно слабоурбанизированным, так как доля хакасов горожан так и не достигла 50%-го рубежа. Согласно устоявшейся классификации этносов по уровню их урбанизированности, к категории этносов с несостоявшимся урбанизационным переходом относятся этносы, доля городского населения у которых близка к урбанизационному переходу и составляет от 45,1 до 49,9%, а также этносы с удельным весом городского населения менее 45%. Последняя Всероссийская перепись населения 2010 г. зафиксировала, что хакасы относятся именно к последнему типу этносов. По мнению исследователей, «в условиях стабилизации роста урбанизации в стране темпы роста численности городского населения среди этносов данной группы высоки» [Черкасов, 2013, с. 9]. Связано это с замедлением темпов роста городского населения в целом по России: в период с 1989 по 2010 г. доля горожан в стране выросла всего на 0,3%.

Действительно, темпы урбанизации хакасов сегодня опережают средний показатель по стране. В результате если в 1989 г. 35,6% хакасов проживали в городских поселениях республики, то в 2010 г. – 37,2%.

В связи со сравнительно поздним включением хакасов в процессы урбанизации в регионе они вписались в уже сложившиеся города, где преобладало русское население, не сформировав собственные городские поселения. Большая часть городского коренного населения сегодня проживает в Абакане – более 70% всех городских хакасов Хакасии (28,2% всех хакасов республики).

Хакасы-мигранты достаточно быстро адаптируются в городе, так как сегодня уже достаточно сложно провести четкую границу между городом и селом: «сельская» среда уже не является типично сельской. Особенно если речь идет о крупных селах или расположенных близко к городским поселениям. Жители таких сел часто бывают в городе, а зачастую работают там.

Проведенные среди хакасов социологические опросы свидетельствуют о том, что сельское коренное население республики имеет достаточно широкую и объективную информацию о городском образе жизни. Это обусловлено следующими обстоятельствами. Во-первых, многие респонденты имеют опыт проживания в городе в период получения среднего специального

или высшего профессионального образования. Во-вторых, значительная часть респондентов работали или сейчас работают в городе. В-третьих, миграции в города привели к тому, что подавляющее большинство респондентов в сельской местности имеет близких родственников в городах (98,2% опрошенных в селе хакасов) [Кривоногов, 2011, с. 22]. Контакты же с городскими родственниками и друзьями способствуют распространению урбанистических форм культуры в сельской местности.

Урбанизационные процессы среди коренного населения Хакасии способствуют резкому учащению разного рода контактов тюркского народа с окружающим населением, что влечет за собой перманентную межэтническую интеграцию и ассимиляцию. Данные тренды не могут не сказаться на проблеме этнической идентичности хакасов, особенно если речь идет о метисах, рожденных в смешанных браках.

В 2018 г. с целью определения факторов и уровня адаптации хакасов к городским условиям в Хакасии был проведен этносоциологический опрос. Для эмпирического исследования были выбраны представители двух основных этнических групп – хакасов и русских. Согласно выборке, в республике было опрошено по 500 городских хакасов и 500 русских, а также 500 сельских хакасов, имеющих опыт проживания в городе, но вернувшихся обратно в сельскую местность.

Для выявления позиции этнической идентичности в иерархии групповых идентичностей хакасов в опроснике был включен вопрос: «Кем Вы ощущаете себя в первую очередь?». 30% всех хакасов вне зависимости от места их проживания указали категорию этнической принадлежности. При этом ответы на поставленный вопрос среди городских и сельских хакасов различались. В городе ответ «хакас/хакаска» был вторым по популярности (36,4% опрошенных) после ответа «житель Республики Хакасия» (62,6%), в то время как на селе категория национальности фигурировала лишь у 23,6% респондентов и значительно уступала таким вариантам ответа, как «житель Республики Хакасия» (69,4%) и «сельский житель» (51,2%). Подобного рода ситуация уже была зафиксирована среди бурятского этноса. Исследователи объясняют данный феномен «более высокой интенсивностью в городе этномобилизационных процессов и большей вовлеченностью людей в них, что и выражается в актуализации этнической идентичности», а также «действием психологических защитных механизмов» [Амоголонова, 2005, с. 124].

Интересно, что городские хакасы при этом чаще, чем сельские, не ощущают себя частью своего народа – 5,8% опрошенных в городе против 5% на селе.

По-разному респонденты-хакасы отвечали на вопрос «Что роднит Вас с людьми Вашей национальности?». Городские хакасы среди предложенных в анкете параметров этнической принадлежности наиболее важными посчитали культуру, традиции и обряды своего народа (57,9%), далее в порядке убывания за ними следовали язык (52,7%), родная земля, природа (38,8%), историческое прошлое (29,8%), территория (23,1%), внешний облик (17,3%). Приоритетным параметром этнической идентичности сельских хакасов оказался язык (56,8%), на втором месте – культура, традиции, обряды (53,8%), остальные ответы шли в том же порядке, что и у городских, но с разной степенью значимости: родная земля, природа (51,2%), историческое прошлое (28,8%), территория (25,8%), внешний облик (13,2%).

Наиболее сильным этнодифференцирующим признаком считается язык [Дагбаев, 2010, с. 136]. Между тем в Хакасии, где численность хакасов на протяжении XX – начале XXI века колебалась в районе 12%, несмотря на юридическое признание равноправного функционирования русского и хакасского языков в качестве государственных, хакасский язык так и не стал повсеместно использоваться. Хакасский язык сегодня занесен в Красную книгу исчезающих языков ЮНЕСКО. Неуклонно сокращается число хакасов, говорящих на родном языке. В динамике это можно проследить на основе сопоставления двух этносоциологических опросов 2007 и 2018 гг. Если в 2007 г. совершенно свободно владели родным языком чуть менее половины опрошенных хакасов – 42% [Грошева, 2007, с. 64], причем преимущественно проживающих в сельской местности, то сегодня их количество сократилось до 35,5% (среди городских хакасов – 37,6%, среди сельских – 33,4%). В 2007 г. пятая часть коренного населения говорила на хакасском языке с большими затруднениями, каждый десятый вообще не говорил на нем. Сегодня эти цифры выросли до 23,3% и 15,5% соответственно. Если на бытовом уровне дома хакасский язык использует каждый четвертый сельский респондент и каждый пятый городской, то в производственной сфере почти во всех возрастных и социально-профессиональных группах основным языком общения является русский язык.

Несмотря на то, что культуру, традиции и обряды своего народа указали как основной

признак этнической принадлежности большинство городских хакасов, 24,3% из них не знают и не отмечают хакасских праздников, а также не готовят блюда хакасской кухни. Среди популярных хакасских праздников у горожан были названы Тун Пайрам (34,4%) и Чыл Пазы (31,0%). Национальные блюда, которые готовят городские хакасы дома, – суп-угре (42,5%), хан (21,1%), потхы (20,9%).

Еще одним важным для хакасов маркером этнической идентификации являются антропологические признаки. Внешнее отличие хакасов от основной массы горожан европейской внешности значительно затрудняет их адаптацию в городской среде. Есть основания полагать, что зачастую именно внешний облик делает межгрупповую дистанцию более значимой, чем весь остальной набор культурных и политических характеристик [Тишков, 1997, с. 25].

Несмотря на рост численности городского населения хакасской национальности в постсоветский период, их доля среди горожан республики остается незначительной. В 1989 г. она составляла 5,5%, в 2002 г. – 6,2%, в 2010 г. – 6,8%. Конечно, в этих условиях внешние отличия хакасов бросаются в глаза. Изучение антропологических признаков как одних из наиболее значимых в процессе этнической идентификации сегодня практически не начато. Во многом это связано со сложностью изучения данного предмета исследования, а также обусловлено идеологическими причинами.

Среди городских хакасов быстрее протекает процесс этнической консолидации. Связано это во многом со степенью распространения этнически разнородных браков: их количество в городе традиционно выше, чем на селе. Опрос 2008–2009 гг. зафиксировал максимальные показатели межэтнической брачности «у наиболее малочисленных групп, для которых характерно дисперсное расселение, – шорцев и койбалов, минимальные – у самой многочисленной группы – сагайцев» [Кривоногов, 2011, с. 86].

Результаты названного опроса 2008–2009 гг. также показали, что среди опрошенных хакасов 0,7% являются противниками браков между представителями различных хакасских субэтносов. При этом многие хакасы негативно относились к национально-смешанным бракам. В городской местности 21,6% опрошенных хакасов высказали отрицательное отношение к ним, в сельской – 20%. Нейтральное или положительное отношение к подобным брачным союзам в городе остановилось на отметке 75,7%, в селе – 80%. Более распространены опасения

в отношении угрозы ассимиляции через заключение национально-смешанных браков в среде хакасской интеллигенции. Для людей с высшим образованием характерно стремление к внутринациональному общению [Кривоногов, 2011, с. 194].

Социологический опрос 2018 г. позволил проследить динамику развития данного показателя. За десять лет отношение к межнациональным бракам стало более лояльным. Среди городских хакасов 30% опрошенных уже положительно оценивают возможность заключения подобных союзов, среди сельских было зафиксировано такое же количество. Считают, что национальность в браке не имеет значения 53,3% городских хакасов, 50% сельских. 8% хакасов горожан полагают, что смешанные браки негативно влияют на нацию или разрушают ее, в селе подобные взгляды более распространены – 13,2% опрошенных. Для сравнения на вопрос «Как вы относитесь к смешанным межнациональным бракам?» русские, проживающие в городах Хакасии, ответили следующим образом: 29,6% положительно, 50% нейтрально, 10,6% негативно, остальные затруднились ответить.

Известно, что урбанизация является одним из факторов, стимулирующих процесс этнической мобилизации, когда этничность влияет на конкурентную борьбу за ресурсы [Скворцов, 1999, с. 27]. Конкуренция этнических групп в основном проявляется в двух основных подсистемах общественной жизни – экономической и политической.

Экономическая конкуренция может проявляться в разделении труда. Проведенное в начале XXI в. социологическое исследование показало, что между русскими и хакасами существовала профессионально-отраслевая специализация: русские были заняты в основном в отраслях тяжелой промышленности с хорошей оплатой и богатой социальной базой, в то время как хакасы преимущественно были трудоустроены в мелких предприятиях легкой и пищевой промышленности с невысокой заработной платой [Остапенко, 2003, с. 4]. В результате социологический опрос 2006 г. продемонстрировал, что большинство хакасов (85%) были неудовлетворены своим материальным положением, среди русских этот показатель был ниже – 64% [Анайбан, 2006, с. 5]. При этом хакасы ощущали социально-экономическое неравенство между собой и русскими, и это проявлялось в том числе в разных возможностях социального роста.

Данные социологического опроса 2018 г. свидетельствуют о том, что за последние годы удов-

летворенность своим материальным положением как у русских, так и у хакасов возросла. Сегодня 47,8% русских и 52,2% хакасов горожан вполне удовлетворены уровнем своего материального достатка. В деревне количество хакасов данной категории значительно меньше – всего 32,2%.

Большинство хакасов горожан (54%) весьма позитивно оценивают перспективы улучшения своего материального положения в ближайшие годы, только 7% опрошенных на вопрос «Как изменится Ваше материальное положение через год?» полагают, что оно ухудшится.

Политическая конкуренция проявляется обычно в политизации этничности, когда этнические группы начинают бороться за контроль над политическими ресурсами общества [Скворцов, 1999, с. 27]. На материалах Хакасии подобного рода исследования не проводились. Поэтому говорить о степени политизации хакасского этноса пока преждевременно.

В результате проведенного социологического исследования были выявлены следующие векторы этнической трансформации хакасов в городских поселениях. Во-первых, несмотря на то, что процесс этнической консолидации хакасов до сих пор не завершен, стирание границ между хакасскими субэтнотами в городе происходит значительно быстрее, чем в деревне. В условиях полиэтничной городской среды хакасы вынуждены быстрее интегрироваться, забывая о существующих субэтнических различиях. Угроза ассимиляции народа именно в городской среде даже визуально бросается в глаза. Поэтому неудивительно, что в городе растет количество межсубэтнических браков, которые все чаще одобряются со стороны коренных жителей.

Во-вторых, ассимиляционные процессы в городе обостряют проблему этнической идентичности хакасов. Исследование показало, что для хакасов горожан этническая идентичность актуализирована в большей степени, чем для сельчан. Этот тренд идет в русле общероссийского направления развития этнических процессов в городской среде. Центром исследования межнациональных отношений Института социологии РАН уже доказано, что в городе этническая идентичность более значима, чем в сельской местности [Дробужева, 2013]. Город как агрессивная для этничности среда стимулирует процесс этнической мобилизации, что подтверждается приведенными выше данными, свидетельствующими о наличии конкурентной борьбы между этносами республики за ресурсы. Конечно, это влечет за собой стремление среди

части хакасского народа защитить свой народ, отгородиться от «враждебной» среды.

В-третьих, город влияет на межэтнические установки коренных жителей республики, что выражается в разном отношении жителей различных типов поселений к межэтническим бракам как главному критерию оценки этноцентризма. В полиэтническом городском обществе межэтнические браки сегодня довольно стандартное явление, поэтому и отношение к ним среди городских хакасов лояльнее, чем у сельских.

В целом можно сделать вывод о том, что этническая трансформация городских и сельских хакасов имеет общий вектор развития, но многие этносоциальные процессы в городской среде протекают быстрее, нежели на селе. Урбанизация, таким образом, оказывает влияние не только на национальную хакасскую культуру и традиции, но также формирует новые социальные стратегии поведения хакасов, предугадать последствия которых пока невозможно.

ЛИТЕРАТУРА

1. Амоголонова, Д.Д., Елаева, И.Э., Скрынникова, Т.Д. Бурятская этничность в контексте социокультурной модернизации (постсоветский период). – Иркутск: Изд-во РПЦ «Радан», 2005. – 246 с.
2. Анайбан, З.В., Тяхтенева, С.П. Этнокультурная адаптация населения Южной Сибири (современный период). – М.: Институт востоковедения РАН, 2008. – 217 с.
3. Грошева, Г.В. Этничность в научном и политическом дискурсе современной Хакасии (конец XX – начало XXI века) // Вестник Томского государственного университета. – 2007. – № 303. – С. 61–68.
4. Дагбаев, Э.Д. Бурятская этническая идентичность: между традицией и модернизацией // Вестник Бурятского государственного университета. – 2010. – № 6. – С. 134–141.
5. Дробижеева, Л.М. Исчезает ли этничность в городской среде? Некоторые ответы на загадки большого города // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. – 2013. – № 3 (27). – С. 73–83.
6. Кривоногов, В.П. Хакасы в начале XXI века: современные этнические процессы. – Абакан: Хакасское книжное издательство, 2011. – 252 с.
7. Остапенко, Л.В. Социально-экономические аспекты адаптации русских и хакасов к условиям трансформирующегося общества (по материалам этносоциологического исследования в Хакасии). Информационно-аналитический бюллетень № 1. – М.: Институт этнологии и антропологии РАН. Центр по изучению межнациональных отношений, 2003. – 26 с.
8. Скворцов, Н.Г. Этничность: социологическая перспектива // Социс. – 1999. – № 1. – С. 21–31.
9. Тиникова, Е.Е. Трансформация городского расселения в национальных республиках Южной Сибири в середине XX – начале XXI века // Новые исследования Тувы. – 2018. – № 4. – С. 235–257.
10. Тишков, В.А. Идентичность и культурные границы // Идентичность и конфликт в постсоветских государствах. – М.: Московский центр Карнеги, 1997. – С. 15–43.
11. Черкасов, А.А. Мониторинг этнических аспектов урбанизации в России на основе гис-технологий: автореф... дис. кан. геогр. наук. – Ставрополь, 2013. – 23 с.

*Г. М. Шапошников,
Хакасский научно-исследовательский институт
языка, литературы и истории (Россия)*

ПРОДОВОЛЬСТВЕННОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ НАСЕЛЕНИЯ РЕСПУБЛИКИ ХАКАСИЯ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

В статье показывается, как решалось и решается проблема продовольственного обеспечения населения, в том числе мясом и молоком, пред-

лагаются пути решения этого вопроса через поддержку населения.

Ключевые слова: продовольственное обеспечение, хозяйство населения.

*G. M. Shaposhnikov,
Khakass Scientific Research Institute
of Language, Literature and History (Russia)*

FOOD SUPPLY FOR THE PEOPLE OF THE REPUBLIC OF KHAKASSIA: HISTORY AND MODERN STATE

The article shows the way to solve the problem of food supply to the people, including meat and

milk, offers ways to solve this question through the support of the population.

Key words: food supply, people's economy.

Проблема обеспечения населения продуктами питания первой необходимости, к которым относятся хлеб, мясо и молоко, во многом зависит от собственного производства и состояния подсобных хозяйств. Так, в 2015 г. в РФ было произведено скота и птицы на убой (в убойном весе) на одного жителя 67 кг, а молока на одного жителя – 210 кг [Агропромышленный комплекс, 2016, с. 30]. В Республике Хакасия в 2015 г. было произведено скота и птицы на убой (в убойном весе) на одного жителя 48,8 кг., молока – 350,9 кг [Экономика, 2016, с. 78]. Таким образом, Хакасия производит молока больше, чем в целом по Федерации, а по производству мяса отстает, хотя в 2012 г. производила больше, чем в настоящее время. Причина – банкротство Подсиненской птицефабрики. Она производила мяса птицы около 8 тысяч тонн, а это было почти 20% от всего объема производимого скота и птицы на убой. Вроде бы неплохие результаты. Однако до физиологических норм потребления произведенной продукции (мясо и молоко) не хватает. Так, до физиологических норм потребления Хакасии не хватает собственного производства мяса 40%, а по молоку – около 10%. По физиологическим нормам необходимо потреблять человеку в год мяса 81 кг, молока 305 кг [Аграрная, 2002, с. 13].

Если анализировать производство мяса и молока в целом по РФ, видно, что 22% мяса и 44% молока производится в хозяйствах населения или ЛПХ [Агропромышленный комплекс, 2016, с. 532]. В то же время на долю ЛПХ в РФ по итогам 2015 г. по производству мяса (скота и птицы на убой в убойной массе) приходится 78%, а по производству молока – 71% [Экономика, 2016, с. 70–78]. Можно констатировать, что почти 3/4 производства животноводческой продукции в Хакасии приходится на частные хозяйства населения. Между тем история существования хозяйств населения или ЛПХ претерпевала за последние 100 лет значительные изменения. Так, до начала коллективизации государство даже выдавало кредиты для содержания и расширения деятельности ЛПХ [Роль жителей, 2015,

с. 105]. Для этого был создан бедняцкий фонд. Затем, как известно из истории, в период коллективизации для ЛПХ было ограничено количество содержания скота. Но в середине 50-х гг. XX в. был принят ряд мер, благоприятствующих развитию ЛПХ: в 1953 г. снижены, а с января 1958 г. полностью отменены обязательные поставки государству сельскохозяйственных продуктов от хозяйств населения [Крестьянство, 1991, с. 177], что способствовало росту поголовья животных в хозяйствах населения, особенно коров, свиней и овец. Так, в 1960 г. по сравнению с 1950 г. рост поголовья коров в Хакасии составил 13%, свиней – в 7 раз, овец и коз – в 1,7 раза [Хакасской, 1980, с. 46]. Но вскоре в политике государства возобновилась тенденция на свертывание развития личных подсобных хозяйств. Все это привело к резкому сокращению поголовья скота в личной собственности населения. Так, с января 1959 г. по январь 1961 г. в РСФСР поголовье крупного рогатого скота уменьшилось на 23% [Народное, 1965, с. 29]. В Хакасии в 1965 г. по сравнению с 1960 г. поголовье крупного рогатого скота в хозяйствах населения выросло всего на 1%, тогда как в общественном секторе оно выросло на 7% [Хакасская, 1967, с. 42]. Столь незначительный рост поголовья скота в хозяйствах населения объясняется тем, что только в 1964 г. отменили ограничения содержания животных в хозяйствах населения. К 1966 г. поголовье крупного рогатого скота в хозяйствах населения, по сравнению с 1965 г., увеличилось на 8% [Хакасская, 1967, с. 44].

Тенденция роста поголовья скота, содержащегося в частных подворьях, сохранилась до 1990 г., и его число, по сравнению с 1970 г., выросло на 11%. Поголовье крупного рогатого скота Хакасии за это время выросло на 29% [Хакасская, 1990, с. 42]. До конца 1990-х гг. хозяйства населения играли незначительную роль в общем объеме производства всей животноводческой продукции. Так, на долю ЛПХ приходилось в 1989 г. в государственных закупках скота и птицы (в убойном весе) около 12%

[Хакасская, 1990, с. 50]. И только с началом преобразований в конце XX и начале XXI в. доля ЛПХ значительно увеличилась и достигла в производстве мяса 74%, а в производстве молока 71% [Экономика, 2016, с. 78].

Тенденция увеличения доли ЛПХ в производстве животноводческой продукции будет и дальше расти, так как в последнее время наметилась тенденция сокращения как сельскохозяйственных организаций, так и крестьянских (фермерских) (К(ф)Х) хозяйств.

Так, по данным электронного ресурса, по итогам 2018 г. прекратили свою деятельность (закрылись) 98 К(ф)Х [<http://vg-news.ru/n/139407>].

Между тем личным подсобным хозяйствам в Хакасии помогают только в малых селах, где их менее 100 хозяйств. И при подведении итогов соревнования между сельскими муниципальными образованиями развитие ЛПХ не учитывается.

В то же время в последние годы наметилась тенденция сокращения содержания животных хозяйствами. Так, на территории Кировского сельского совета Алтайского района из 512 подворий содержат скот только 212 подворий, или 42% [Советы, 2016, с. 38]. А на территории села Весеннее Усть-Абаканского района, а это в 150 км от Абакана, содержат скот только в 274 подворьях из 306, это 75% [Целина, 2017, с. 98]. В то же время на территории Есинского сельского совета Аскизского района не содержат скот только 25% хозяйств населения [Проблемы,

2018, с. 199]. Все это, как нам представляется, приводит к сокращению поголовья животных в целом по Хакасии. Так, по данным электронного ресурса, на конец мая 2019 г. поголовье крупного рогатого скота в хозяйствах всех категорий составляло около 173,7 тыс. голов (на 6,3% меньше по сравнению с аналогичным периодом предыдущего года), из них коров – 74,0 тыс. голов (на 6,8% меньше по сравнению с аналогичным периодом прошлого года), поголовье свиней – 34,6 тыс. голов (на 27,2% меньше по сравнению с аналогичным периодом прошлого года), овец и коз – 314,8 тыс. голов (на 5% меньше по сравнению с аналогичным периодом прошлого года), птицы – 572,1 тыс. голов (на 7,7% меньше по сравнению с аналогичным периодом прошлого года) [https://news.yandex.ru/story/V_khozyajstvakh_KHakasii_podschitali_rozhki_da_nozhki-d43d9655446892cf8e827a6693ceb36c?lr=1095&lang=ru&stid=IRMN&persistent_id=67698736&rubric=Abakan&from=region].

Для увеличения производства, прежде всего животноводческой продукции, необходимо, как нам представляется, больше поддерживать развитие хозяйств населения Хакасии, путем выделения денежных средств на содержание животных во всех населенных пунктах республики. И при оценке эффективности деятельности органов местного самоуправления обязательно учитывать рост поголовья животных, в том числе в хозяйствах населения.

ЛИТЕРАТУРА

1. <http://vg-news.ru/n/139407>. – (Дата обращения: 04.06.2019).
2. https://news.yandex.ru/story/V_khozyajstvakh_KHakasii_podschitali_rozhki_da_nozhki-d43d9655446892cf8e827a6693ceb36c?lr=1095&lang=ru&stid=IRMN&persistent_id=67698736&rubric=Abakan&from=region. – (Дата обращения: 05.06.2019).
3. Аграрная экономика: учебник. 2-е изд., перераб. и доп. / Под ред. М. Н. Малыша. – СПб.: Издательство «Лань», 2002. – 668 с., ил. – (Учебники для вузов. Специальная литература).
4. Агропромышленный комплекс России в 2016 году. Министерство сельского хозяйства Российской Федерации. – Москва, 2017. – 720 с.
5. Крестьянство и сельское хозяйство Сибири, 1960–1980-е гг. – Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1991. – 493 с.
6. Народное хозяйство РСФСР в 1963 году. Стат. ежегодник. – М., 1965. – с. 294.
7. Проблемы активизации трудовой деятельности сельского населения. Материалы республиканской научно-практической конференции, посвященной 75-летию села Бельгирское. – Абакан: ООО «Книжное издательство «Бригантина», 2018. – 244 с., цв. илл.
8. Роль жителей в социально-экономическом развитии территории. Материалы республиканской научно-практической конференции, посвященной 180-летию со дня образования аала Доможаков и 70-летию Победы в Великой Отечественной войне. – Абакан: ООО «Книжное издательство «Бригантина», 2015. – 256 с.
9. Советы и социально-экономическое развитие территории. Материалы республиканской научно-практической конференции, посвященной 195-летию со дня образования Покаяковского (с 1976 года Аршановского) сельского совета. – Абакан: ООО «Книжное издательство «Бригантина», 2016. – 254 с., с ил.
10. Хакасская автономная область в цифрах за 60 лет. Госкомстат РСФСР. Управление статистики Хакасской автономной области. – Абакан, 1990. – 100 с.
11. Хакасская автономная область за годы советской власти. Статистическое управление Хакасской

- автономной области (для служебного пользования, экземпляр № 19). Абакан, 1967. – С 112.
12. Хакасской автономной области 50 лет. ЦСУ РСФСР. Статистическое управление Хакасской автономной области Красноярского края. – Абакан, 1980. – 100 с.
13. Целина и социально-экономическое развитие Хакасии. Материалы республиканской научно-практической конференции, посвященной 60-летию со дня образования Целинного сельского совета (27 октября 2017 года). – Абакан: ООО «Книжное издательство «Бригантина», 2017. – 250 с., ил.
14. Экономика Республики Хакасия в 2015 году: стат. сборник в 2-х частях. Часть 2. Хакасстат. – Абакан, 2016. – 234 с.

О.Л. Лушникова

Хакасский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории (Россия)

АДАПТАЦИОННЫЙ ПОТЕНЦИАЛ МИГРАНТОВ ИЗ СЕЛЬСКОЙ МЕСТНОСТИ ХАКАСИИ¹

Статья посвящена исследованию адаптационных процессов в Республике Хакасия, а именно – оценке адаптационного потенциала мигрантов из сельской местности. Статья основана на материалах социологического опроса (N=1000), проводившегося среди бывших сельских жителей, которые переехали в городские поселения республики (равное количество русских и хакасов). Результаты показали, что среди представителей коренного этноса немного выше образовательный уровень приезжих, чем среди

русских. Однако уровень материального благосостояния русских, участвовавших в опросе, выше, чем среди хакасов. Вместе с тем большая часть как русских, так и хакасов все же не планирует обратно возвращаться в село, что может служить основанием достаточно высокого адаптационного потенциала для приезжего населения.

Ключевые слова: социальная адаптация, сельские мигранты, адаптационный потенциал, русские, хакасы, Хакасия, городская среда.

О. L. Lushnikova,

Khakass Research Institute of Language, Literature and History (Russia)

THE ADAPTATION POTENTIAL OF RURAL MIGRANTS IN KHAKASSIA

This work was supported by a grant from the President of the Russian Federation for the state support of young Russian scientists – candidates of sciences (No. МК-6401.2018.6)

The article explores the adaptation processes in the Republic of Khakassia, namely the assessment of the adaptation potential of rural migrants. The base is the materials of a sociological survey (N=1000) conducted among villagers, moved to urban settlements of the Republic (equal number of Russians and Khakass people). The results show the

higher educational level of indigenous ethnic group in compare with Russian people. However, the level of material well-being of the Russians respondents is higher than among the Khakass people. But the both Russian and Khakass people still don't plan to return to the village, it proved the sufficiently high adaptive potential for the rural migrants in Khakassia.

Key words: social adaptation, rural migrants, adaptation potential, Russian people, Khakass people, Khakassia, urban environment.

В Хакасии городское население преобладает (69,3%) [Регионы России, 2018, с. 591], причем две трети (62,4%) горожан являются приезжими, т.е. проживают в городских поселениях не с рождения [Итоги Всероссийской переписи, 2012в, с. 330]. По национальному составу в республике преобладает русское население, представители коренного этноса составляют

около 12% от общей численности населения [Итоги Всероссийской переписи, 2012в, с. 575]. Результаты исследований показывают, что русские и хакасы по-разному адаптируются в условиях городской среды [Остапенко, 2003]. Фокус данного исследования направлен на оценку адаптационного потенциала основных этнических групп Хакасии в условиях городской среды.

¹ Работа выполнена при поддержке гранта Президента Российской Федерации для государственной поддержки молодых российских ученых – кандидатов наук (№ МК-6401.2018.6).

По мнению исследователей, уровень образования положительно влияет на успешность адаптации [Свиридов, 2002, с. 93]. Результаты социологического исследования, проведенного среди

приезжих из села русских и хакасов (N=1000) показали, что образовательный уровень хакасов, переехавших в город, немного выше по сравнению с приезжими русскими (см. табл. 1).

Таблица 1

Образовательный уровень русских, хакасов в Республике Хакасия и опрошенных мигрантов (в % от указавших уровень образования)

	Среднее (полное) общее	Начальное, среднее профессиональное	Высшее, незаконченное высшее
русские	19,6	39,0	22,1
хакасы	24,8	32,9	19,6
опрошенные русские	23,2	41,4	35,4
опрошенные хакасы	16,2	48,4	35,4

Составлено по: Итоги Всероссийской переписи, 2012а. С. 436–437; Итоги Всероссийской переписи, 2012б. С. 1362–1363.

Хотя доля респондентов с высшим уровнем образования среди обеих этнических групп одинаковая (35,4%), среди хакасов больше людей с начальным и средним профессиональным образованием. Среди русских почти четверть (23,2%) опрошенных имеют лишь среднее полное образование. Однако в целом образовательный уровень русских, проживающих на территории республики, выше по сравнению с хакасами. Среди русских выше доля людей, имеющих профессиональное образование (начальное, среднее и высшее). Более высокий уровень образования опрошенных хакасов, возможно, связан с более высоким адаптационным потенциалом представителей коренного населения. Исследования середины 2000-х гг. показывали, что хакасы ощущали социально-экономическое неравенство, которое выражалось в неравных возможностях социального роста [Остапенко, 2003, с. 3].

Вместе с тем именно осознание неравенства (в т. ч. численного) увеличивало готовность хакасов прилагать все усилия, чтобы изменить жизнь к лучшему, среди русских доля таких людей была меньше. Можно также предположить, что к миграции более склонны люди с высоким уровнем образования и соответственно с более высоким уровнем притязаний, стремящихся улучшить свою жизнь путем переезда в город.

Вместе с тем более высокий образовательный уровень приезжих хакасов не гарантирует им более выгодные условия труда. Результаты опроса показали, что среди мигрантов хакаской национальности больше тех, кто занимается неквалифицированным физическим трудом (20,7%), преимущественно это грузчики, уборщики, разнорабочие (см. рис. 1). Среди русских превалирует категория работников, чей труд связан с общением в сфере обслуживания (29,2%), в основном это продавцы-консультанты.

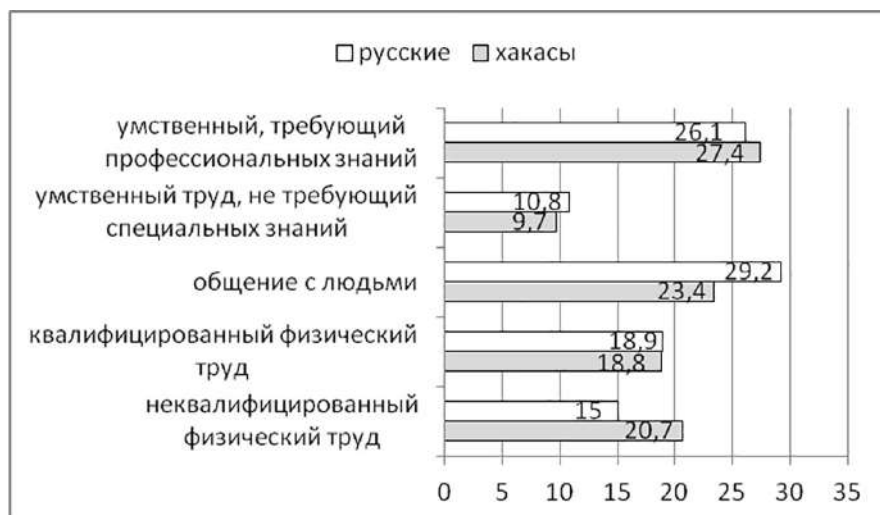

Рис. 1. Характер труда по месту работы среди опрошенных русских и хакасов (в % от работающих)

На уровень адаптационного потенциала приезжего населения существенное влияние оказывает «стартовый» капитал бывших сельских жителей. Согласно результатам исследований, только незначительная часть сельчан при переезде в город может позволить себе сразу приобрести жилье. Основная часть приезжих в силу экономических причин вынуждена арендовать жилье [Бреславский, 2011, с. 24], причем траты

на оплату съемного жилья, как правило, составляют значительную часть расходов бывших сельских жителей.

Результаты опроса показали, что уровень обустройства приезжих из села в городских условиях (в частности, жилищные условия) у представителей разных национальностей различный (см. рис. 2).

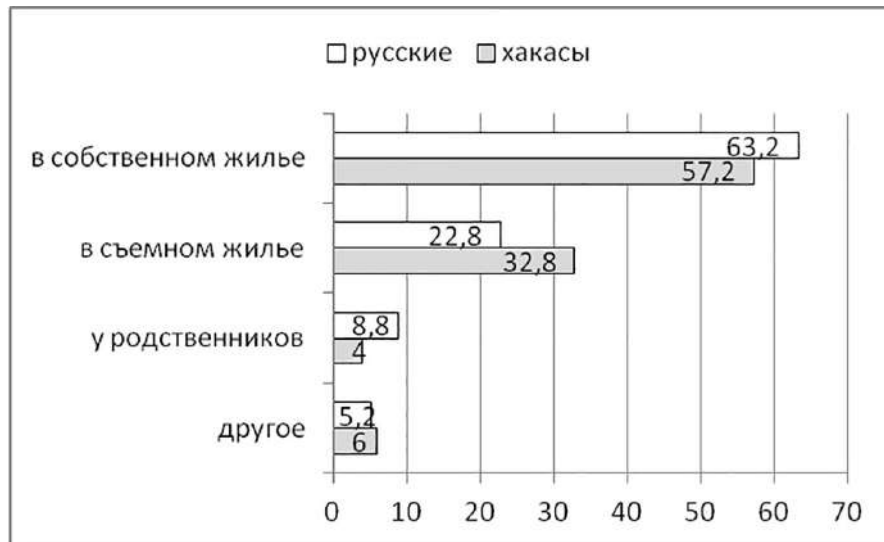

Рис. 2. Жилищные условия приезжих из села русских и хакасов (в % от опрошенных)

Среди русского населения почти две трети (63,2%) проживает в собственном жилье, среди хакасского населения таковых чуть больше половины (57,2%). Кроме того, доля хакасов, проживающих в съемном жилье, по сравнению с русскими, больше: треть опрошенных хакасов (32,8%) снимает квартиру, дом или комнату, а среди русских – около четверти (22,8%).

Для хакасов отсутствие собственного жилья представляется главной проблемой, стоящей на

пути их закрепления в городе. Треть приезжих хакасов (30,3%) ответили, что именно этот фактор может послужить причиной их возвращения обратно в сельскую местность. Среди русских доля таких людей меньше – всего одна пятая (19,7%). Вместе с тем более половины русских и хакасов все же не планирует возвращаться обратно в село, что является свидетельством достаточно высокого адаптационного потенциала приезжего из сельской местности населения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бреславский, А.С. Сельские мигранты в пространстве постсоветского Улан-Уде // Известия Алтайского государственного университета. – 2011. – №4–1 (72). – С. 22–25.
2. Итоги Всероссийской переписи населения 2010 года: в 11 т. Федер. служба гос. статистики. – М.: ИИЦ «Статистика России», 2012. – Т. 3: Образование. – 1291 с.
3. Итоги Всероссийской переписи населения 2010 года: в 11 т. Федер. служба гос. статистики. – М.: ИИЦ «Статистика России», 2012. – Т. 4: Национальный состав и владение языками, гражданство, кн. 2. – 1256 с.
4. Итоги Всероссийской переписи населения 2010 года: в 11 т. Федер. служба гос. статистики. – М.: ИИЦ «Статистика России», 2012. – Т. 4: Национальный состав и владение языками, гражданство, кн. 1. – 847 с.
5. Итоги Всероссийской переписи населения 2010 года: в 11 т. Федер. служба гос. статистики. – М.: ИИЦ «Статистика России», 2013. – Т. 8: Продолжительность проживания населения в месте постоянного жительства. – 502 с.
6. Остапенко, Л.В. Социально-экономические аспекты адаптации русских и хакасов к условиям трансформирующегося общества (по материалам этносоциологического исследования в Хакасии) // Информационно-аналитический бюллетень №1. – М.: Институт этнологии и антропологии РАН. Центр по изучению межнациональных отношений, 2003. – 26 с.

7. Регионы России. Основные характеристики субъектов Российской Федерации. 2018: Стат. сб. // Росстат. – М., 2018. – 751 с.

8. Свиридов, Н.А. Адаптационные процессы в среде молодежи (дальневосточная ситуация) // Социологические исследования. – 2002. – № 1. – С. 90–95.

Н. Г. Канзычакова

*Хакасский научно-исследовательский институт
языка литературы и истории (Россия)*

ОСОБЕННОСТИ АДАПТАЦИИ ХАКАСОВ К ГОРОДСКИМ УСЛОВИЯМ¹

В современных условиях динамичного развития общества, вызванных социально-экономическими переменами, особое место занимает

проблема адаптации населения к новым условиям жизни.

Ключевые слова: психологическая адаптация, хакасы.

N. G. Kanzychakova,

*Khakass Scientific Research Institute
of Language, Literature and History (Russia)*

PECULIARITIES OF ADAPTATION OF THE KHAKASS TO THE URBAN ENVIRONMENT

In modern conditions of the dynamic development of society caused by social and economic changes, a special place is occupied by

the problem of adaptation of the population to new living conditions.

Key words: psychological adaptation, the Khakass.

Изучение проблемы адаптации личности к современным меняющимся реалиям становится важным в теоретико-экспериментальных исследованиях. Понятие «адаптация» является объектом междисциплинарного исследования: психологического, социального, биологического, философского, исторического и т. д.

Понятие «адаптация» в широком смысле рассматривается как приспособление субъекта к изменениям окружающей среды. Разные исследователи рассматривают адаптацию как:

– универсальный процесс, охватывающий все многообразие жизни [Шпак, 2011, с. 50–51];

– процесс и результат взаимодействия индивида (группы) с кардинально изменяющейся социальной средой [Шабанова, 1995, с. 82];

– приспособление человека к существующим в обществе требованиям и критериям оценок за счет присвоения норм и ценностей данного общества [Словарь, 1998, с. 7];

Процесс адаптации затрагивает все аспекты жизни человека. Одна самая важная часть связана с культурой: другой язык, обычаи, традиции, нормы и ценности.

Даже при благоприятных обстоятельствах адаптация – трудный и стрессогенный процесс [Адаптация студентов, 2004, с. 13]. Успешность адаптации во многом зависит от индивидуально-психологических особенностей личности и от социального опыта, условий проживания, жизненных установок, ценностей и т. д. На протяжении всей жизни человек постоянно адаптируется к изменившейся ситуации [Блинова, 2018, с. 28].

При переезде в город мигрант сталкивается с рядом трудностей психологического плана, преодоление которых зависит от его адаптивных ориентаций и способностей. Новая среда заставляет мигрантов менять устоявшиеся, привычные нормы поведения и ценностные ориентации в соответствии с теми, которые существуют в данной городской среде. Стресс, который испытывает мигрант, попадая в новое социальное пространство, влияет на психологическое самочувствие индивидов.

Особый интерес представляет изучение особенностей адаптации сельских хакасов к городским условиям.

¹ Работа выполнена при поддержке гранта Президента Российской Федерации для молодых ученых № МК-6401.2018.6.

Психологическая особенность хакасов и в целом тюркских народов – это чувство единой национальной принадлежности, сплоченности, эмоциональная поддержка его членов и готовность прийти на выручку, уважение к своему народу, а именно его истории, представителям и традиции [Крысько, 1999, с. 81].

В рамках гранта Президента Российской Федерации для государственной поддержки молодых российских ученых – кандидатов наук (№ МК-6401.2018.6) под руководством к.и.н. Е.Е. Тиниковой нами проведено исследование социальной адаптации хакасов к городским условиям в постсоветский период. Целью исследования является анализ особенностей адаптации коренных народов Сибири (на примере хакасов).

Проблема социальной адаптации сельских мигрантов хакасской национальности к городской среде в постсоветский период в современных условиях приобретает особое значение. Интерес к изучению процессов адаптации тюрков Южной Сибири к социальным изменениям обусловлен, с одной стороны, их социальной значимостью в условиях глобализации и модернизации России, а с другой – недостаточной разработанностью этой темы в современной научно-исследовательской практике [Розин, Суций, 2009, с. 3].

Внутренняя миграция не менее важна для экономического и социального развития, чем межгосударственная. Она не влияет на численность и состав населения в целом, однако вызывает изменения в его размещении, половозрастной структуре жителей отдельных регионов, является следствием и важным фактором региональных различий, напрямую связана с процессами индустриализации и урбанизации, депопуляции села [Блинова, 2018, с. 25].

На территории Хакасии от общей численности населения хакасы составляют около 12%, 61,6% титульного этноса проживает в сельских территориях [Итоги, 2012, с. 575].

Хакасы более инертны и менее склонны к перемене места жительства. В период с 1990 по 2002 г. национальный состав мигрантов был в среднем на 70,9% представлен русскими [Тугужекова, 2007, с. 124].

Процессы урбанизации хакасов, как и большинства титульных этносов национальных республик России, начались сравнительно поздно. Характеризуя урбанизационные процессы в среде хакасов, необходимо отметить, что в связи со сравнительно поздним включением хакасов в процессы урбанизации в регионе, они

вписались в уже сложившиеся города, где преобладало русское население, не сформировав собственные. Адаптация хакасов-мигрантов к городским условиям в постсоветский период протекала спокойнее. Связано это с тем, что сегодня уже достаточно сложно провести четкую границу между городом и селом: «сельская» среда уже не является типично сельской. Особенно если речь идет о крупных селах или расположенных близко с городскими поселениями. Жители таких сел часто бывают в городе, а зачастую работают там [Тиникова, 2018, с. 13].

Часть хакасов, переехавших в город, находились в поиске больших возможностей для саморазвития и самореализации. Среди мигрантов преобладает молодое население, цель переезда которого в город связана с желанием продолжить образование или с семейными обстоятельствами [Лушников, 2018, с. 83].

Результаты опроса (проводился в 2018 г., выборка, N=500) показали, что почти половина хакасов (40%) скорее удовлетворена своим материальным положением и 15,8% совсем не удовлетворена, среди русских эти показатели 35% и 17,8% соответственно.

Можно предположить, что низкая миграционная подвижность хакасов в городскую местность объяснялась трудностями адаптации в городе, которые не позволяли им закрепиться в городе и вынуждали возвращаться обратно в сельскую местность. Для хакасов – экономические факторы – трудности с устройством на работу (33,2%), низкая зарплата (24,4%) и жилищные проблемы (51,6%).

Эти причины являются наиболее частыми, так как это связано с высокими ценами на рынке жилья, а расходы на аренду жилья составляют наибольшую часть расходов приезжих мигрантов.

Прослеживается положительная динамика, а именно тех, кого все устраивает в жизни, – 23%, и 34,6% считают, что жизнь изменилась к лучшему, 22,2% отметили, что жизнь интересная, полностью их устраивает. Вместе с тем необходимо отметить, что 2,8% отметили, что все устроится само собой и 5,4% – будь что будет.

Статистические данные свидетельствуют о том, что хакасы были менее активными в передвижениях и в основном мигрировали в направлении «город-село». Низкая миграционная подвижность хакасов, скорее всего, была связана с трудностями адаптации к условиям городской жизни и социально-экономическими проблемами.

Таким образом, для Хакасии с учетом ее национальной специфики проблемы адаптации сельских мигрантов к городским условиям через изучение адаптационных процессов хакасского населения являются особо значимыми. Если для

русских, проживающих на территории Хакасии, адаптация проходила спокойнее, то для хакасов она сопровождалась необходимостью преодоления дополнительных барьеров, прежде всего языкового.

ЛИТЕРАТУРА

1. Березин, С.В., Козлов, Д.Д., Лисецкий, К.С. и др. Адаптация студентов Северного Кавказа в вузах г. Самара (опыт практической работы). – Самара: Изд-во «Универс-групп», 2004. – 126 с.
2. Блинова, Е.Е. Психологические аспекты адаптации сельских жителей к условиям городской среды // Актуальные проблемы психологии личности и социального взаимодействия: сборник научных статей. Гродненский государственный университет им. Я. Купалы. – Гродно: Изд-во Гродненского государственного университета имени Янки Купалы, 2018. – С. 24–31.
3. Итоги Всероссийской переписи населения 2010 года: в 11 т. Федер. Служба гос. статистики. – М.: ИИЦ «Статистика России», 2012. – Т. 4: Национальный состав и владение языками, гражданство, кн. 1. – 847 с.
4. Крысько, В.Г., Иванников С.Ю., Волков Г.Н. и др. Этнопсихологический словарь. – М.: МПСИ, 1999. – 343 с.
5. Лушникова, О.Л. Теоретические основания исследования социальной адаптации сельских мигрантов // Манускрипт. – 2018. – № 10 (96). – С. 82–85.
6. Розин, М.Д., Суций, С.Я., Озеров, А.А., Авдулов, Н.С., Добаев, И.П., Квициани, И.Д., Лубский, А.В., Барбашин, М.Ю., Андросова, С.В. Адаптация народов юга России к социальным трансформациям: методология исследования. Монография. – Ростов-на-Дону: Изд-во СКНЦ ВШ ЮФУ, 2009. – 308 с.
7. Словарь практического психолога / Сост. С.Ю. Головин. – Минск: Харвест, 1998. – 626 с.
8. Тиникова, Е.Е. Социокультурная адаптация хакасского народа в условиях формирования индустриально-урбанистического общества // IV Центральноазиатские исторические чтения. Пространство культур: через призму единства и многообразия: сборник материалов Международной научно-практической конференции (г. Кызыл, 20–23 сентября 2018 г.). – Кызыл: Изд-во ТувГУ, 2018. – С. 336–340.
9. Тугужекова, В.Н. Этнические и миграционные процессы в современной Хакасии // Южная Сибирь в эпоху перемен: адаптивные возможности населения. – М., 2007. – С. 114–128.
10. Шнак, Л.Л. Социальная дезадаптация: признаки, механизмы, уровни // Социологические исследования. – 2011. – № 3. – С. 50–55.
11. Шабанова, М.А. Социальная адаптация в контексте свободы // Социологические исследования. – 1995. – № 9. – С. 81–88.

В. К. Шульбаев,

Хакасский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории (Россия)

ЕСТЬ ЛИ БУДУЩЕЕ У ЛЕСНОЙ И ДЕРЕВООБРАБАТЫВАЮЩЕЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ ХАКАСИИ?

В статье рассматривается деятельность лесной и деревообрабатывающей промышленности Хакасии в XX и в начале XXI в. с выделением периодов бурного развития, спада производства, кризиса и стагнации. Отмечается, что активное освоение богатых лесных ресурсов области стало возможным благодаря строительству железных дорог. Проведен анализ рекомендаций ученых и специалистов по возможностям и вари-

антам восстановления деятельности отрасли. Предлагается провести работу по обновлению Концепции комплексного развития лесной и деревообрабатывающей промышленности Республики Хакасия.

Ключевые слова: лесная и деревообрабатывающая промышленность Хакасии, развитие и кризис, прогнозные оценки, концепция.

IS THERE A FUTURE FOR THE FOREST AND WOOD PROCESSING INDUSTRY OF THE REPUBLIC OF KHAKASSIA?

The article discusses the activities of the forestry and wood industry of the Republic in XX and early XXI century, highlighting periods of rapid development, recession in production, crisis and stagnation. It is noted that the active development of rich forest resources of the region became possible due to the construction of railways. The analysis of the recommendations of scientists and specialists on

Лесоразработки, заготовки древесины близкими к промышленным объемами на территории современной Хакасии начались, скорее всего, в связи с бурным развитием золотодобычи в 1830-е гг. и затем строительством (1867) и деятельностью Абаканского железоделательного завода. Увеличились работы на лесозаготовках и лесопилении во время строительства Транссибирской железнодорожной магистрали.

В начале XX в. востребованность в лесоматериалах росла в развивающейся угольной промышленности и в связи со строительством Ачинско-Минусинской железной дороги.

Новые возможности для освоения лесных ресурсов появились в Хакасии уже в советский период после завершения строительства Ачинско-Минусинской железной дороги и открытия грузового и пассажирского сообщения на линии Абакан – Ачинск – Красноярск в 1925 г.

Ускоренными темпами начинает восстанавливаться и развиваться золотодобывающая и угольная промышленность, появляются предприятия пищевой, легкой и местной промышленности, других отраслей народного хозяйства. Естественно, растет потребность в лесоматериалах.

С начала образования Хакасской автономной области в 1930 г. стали еще более увеличиваться объемы освоения ее богатых и в первую очередь наиболее доступных лесных ресурсов. Для ускоренного экономического роста в стране требовалось огромное количество круглого леса и пиломатериалов.

Всем лесосырьевым регионам страны стали доводиться напряженные задания по заготовке древесины.

С чего начиналась лесная и деревообрабатывающая промышленность области, можно судить по следующему факту из жизни тех лет.

the possibilities and opportunities for the restoration of the industry is conducted in this article. It is offered to carry out the work on updating the concept of complex development of the forest and wood industry of the Republic of Khakassia.

Key words: forest and woodworking industry of the Republic of Khakassia, development and crisis, predictive estimates, concepts.

Надо полагать, об оснащенности лесозаготовительных предприятий техникой говорить в те годы не приходилось, главной производительной силой были рабочий, колхозник и буквально лошадиная сила. Так, в «Окончательном плане распределения и использования гужевой и рабочей силы на 1-й квартал 1931 г. по сельским советам Богградского района Хакасской автономной области», рассмотренном на заседании президиума исполкома райсовета, были установлены следующие показатели и задания для работ.

Средняя норма вывозки леса на одну лошадь была определена в 1,16 кубометров в день, а в квартал – 58 кубометров (куб. м). Средняя норма заготовок леса на одного рабочего в день составляла 1,56 куб. м, в квартал – 78,2 куб. м.

План вывозки лесоматериалов всего по сельским советам был установлен в объеме 86 130 куб. м, в том числе по единоличным хозяйствам – 63 510 куб. м, по колхозам – 22 620 куб. м. Для выполнения указанного объема работ необходимо было мобилизовать 1485 лошадей, из них единоличные хозяйства должны были поставить 1095 лошадей, колхозы – 390 лошадей. Для работ в лесу нужно было направить 766 человек [ГКУ РХ «Национальный архив». Ф. Р-86. Оп. 1. Д. 146. Л. 4].

Лесозаготовительные работы, перевозки различных грузов и в других районах области осуществлялись обычным в те годы гужевым транспортом.

При поступлении важных государственных заданий, основываясь на действующих положениях и распоряжениях Западно-Сибирского крайисполкома (до 1934 г.) и Хакасского облисполкома, райисполкомы принимали постановления о труд-гуж-повинности, по которым единоличные хозяйства и колхозы выделяли людей и подводы для транспортных работ. В 1931 г.,

например, так выполнялись задания по вывозке грузов и лесоматериалов для дирекции рудоуправления Саралинской системы и ст. Сонского учлесхоза, заготавливающего лесоматериалы для Энергостроя Кемеровской электростанции.

В 1929 г. Постановлением Совета народных комиссаров СССР было принято решение о строительстве крупного лесозавода в Хакасии. Промышленная площадка под строительство предприятия была выбрана вблизи аала Аскыров на берегу Енисея, в 18 км от г. Абакана и в 10 км от ближайшей железнодорожной станции «Черногорские копи» Абаканского отделения Красноярской железной дороги. Удобное размещение предприятия рядом с протоками Тихая и Аскировская на сплавных путях по рекам Абакану и Енисею давало возможность выгодной доставки большей части леса для переработки на заводе.

Строительство предприятия было начато в 1930 г., а через два года, в 1932 г., состоялся запуск производственных мощностей. В год ввода предприятия в эксплуатацию численность персонала составила 568 чел., из них 318 рабочих. Было произведено 51,1 тыс. куб. м пиломатериалов, которые в основном были направлены на строительство Днепровской ГЭС, предприятий и организаций Кузбасса («Кузнецкстрой», «Кузбасжилстрой») и другие регионы, часть использована в собственном строительстве.

Формирование трудового коллектива шло в основном за счет сельского населения соседних правобережных Краснотуранского и Идринского районов Красноярского края, репрессированных лиц и спецпереселенцев.

Для проживания прибывающих рабочих строились дома барачного типа, затем двухэтажные дома, позднее были построены детские ясли, 2-этажное общежитие на 50 мест, на первом этаже которого поместили детский сад на 80 мест.

Основными строительными материалами при сооружении производственных зданий, жилья и социальных объектов служили дерево и бутовый камень. Лесопильный цех и построенный в 1935 г. деревообрабатывающий цех были деревянными. Из бутового камня были сооружены котельная паросилового хозяйства, кузница, ремонтно-механическая мастерская, гараж и сушильные камеры [Шулбаев, 2015, с. 19–20].

Лесозавод стал самым крупным предприятием перерабатывающей промышленности вновь образованной Хакасской автономной области и вошел в число важнейших для экономики

страны производственных объектов, построенных в годы первых советских пятилеток.

На активное развитие лесной и деревообрабатывающей промышленности Хакасии уже в послевоенный период (в 1950-е гг.) вновь большое влияние оказывает строительство железной дороги Абакан – Сталинск (Новокузнецк) на Южно-Сибирской магистрали. Эта дорога дала возможность для освоения природных ресурсов юго-западных районов области. Здесь появляются несколько крупных леспромпхозов и лесоперерабатывающих предприятий, мощные железные рудники Абаканский и Тейский с обогатительными фабриками, целый ряд предприятий других отраслей.

Особенно быстрый рост объемов лесопромышленного производства шел в шестой (1956–1960) и в седьмой (1961–1965) пятилетках.

В этот период заготовки деловой древесины в Хакасии достигают уровня двух и более млн куб. м в год, создаются новые отрасли – гидролизная и микробиологическая промышленность.

Нужно отметить, что лесозаготовительные работы велись во всех районах области, за исключением степного Алтайского. Так, выполняя напряженные задания по пятилетним планам, высокими темпами развивались предприятия лесной и лесоперерабатывающей промышленности Орджоникидзевского района: Июсский леспромпхоз, Орджоникидзевский ДОК, Копьевский и Саралинский лесхозы.

В технико-промышленном и финансовом плане (техпромфинплан) Июсского леспромпхоза на 1961 г. была поставлена задача по заготовке и вывозке 240 тыс. куб. м леса. Намечался рост к предыдущему году на 35,2 тыс. куб. м.

Получается, что в 1960 г. предприятие заготовило и вывезло 204,8 тыс. куб. м.

В плане леспромпхоза на 1961 г. предполагалось также произвести 66 тыс. куб. м пиловочника, 86 тыс. куб. м шпал и другой продукции.

Численность промышленно-производственного персонала должна была составить 876 чел., в том числе 746 рабочих, из них 478 чел. требовалось на лесозаготовках, 268 чел. – на пиление шпал и прочих производствах.

Всего вместе с непромышленным персоналом в леспромпхозе в 1960–1961 гг. фактически трудилось более 1200 чел.

На производственно-техническом совещании при рассмотрении и утверждении техпромфинплана 1961 г. были намечены мероприятия по развитию предприятия. В их числе было строительство дороги круглогодичного действия по Хуторскому и Саралинскому лесопунктам

общей протяженностью 36 км, строительство железнодорожного тупика на ст. Копьево. Рядом с ним предполагалось размещение шпалозавода с двумя станками и полностью механизировать погрузку в вагоны всей лесной продукции.

Была поставлена задача максимально механизировать технологические процессы на нижнем складе. При трелевке леса лебедками организовать погрузку хлыстов трелевочными лебедками.

Позднее, почти через десять лет, по итогам 1969 г. Июским леспромомхозом было вывезено 137,1 тыс. куб. м древесины, изготовлено 2,6 тыс. куб. м пиломатериалов, 147 тыс. шт. шпал ширококолейных, произведено 2,4 тонны пихтового масла, 34,4 тонны хвойно-витаминной муки и др. материалов.

В целом планы производства товарной и валовой продукции предприятию выполнить не удалось.

Численность промышленно-производственного персонала составляла 653 чел., из них 548 рабочих (423 чел. в лесосеке и 125 – в пилении шпал), 86 инженерно-технических работников и служащих.

Всего на предприятии работал 731 чел.

Из активной части промышленно-производственных фондов предприятия на лесосечных работах действовало 27 тракторов трелевочных, 9 погрузочных механизмов, на вывозке древесины были задействованы 12 лесовозных автомашин.

На работах по текущему ремонту, содержанию лесовозных дорог было занято еще 14 тракторов (из них 10 тракторов-бульдозеров), 19 автомашин хозяйственных, в том числе 4 автосамосвала [Орджоникидзевский район, 2018, с. 74–75].

За 1980 г. Июский леспромомхоз вывез 107,3 тыс. куб. м древесины. Было произведено 16,3 тыс. куб. м пиломатериалов, в том числе 1,5 тыс. куб. м для вагоностроения, 66,2 тыс. шт. шпал широкой колеи. Заготовлено 3,4 тыс. куб. м технологической щепы, 1,25 тонны пихтового масла.

По товарам культурно-бытового назначения производился штакетник, дрань штукатурная, горбыль.

По плану лесовосстановительных работ была подготовлена почва и высажены лесные культуры на площади 110 га, велось содействие естественному возобновлению леса на площади в 500 га.

Велся уход за лесными культурами на площади 120 га при задании в 600 га. Руководство

леспромомхоза объясняло невыполнение плана по уходу недостатком рабочих.

В этом году предприятию не удалось выполнить план по лесозаготовкам и пилению шпал. Сказалось случившееся стихийное бедствие во втором квартале, когда весенними паводковыми водами были размыты дороги, снесен Инжульский мост и была в течение 1,5 мес. парализована работа Хуторского лесозаготовительного пункта.

Серьезные затруднения в ритмичной работе предприятия происходили из-за низкого технического состояния лесовозного парка машин. Длительное время техника простаивала в ремонте из-за отсутствия запасных частей.

Тем не менее в отдельных мастерских участках и бригадах люди достигали высоких производственных показателей.

В 1989 г. Июский леспромомхоз заготовил 58,4 тыс. куб. м древесины, было произведено 11,9 тыс. куб. м пиломатериалов, заготовлено 2,4 тыс. куб. м технологической щепы.

Из товаров культурно-бытового назначения продолжали изготавливать штакетник, дрань штукатурную, было выпущено 103 комплекта садовых домиков.

На предприятии в этот год трудилось всего 385 чел., в том числе 320 чел. промышленно-производственного персонала.

На 1990 г. планировалось продолжение снижения объемов вывозки лесоматериалов до 51 тыс. куб. м, на 18 чел. предполагалось сокращение промышленно-производственного персонала [Орджоникидзевский район, 2018, с. 75–76].

В прошлом остались достижения высоких показателей производства.

В 1970–1980 гг. в районе продолжал свою работу коллектив Орджоникидзевского ДОКа.

Крупные лесозаготовительные предприятия работали и в других районах Хакасии. Например, в Таштыпском районе действовал леспромомхоз «Таштыпский», во второй половине 1950-х и до середины 1960-х гг. это предприятие ежегодно заготавливало в среднем по 300 тыс. и более куб. м древесины [Таштыпский район, 2008, с. 61].

Коллектив ветерана лесопромышленного хозяйства района Матурский леспромомхоз в 1980 г., примеру, заготовил 232 тыс. куб. м леса.

В Аскизском районе в 1953 г. на территории Казановского сельского совета был создан Аскизский леспромомхоз. В составе предприятия действовали Хабзасский, Югачинский, Бискалжинский и Бирикчульский лесопункты, работали цехи лесопиления и пиления шпал,

участки раскрывки, погрузки в железнодорожные вагоны, работал автомобильный гараж и котельные.

Предприятие содержало ведомственное жилье, детские сады, работал жилищно-коммунальный отдел.

В 1959 г. в районе было образовано еще одно предприятие – Верх-Томский леспромхоз.

С середины 1950-х и до второй половины 1990-х гг. в районе успешно действовал известный в стране Аскизский лесоперерабатывающий комбинат.

В 1970 г. Аскизским леспромхозом было заготовлено 400 тыс. куб. м древесины, Верх-Томским – 350 тыс. куб. м.

Всего по Хакасии в этот год объем лесозаготовок составил более 2200 тыс. куб. м [Аскизский район, 2007, с. 61].

Размещение и развитие этих предприятий состоялось, как мы уже отмечали, благодаря строительству железнодорожной линии Абакан – Новокузнецк, значительно сократившей транспортные издержки для многочисленных потребителей лесной продукции в Кузбассе, Алтайском крае, Казахстане и республиках Средней Азии.

Таким образом, активный рост объемов лесозаготовок в районах Хакасии шел в 1950-е, 1960-е и до середины 1970-х гг.

С начала 1980-х гг. в связи с выработкой сырьевой базы целого ряда леспромхозов объемы заготовок леса в области стали постепенно снижаться.

Так, в 1980 г. в производственном объединении «Хакаслес» было заготовлено 1900 тыс. куб. м деловой древесины.

По плану на 1981 г. намечалось заготовить 1682,4 тыс. куб. м деловой древесины, 862,4 тыс. куб. м пиломатериалов, 120 тыс. кв. м стандартных домов и почти полмиллиона кв. м деталей для домостроения. В производственном плане были также задания по отгрузке гидролизного сырья, изготовлению пихтового масла, хвойной муки, товаров ширпотреба [Советская Хакасия, 1981, с. 4].

В последующие годы, несмотря на попытки руководителей и специалистов отрасли улучшения структуры производства, совершенствования хозяйственного механизма, с осознанием необходимости рационального использования древесины, всех богатств тайги и пр. лесная и деревообрабатывающая промышленность Хакасии продолжала терять свои былые позиции.

Материалы Госкомстата Республики Хакасия за 1990 г. и 1991 г. показывают фактические объемы заготовок деловой древесины по области на уровне соответственно 1218 тыс. куб. м и 1056 тыс. куб. м.

Доля продукции лесной и деревообрабатывающей промышленности в отраслевой структуре промышленного производства Хакасии сократилась с 5,8% в 1985 г. до 4,0% в 1990 г. и продолжала падать. Как видно, произошло значительное снижение масштабов работ, но отрасль действовала и поставляла необходимую народному хозяйству продукцию [Экономика Республики Хакасия, 2015].

Во время кризиса и в начале рыночных реформ (1992) лесную и лесоперерабатывающую промышленность Хакасии представляли 32 предприятия, из них 24 занимались лесозаготовительными работами, 7 деревообработкой (в том числе занимались лесопилением – 2 и мебельным производством – 5), действовало одно предприятие гидролизного производства.

В отраслевой структуре по производству товарной продукции объемы лесозаготовок составляли 59%, 15% приходилось на долю деревообрабатывающей промышленности и 26% на долю гидролизной промышленности.

Вместе с тем проведенные пересчеты товарной продукции в действующих ценах 1992 г. на основе статистики по «чистым» отраслям показали, что в структуре лесопромышленного комплекса Хакасии на лесозаготовки приходилось 21%, на деревообработку – 52% и на гидролизное производство – 27% от всего выпуска продукции [Схема развития и размещения, 1993, с. 75].

Структура отрасли представлялась ученым и специалистам, разработчикам «Схемы развития и размещения производительных сил Республики Хакасия» в 1993–1994 гг. более благоприятной в сравнении со средними показателями по Сибири и приближалась к показателям Российской Федерации. Но она была еще не оптимальной, констатировалось очевидное отставание в развитии квалифицированной деревообработки, мебельной промышленности, отсутствие фанерного, плиточного производства и т. д.

На основании анализа факторов развития лесного сектора Хакасии разработчики «Схемы...» пришли к следующим выводам:

1. В целом ситуация, определяющая развитие лесопромышленного производства в республике в период 1994–2000 гг., может квалифициро-

ваться как весьма сложная и противоречивая. Имеющиеся позитивные моменты (близость к определенной группе потребителей, относительно развитый производственный аппарат и др.) во многом нивелируются и нередко перекрываются влиянием негативных моментов, таких как удорожающие условия лесозаготовки, низкий уровень концентрации производства и др.

2. Главные резервы лесопромышленного производства республики лежат в сфере улучшения использования человеческого фактора. Обеспечения лучшего качества управления отраслевой системой, лучшей организации производства, проведения более гибкой лесной политики, сочетающей согласованность тактики и стратегии использования и воспроизводства лесных ресурсов, обеспечения оптимального подхода к использованию государственного и рыночного регулирования хозяйственных процессов, высокой ответственности и понимания особых интересов Республики Хакасия.

3. Нижний уровень возможных масштабов производства и его размещение определяется внутренними потребностями народного хозяйства республики в лесной продукции.

Что касается верхнего уровня, то он в большей мере предопределяется конъюнктурой внешних условий, в частности, требованиями внешнего лесного рынка, условиями взаимодействия с некоторыми лесозаготовительными предприятиями Красноярского края, а также квалификацией, качеством кадров, определяющих позиции лесопромышленного сектора Хакасии за ее пределами.

Основную задачу в прогнозном периоде (1994–2000), учитывая сравнительно короткий срок и критическую ситуацию в народном хозяйстве, специалисты видели в обеспечении выхода данного сектора из глубокой депрессии и спада, создании предпосылок для стабилизации положения и условий для последующего динамичного роста.

Решение этой задачи рассматривалось по пессимистическому и оптимистическому сценариям.

Первый опирался на предположении сохранения негативных процессов и тенденций функционирования народного хозяйства и предприятий в течение всего прогнозного срока (развал производственного аппарата, неустойчивое положение на рынке и т. д.).

Второй – оптимистический – сценарий основывался на убеждении, что условия развития экономики Республики Хакасия, России, стран

СНГ все же улучшатся. Будут снижаться налоги, устанавливаться стимулирующие тарифы на перевозку леса, приниматься другие меры усиления протекционизма со стороны федеральных органов управления, будет нарастать самофинансирование, появятся инвестиции из стран СНГ и дальнего зарубежья и т. д. [Схема развития и размещения, 1993, с. 92–93].

Реализовать оптимистический сценарий развития отрасли в кризисные 1990-е гг., как мы теперь знаем, не было шансов. Более того, не оправдался и пессимистический вариант, по которому к 2000 г. прогнозировалось снижение объемов лесозаготовок до 620–650 тыс. куб. м и производства пиломатериалов до 300–325 тыс. куб. м.

По лесозаготовкам снижение объемов производства, по сравнению с 1992 г., предполагалось на 40%, в лесопилении – на 25% [Схема развития и размещения, 1993, с. 94].

Специалисты обращали особое внимание на проблемы предстоящей трансформации производственного аппарата и организационной структуры лесного сектора республики. Они предупреждали, что новая экономическая среда в первую очередь разрушающе воздействует на более или менее крупные специализированные предприятия. Если в происходящие процессы не привнести здравый смысл и экономический расчет, то крупные леспромпхозы и лесозаводы уже в ближайшие два года окажутся в рядах банкротов.

Разработчики «Схемы...» рассматривали, что размещение лесозаготовок и лесопиления по предприятиям и территории республики может идти по двум направлениям:

- с сохранением производства в составе всех функционирующих участков до того времени, пока они не отомрут в неперспективных хозяйствах в результате полной неэффективности;

- с ориентацией на сохранение и поддержание таких производств только в тех хозяйствах, которые имеют предпосылки для высокоэффективного функционирования с учетом стратегических интересов народного хозяйства.

Первое из этих направлений основывается на действии законов нерегулируемой рыночной экономики, второе – при работе по сочетанию централизованного управляющего начала и требований рыночной экономики.

Первое направление, как предупреждали специалисты, «неизбежно приведет в самое ближайшее время к ликвидации индустриального базиса отрасли, к возвращению ее почти к “допотопному” состоянию. ...В мире нет ни одного

государства, которое в лесном деле шло бы по этому пути» [Схема развития и размещения, 1993, с. 94–96].

У авторов «Схемы...» не было сомнений в целесообразности сохранения и всемерной государственной поддержки таких предприятий, как Аскизский ЛПК, Усть-Абаканский ЛПК, Черногорский ДСК, а также специализированных лесозаготовительных предприятий, в первую очередь тех, которые были обеспечены в достаточной мере сырьевой базой и имели перспективу на ее расширение.

Должна была быть оказана поддержка и всем предприятиям мебельной промышленности. Эту отрасль республики представляли специализированные предприятия – Абаканская, Таштыпская и Черногорская мебельные фабрики. «Для всех этих предприятий наиболее важное значение имеет вопрос повышения качества продукции, а также адаптации к новым требованиям потребительского спроса с учетом резкого снижения уровня жизни населения. Для Таштыпской и Черногорской фабрик актуальной является задача обновления парка машин и оборудования» [Схема развития и размещения, 1993, с. 100].

Для стабилизации работы лесозаготовительной отрасли было рекомендовано разработать «Схему промышленного освоения лесов на территории Хакасии в разрезе административных районов» с привлечением сотрудников ВНИИПИЭИ лесной промышленности и других организаций.

Прошло 25 лет с тех пор, как специалисты временного научно-исследовательского коллектива провели разработку перспективной «Схемы развития и размещения производительных сил Республики Хакасия», в которой важное место уделялось обоснованию основных направлений важнейших отраслевых комплексов, в том числе стратегиям развития лесной и деревообрабатывающей промышленности.

Не могли тогда разработчики «Схемы развития и размещения производительных сил Республики Хакасия» предвидеть всех последствий либеральных рыночных реформ по-русски, начавшихся с «шоковой терапии», и предполагать, что особенно в перерабатывающей промышленности республики процессы пойдут по наихудшему варианту и целых отраслей через 10–20 лет не станет и вовсе.

Акционирование и вслед за ним банкротство большинства предприятий лесной и деревообрабатывающей промышленности в 1990-е гг. привели к утрате былой значимости отрасли.

Удельный вес лесной и деревообрабатывающей промышленности в отраслевой структуре производства промышленной продукции республики снизился в 1995 г. до 1,0% и в 2000 г. до 0,9%. В годы восстановительного роста промышленного производства доля отрасли стабилизировалась на уровне 1,4% (2004).

Показатель по заготовке и вывозке деловой древесины снизился с 1218 тыс. куб. м в 1990 г. до 161,4 тыс. куб. м в 2000 г. Производство пиломатериалов упало в 2000 г. до 58,3 тыс. куб. м.

Через десять лет, в 2010 г., все производство пиломатериалов в республике осталось примерно на прежнем уровне и составило 55,1 тыс. куб. м.

Еще через пять лет, в 2015 г., было произведено всего лишь 24,3 тыс. куб. м пиломатериалов [Экономика Республики Хакасия, 2005].

Как видно из основных показателей производства, отрасль все эти годы находилась в перманентном кризисе и деградировала.

Стало очевидным, что без вмешательства органов власти, без взаимодействия с предпринимателями дел не поправить, нужны эффективные управленческие решения. Специалисты профильного ведомства Республики Хакасия, изучив экономическое состояние и сложившуюся ситуацию в отрасли, пришли к выводу, что «лесозаготовительные и деревообрабатывающие предприятия в большинстве своем технологически не связаны между собой. Структура лесопромышленной отрасли несовершенна, значительная часть древесины не находит применения, а заготовительная используется преимущественно (до 80%) в круглом виде и для распиловки. Кроме того, отходы от общего объема заготовленной древесины составляют более 40%» [Постановление, 2007]. Дальше, как говорится, ехать некуда.

Постановлением Правительства Республики Хакасия от 27 июня 2007 г. № 198 была утверждена Концепция комплексного развития лесоперерабатывающей отрасли Республики Хакасия на 2007–2015 гг.». В ней были поставлены цели:

- обеспечение условий для стабилизации и прогресса лесопромышленного комплекса как важнейшего фактора экономического развития Республики Хакасия, защита прав и интересов жителей республики, трудовых коллективов и государственных интересов;

- обеспечение рационального и полного использования лесного потенциала Республики Хакасия за счет роста объемов производства и повышения конкурентоспособности продукции

отрасли, оптимизации ее структуры, вовлечения в производство низкосортной, мелкотоварной и лиственной древесины;

– расширение экспортной деятельности организаций отрасли, а также освоение межрегиональных рынков продукции лесопереработки.

Среди основных задач развития отрасли были выделены:

– решение организационных мероприятий по реорганизации предприятий лесной отрасли;

– государственная поддержка и развитие малого бизнеса;

– совершенствование рыночных механизмов и механизмов государственного планирования и регулирования с учетом социально-экономического развития Республики Хакасия и муниципальных образований;

– создание оптимальной схемы размещения отрасли на территории Республики Хакасия, обеспечивающей максимизацию добавленной стоимости на основе замкнутых технологических циклов;

– привлечение инвестиций для модернизации и технологического перевооружения действующих производств, введение в действие новых мощностей и их эффективная эксплуатация;

– интеграция организаций лесоперерабатывающей отрасли и предприятий машиностроения и др.

Следует отметить, что цели и задачи развития лесоперерабатывающей отрасли Хакасии были разработаны с учетом положений распоряжения Правительства Российской Федерации от 01.11.2002 г. № 1540-Р «Об основных направлениях развития лесной промышленности», предложений III Международного форума по проблемам лесоперерабатывающей отрасли России, окружного совещания по вопросам развития лесной отрасли Сибири и сложившейся ситуации в республике.

Прошли 2007–2015 гг., годы реализации концепции. Что изменилось в отрасли в лучшую сторону? Мало что, если производство пиломатериалов снизилось, как было уже отмечено, до уровня 24,3 тыс. куб. м, а комплексная переработка заготавливаемой древесины откладывается на будущее.

Новому составу Правительства Республики Хакасия не остается иного, как вернуться к анализу исполнения «Концепции комплексного развития лесоперерабатывающей отрасли» и постановке новых целей и задач на будущее.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аскизский район: История и современность (к 300-летию вхождения Хакасии в состав России. 2-е изд., перераб. и доп. – Новосибирск: Наука, 2007. – 248 с.
2. Орджоникидзевский район: история и современность. Материалы научно-практической конференции (28 июня 2018 г.). – Абакан: ООО «Книжное издательство «Бригантина», 2018. – 244 с.
3. Правительство Республики Хакасия. Постановление от 27 июня 2007 года № 198 «О концепции комплексного развития лесоперерабатывающей отрасли Республики Хакасия».
4. Советская Хакасия. – № 219. – 20 сентября 1981 г.
5. Схема развития и размещения производительных сил Республики Хакасия на период до 2000 года. Часть 2. Госкомитет экономики и прогнозирования Республики Хакасия, Красноярский отдел ИЭ и ОПШ СО РАН. – Абакан-Красноярск, 1993. – 250 с.
6. Таштыпский район. История и современность / отв. ред. В.Н. Тугужекова. – Абакан: Изд-во Хакасского государственного университета им. Н.Ф. Катанова, 2008. – 184 с.
7. Экономика Республики Хакасия в 2015 году: стат. сборник. Хакасстат. – Абакан, 2015.

С. Гадиров,

Центр судебной экспертизы Министерства юстиции (Азербайджан)

ОБСТОЯТЕЛЬСТВА, ОТЯГЧАЮЩИЕ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА ХУЛИГАНСТВО

В статье рассматриваются квалифицирующие хулиганство признаки, предусмотренные в статье 221.2. УК Азербайджанской Республики. По мнению автора, указание в законе на возможность совершения данного преступления только группой лиц необоснованно сужает рамки данного состава преступления, оставляя без должной уголовно-правовой оценки случаи

совершения данного преступления группой лиц по предварительному сговору и преступной организацией. В этой связи считаем необходимым дополнить данную норму соответствующим указанием.

Ключевые слова: квалифицирующий признак, повторность, сопротивление, совокупность преступлений, соисполнительство.

AGGRAVATING CIRCUMSTANCES FOR HOOLIGANISM

In the article the signs qualifying hooliganism provided in article 221.2 of Criminal Code of the Azerbaijan Republic are considered. According to the author, the instruction in the law on a possibility of commission of this crime only by a group of persons unreasonably narrows a framework of this corpus delicti leaving without due criminal

К квалифицированным видам хулиганства, предусмотренным в статье 221.2 УК Азербайджана относятся только два признака: совершение данного преступления группой лиц или повторно (ст. 221.2.1), а также оказание сопротивления представителю власти или иному лицу, исполняющему обязанности по охране общественного порядка или пресекающему нарушение общественного порядка (ст. 221.2.2). Поскольку закон говорит о совершении данного преступления только группой лиц, не указывая, как во многих других случаях, преступной организации и преступного сообщества, возникает необходимость в определении этого понятия и установлении их соотношения.

По вопросу определения характерных свойств группы в уголовно-правовой литературе существуют три основные точки зрения. В соответствии с первой из них поскольку соучастие не в состоянии вместить все случаи совместного совершения общественно опасного деяния несколькими лицами, соучастие входит в качестве составной части такого образования как совместное преступное деяние (Безбородов, 2005, с. 17).

Согласно второму из существующих мнений по данному вопросу, группа лиц и соучастие являются идентичными явлениями, которым присущи одинаковые черты, предусмотренные в уголовном законодательстве (Иванов, 2003, с. 277–286).

Третья точка зрения состоит в том, что группа лиц и соучастие представляют собой различные явления, иными словами, понятие «соучастие» и понятие «группа» по смыслу не совпадают (Мондоходов, 2005, с. 7). В соответствии с мнением сторонников данной позиции группа может состоять только из соисполнителей, что касается соучастия, то оно возможно с распределением ролей.

Как явствует из статьи 34.1 УК Азербайджанской Республики, преступление при-

assessment cases of commission of this crime by a group of persons by previous concert and the criminal organization. In this regard author consider it necessary to supplement this norm with the corresponding instruction.

Key words: the qualifying sign, frequency, resistance, cumulative offenses, a cooperation.

знается совершенным группой лиц, если в его совершении совместно участвовали два или более исполнителя без предварительного сговора [Уголовный кодекс, 2018]. В теоретической литературе и правоприменительной практике такая форма соучастия признается соисполнительством.

При совершении хулиганства группой лиц квалификация действий виновного и дифференциация их ответственности должны осуществляться исходя из общих положений учения о соучастии, однако сам факт совершения хулиганства группой лиц без учета других обстоятельств дела не является безусловным признаком данного преступления. Речь идет о случаях квалификации по данному признаку хулиганства, совершенного группой лиц по предварительному сговору. Полагаем, что указание в законе на возможность совершения данного преступления только группой лиц необоснованно сужает рамки данного состава преступления, оставляя без должной уголовно-правовой оценки случаи совершения данного преступления группой лиц по предварительному сговору и преступной организацией. В этой связи считаем необходимым дополнить данную норму соответствующим указанием.

Совершение хулиганства повторно является еще одним квалифицирующим признаком данного преступления. Согласно статье 16.1 УК Азербайджана, повторность преступлений имеет место в случае, если виновный совершает два или более деяния, предусмотренные одной статьей УК (Уголовный кодекс, 2018, с. 32). При этом совершение нескольких деяний, предусмотренных различными статьями УК, только тогда могут расцениваться как повторные, если на это указано в уголовном законодательстве. Поскольку в УК Азербайджана применительно к статье о хулиганстве не предусмотрены случаи признания его повторным при совершении каких-либо однородных или разнородных пре-

ступлений после совершения хулиганства следует сделать вывод, что повторное хулиганство образуют только случаи совершения любого вида хулиганства два или более раза, независимо от факта осуждения за ранее совершенное преступление. При этом судимость за ранее совершенное хулиганство не должна быть погашена или снята в установленном законом порядке.

Представляет интерес в этом отношении постановление Пленума Конституционного суда Азербайджанской Республики от 6 сентября 2010 г. о толковании статей 18 и 83.1 УК Азербайджанской Республики. Как было установлено, приговором Хатаинского районного суда города Баку от 25 августа 2009 г. М. Ибрагимов был признан виновным по статье 221.3 УК АР, с применением статьи 70 УК об условном осуждении он был приговорен к наказанию в виде лишения свободы на три года условно с назначением двух лет испытательного срока.

До вступления приговора Хатаинского районного суда в законную силу М. Ибрагимов 8 сентября 2009 г. умышленно нанес побои, за что приговором Сураханского районного суда города Баку по статье 132 УК АР 13 января 2010 г. был осужден к наказанию в виде лишения свободы сроком на 5 месяцев. Совершение нового преступления М. Ибрагимовым до вступления в законную силу приговора от 25 августа 2009 г. суд расценил как обстоятельство, исключающее рецидив, и при назначении наказания по ст. 132, отказался учесть рецидив как отягчающее наказание обстоятельство.

Судебная коллегия по уголовным делам и делам об административных правонарушениях Бакинского апелляционного суда, рассмотревшая дело на основании протеста государственного обвинителя от 3 марта 2010 г., не согласилась с позицией суда первой инстанции в вопросе, связанном с рецидивом, и, приняв это как обстоятельство, отягчающее наказание, основываясь на ст. 65 УК, установила виновному наказание в виде 6 месяцев лишения свободы и по совокупности преступлений определила ему окончательное наказание в виде лишения свободы сроком в 3 года и 1 месяц.

Верховный суд Азербайджанской Республики, обратившись в Конституционный суд Азербайджанской Республики, просил дать толкование статьям 18 и 83.1 УК АР. Обращение было обосновано тем, что на практике положение «лицо, имеющее судимость» в одних случаях связывается со вступлением в законную силу обвинительного приговора суда, что

предусмотрено в ст. 83.1 УК, а в других случаях связывается со временем вынесения обвинительного приговора в соответствии с требованиями уголовно-процессуального законодательства.

Кяпязский районный суд города Гянджи, обратившись в Конституционный суд в связи с делом, находящимся в производстве по обвинению Н. Джафарова по статьям 221.2.1 и 221.3 УК, также просил дать толкование статьям 18 и 83.1 УК АР. Как отмечается в обращении, Н. Джафаров был привлечен к уголовной ответственности за то, что, несмотря на вынесенный 20 августа 2007 г. приговор Ханларского (Гейгель) районного суда, которым он был осужден по статье 221.1 УК АР к наказанию в виде одного года исправительных работ, не исправился и повторно 1 марта 2009 г. совершил хулиганство.

При рассмотрении дела в суде было установлено, что Н. Джафаров по причине неимения работы фактически не понес назначенного ему по первому приговору наказания в виде исправительных работ и, согласно акту об амнистии, решением группы судебных исполнителей от 6 августа 2009 г. был освобожден от наказания. В связи с этим суд в своем обращении просил внести ясность в вопрос об отнесении данного деяния к разряду совершенных повторно.

Как постановил Конституционный суд по данному вопросу, положение «осужденное лицо», по статье 18.1 УК Азербайджанской Республики, охватывает в соответствии со статьей 83.1 этого кодекса также лицо, в отношении которого имеется вступивший в законную силу обвинительный приговор суда, непогашенная или неснятая судимость. Наличие у лица непогашенной или неснятой судимости в момент совершения нового умышленного преступления в последующей стадии уголовного процесса независимо от погашения судимости не препятствует назначению этому лицу в случаях, предусмотренных законом, наказания за рецидив [4].

Еще одним квалифицирующим признаком хулиганства признается его совершение, связанное с сопротивлением представителю власти либо иному лицу, исполняющему обязанности по охране общественного порядка или пресекающему нарушение общественного порядка. Под данным видом хулиганства понимается оказание хулиганом активного противодействия выполнению своих полномочий представителем власти либо лицом, исполняющим обязанности по охране общественного порядка. Выразиться сопротивление может в самых различных действиях, например, ограничении свободы этих

лиц, запираении, связывании либо попытке вырваться от удерживающих лиц [Уголовное право, 2012, с. 378–389]. Помимо того, сопротивление может выражаться в применении насилия либо угрозе его применения, однако в этих случаях квалификация данного преступления меняется – в случае, если такое насилие является неопасным для жизни и здоровья, то совершенное преступление в отношении представителей власти должно расцениваться как совокупность статей 221.2 и 315.1 УК АР, если же насилие является опасным для жизни и здоровья, то деяние квалифицируется по совокупности статей 221.1 и 315.2 УК АР. Если насильственное сопротивление имело место против других лиц, пресекающих хулиганские действия, то преступление квалифицируется дополнительно по статьям о посягательствах на здоровье потерпевшего – ст. 126 и 127 УК АР. Не должно рассматриваться как квалифицированное хулиганство сопротивление, оказанное уже после прекращения хулиганских действий, в частности, связанное с последующим задержанием хулигана.

В соответствии с примечанием к статье 308 УК АР, представители власти относятся к категории должностных лиц. В правовой литературе и судебно-следственной практике под представителями власти понимаются такие должностные лица, которые выполняют функции управления по отношению к лицам, не находящимся в их ведомственном подчинении. Это могут быть лица, в порядке, установленном Конституцией и законами Азербайджанской Республики, выбранные или назначенные в соответствующие государственные органы либо на основании специальных полномочий в органы местного самоуправления, государственные служащие (в том числе лица, служащие в особом виде государственной службы), муниципальные служащие и члены муниципалитетов. Представителями власти признаются все должностные лица контролирующего или правоохранительного органа, а также наделенные в установленном законом порядке распорядительными полномочиями ко всем не находящимся в служебной зависимости лицам, иные должностные лица.

Оказывая сопротивление, хулиганы затрудняют, мешают, препятствуют либо полностью лишают представителей власти, работников полиции возможности выполнять возложенные на них законом обязанности, а иных граждан, пресекающих хулиганские действия, – охранять общественный порядок, осуществлять свой про-

фессиональный и гражданский долг в поддержании и охране общественного порядка.

Отрицательно реагируя на законные требования представителей власти или общественности и граждан, хулиган тем самым демонстрирует свое явное неуважение к обществу. Чем более извращенное и грубое он действует, тем очевиднее его пренебрежение к интересам окружающих и общества в целом. В таких случаях хулиганское поведение резко активизируется в связи с воздействием препятствующих ему факторов – просьб, замечаний, требований окружающих прекратить бесчинства. Этим объясняется нередкое перерастание хулиганства в сопротивление представителю власти.

Поскольку хулиганство, сопряженное с сопротивлением, слагается как бы из двух действий – хулиганства и сопротивления, каждое из которых составляет самостоятельное преступление, оно является составным (сложным) преступлением. По этой причине следует при решении вопроса о квалификации таких действий учитывать наличие или отсутствие между ними внутренней связи. Не внешняя последовательность противоправных действий требуется для признания хулиганских действий сопряженными с сопротивлением, необходимо их внутреннее единство, проявляющееся в том, что продолжением начавшегося и совершающегося хулиганства является сопротивление. Подобные действия образуют совокупность преступлений, если между хулиганством и сопротивлением отсутствует определенная внутренняя связь.

Иными словами, сопротивление представителю власти должно иметь место в процессе хулиганства. Поэтому сопротивление, оказанное после прекращения хулиганских действий, в частности, в связи с последующим задержанием виновного, не должно рассматриваться как квалифицирующее обстоятельство хулиганства и надлежит квалифицировать по совокупности с последним.

Сопротивление указанным в статье лицам может быть сопряжено с насилием либо не связано с ним. Для сопротивления без насилия типичны такие действия, как стремление вырваться при удерживании либо задержании, попытка забаррикадировать помещение, чтобы не допустить туда работника полиции, и др. Содеянное в данном случае охватывается диспозиций ст. 221.2 и не требует дополнительной квалификации по иным статьям УК.

Сопротивление представителю власти следует отличать от злого неповиновения, под которым понимается отказ от исполнения

настойчивых, неоднократно повторяемых требований или распоряжений работника полиции или иного представителя власти. Поскольку злостное неповиновение не образует признаков данного состава преступления, оно подлежит самостоятельной дополнительной квалификации по соответствующей статье Кодекса об административных правонарушениях Азербайджанской Республики.

Применяемое при сопротивлении насилие может быть как физическим, так и психическим. Чаще всего физическое насилие выражается в нанесении побоев, легкого или менее тяжкого вреда здоровью и других физических воздействиях на телесную неприкосновенность потерпевшего. Виновный применяет психическое насилие единственно с целью лишить представителя власти желаемого осуществления возложенные на него обязанности или выполнить служебный либо гражданский долг. По характеру психическое насилие должно быть достаточно

действенным для того, чтобы заставить представителя власти отказаться от выполнения своих обязанностей по службе и долгу.

Под иными лицами, исполняющими обязанности по охране общественного порядка или пресекающими нарушение общественного порядка, следует понимать любых граждан, которые предпринимают активное вмешательство для пресечения хулиганских действий. Вместе с тем увещания, предложения и уговоры со стороны граждан о прекращении виновным хулиганских действий не должны относиться к понятию «пресечение нарушения общественного порядка».

Применение насилия неопасного и опасного для жизни и здоровья потерпевшего выходит за рамки квалифицированного вида хулиганства и всегда должно квалифицироваться по совокупности преступлений как хулиганство с сопротивлением и сопротивлением или применением насилия в отношении представителя власти (ст. 221.2.2 и 315.1 УК АР).

ЛИТЕРАТУРА

1. *Безбородов, Д. А.* Совместное преступное деяние как категория уголовного права // Российская юстиция. – 2005. – № 11.
2. *Иванов, Н. Г.* Уголовное право России. – М.: ЭКЗАМЕН, 2003.
3. *Мондоходов, А. И.* Формы соучастия в преступной деятельности: автореф. дисс. канд. юрид. наук. – М., 2005.
4. Постановление Конституционного суда Азербайджанской Республики // Вестник Конституционного суда Азербайджанской Республики за 2010 год. Режим доступа: [http://new.zakon.az/site/index/?item=1015224077&parent=0923656769&curtree=cnt%20\(%200923656769%20\(%201281508226%20\)%20\)](http://new.zakon.az/site/index/?item=1015224077&parent=0923656769&curtree=cnt%20(%200923656769%20(%201281508226%20)%20))
5. Уголовный кодекс Азербайджанской Республики. – Баку: Издательство «Nüquq Yayı Evi», 2018.
6. Уголовное право России. Особенная часть: учебник / Под ред. Ф. Р. Сундурова, М. В. Талан. – М.: Статут, 2012.

ФИЛОЛОГИЯ НАРОДОВ САЯНО-АЛТАЯ И СОПРЕДЕЛЬНЫХ ТЕРРИТОРИЙ. ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОЙ ИНТЕРПРИТАЦИИ

*И. Я. Селютина, А. А. Добринина,
Институт филологии СО РАН (Россия)*

ВОКАЛЬНЫЕ СИСТЕМЫ САЯНО-АЛТАЙСКИХ ТЮРКСКИХ ЯЗЫКОВ: ОБЩНОСТЬ И СПЕЦИФИКА

Цель статьи показать общие и специфические черты в принципах структурной организации фонологических систем в саяно-алтайских тюркских языках. Инструментальные исследования позволяют констатировать тенденцию к деполаризации характеристик гласных по параметрам артикуляторного ряда. Функционально твердоярдные гласные реализуются, как правило, не в заднерядных, а в более передних – центральнозадних настройках. Вместе с тем, в подсистемах мягкорядного вокализма происходит обратный процесс отодвижения гласных

назад – процесс активного вытеснения переднерядных гласных центральнозаднерядными. Вследствие «передвижения гласных» – прежде всего, мягкорядных – для ареала распространения саяно-алтайских тюркских языков характерна низкая продуктивность переднерядных и заднерядных гласных при очень высокой частоте центральнозадних настроек.

Ключевые слова: Саяно-алтайские тюркские языки, вокальные системы, инструментальная фонетика

*I. Ya. Selyutina, A. A. Dobrinina,
Institute of Philology of Siberian Branch
of Russian Academy of Sciences (Russia)*

VOCAL SYSTEMS OF THE SAYAN-ALTAI TURKIC LANGUAGES: THE GENERALITY AND SPECIFICITY

The purpose of the article is to show common and specific features in the principles of the structural organization of the phonological systems in the Sayan-Altai Turkic languages. The instrumental investigations allow us to state the tendency towards depolarization of vowel characteristics according the parameters of their articulatory row. As a rule, functionally hard vowels are not realized with back row articulations, but with advanced to the front ones, i.e. with central-back ones. In the subsystem

of functionally soft vowels, there is a reverse movement in vowel articulations: we witness an active replacement of front vowels by central-back. As a consequence of this vowel movement, especially of front vowels, low productivity of front and back vowels is attested for the Sayan-Altai Turkic languages, but opposed to this, central-back vowels are very frequent.

Keywords: The Sayan-Altai Turkic Languages, Vocal Systems, Instrumental Phonetics

В статье представлены результаты сопоставительного анализа качественно-количественных характеристик реализаций гласных фонем в алтае-саянских тюркских языках, говорах и диалектах. Цель исследования – выявить общность и специфику в принципах структурной организации и субстантных характеристиках фонетических единиц рассматриваемых систем, сформировавшихся в результате разновременных и разнохарактерных языковых контактов на территории Южной Сибири.

К сопоставлению привлекались как результаты собственно лингвистических исследований,

так и данные, полученные с применением объективных инструментальных методов. Все работы выполнены по единой методике [Наделяев, 1980], что обеспечивает сопоставимость данных. Комплексное исследование вокальных фонико-фонологических систем, позволившее выявить инвентари фонем, основные конститутивно-дифференциальные признаки (КДП), структурирующие системы, доминантные параметры артикуляционно-акустических баз (ААБ) этнических групп – носителей исследуемых тюркских языков южно-сибирского ареала, выполнены на материале алтайского

языка [Чумакаева, 1984], онгудайского говора диалекта алтай-кижи – опорного говора базового диалекта алтайского литературного языка [Шалданова, 2007], теленгитского [Машталир, 1983], бачатско-телеутского [Гаврилин, 1985], чалканского [Кокорин, 1984], кумандинского [Селютина, 1998], тубинского [Сарбашева, 2004] диалектов алтайского языка, сагайского и качинского диалектов хакасского языка [Кыштымова, 2001], каа-хемского говора тувинского языка [Дамбыра, 2005], тофаларского языка [Рассадин, 1971].

Сопоставляемые языки, диалекты и говоры в генеалогической классификации тюркских языков Н.А. Баскакова отнесены к разным группам: южные диалекты алтайского языка (алтай-кижи, теленгитский, телеутский) вместе с киргизским языком – к киргизско-кыпчакской группе восточной ветви, северные диалекта Алтая (чалканский, кумандинский, тубинский) вместе с хакасским языком – к хакасской подгруппе, а тувинский и тофский языки – к уйгуро-тукуюнской подгруппе уйгуро-огузской группы восточнотуркской ветви тюркских языков [Баскаков, 1969].

Проведенное исследование качественных и количественных параметров гласных в саяно-алтайских тюркских языках свидетельствует об общности принципов организации вокальных систем: все они структурируются оппозициями единиц по артикуляторному ряду, степени подъема, огубленности-неогубленности, краткости-долготе. Исключение составляют тувинский и тофский (тофаларский) языки, а также алтайский туба-диалект, в которых в число КДП гласных фонем входит характеристика по наличию-отсутствию фарингализованной окраски: в тувинском вокализме это один из основных КДП, в туба-диалекте – дифференциальный признак, сопутствующий долготе. При этом функциональная значимость фарингализации в тувинском языке значительно выше, чем в тофском языке и языке туба-кижи.

При общих принципах построения систем гласных фонем, в их субстантных характеристиках обнаруживаются как сходства, так и существенные различия, обусловленные спецификой ААБ.

В соответствии с классификационной таблицей гласных, разработанной В.М. Надеяевым [Надеяев, 1980, с. 41–43], в языках мира выделяются пять артикуляторных рядов гласных: передний, центральный, центрально-задний, задний и смешанный. При этом следует различать артикуляторные ряды гласных и функ-

циональные сингармонические ряды. С точки зрения гармонии гласных функционально твёрдорядные гласные – это те звуки, которые определяют употребление твёрдорядных гласных в последующих слогах; функционально мягкорядные гласные – это те, которые определяют употребление мягкорядных гласных в последующих слогах. При этом функционально твёрдый ряд гласных в различных сибирских тюркских языках может быть представлен задним, центрально-задним, центральным или смешанным артикуляторными рядами гласных. Функционально мягкий ряд гласных может быть представлен передним, центральным, центрально-задним или смешанным артикуляторными рядами. Анализ гласных по параметрам артикуляторной рядности свидетельствует о том, что в большинстве звуковых систем функционально твёрдорядные единицы квалифицируются как центральнозадние.

Звуковые системы, в которых функционально мягкорядные гласные реализуются как переднерядные, составляют большинство, хотя и незначительное. Мягкорядный вокализм туба-диалекта, качинского диалекта и каа-хемского говора реализуется как центральнозадний. В ряде сопоставляемых языков выявлена тенденция к манифестации гласных в смешаннорядных настройках. Такие артикуляции отмечены в онгудайском говоре диалекта алтай-кижи для мягкорядных огубленных гласных *ö* (сõс ‘слово’, *tõö* ‘верблюд’) и *üü* (күү ‘мелодия’). Аналогичное явление зафиксировано в языке кумандинцев при продуцировании широких звуков *a*, *e*, *o*, *ö*, а также в сагайском диалекте хакасского языка для звуков *aa*, *a*, *ee*, *yy*, *i*, *oo*, *üü*; слабо выраженная тенденция гласного *aa* к смешаннорядному звуку отмечается и в качинском диалекте хакасского языка.

При произнесении почти всех гласных – и твердорядных, и мягкорядных – самые передние настройки отмечаются, как правило, в алтайском литературном языке, бачатско-телеутском и теленгитском диалектах алтайского языка. Вокализм качинского диалекта хакасского языка и каа-хемского говора тувинского оказывается, как правило, на другом конце шкалы – для этих языков характерны самые задние настройки по сравнению с остальными сопоставляемыми системами. К этой же группе звуковых систем с более задним вокализмом примыкает туба-диалект – но лишь в отношении мягкорядных гласных и твердорядного огубленного *o*. В отличие от названных идиомов, системы гласных кумандинцев, чалканцев и сагайцев характеризуются

относительно средней локализацией отграничивающего сужения в резонаторной полости, которое и обуславливает характеристику гласных по артикуляторной рядности.

Обобщение результатов исследования артикуляторных параметров гласных свидетельствует о том, что в ареале функционирования южносибирских тюркских языков констатируется тенденция к деполяризации характеристик гласных по параметрам артикуляторного ряда. Функционально твердоядные гласные реализуются, как правило, не в заднерядных, а в более передних – центральнозадних настройках. Вместе с тем, в подсистемах мягкорядного

вокализма происходит обратный процесс передвижения гласных назад – процесс активного вытеснения переднерядных гласных центральнозаднерядными (реже – центральнорядными) настройками.

Вследствие передвижения гласных – прежде всего, мягкорядных – для ареала распространения тюркских языков Южной Сибири характерна низкая продуктивность переднерядных и заднерядных гласных при очень высокой частотности центральнозадних настроек – как мягкорядных с точки зрения сингармонизма, так и твердоядных.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Баскаков, Н.А.* Введение в изучение тюркских языков. – М.: Высшая школа, 1969. – 383 с.
2. *Гаврилин, Н.В.* Рентгенограммы гласных в бачатско-телеутском языке // *Фонетика сибирских языков.* – Новосибирск, 1985. – С. 59–68.
3. *Дамбыра, И.Д.* Вокализм Каа-Хемского говора в сопоставлении с другими говорами и диалектами тувинского языка. – Новосибирск: ИД «Сова», 2005. – 223 с.
4. *Кокорин, В.Н.* Артикуляторные настройки гласных мягкого ряда в языке чалканцев (по данным статического рентгенографирования) // *Исследования звуковых систем языков Сибири.* – Новосибирск, 1984. – С. 27–28.
5. *Кыштымова, Г.В.* Состав и системы гласных фонем сагайского и качинского диалектов хакасского языка. Экспериментально-фонетическое исследование – Новосибирск: Сибирский хронограф, 2001. – 152 с.
6. *Маисталир, С.И.* Артикуляционные настройки гласных теленгитского диалекта алтайского языка по данным статического рентгенографирования // *Сибирский фонетический сборник.* – Новосибирск, 1983. – С. 121–127.
7. *Наделяев, В.М.* Артикуляционная классификация гласных // *Фонетические исследования по сибирским языкам.* – Новосибирск, 1980. – С. 3–91.
8. *Рассадин, В.И.* Фонетика и лексика тофаларского языка. – Улан-Удэ: Бурятское книжное издательство, 1971. – 252 с.
9. *Сарбашева, С.Б.* Фонологическая система туба-диалекта алтайского языка (в сопоставительном аспекте). – Новосибирск: Сибирский хронограф, 2004. – 242 с.
10. *Селютина И.Я.* Кумандинский вокализм. Экспериментально-фонетическое исследование. – Новосибирск: Наука, 1998. – 142 с.
11. *Чумакаева, М.Ч.* Артикуляторные настройки гласных твердого ряда в алтайском языке (по данным статического рентгенографирования) // *Исследования звуковых систем языков Сибири.* – Новосибирск, 1984. – С. 22–27.
12. *Шалданова, А.А.* Вокализм диалекта алтай-кижи в сопоставительном аспекте. – Новосибирск: ИД «Сова», 2007. – 280 с.

В. М. Телякова,

*Новокузнецкий институт (филиал)
Кемеровского государственного университета (Россия)*

РЕФЛЕКСИВНЫЕ ГЛАГОЛЫ В ШОРСКОМ ЯЗЫКЕ

*(Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Кемеровской области
в рамках научного проекта № 18-412-420001)*

В статье рассматриваются возвратные глаголы шорского языка, их образование, классы в зависимости от соотношения с производящим глаголом. Представлены различия в значениях шорских и русских рефлексивов.

Ключевые слова: шорский язык, возвратный залог, рефлексив или возвратный глагол, синкретичность, переходность/непереходность глагола, субъект, прямой объект.

REFLEXIVE VERBS IN THE SHORSKY LANGUAGE

(The research was carried out with the financial support of rfrb and kemerovo region in the framework of scientific project № 18-412-420001)

The article deals with the reflexive verbs of the Shor language, their formation, types depending on the relationship with the generating verb. The differences in the values of Shor and Russian reflexive verbs are presented.

В шорском языке возвратный залог образуется с помощью аффикса -н-, который присоединяется к основам переходных или непереходных глаголов. Так как шорские непроизводные основы совпадают с корнями слов, то аффикс прибавляется непосредственно к ним: *кес-* ‘резать’ → *кезин-* ‘резаться’. Но может присоединяться к производным словам: *аң-* ‘зверь’ → *аңна-* ‘охотиться’ → *аңнан-* ‘охотиться для себя’. Если основа заканчивается на гласную, -н- выступает в основном виде: *сана-* ‘думать’ → *санан-* ‘думать про себя’. После согласных наращивается гласная, которая обычно согласуется с законом сингармонизма: *көр-* ‘видеть’ → *көрүн-* ‘виднеться’.

В зависимости от характера соотношения с производным словом шорские возвратные глаголы делятся на группы:

1) Отглагольные: *чап-* ‘крыть’ → *чабын-* ‘укрываться’.

2) Отыменные: *ачы/ачыг* ‘печаль, скорбь’ → *ачын-* ‘сжалиться’.

3) Глаголы, не имеющие мотивирующих слов, но в языке есть другие слова с тем же корнем. Они делятся на подгруппы: А) Глаголы с аффиксами разных залогов: *јүрген-* ‘учиться’ и *јүргет-* ‘учить’. Б) Глаголы и однокорневые имена: *чажын-* ‘спрятаться’ и *чажыт* ‘тайна’.

4) Возвратные глаголы, не имеющие соотносительных слов: *муган-/муққан-* ‘печалиться, мучиться’.

Шорские возвратные глаголы обладают рядом особенностей.

Во-первых, шорские глагольные основы обычно синкретичны, потому что с лексико-грамматической точки зрения обладают признаками как переходности, так и непереходности, например, *көр-* выражает непереходные понятия ‘смотреть, глядеть’ и переходное ‘видеть’. Вследствие этого от одних и тех же невозвратных глаголов образуются рефлексивы с разными значениями. Иногда, у возвратных глаголов раз-

Key words: Shor language, reflexive (middle) voice, reflexive verb, syncretism, transitive/intransitive verb, subject, direct object.

виваются метафорические значения. Так, *тудун-* ‘держат, хватать’ образует *тудун-* с прямым значением ‘держаться’ и метафорическими: ‘иметь при себе, употреблять, добывать’: *Қайзы шана тудуна келди.* (ДШГ, 95) ‘Некоторые, лыжи, имея при себе, пришли.’ *Ўр темге шығара кижилер сөök, таи тибеллер тудунғаннар.* (ДШГ, 146) ‘Долгое время люди костяные, каменные орудия употребляли.’ *Иитирлер арақу, чооқташчалар, кем кайдиг мекелиг анаң күйитиг аңнарда тутанарын.* (Курп., 205) ‘Пили араку, рассказывали, кто каких хитрых или сильных зверей добудет.

Во-вторых, шорские глаголы с аффиксом -н- обычно сохраняют сильное управление исходных невозвратных глаголов и требуют от управляемых имен форму в винительном (а) либо в других косвенных падежах (б). Сравните управление невозвратных глаголов *иште-* ‘делать’ (а1) и *чет-* ‘достигать, приближаться’ (б1) и их производных *иштерин-* ‘делать для себя’ (а2) и *чедин-* ‘доставать, приобретать’ (б2):

(а1) *Пис тебирдең таққалар иштедибис.* (ЧУШЯ, 65) ‘Мы из железа подковы делаем.’ (а2) *Ам по оол андиг ишти иштеринча.* (ФШ, 208) ‘Вот этот парень такую работу делает (для себя).’

(б1) *Ылар үжеле аңнар черге четтилер.* (ДШГ, 181) ‘Они втроем до места охоты дошли.’ (б2) *Анчезинде суға чединдим.* (ДШГ, 91) ‘Наконец-то воду достал=для себя=я.’

Бывает, что производные рефлексивы меняют управление по сравнению с исходными невозвратными глаголами. Например, *кап-* ‘хватать’ требует от управляемых имен исходного падежа (в1), так как открывает синтаксическую позицию прямого частичного объекта [Телякова 1994, с. 13]. А образованный от него глагол *кабын-* ‘схватиться’ (в2) управляет формой в дательном-направительном падеже: (в1) *Қан Кес өрекеннің қолунаң қапты.* ‘Кан Кес старухину руку схватил.’; (в2) *Соған камчызын сынаппергени, чылан аға қабыныбысты.* (ФШ, 260) ‘Соған плетку протянул, змея за нее ухватилась.’

Семантика шорских возвратных глаголов, с одной стороны, шире, чем у русских рефлексивов, а с другой, – уже.

Значения глаголов с возвратным аффиксом -н- шире, потому что они выражают общее понятие вовлечения субъекта в действие, которое он производит: субъект и все, что относится к нему, «втянуты» в процесс. Поэтому шорские возвратные глаголы способны открывать места для актантов, называющих прямой объект: Уулчак пойының мойнын сынып, өлүп парды. (Верб., 318) ‘Мальчик, свою шею сломав, умер.’ *Қалық пөрүктерин алыныбысты.* (КК, 97) ‘Народ шапки снял.’

Косвенно-возвратное значение у шорских рефлексивов также гораздо шире, ср.: [Русская грамматика, 1982, с. 618]. Шорский аффикс -н- не только заменяет возвратное местоимение себя в любом падеже, но и выражает значения, которыми обладают местоимения сам и свой в разных падежах: *Аңчылар сөрткелерин тартынганче ол тайгаа парганнар. Охотники, санки за собою таща, в ту тайгу пошли.* Парс чооқтапча, эде полза пақтан чөрзен, қайдыг тыластар менең уқаныңна. (Курп., 204) ‘Барс говорит: «Так будет, если хвастать будешь, какие новости от меня сам слышишь.»’ Бригадир пажын қычынча. ‘Бригадир свою голову чешет.’

Узость возвратного залога в шорском языке проявляется в том, что у рефлексивов наблюдаются не все залоговые значения, которые есть у русских возвратных глаголов. Так, шорские глаголы не выражают взаимно-возвратного значения; а активно-безобъектное и побочно-возвратное значения проявляются ограниченно (см. ниже).

Шорские возвратные глаголы, мотивированные переходными глаголами, распределяются по нескольким лексико-грамматическим разрядам. Субъектом в них всегда выступает одушевленное лицо:

I. Глаголы с собственно-возвратным значением называют действие, направленное на себя: Суғда чунунчам. ‘В реке моюсь.’

II. Глаголы с обще-возвратным значением обозначают психофизическое состояние субъекта: *Қашқачак қоққуйлаанча: «Ас пая-бая».* (ЧУШЯ, 272) ‘Кашкачак печалится: «Ас пая-бая».’

III. Глаголы со средне-возвратным значением называют внешнее проявление переживаемых чувств: Түлгүчектер коруғыжып инге кирире

чажыныбысты. (ДШГ, 238) ‘Лисята, испугавшись, в норе спрятались.’

IV. Глаголы с косвенно-возвратным значением обозначают действия, совершаемые субъектом в своих интересах: Тайгаа парып, поэзына ағаш кезин. (ДШГ, 146) ‘В тайгу поезжай, дрова наруби.’

Шорские рефлексивы, мотивированные переходными, реже переходными глаголами, называют действия, субъектом которых являются неодушевленные и одушевленные лица. Не образуя четких лексико-грамматических разрядов, они выражают значения:

I. Значение перехода из одного состояния в другое: Такта сынды. ‘Стул сломался.’

II. Значение характеристики субъекта, близкое к активно-безобъектному: По түргек чибичек сең алынма тоғаланып одурап. (ДШГ, 115) ‘Этот клубочек ниток перед тобой покатится сам.’

III. Значение «видеться», когда субъект воздействует на органы зрения, видится в каком-то цвете: *Рақта тағлар көрүнча, ағаш пирда чоқ.* (Ўлгер, 106) ‘Вдалеке горы виднеются, деревья ни одного нет.’

VI. Глаголы с побочно-возвратным значением описывают приближение и соприкосновение с целью движения: *Кебе суг қажына чағынады.* (ДШГ, 142) ‘Лодка к берегу реки приближалась.’

Итак, нами рассмотрены рефлексивные глаголы шорского языка, их образование, классификация в зависимости от их соотношения с производящим глаголом. Представлены различия в значениях шорских и русских рефлексивов. Особенностью шорских возвратных глаголов является то, что они не выражают взаимно-возвратного действия, а активно-безобъектное и побочно-возвратное значения проявляются ограниченно. Но самое главное отличие состоит в том, что возвратность понимается в шорском языке гораздо шире, чем в русском. Если русские конструкции с возвратными глаголами показывают, что действие, исходящее от субъекта, замыкается на нем же, то согласно шорскому пониманию, не только субъект, но и все, что есть у него и находится на нем или при нем, «втягивается» в процесс воздействия. Поэтому самое большое отличие шорских рефлексивов заключается в том, что они допускают при себе прямое дополнение, т.е. в отличие от русских возвратных глаголов не являются переходными.

ЛИТЕРАТУРА

1. Русская грамматика. – М.: Наука, 1982. – Т. I. – 783 с.
2. Телякова, В. М. Простое предложение в шорском языке (в сопоставлении с русским): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Новосибирск, 1994. – 22 с.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

- Верб. – Словарь алтайского и аладагского наречий тюркского языка. Горно-Алтайск: Изд-во «Ак Чечек», 2005. – 504 с.
- ДШГ – Дыренкова Н. П. Грамматика шорского языка. – М., Л.: Изд-во АН СССР, 1941. – 307 с.
- ДШФ – Дыренкова Н. П. Шорский фольклор / Отв. ред. И. И. Мещанинов. – М., Л.: Изд-во АН СССР, 1940. – 448 с.
- КК – Пушкин А. С. Капитанның кызы / Пер. И. Я. Арбачакова. – Новосибирск, 1941. – 171 с.
- Курпешко – Курпешко Н. Н., Сандыкова Н. А. Тексты на шорском языке. // Экспедиционные материалы по языкам народов Сибири (1995 – 2012 гг.) / Отв. ред. Н. Н. Широбокова. – Новосибирск: Изд-во ООО «Открытый квадрат», 2012. – С. 200 – 210.
- Ўлгер – Ўлгер. Қыырчаң ном / Сост. Г. В. Косточаков / Под ред. А. И. Чудоякова, М. П. Амзорова. – Кемерово, 1995. – 174 с.
- ФШ – Фольклор шорцев: в записях 1911, 1925 – 1930, 1959 – 1960, 1974, 1990 – 2007 годов / Сост. Л. Н. Арбачакова. – Новосибирск: Наука, 2010. (Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока; т. 29). – 608 с.
- ЧУШЯ – Чиспияков Э. Ф. Учебник шорского языка: Пособие для преподавателей и студентов. – Кемерово: Кемеровское кн. изд-во, 1992. – 318 с.

П. Е. Белоглазов,

*Хакасский научно-исследовательский институт
языка, литературы и истории (Россия)*

**ПОСТЕПЕННОЕ СОКРАЩЕНИЕ КОЛИЧЕСТВА
ЛЕКСИКО-ГРАММАТИЧЕСКИХ ОМОНИМОВ В ХАКАССКОМ ЯЗЫКЕ**

В статье рассматриваются первичные или лексико-грамматические омонимы хакасского языка. Установлено, что в более ранние времена их количество могло быть значительным, в процессе развития основного словарного фонда языка их количество постепенно сокращалось, они заменялись производными формами. Образование лексико-грамматических омонимов

от корня-глагола служило одним из важнейших способов морфологического развития частей речи (имен и глаголов) на ранних этапах истории тюркских языков.

Ключевые слова: хакасский язык, лексикология, лексико-грамматические омонимы, лингвистический анализ.

P. Ye. Beloglazov,

*Khakass Scientific Research Institute of Language,
Literature and History (Russia)*

**GRADUAL REDUCTION IN THE NUMBER OF LEXICO-GRAMMATICAL HOMONYMS
IN THE KHAKASS LANGUAGE**

The article deals with the primary or lexical and grammatical homonyms of the Khakass language. It is established that in earlier times their number could be significant, in the process of development of the basic vocabulary of the language their number gradually decreased, they were replaced by derivative forms. The formation of lexical and

grammatical homonyms from the root-verb served as one of the most important ways of morphological development of parts of speech (names and verbs) in the early stages of the history of Turkic languages.

Key words: Khakass language, lexicology, lexico-grammatical homonyms, linguistic analysis.

В современном хакасском и других родственных тюркских языках наблюдается три типа омонимии: 1) фонетические (ат (хак.) «лошадь» – *ат* (хак.) «имя»); 2) лексические или полисемические (пас- (хак.) «наступать» – *пас-* «писать»); 3) лексико-грамматические или первичные омонимы (*тын* «душа» – *тын-* «дышать», *тоң* «мерзлый» – *тоң-* «мерзнуть»).

Первые два типа омонимов значительно отличаются от третьего тем, что у них при одинаковом фонетическом звучании семантика всегда различна, и они представляют собой в языке исторически развивающееся явление, а у лексико-грамматических или первичных при одинаковом фонетическом звучании семантические их значения этимологически не расходятся, различаясь лишь грамматически, в языке

идет постепенное ослабление и исчезновение лексико-грамматических омонимов с заменой новой формой слова. Можно сказать, что первичные омонимы имеют лексико-грамматический характер: *tat* (кир.) «вкус» – *tat-* (кир., др-тюрк.) «вкусать, пробовать на вкус»; *чух* (хак.) «смола» – *чух-* (хак.) «прилипать, приставать»; *чар* (хак.) «берег» – *чар-* (хак.) «колоть, раскалывать»; *хат* (хак.) «слой, ряд» – *хат-* (хак.) «повторять»; *сис* (хак.) «опухоль» – *сис-* (хак.) «опухать» и др.

По поводу происхождения первичных или лексико-грамматических омонимов в тюркологии существует предположение, что они исторически происходят от глагольных корней с помощью формообразующих аффиксов, а их омонимическая внешняя форма объясняется звуковым совпадением двух принципиально различных морфем (аффиксов именных и глагольных). Семантическая близость омонимического корневого слова связана с тем, что обе пары происходят из одного и того же корня-глагола [Юнусалиев, 1955, с. 79].

Некоторые лексико-грамматические омонимы не сохранились в языке попарно, но они из языка не исчезли: или бытуют их именные формы при отсутствии глагола (*той* (хак.) «пир, праздник»), или встречаются лишь глагольные формы при исчезновении именной пары (*хыс-* (хак.) «жать, давить, теснить») и т.д. Наблюдаются случаи, когда обе части односложного омонима перестали функционировать в качестве самостоятельного корневого слова, но от них сохранились вторичные производные формы.

Так, при отсутствии в хакасском языке обеих частей омонимов *tat* «вкус» и *tat-* «пробовать на вкус» есть производные формы вторичного образования, передающие те же значения, которые выражались ныне исчезнувшими односложными формами: *tatxyn* (хак.) «вкус», *тадиш* (хак.) «сладость, вкус», *тады-* (хак.) «иметь вкус, привкус» (ср. исходные формы: *tat-* (др-тюрк.) «1) пробовать, вкушать; 2) приходится по вкусу, быть приятным»; *tat-* (кир.) «пробовать на вкус, вкушать», *tat* (кир.) «вкус»); вместо утраченного *түт* «дым» и *түт-* «дымить» возникли производные: *түдүн* (хак.) «дым», *түде-* (хак.) «дымить» (ср. исходные: *түт-* (др-тюрк.) «дымиться, испускать дым, куриться») и т.д.

Действие закона развития лексики от простого к сложному продолжает действовать на дальнейших этапах истории языка, так же, как не перестает постепенно расширяться круг понятий, которые не существуют вне форм слов и

словосочетаний. Отсюда мы наблюдаем исчезновение одних (простых) форм и появление других (более сложных) форм корневых слов.

Вероятно, старая форма не сразу заменяется новой и обе какое-то время продолжают сосуществовать. Так, в хакасском языке существуют формы, одна из которых представляет форму первичной омонимии, а другие – производные, вторичные: *сис* (хак.) «нарыв, фурункул» и *сис-* (хак.) «1) нарывать; 2) вздуться, вспухать, опухать, отекает; 3) вздуться, пучить» и производное от нее слово с тем же лексическим значением – *сизиг* (хак.) «опухоль»; *муң* (хак.) «1) печаль, страдание; мучение», глагольная пара сохранилась в киргизском языке – *муң-* «печалиться» (сравните *муну-* (хак.) «дряхлеть, впадать в (старческий) маразм»), развились производные: *муңныг* (хак.) «1) болезненный, страдающий чем-л.; 2) с увечьем, дефектный (о человеке, животном); с дефектом, с изъяном (о вещах)»; *муңда-* (хак.) «нуждаться в чем-л. и *муңнан-* (хак.) «1) печалиться, страдать; 2) быть обремененным заботами» и т.д. При наличии в языке подобных параллельных синонимических форм слов односложная форма оказывается менее устойчивой и архаичной, а производная – более активной.

Постепенное ослабление роли параллельных простейших форм ведет к их исчезновению, от которого язык ничего не теряет, так как значение передается производной формой. Основной словарный фонд языка от этого выигрывает тем, что сокращается число параллельных, омонимических форм. Вероятно, что все односложные первичные омонимы, которые в ходе истории языка перестали функционировать в качестве самостоятельной лексической единицы и ныне устанавливаются только путем сравнительного анализа с родственными языками, прошли тот же процесс временного параллельного сосуществования и постепенного исчезновения в связи с активной ролью новых производных форм.

В возникновении, изменении и развитии лексико-грамматических омонимов в ядре основного словарного фонда наблюдается та закономерность развития языка, при которой переход языка от старого качества к новому совершается не путем одновременной замены всех старых новыми, а путем постепенного накопления новых форм. На ранних этапах развития тюркских языков способ создания омонимических пар от корня-глагола имел широкое распространение. В современных языках они сохранились в виде пережиточных явлений. Их количество возрастает по мере удаления вглубь

истории языка. Это подтверждается тем, что в более древнем языке, древнеуйгурском, по словарю Махмуда Кашгарского, который, надо полагать, далеко не полностью зафиксировал бытующие в его эпоху корневые слова, насчитывается около 50 пар первичных омонимов, то есть по меньшей мере вдвое больше, чем в любом современном тюркском языке.

В более раннюю эпоху, в период енисейских надписей, количество омонимических пар в языке было гораздо больше, чем в языках – его потомках. Только фрагментарность енисейских надписей и специфическое (военно-политическое) содержание орхонских письменных документов при небольшом объеме текстового материала не позволяет современным тюркологами сделать анализ основного словарного фонда языка надписей [Юнусалиев, 1955, с. 82].

Однако изучение фактов живых и мертвых тюркских языков дают возможность тюркологам представить себе картину той закономерности развития в языке, которая действовала в области изменения в ядре основного словарного фонда еще задолго до появления письменных памятников. Зная такие современные факты, как постепенное исчезновение первичных омонимов с заменой их вторичной производной формой, учитывая историю морфологического развития слова (модели словообразования), наука о языке может безошибочно определить происхождение современных форм *чалын* (хак.) «пламя», *чазыр-* (хак.) «прятать», *туза-* (хак.) «накладывать путы» и т. д. Оказывается, что они восходят к односложным формам: **чал-* «пламенеть», **час-* «прятать» и т. д., которые были зафиксированы М. Кашгарским в середине XI в. в качестве самостоятельных слов [Юнусалиев, 195, с. 83]. Более того, устанавливается, что эти слова были

парными омонимами, только некоторые из них сохранились в современном хакасском (например, *чал* «пламя»), но другие обнаруживаются в основе производных слов, их заменивших: *чалын* (хак.) «1) молния; 2) пламя; 3) искра», *чалбыра-* (хак.) «гореть, пылать (об огне); сверкать (о молнии), *чалых-* (хак.) «1) обжариться (о мясе); 2) обгореть»; *чазын-* (хак.) «прятаться, скрываться, укрываться», *чазыт* (хак.) «1. тайна, секрет; 2. тайный, секретный»; *тузах* (хак.) «1) путы, оковы; 2) силок, петля для ловли птиц, мелких животных», *тузаг* (хак.) «спутывание лошади», *тузамах* (хак.) «1) путы (для лошади); 2) сборки на подоле женской шубы (на уровне колен)» и т. д.

В результате процесса постепенной замены односложных слов вновь возникшими производными формами в живых языках постепенно исчезали первообразные формы, и на современном этапе первичные омонимы сохранились в виде архаичных пережиточных явлений. Способ образования от глагола лексико-грамматических омонимов в хакасском и других современных тюркских языках давно перестал быть продуктивным, тогда как в древнеуйгурском, вероятно, он был еще вполне продуктивным и живым, так как наряду с живым корнем-глаголом *са-* «считать» имелись и производные омонимические *сан* «счет, число» и *сан-* «считать» и др.

Постепенное сокращение числа первичных омонимов по мере приближения к современности и, наоборот, постепенное возрастание их числа по мере удаления вглубь истории языка свидетельствуют о том, что образование лексико-грамматических омонимов от корня-глагола служило одним из важнейших способов морфологического развития частей речи (имен и глаголов) на ранних этапах истории тюркских языков.

ЛИТЕРАТУРА

1. Древнетюркский словарь. – Ленинград: Наука, 1969 – 676 с.
2. Малов, С. Е. Енисейская письменность тюрков. – М.-Л: Издательство Академии наук СССР. 1952.
3. Севортян, Э. В. Соотношение грамматики и лексики в тюркских языках // Вопросы теории и истории языка. – М., 1952.
4. Хакасско-русский словарь. – Новосибирск: Наука, 2006. – 1112 с.
5. Щербак, А. М. Сравнительная фонетика тюркских языков. – Ленинград: Наука, 1970. – 204 с.
6. Юдахин, К. К. Киргизско-русский словарь. – М.: Наука, 1940. – 576с.
7. Юнусалиев, Б. М. Киргизская лексикология. Ч. 1. – Фрунзе, 1955. – 248 с.

*И. М. Чебочакова,**Хакасский научно-исследовательский институт
языка, литературы и истории (Россия)***О СОЗДАНИИ НОВЫХ ТЕРМИНОВ В ХАКАССКОМ ЯЗЫКЕ**

Данная статья посвящена рассмотрению особенностей производства лингвистических терминов хакасского языка, материал для анализа был взят из «Русско-хакасского словаря лингвистических терминов» (2012). Данный словарь включает 1109 терминов, часть из которых является новой. Этот материал достаточно интересен в связи с тем, что словарь выпущен относительно недавно, его словарные статьи обсуждались на заседаниях Терминологической

комиссии при Министерстве образования и науки Республики Хакасия, решения по созданию отдельных неологизмов отражены в протоколах данной комиссии. Словотворческий аспект сегодня подразумевает обращение как к калькированию, являющемуся своего рода скрытым заимствованием, так и к подбору подходящего термина на основе схожести понятий.

Ключевые слова: хакасский язык, термины, словотворчество, словообразование, словарь.

*I. M. Chebochakova,**Khakass Scientific Research Institute
of Language, Literature and History (Russia)***THE CREATION OF NEW TERMS IN THE KHAKAS LANGUAGE**

This article deals with the peculiarities of production of linguistic terms of the Khakass language material for analysis was taken from «Russian-Khakas dictionary of linguistic terms» (2012). This dictionary includes 1109 terms, some of which are new. This material is quite interesting due to the fact that the dictionary was released relatively recently, its dictionary entries were discussed at meetings of the Terminology Commission under the

Ministry of education and science of the Republic of Khakassia, decisions on the creation of separate neologisms are reflected in the protocols of this Commission. The word-making aspect today implies the reference both to calculus, which is a kind of hidden borrowing, and to the selection of a suitable term based on the similarity of concepts.

Key words: Khakass language, terms, word creation, word formation, dictionary.

Явления словообразования в современной тюркологии классифицируются в основном в трех аспектах. Первый, самый распространенный из них, связан с анализом дериватов-продуктов словообразовательных процессов без учета их динамической составляющей, когда рассматриваются статичные схемы, структура и обобщенная семантика производных. Этот подход связан с именами Н.А. Баскакова, А.Н. Кононова, Э.В. Севортяна и других исследователей. Второй аспект связан с анализом словотворческой деятельности, внутренней формы слова, признака, положенного в основу создания наименования, и применения приема моделирования при объяснении особенностей образования тех или иных слов. В частности, основы применения приема моделирования в тюркских языках разрабатывал М.М. Хусаинов [Хусаинов, 1975]. Частично использован этот подход в работе, посвященной словообразованию существительных хакасского языка [Тараканова, 2008]. Третий аспект подра-

зумекает анализ словообразовательных явлений, исходя из схожести их семантики [Ганиев, 2009].

Данная статья посвящена рассмотрению особенностей производства лингвистических терминов хакасского языка, материал для анализа был взят из «Русско-хакасского словаря лингвистических терминов» (2012). Данный словарь включает 1109 терминов, часть из которых является новой. Этот материал достаточно интересен в связи с тем, что словарь выпущен относительно недавно, его словарные статьи обсуждались на заседаниях Терминологической комиссии при Министерстве образования и науки Республики Хакасия, решения по созданию отдельных неологизмов отражены в протоколах данной комиссии. Отметим, что данная комиссия была воссоздана в 2004 г. как консультативно-совещательный орган для обсуждения и принятия согласованного решения по проблемам развития хакасского языка. Она в своей деятельности руководствуется Конституцией Российской Федерации, Конституцией

Республики Хакасия, Законом Российской Федерации от 25.10.91. № 1807-01 «О языках народов Российской Федерации», Законом Республики Хакасия от 20.10.92. № 11 «О языках народов Республики Хакасия», другими нормативно-правовыми актами Российской Федерации и Республики Хакасия, а также Положением о Терминологической комиссии. Задачами комиссии на момент ее создания были провозглашены: сохранение и развитие хакасского литературного языка, подготовка предложений в органы государственной власти Республики Хакасия по реализации государственной языковой политики и по вопросам функционирования хакасского языка. В нее вошли представители Министерства образования и науки РХ, научных и образовательных учреждений Республики Хакасия (ХакНИИЯЛИ, ХГУ им. Н. Ф. Катанова, ХакИРОиПРО), Хакасского книжного издательства, общественных объединений (Союз писателей Республики Хакасия), средств массовой информации (республиканской газеты на хакасском языке «Хабар», ГТРК РХ).

Как отмечает одна из авторов и редактор рассматриваемого труда О.В. Субракова в своей вводной статье, он является четвертым, изрядно расширенным изданием, куда вошло много новых терминов, к примеру, в первый выпуск словаря лингвистических терминов Н.Г. Доможакова (1950) вошло 309 слов. Начиная с 2008 г. на заседаниях Терминологической комиссии при Министерстве образования и науки Республики Хакасия велось обсуждение терминов, представленных в предыдущем словаре (2001). В результате этой работы было внесено много правок в сами словарные статьи, а также введены новые термины. Часть лингвистических понятий, обозначавшихся ранее прямыми заимствованиями из русского языка, получила названия, созданные на хакасской почве. К таковым, например, относятся слова аллегория – *ибіркi чоох*, диалог – *ирбек*, цель – *кбстег*, задача – *пбгін*, кавычки – *тырбах* [Субракова, 2012, с. 8–9]. Были даны пояснения на хакасском языке к некоторым терминам, например: АБЗАЦ абзац [*пiр хызыл чолдаң пасха хызыл чолга читіре пазылчатхан чоох кизегі*], АГГЛЮТИНАТИВНЫЕ ЯЗЫКИ агглютинативной тіллер [*пiрее тіллерде хозымнар хубулбинчатхан ббнге, тбстікке изерістіре хозылып одырчалар, ол түрк, финно-угорскай тіллер*], СЛАВЯНСКИЕ ЯЗЫКИ славян тіллері [*индоевропа семья тіллеріне кірчеткен нинче-де пблік тіллер. Ббнінде олар үс пблікке кірчелер: 1) орыс,*

украин, белорус тіллері; 2) поляк, чех тіллері; 3) болгар, серб-хорват, македон тіллері].

Следует отметить, что при работе с терминами рекомендовано было исходить из следующих принципов: переводить сложные наименования в соответствии с общими правилами построения словосочетаний в хакасском языке, с учетом особенностей их семантики: к главному компоненту, являющимся также семантическим ядром, примыкают другие структурные элементы по убыванию их семантической значимости. Также, для облегчения структуры сложного наименования, если это возможно, отсекаются падежные показатели в его составе. Таким образом, словотворческий аспект сегодня подразумевает обращение как к калькированию, являющемуся своего рода скрытым заимствованием, так и к подбору подходящего термина на основе схожести понятий. Последний способ терминологизации не может быть продуктивен в силу того, что лингвистические понятия и совокупность лингвистических терминов как терминологическая подсистема относительно новы для хакасского языка.

Приведем примеры разных способов передачи понятий лингвистики, к ним относятся калькирование и истолкование.

Калькирование:

1. Кальки синтетической структуры (полные соответствия) (ЦОКАНЬЕ *цолас*, ЧАСТИЦА *кизегес*, ЧОКАНЬЕ *чолас*, ОКАНЬЕ *олас*, ОБРАЩЕНИЕ *айланыс*, ОПРЕДЕЛЕНИЕ *чарытхы*).

2. Кальки аналитической структуры:

1) полные соответствия (ЧИСЛО МНОЖЕСТВЕННОЕ *кбп сан*, ЧИСЛО ЕДИНСТВЕННОЕ *пiр сан*, ЧИСЛИТЕЛЬНЫЕ СОБИРАТЕЛЬНЫЕ *чылыстыг саннар*, СОСТАВНЫЕ ЧИСЛИТЕЛЬНЫЕ *хатаглыг саннар*, ЯЗЫК ИСКУССТВЕННЫЙ *арган тіл*, ВЕЖЛИВОЕ ОБРАЩЕНИЕ *иптіг айланыс*);

2) построенные на основе изафетной связи (ЧУЖАЯ РЕЧЬ *кізі чоогы* (чужой+речь=его), ЧАСТИЦЫ СОМНЕНИЯ *ікінчiлес кизегестері* (сомнение+частицы=его), ЧАСТИЦЫ СРАВНЕНИЯ *тиңнестіріс кизегестері* (сравнение+частицы=его), ТИПЫ СВЯЗИ СЛОВ *сбс палгалызының кбрімнері* (слово+связи=его+виды=их), СТЕПЕНИ СРАВНЕНИЯ *тиңнестіріс синнері* (сравнение+степени=их), СЛОЖНОЕ СЛОВСОЧЕТАНИЕ *хадыл сбс пiрігізі* (сложное+слово+сочетание=его), ОРГАНЫ РЕЧИ *чоох органнары* (речь+органы=ее), СЛОВООБРАЗОВАНИЕ СЕМАНТИЧЕСКОЕ *семантика сбс пүдірізі* (семантика+слово+образова-

ние=его), ЭТИМОЛОГИЧЕСКИЙ СЛОВАРЬ *этимология сөстігі* (этимология+словарь=ее);

3) неполные соответствия разных типов (ЯЗЫКОЗНАНИЕ *тілдеңер наука* (о языке+наука), ШКОЛЬНЫЙ СЛОВАРЬ *үзгенділер сөстігі* (ученики+словарь=их), ЯЗЫК НАЦИОНАЛЬНЫЙ *нациялар тілі* (нации+язык=их), ХАМИТСКИЕ ЯЗЫКИ *хамит тіллері* (усечение первого компонента), СЛАВЯНСКИЕ ЯЗЫКИ *славян тіллері* (усечение первого компонента)).

Истолкование:

ЭПИТЕТ ПОСТОЯННЫЙ *сип парған хоос чарытхы*, ЭКСПРЕССИВНАЯ ЛЕКСИКА *көдіре тузалыг сөстер*, УНИФИКАЦИЯ АЛФАВИТОВ *прай тіллернің алфавиттерін төбй, пір оңдайлыг идері*, ТЮРКСКИЕ ЗАИМСТВОВАНИЯ *түрк тіллердең алылған сөстер*, ТЕРМИНЫ РОДСТВА *туган-чагыннарны таныхтапчатхан термин-сөстер*, СТРОКА *пічк чолы*, СТИЛЬ НАУЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ *наука тогыстары тілінің стилы*, СОЦИАЛЬНЫЕ ДИАЛЕКТЫ

пір тогыстыг, төбй чуртастыг кізілернің тілі, ОГУБЛЕНИЕ *иріннер полызишаң тапсаглар нүтчеткені*, НАЗАЛИЗАЦИЯ ЗВУКОВ *пурун тапсагларының нүдізі [тапсагларны адапчатса, табыс пурун настыра сыхчатханы]*, МОДАЛЬНЫЕ СЛОВА *модальность көзітчеткен сөстер [ол постарының лексика тузаларын чідір салған сөстер: полар-полбас, чарир-чарабас]*, МОРФОЛОГИЧЕСКИЙ СПОСОБ СЛОВООБРАЗОВАНИЯ *сөстернің хозымнар полызишаң нүтчеткені*.

Нами рассмотрены способы передачи лингвистических понятий в хакасском языке. Таким образом, термины – слова или словосочетания, обозначающие понятия специальной области знания или деятельности – входят в общую лексическую систему языка через посредство конкретной терминологической системы, и так происходит обогащение и развитие лексического фонда хакасского языка и хакасского литературного языка в целом.

ЛИТЕРАТУРА

1. Анжиганова, О.П., Боргояков, М.И., Патачакова Д.Ф., Субракова, О.В. Русско-хакасский словарь лингвистических терминов=Лингвистика терминнерінің орыс-хакас сөстігі. Абакан: Хакасское книжное изд-во, 2012. – 58 с.
2. Ганиев, Ф.А. Функциональное словообразование в современном татарском литературном языке. Казань: Изд-во при ИЯЛДИ АН РТ, 2009. – 237 с.
3. Субракова, О.В. Хакас литература тілінің лингвистика терминнерінеңер // Анжиганова О.П., Боргояков М.И., Патачакова Д.Ф., Субракова О.В.
4. Тараканова, И.М. Словообразование имен существительных в хакасском языке. Абакан: Хакасское кн. изд-во, 2008. – 173 с.
5. Хусаинов, М.М. О природе словообразовательных моделей // Советская тюркология. – 1975. – №3. – С. 10–19.

Р.П. Абдина,

Хакасский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории (Россия)

НАИМЕНОВАНИЯ ДЕТАЛЕЙ ЮРТЫ В ХАКАССКОМ ЯЗЫКЕ В СРАВНИТЕЛЬНОМ АСПЕКТЕ

В данной работе рассмотрены наименования деталей хакасского традиционного жилья – юрты. Практически все намерения имеют параллели в тюркских и монгольских языках. Это наиболее древний пласт лексики, имеющий тюркско-монгольское происхождение.

Все наименования деталей юрты находят отражение в фольклорном материале.

Ключевые слова: хакасский язык, юрта, словообразование, тюркские языки.

NAMES OF PARTS OF THE YURT IN KHAKAS LANGUAGE IN A COMPARATIVE PERSPECTIVE

In this paper we consider the names of the details of Khakass traditional housing – Yurt. Almost all intentions have Parallels in Turkic and Mongolian languages. This is the most ancient layer of vocabulary, which has a Turkic-Mongolian origin.

В данной статье предложено описание и анализ наименований деталей юрты хакасском языке с привлечением материалов из других тюркских языков. Данные наименования на сегодняшний день составляют пассивный пласт лексики хакасского языка, в силу определенных исторических процессов некоторые из них архаизируются или полностью выходят из употребления.

Основанием переносной юрты служила круглая стена, цилиндрической формы, называемая хана. В хакасском языке словом хана обозначается не только стена в юрте, но и любая другая стена, как структурный элемент в архитектуре и строительстве. Например; *хазаа ханазы* – стены скотного двора; *Китай ханазы* – Китайская стена. Другое значение этого слова ‘забор’: *чарды хана* – дощатый забор.

Часть решетчатой стены, ее звенья в юрте называется словом ханат, имеющим аналоги в других языках.

Ср.: чаг. qanat ‘стена палатки’; тур. kanat, башк. ккалп., каз. qanat, кирг. qanat, алт. qanat ‘звено, часть решетки юрты’.

Исследователи сравнивают тюрк. qanat ‘звено решетки юрты’ с монг. qana ‘решетчатая стена юрты’. [СИГТЯ, 1997, с. 504].

В хакасском языке, по всей видимости, мы наблюдаем перенос первоначального значения: решетчатая стена в юрте > стена > забор.

Собственно решётчатые стены переносной юрты, которые сверху покрывались войлоком или берестой, назывались тирме; например, ағас тирме деревянные решётки юрты. Отсюда произошло название юрты – *тирмелиг иб* – решетчатая юрта. Например:

Алтын столдаң тур килеедір,
Тимін салып, тимненібіскен,
Тимніг хуйағын кискен.
Тимніг хуйағын кис турғанда,
Тирмелиг иб тітірес турадыр,

All the names of the details of the Yurt are reflected in the folk material.

Key words: Khakass language, Yurt, word formation, Turkic languages.

Из-за золотого стола встала,
Приготовленный свой панцирь надевала.
Когда приготовленный панцирь она надевала,
Юрта с решетчатым остовом дрожала...

[АХ, 1997. С. 331]

Ср.: ср.-кыпч. *terme*, тат. *tirma*, башк. *tirma*, тув. *terbe*, каз. *terme* ‘переплет юрты’, калм. *term* ‘стенная решетка (кибитки)’.

Слово *терме*, по мнению исследователей, заимствовано из монгольских языков *term* – ‘деревянная решетка стен войлочной кибитки’. [СИГТЯ, 1997, с. 503].

Решетчатые стены юрты делались из перекрещивающихся четырехгранных палок, которые в точках перекрещивания сцеплялись кожаным ремешком. Решетчатую стену можно было сужать и растягивать до нужного размера. Такое подвижное сцепление позволяло уменьшить или увеличить площадь юрты, поэтому размеры юрты были разными [Патачаков, 1982, с. 23]. По сообщению Г. Спасского решетчатая стена имела высоту в среднем около 1,75–1,80 м, высота от пола до дымового отверстия достигала до 3,8 м, следовательно, высота крыши достигала около 2 м, диаметр ее составлял от 6 до 10 метров. Поперечник дымового отверстия 70–80 см, иногда больше [Спасский, 1818]

Сверху после покрытия войлоком юрты обвязывались веревками *пазыртпах*.

Ср.: др.-уйг. *baууѣ* ‘веревка для юрты’, чаг. *baуiѣ* ‘привязи у палатки’, турк. *baууѣ* ‘место соединения остова кибитки с крышей’. Дж. Клоксон считает *baууѣ* отымённым образованием от *baу* ‘связка’. Э.В. Севортыан относит основу *baууѣ* к отглагольным именам: *baу-* ‘связывать’. В хакасском языке данное слово, по всей видимости произошло от глагольной основы *пазырарга* ‘придавливать/подпирать’.

С внутренней стороны юрты для устойчивости вбивались колышки *өрген*, к которым и привязывались *тирме*.

ікі хулун ам киліп түстілер,
түзіп, ээзін хаапчыгтар,
читі өрген ходыра тартчыгтар,
ээзін алып, учуғып сыхтылар.

два жеребёнка теперь спустились,
спутившись, своего хозяина схватили,
семь колов вытащили,
своего хозяина взяв, полетели.

[НЛТП, 2018. С. 269]

Наименования этих деталей в хакасском языке имеют диалектные варианты: Шор сай-али ‘жердь и кол (вбиваемые по кругу юрты)’. Собственно столб, подпорка, опора в юрте называется махан/пахан: пахан/пахан тургызарга – ставить подпорку.

Ср. алт. макана ‘палочка для войлочной юрты (подпорка, предназначенная для разных целей, в том числе и при постройке юрты)’.

Верхняя куполообразная часть юрты скреплялась при помощи жердей, вставленных в своеобразный обруч хараачы.

Хараачы – ободок вокруг дымоходного отверстия юрты, сцепляющий жерди юрты, образующие куполообразную крышу. Про эту деталь юрты в хакасском языке загадка: *чүс харындас нір хурлыг (хараачы)* загадка сто братьев одним поясом опоясаны (*хараачы*). А также она упоминается в фольклорных произведениях:

чуртына читті Алтын Пырхан.
Ағылған парыстың теерізінен
алтын өрге пүдірді,
тигірнең теектіг полды,
чирнең мархалыг полды,
алтын өрге пүдірді.
Хара пулут киліпчетсе,
пу хараачынаң чара парчадыр,
ах пулут киліпчетсе,
ханат пазынаң ортачара парчадыр.

в свой чурт приехал Алтын-Пырхан.
Из привезённой тигриной шкуры
золотой ёрге построил,
к небу привязал,
к земле пристегнул,
такой золотой ёрге построил.
Если чёрное облако идёт,
оно обручем-карачы пополам делится,
если белое облако идёт,
оно вершиной стенки-ханат пополам делится.
[НЛТП, 2018, с. 93]

Название аналогичной детали юрты встречаются во многих языках:

Ср.: алт. *карачы* ‘верхнее дымовое отверстие’, шор. *карачу* ‘обруч, сцепляющий жерди конусообразной юрты’, ‘дымовое отверстие в юрте’, бур. *харааса* ‘матица в восьмистенной

юрте’, калм. *харач* ‘матица, круг юрты’, монг. *хараачы* ‘деревянная рама верхнего отверстия юрты’.

По мнению исследователей, это слово заимствовано из монгольских языков от карай ‘круг, обруч, обод’.

От названия этой основной детали образован составной термин, характеризующий конструкцию юрты: *харачылыг иб*:

Сүмін салып, сүмненібіскен,
Сүмніг хуйағын кискен.
Хур тартынып, айлан турза,
Харачалыг иб халтырас турадыр.

Снаряжение кладя, она собиралась,
Приготовленный панцирь надела.
Когда, подтягивая пояс, топталась,
Юрта с хараачы наверху дрожала...

[АХ, 1997, с. 333]

Свод купола деревянной (не переносной) юрты назывался хыйынды. Ср.: алт. *жабынты* ‘крыша’. По всей видимости, в хакасском языке термин хыйынды произошел от основы хыйын ‘наклонно’ про помощи словообразующего аффикса *-ды*, который образует существительные со значением результата, крыша же в хакасском языке называется *хыр*. Ср.: кирг. *гир* ‘свес крыши, выступающий над стеной’.

В переносной юрте в обруч хараачы вставлялись шесты ух/уғу, идущие от решетчатых стен.

Ср.: др.-тюрк. у:к ‘дугообразные палки деревянного остова кибитки’, алт. уна ‘шест крыши в конусообразной войлочной юрте’, турк. ууг ‘деревянные колки, на которых держится верх кибитки’, уз. ууғ ‘жердь, скрепляющая нижнюю часть юрты с ее верхним ободом’, кирг. ууг ‘жерди купола юрты’, каз. ұвык ‘кривые палочки, на которых поднимется и держится верхний круг юрты’.

Наверху обруч сцеплялся четырьмя параллельно пересекающимися перекладинами пүгүрт.

В ХРС слово пүгүрт приведено в следующих значениях 1) поперечные перекладины круга дымового отверстия юрты; 2) купол юрты: *алтын пүгүрттіг иб* – юрта с золотым куполом.

Данное слово, по всей видимости, образовано от глагольной основы *пүгүрерге* – сгибать, гнуть, погибать.

Выгнутые стороны пүгүрт обращены кверху, образуя дымовое отверстие тунук. Например: *Иб істін от паза тунуктең кірген кун хараа чарытхан* [БИА, 2010, с. 195] – внутренность дома огонь и через тунук проходящий луч освещал. В хакасском языке слово тунук имеет переносное

значение – двор (хозяйство). Например: *ол аалда пис ле тўнўк* – в той деревне только пять дворов (семей). В фольклоре это слово используется в следующих значениях: *тигир тўнўк* – окно, отверстие в Верхний мир; *чир тўнўк* отверстие в Подземный мир. Например:

Ханар Хоо, Ай Мирген, Алтын Кіріс
 ўзўлең парилар.
 Арғалығ сыны азып парилар,
 арбаттығ сўлін тобырып парилар,
 тигірниң тўнўкке читтілер,
 тубан полып, хара чирге тўстілер.
 Ханар-Хоо, Ай-Мирген, Алтын-Кирис –

втроём поехали.
 Высокий хребет переваливают,
 степь за степью проезжают,
 до отверстия в Верхний мир доехали,
 туманом став, на чёрную землю спустились
 [НЛТП, 2018, с. 388].

Нередко в фольклорных произведениях чир тўнўк синонимично слову тўндўк, обозначающее проход – дыру в подземный мир, преисподнюю.

Чир тўндўгине чит килип,
 Аттаң тўзе хонған,
 Азыр чадазын суураған,
 Чалбах моладың сығара тартхан,
 Хара чирдең тўндўгін
 Алғыда кисклеп турадыр.

К тюндюку земли подъехав,
 Она спешилась,
 Копье (заостренное) с двух концов извлекла,
 Широкий свой меч достала, тюндюк великой
 земли рубит [АХ, 1997. С. 262].

Слово *тўнўк* в значении ‘окно’ используется в загадках: Загадка: *тўнўгї чоғыл, ізігі чоғыл, істніде кізі толдыра* – без окон, без дверей, полна горница людей (арбуз).

Слово *тўнўк*, как и сама деталь юрты встречается в большинстве тюркских языков.

Ср.: алт.: *тўнўк* ‘дымовое отверстие’, каз. *тўндік* ‘покрышка дымового отверстия’, ккалп. *тўндік* ‘квадратная кошма, покрывающая верхний круг юрты, купол’, тув., *тўндўк*, узб. *туйнуқ* ‘отверстие в крыше для освещения, для выхода дыма’, як. *туннуқ* ‘окно’, кирг. *тўндўк* ‘верхний деревянный круг остова юрты, держащихся на верхних концах ууков’, тат. *тўнлек* ‘дымовое отверстие’.

Относительно этимологии этого слова у исследователей различные мнения. Некоторые считают, что *тўлўк* восходит к *тўң* ‘окно, свет, лунный свет’, другие отмечают первоначальная

форма *тўнўк* это *тўнлўк*, возникло благодаря народной этимологии путем подравнивания к *тўн* ‘ночь’, или ‘дым’. [СИГТЯ, 1997, с. 509].

В хакасском языке имеются лексические и семантические диалектные варианты этого слова: Саг. *кўндўк* ‘дымоход в юрте’; *Кыз тунгус* ‘крышка дымового отверстия юрты’.

Окно в хакасском языке обозначается словом *кўзенек*. Ср.: алт., кирг. *кўзўнўк* ‘окно’, др.-тюрк *кўзўнўк* ‘окно’. Данное слово производное от тюркского *кўз*- ‘глаз’ и в разных семантических и фонетических вариантах встречается во многих тюркских языках [ЭСТЯ 1980, с. 62]. Например: *Уучам, кўзенек хыринда турып, тас-хср кўрчеткен*. – Моя бабушка, стоя около окна, смотрела на улицу [АТ, 1983, с. 55].

Вход в юрту начинался и порога – *иркін*. Например: *Сагдай, азахтары талып, одыртарларын сагып полбин, иркін хыриндох чачайа одар салган, пыролыг ўннең чоохтанган*. – Сагдай, ногу согнув, не дождавшись, когда его пригласят сесть, сел около порога на корточки и виноватым голосом заговорил. [БИА, 2010, с. 97]. Это слово в устойчивых оборотах: *иркініп алтабасха враждовать с кем-л.* (букв, порог его не преступать), и в поговорках: *иснеес кізее иркін алтаанча ла* – невнимательный помнит только до порога. Слово *иркін* имеет различные лексические варианты в тюркских языках.

Ср.: алт. *іргі* ‘порог, место в юрте между дверью и женской половиной’, каз. *ірге* ‘часть решетки юрты около порога (для гостей самое унизительное место)’, тел. *ірге* ‘завалинка’, кирг. *ірге* ‘место у порога (в юрте это место отводилось для менее почетных людей)’, тат. *ерге* ‘земляная насыпь вдоль наружных стен дома’.

Данное слово имеет параллели и в монгольских языках: письм.-монг. *ирге* ‘узкая тесьма из войлока, окружающая основание юрты’, калм. *ірг* ‘низ внутренней стены калмыцкой кибитки’. Г. Рамстед эти тюркские лексемы к монгольским заимствованиям. К тому же это слово отсутствует в тюркских письменных памятниках. Л. Будагов это слово сравнивал с монг. *еркен* ‘косяк’.

В хакасских фольклорных произведениях данным словом обозначается также косяк:

пір холнаң
 пір иркін тайан салды,
 пір холнаң
 пір иркін тайан салды:
 ікі кізі чатчадыр.

одной рукой
 об один косяк опёрся,

другой рукой
о другой косяк опёрся, [видит]:
два человека лежат. [НЛТП, 2018, с. 11]

А также этим словом обозначается также дверь: *хаалхазын хазыра сасхан, иркинин иде сасхан* – двери ногой открывает, двери ногой толкает (так описывается в сказаниях вход богатыря в юрту).

Основание же юрты в хакасском языке называется словом *улага* ‘основание (строения), *иб улагазы* основание юрты (место, где стена касается земли), хана *улагазы* основание забора. Например: *Анаң илгөр улагазынзар адай ярхылаан, тізі кізі үніне төбй истілген; хам андарох хогдыраан* [БИА, 2010, с. 150] – затем у основания юрты около полок с посудой собака зарычала, лаем, похожим на женский голос; шаман там же бил в бубен.

Ср.: алт. *ула/улага* ‘завалинка’, др. тюрк. ул ‘фундамент, основание’, кирг. *улага* ‘место у порога (в юрте)’.

Данное слово образовано в хакасском языке от глагольной основы *ула-* ‘надставлять’. Э.В. Севортян отметил, что нельзя исключать

связи *улага* с др-тюрк. основой ул ‘основание, фундамент’ [ЭСТЯ, 1974, с. 591].

Крыша в хакасском языке называется словом *хыр*. Например: *тураның пөзік хыры* – высокая крыша дома.

С началом построек домов тура, начали появляться пристройки к дому, расположенные между крыльцом и домом, называемые *сенек*. Например: *Сенек ізігі ікі кізінің сооларында тохлап халганда, Пычонга угаа ниик полыбысхан*. [БИА, 2010, с. 237] – Пычону полегчало, когда в дверь сенок перестали стучать. Ср.: алт. *сенек* ‘сени’. Данное слово, как и обозначаемое им помещение заимствовано из русского языка.

Таким образом, данный материал показывает, что названия деталей устройства юрты в хакасском языке имеют общие черты в лексическом и семантическом отношении с другими тюркскими и монгольскими языками. В хакасском языке этот пласт лексики в настоящее время почти не встречается, так как юрты, как жилища, на сегодняшний день уходят из употребления. На наш взгляд это наиболее древний пласт лексики, имеющий тюркско-монгольское происхождение.

СОКРАЩЕНИЯ

НЛТП – Образцы народной литературы тюркских племен, живущих в Южной Сибири и Дзунгарской степи.
ЭСТЯ – Этимологический словарь тюркских языков.
АА – Хакасский героический эпос «Алтын Арыг»
АХ – Хакасский героический эпос Ай – Хуучин

БИА Доможаков Н.Г. Ыраххы аалда
ХРС – Хакасско-русский словарь
СИГТЯ – Сравнительная грамматика тюркских языков.
АТ – Ах Тасхыл. Литературный альманах.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ах Тасхыл. Литература альманагы – литературно-художественный альманах. Составитель Н. Т. Нербышев. – Абакан, 1983. – 140 с.
2. Образцы народной литературы тюркских племен, живущих в Южной Сибири и Дзунгарской степи. Собраны В.В. Радловым. Ч. 2 : Поднаречия абаканские (сагайское, койбальское, качинское), кызылское и чулымское (кюэрик) / Сост. Е. С. Торокова. – Абакан: ООО «ИПП «Журналист», 2018. – 496 с.
3. *Патачаков, К.М.* Очерки материальной культуры хакасов. – Абакан: хакасское отделение Красноярского книжного издательства, 1982. – 87 с.
4. *Спасский, Г.* Сибирский вестник, ч. II. – СПб., 1818. – С. 53–55.
5. Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Лексика. – М.: Наука, 1997. – 800 с.
6. Хакасский героический эпос «Алтын Арыг» под ред. Майногашевой В.Е.. – М.: Наука, 1988. – 591 с.
7. Хакасский героический эпос: Ай-Хуучин / запись и подгот. текста, пер., вступ. ст., примеч. и коммент., прил. В.Е. Майногашевой. – Новосибирск: Наука, 1997. – 479 с.
8. Хакасско-русский словарь = Хакас-орыс сөстiк. – Новосибирск: Наука, 2006. – 1114 с.
9. Этимологический словарь тюркских языков: общетюркские и межтюркские основы на буквы «Ж», «Ж», «Й». – М.: Наука, 1989. – 293 с.
10. Этимологический словарь тюркских языков: общетюркские и межтюркские основы на гласные. – М.: Наука, 1974. – 768 с.

З. Е. Каскаракова,

*Хакасский научно-исследовательский институт языка,
литературы и истории (Россия)*

**КЛАССИФИКАЦИЯ ИНОЯЗЫЧНЫХ СЛОВ
В СОВРЕМЕННОМ ХАКАССКОМ ЯЗЫКЕ
(на материале названий овощей и фруктов)**

Тематическая группа названий овощей и фруктов в хакасском языке представляет значительную часть хакасской лексики. Проведённый нами анализ показал, что большую часть наименований в изучаемой сфере составляют иноязычные заимствования. Это обусловлено в большей степени с историческими и общественно-поли-

тическими условиями развития овощеводства и садоводства у хакасов.

Ключевые слова: хакасский язык, лексика, тематические группы, иноязычные заимствования, название овощей и фруктов, классификация.

Z. Ye. Kaskarakova,

*Khakass Scientific Research Institute of Language,
Literature and History (Russia).*

**THE CLASSIFICATION OF THE FOREIGN WORDS
IN THE MODERN KHAKASS LANGUAGE
(based on the names of fruits and vegetables)**

The thematic group of the names of vegetables and fruits in the khakass language represents the significant part of the khakass vocabulary. The analysis made by us showed that most of the names in the studied field are foreign borrowings. This is largely due to the historical and socio-political

conditions of the development of vegetables and gardening of the khakass.

Key words: khakass language, vocabulary, thematic groups, foreign borrowings, name of fruits and vegetables, classification.

Лексика хакасского языка сохраняет следы контактирования с монгольскими, арабскими и другими народами. Значительную часть лексики современного хакасского языка составляют заимствования из русского языка, проникавшие в результате многовекового общения хакасов с русскими (с XVII в.). Многочисленные заимствования русизмов, в том числе названия овощей и фруктов, обусловлено развитием торговых отношений, а также с появлением имущественных возможностей для развития овощеводства и садоводства у хакасов. В результате больших преобразований в политической, экономической и общественной жизни страны за последние 15–20 лет (XX в. и начала XXI в.) лексика хакасского языка значительно изменилась. В его словарный состав вошла масса новых иноязычных заимствований, а также названия овощей и фруктов, например: ангурия, манго, папайя, помела, чайот, кивано, киви, рдест, олива, маслина и т. д.

богатейший материал для их систематизации и классификации.

Заимствования привлекают внимание исследователей и ученых в области языкознания с середины XX в., так как появляется необходимость изучения их развития и упорядочивания, что имеет не только теоретический интерес, но и важное практическое значение. « На основании классификации может быть произведена оценка существующих иноязычных заимствований и в соответствии с требованиями точности терминологической системы и индивидуальной краткости каждого термина могут быть установлены критерии для решения вопроса о том, в каком виде (если в этом есть необходимость) должно производиться заимствование» [Лотте, 1982.].

В лексике хакасского языка, в том числе и в флористической, иноязычные заимствования занимают значительную часть и представляют

Исследовательская работа, начатая в середине XX в. Д.С. Лотте по упорядочиванию иноязычных заимствований в русском языке на материале научно-технической терминологии, была продолжена на материале заимствований в других отраслях такими учеными, как Г.И. Пядусова, С.И. Коршунов и др.

Необходимо отметить, что изучением процесса заимствования хакасским языком русизмов начали заниматься в 50–60-е гг. Научные работы хакасских лингвистов Д. Ф. Патачаковой [Патачакова, 1955, с. 65–87; Патачакова, 1973, с. 264–270], В. Г. Карпова [Карпов, 1959, с. 229–240] и Д. И. Чанкова [Чанков, 1980, с. 91–101] были посвящены исследованию освоения заимствований из русского языка и орфографированию, тематической классификации, систематизации русизмов. Кроме того, профессор В. Г. Карпов проследил процесс заимствования русских терминов хакасским языком начиная с дореволюционного периода по советское время, особое внимание уделяя рассмотрению динамики осваивания слов в дореволюционное время. В последующие годы изучались источники развития и обогащения лексики хакасского языка на примере русских заимствований.

Основная причина заимствований – заимствование слова вместе с заимствованием вещи или понятия. По этому поводу С. А. Бурнашева отмечает следующее: «В этом случае заимствованные слова либо проникают в другой язык вместе с заимствованными предметами и понятиями, либо создаются по аналогии с соответствующими словами в другом» [Бурнашева, 1965, с. 101–119]. А это, в свою очередь, как справедливо замечают исследователи, зависит не столько от языковых, сколько неязыковых обстоятельств, и в частности, «от того, насколько данная вещь и понятие вошли в материальную и интеллектуальную жизнь общества, в обиход носителей языка» [Крысин, 1968, с. 172]. Например, с появлением таких реалий, как слива, вишня, абрикос, ранет, банан, груша и многих других, в хакасский язык вошли и их наименования.

Таким образом, названия овощей и фруктов, заимствованные из русского языка или через него непосредственно из других европейских языков, можно разделить на два периода: ранние заимствования, вошедшие в хакасский язык до Октябрьской революции, и поздние заимствования, вошедшие в послереволюционный период.

Большинство русских слов дооктябрьского периода заимствовано в хакасский язык вместе с самими предметами и вещами. Они, как и другие слова, подчинялись действующим в языке законам артикуляции, оформлялись соответственно их произносительной форме с учетом фонетических особенностей хакасского языка. Среди них преобладают названия овощей, которые широко использовались в питании и быту, например: *капустэ* – капуста, *пирүкпэ* – брюква,

чиснук – чеснок, *үгүрсү* – огурец, *моркоп* – морковь, *кiмэл* – хмель и т. д.

Так во всех словах гласные звуки заимствованных слов подверглись закону сингармонизма, характерному не только для хакасского языка, но и для остальных языков тюркской группы. При заимствовании названия овощей своеобразное замещение имели также и согласные звуки. Дело в том, что в хакасском языке отсутствуют некоторые согласные, имеющиеся в русском языке. Поэтому причины проникновения подобных ранних заимствований, полностью подчиненных фонетическому строю хакасского языка, вполне объяснимы.

А названия овощей и фруктов, вошедшие в хакасский язык из русского языка в послеоктябрьский период, соответствуют по звучанию русским прототипам, т. е. сохраняют свой фонетический облик.

В своей работе мы, основываясь на научных трудах исследователей и на статью Э. Р. Ахметовой, применив некоторые положения их исследований, проведем классификацию иноязычных названий овощей и фруктов в хакасском языке [Ахметова, 2012, с. 256–260].

1. Классификация по числу терминов для одного понятия:

Одно понятие – один термин. К этой группе относится основная часть иноязычных заимствований названий овощей и фруктов. Они выражают свое прямое значение: помидор, кабачок, патиссон, баклажан, гранат, лимон, виноград, хурма, финик, манго.

2. Классификация по признаку международной термина

Не все иноязычные заимствования едины для всех языков. Это можно определить лишь сопоставив и сравнив названия в разных языках. Основным источником для этой цели используется «Словарь полезных растений на двадцати европейских языках», изданный под редакцией Л. Л. Балашева в 1970 г. Он включает в себе 530 видов главнейших культивируемых растений и древесных пород, а также термины по морфологии растений на двадцати европейских языках. Из них 104 единицы относятся к названиям овощей и фруктов.

Д. С. Лотте отмечает, что «действительно международным термином (полная международность) можно назвать лишь такой термин, который полностью совпадает с терминами других языков и по его действительному значению и по звуковому составу» [Лотте, 1982.].

При отборе международных терминов были учтены следующие критерии:

- единое значение термина во всех языках;
- похожий звуковой состав и схожая форма;
- количество языков, в которых он употребляется.

Таким образом, нами выделены около 20 названий: абрикос, авокадо, ананас, банан, грейпфрут, лайм, лимон, лук порей, манго, мандарин, персик, редис, ремень, сельдерей, спаржа, томат/помидор, фейхоа, шпинат и т.д. Данные лексемы практически в том же виде (могут быть незначительные фонетические отличия) и в той же семантике встречаются и в хакасском, также в других тюркских языках, и в языках, относящихся к финно-угорской, славянской группам. Поэтому следует определить их полными международными терминами.

Также встречаются и похожие термины, когда семантика едина, а отличие проявляется в звуковом составе и в языковом разбросе. Такие названия овощей и фруктов именуют относительными международными терминами. Например: виноград, баклажан, груша, гранат, петрушка, померанец, кресс-салат, хрен/ керэн и т.д.

3. Классификация по способу заимствования

Основным критерием для классификации иноязычных заимствований по способу заимствования выступает такой признак, как заимствуются ли отдельные термины или же целые иноязычные формы построения терминов (слов, сложных слов, словосочетаний). В хакасском языке при заимствовании овощей и фруктов используются оба способа. Если в языке-источнике название состоит из одного слова, то в хакасском языке оно используется в таком же виде, например: киви, айва, апельсин, персик, хурма, слива, вишня, яблоко фасоль, ежевика, виктория, укроп. анис и др.; если в языке-источнике название состоит из двух компонентов, то в

хакасском языке может стать сложным словом: порей муксум »лук порей».

В настоящее время они стали основным средством номинации новых реалий. Русизмы вступают в синонимические отношения, а также встречаются и параллельное употребление исконно хакасских слов. Это объясняется тем, что они являются внутренними заимствованиями, сопровождающимися массовый хакасско-русский билингвизм носителей языка. Такие же языковые явления характерны и для других тюркских языков [Татаринцев, 1968, 26 с.].

Также следует отметить, что в хакасском, как и в некоторых других тюркских языках и в том числе, и в русском плод и соответствующее ему растение имеют одно наименование. Это относится к фруктовым деревьям, овощам, зерновым и техническим культурам. Например, словом *мүндүргес*, *саңыс*, груша, слива именуются ягоды и дерево «рябины», «калины», «груши», «сливы», а *яблаx // чаблаx* обозначает «картофель», вообще и «картофелину», *муксун* – «лук» и «луковицу» и т.д.

Данные примеры отражают применение так называемого принципа семантической связи между предметами при образовании ботанических терминов (синекдоха).

Таким образом, заимствованные названия овощей и фруктов в хакасском языке имеют следующую классификацию: 1) по числу терминов для одного понятия; 2) по признаку международной термина; 3) по способу заимствования. Многочисленные иноязычные заимствованные названия овощей и фруктов, употребляющиеся в хакасском языке, свидетельствуют об огромном прогрессивном влиянии русского языка на хакасский. Они обогащают словарный состав хакасской ботанической лексики и активно используются в наши дни.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Ахметова, Э.Р.* Классификация иноязычных заимствований в татарском языке (на материале названий овощей и фруктов) // Вестник Чувашского ун-та, 2012. – № 2. – С. 256–260.
2. *Бурнашева, С.А.* Влияние русского языка на развитие словарного состава современного татарского литературного языка // Доклады и сообщения Института языкознания АН СССР. – 1965. – № 8. – С. 101–119.
3. *Карпов, В.Г.* Классификация заимствованных слов // Вопросы хакасского языка и литературы. – Абакан, 1955. – С. 44–54; *Карпов, В.Г.* Русский язык как один из источников обогащения хакасского языка // 250 лет вместе с великим русским народом. – Абакан, 1959. – С. 229–240.
4. *Крысин, Л.П.* Иноязычные слова в современном русском языке. – М., 1968. – С. 172.
5. *Лотте, Д.С.* Вопросы заимствования и упорядочения иноязычных терминов и терминологических элементов. – М.: Наука, 1982. – 144 с.
6. *Патачакова, Д.Ф.* Освоение и орфографирование заимствованных слов // Вопросы хакасского языка и литературы. – Абакан, 1955. – С. 65–87; *Патачакова, Д.Ф.* Развитие лексики хакасского языка в советское время // Торжество ленинской национальной политики. Матер. научн. конф., посвященной 50-летию образования СССР. – Абакан, 1973. – С. 264–270.
7. *Татаринцев, Б.И.* Влияние лексики русского и монгольского языков на развитие лексической

системы современного тувинского литературного языка. Автореф. дис...канд. филол. наук. – Новосибирск, 1968. – 26 с.

8. Чанков, Д.И. О заимствовании русских имен хакасами // Исследования по современному хакасскому языку. – Абакан, 1980. – С. 91–101.

*А. С. Кызласов,
Хакасский научно-исследовательский институт
языка, литературы и истории (Россия)*

ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ УСТНОЙ ФОРМЫ ХАКАССКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА В СМИ

В статье рассматриваются особенности функционирования устной формы современного хакасского языка. Актуальность темы исследования определена в связи с отсутствием такого рода работ в хакасском языкознании. Сделана попытка анализа разговорной речи носителей хакасского языка. Исследуются вопросы влия-

ния русского языка на лексический и грамматический строй разговорного хакасского языка. Рассматриваются объективные причины сужения функционирования устного хакасского языка.

Ключевые слова: разговорная речь, носители языка, форма языка, языковая ситуация, диалекты хакасского языка, языковая среда.

*A. S. Kyzlasov,
Khakass Scientific Research Institute of
Language, Literature and History (Russia)*

PECULIARITIES OF FUNCTIONING OF THE ORAL FORMS OF THE KHAKASS LITERARY LANGUAGE IN MASS MEDIA

The article consider the special characters of functioning of the oral forms of modern khakass language. The actuality of the research theme is determined due to the lack of such works in khakass linguistics. The author made an attempt to analyze the oral speech of the native speakers of khakass language. The article describes the influence of the

russian language on the lexical and grammatical structure of the spoken khakass language. There are objective reasons for the reduction of functioning of the oral khakass language considered too.

Key words: oral speech, native speakers, language form, language situation, dialects of khakass language, language environment.

Речь – неотъемлемая часть социализации людей. Речь используется как в трудовой, так и познавательной деятельности человека. Посредством речи люди приобретают и передают свои знания и умения. Актуальность данной работы определяется недостаточной изученностью особенностей разговорной речи хакасского языка. «Разговорная речь – особая функциональная разновидность литературного языка. Если язык художественной литературы имеет единую кодифицированную основу, то разговорная речь противопоставляется ему как некодифицированная сфера общения» [Массальская, 2015, с. 140–142].

разговорной речи представлены в работах Е. А. Земской, В. Г. Костомарова, Э. Г. Ризель, О. Б. Сиротининой, Н. Ю. Шведовой и др.

Е. А. Земская полагает, что разговорная речь – это обиходная речь носителей литературного языка [Земская, 1979, с. 9]. Тем самым, автор предлагает считать кодифицированный литературный язык и разговорную речь двумя независимыми языковыми системами или подсистемами внутри литературного языка.

О. Б. Сиротинина отмечает, что изучение разговорной речи должно осуществляться по трём линиям: 1) изучение диалектной разговорной речи; 2) изучение диалогической речи; 3) изучение речи жителей [Сиротинина, 1974, с. 6–8]. По мнению автора, разговорная речь – это непосредственное общение. В. Д. Девкин склоняется к пониманию разговорной речи «как речи непринужденной, несколько сниженной, спонтанной, устной, преимущественно ситуативно обуслов-

Разговорная речь, являясь основой существования языка, наиболее общей его разновидностью (объединяющей всех членов нации независимо от различий социального и индивидуального характера), самой естественной и доступной каждому, представляет исключительный интерес. Аспекты изучения

ленной, чаще диалогической» [Девкин, 1965, с. 11].

Функционирование языка в периодической печати способствует с одной стороны, обогащению словарного состава хакасского языка неологизмами. С другой стороны, в первые годы становления языка шло очень сильное калькирование иностранных слов, что не способствовало развитию языка. Ретивые пуристы так сильно старались очистить лексический состав языка от иностранного влияния терминов так, что читателю становился непонятным сам смысл некоторых предложений в публикуемых статьях.

М.И. Боргояков отмечал, что вопросы функционирования хакасского языка были затронуты в научной конференции (1953), посвященной проблемам хакасского литературного языка [Боргояков, 1965, с. 154–159]. В материалах конференции указывалось, что передовые статьи газеты «Хызыл аал» логически неверны, дословные переводы делают язык переводных статей труднопонимаемыми и в отдельных номерах содержится масса орфографических ошибок. И такое положение вещей для того времени, кажется оправданным, так как язык печати и радио только формировался. Это было связано с трудностями роста и становления. Со временем по мере накопления опыта при выпуске газетных материалов язык публикаций стал более гибким, доходчивым и понятным. Само собой стали исчезать жалобы на то, что язык газеты и радио непонятен. В настоящий период язык газеты, радио и телевидения, обогащенный диалектными вариантами лексем хакасского языка, стал более привлекательным, интерактивным в русле его коммуникативных возможностей.

Развитие и обогащение словарного фонда хакасского языка напрямую зависит от его собственных средств и возможностей, когда он, используя свои ресурсы, приобретает новое качество. Не последнюю роль в этом процессе играют публикации газетных материалов, в которых можно встретить слова с новым смыслом.

Язык средств массовой информации способствует развитию и таким образом обогащается с помощью средств и возможностей хакасского языка. В литературный хакасский язык через газетные материалы вошли многие неологизмы или значение некоторых слов расширились, приобрели новый смысл. Например, слово хачы «канцелярский работник» со временем стало обозначать «секретаря партийной организации, выполняющего функции партийного начальства», слово телбек «танец» раньше не

употреблялось в этом значении, а затем от него образовалось новое слово телбекчи «танцовщик, танцор».

Новым явлением в СМИ можно считать то, как журналисты в предложении не придерживаются правила хакасского языка, когда подлежащее всегда стоит впереди сказуемого, и ставят их по своему усмотрению. В хакасском языке, как нам известно, подлежащее и сказуемое имеют строгое расположение в предложении, т.е. подлежащее обычно стоит впереди, а сказуемое в конце предложения. Например: *«тайга чоны хынчаң истерге алыптыг нымахтарны»* – люди тайги любили слушать героические сказания; *«аны чоохтаан Мыкулка хам, улуг хам полтыр»* – про это говорил Мыкулка шаман, большой шаман был [Полевые материалы автора].

Это результат влияния русского языка, т.к. в нем главные члены предложения имеют свободное расположение. Так изменился порядок членов предложения в хакасском языке.

Для синтаксиса разговорной устной речи характерны: перестановка слов; повторение одних и тех же слов; отрывочность; незаконченность, когда интонация передает то, что не скажешь словами. Например: Вася он класс тоозып, палалыг пол парды ба. Если это предложение сделать полноценным, то можно написать так: *«Вася, он класс тоозып, ипчи ал салган, аның пала төреен»* – Вася после 10 класса женился и у него родился ребенок [Полевые материалы автора].

Разговорная речь характеризуется двумя противоположными признаками – синкретизмом и расчлененностью. Пример расчлененности: *«пирее ниме пирдек пазарга»* – дай мне что-нибудь написать, вместо этого нужно говорить *«ручка пирдек»* – дай ручку.

Пример синкретизма: широкое употребление слов с общим местоименным, прагматическим значением, например штука, вещь, дело. Пример совмещения синкретизма с расчлененностью: *«пирее ниме пирдек, карандаш чазирга»*. В письменной речи было бы: *«магаа тычах пирдек»*.

Любая статья в газете, выступление по радио и телевидению, общение с друзьями и коллегами представляют собой в итоге «авторский текст», который отражает авторскую позицию на то событие, о котором идет речь. Подобного рода материалам свойственна некоторая оценочность, стилистическая окраска слов. В составе оценочной лексики главную роль играет экспрессия. К ней относятся слова, усиливающие выразительность письменной и разговорной речи. Ученые отмечают значительное количество

примеров, когда одно нейтральное слово имеет несколько экспрессивных синонимов, различающихся по степени эмоционального напряжения. Необходимо отметить, что значительная часть лексики стилистически нейтральна, т. е. может употребляться в любых видах устной и письменной речи, не придавая ей никаких стилистических оттенков. Однако при употреблении слов нельзя не учитывать их принадлежность к тому или иному стилю речи.

В настоящее время хакасский язык переживает новое состояние: он приспособляется к быстро меняющейся жизни нашего общества. Изменения, происходящие под влиянием этого процесса на всех языковых уровнях, анализируются в последних лингвистических исследованиях. В этом процессе обновления многое является положительным, полезным: демократизация языка, усиление «разговорной струи», освобождение от официозности, казенщины, оживление языка новыми выразительными средствами.

Однако вирус разрушения, вседозволенности, распространившийся в общественных процессах, проникает и в сферу употребления языка. Это сказывается в засорении речи внешними заимствованиями (большим количеством иностранных и русских слов, имеющих хорошие хакасские соответствия). Внутренними заимствованиями (жаргонизмами, «непечатными» словами, наводнившими не только разговорную речь, но и художественную литературу, публицистику). В расшатывании языковых норм, которые становятся менее строгими и обязательными, в разрушении хакасских культурно-речевых традиций.

Наблюдения за языком СМИ (местных газет, радио- и телепередач) показывают, что ими часто нарушаются все аспекты культуры речи: нормативный, коммуникативный, этический. Сегодня в языке СМИ (особенно в устной) приоритет отдается раскованности, часто в ущерб правильности и чувству меры. Это проявляется в предпочтении разговорных и нелитературных слов словам литературным. Так, вместо литературного «*үр ниместе*» чаще выбираются его нелитературные синонимы «*түрче идіп*».

Приметой нашего времени является тяга журналистов к игре иностранными словами. Исчезли из СМИ слова «*табыгчылар*» (используется электорат), «*ахча салганы*» (осталось инвестиции), «*наа нимелернең таныстырганы*» (вытеснено презентацией), «*чылыг*» (заменинено форумом) и т. д. [Кызласов, 2013, с. 25–28].

Наблюдается стремление насытить текст заимствованными словами, даже если они непонятны массовому читателю и телезрителю. Например: «*отрядтарда піс тапхабыс мэр города*» – в отрядах мы выбрали мэр города [Хак. телевидение, 2019]. «*Ам больше телефоннаң сыгдырадабыс*» – сейчас больше по телефону звоним. [Полевые материалы автора].

Конечно, во многих случаях заимствование слов необходимо. С ними в нашу жизнь входят новые экономические понятия, техника и технологии, предметы быта. Но если существуют хорошие хакасские соответствия, зачем нам пользоваться иностранными словами? Давайте беречь все хакасское, остальное сделают сам язык и время: необходимое останется, ненужное уйдет.

Разработка специальной программы предполагает ряд серьезных мер по повышению речевой культуры нашего населения. Особая ответственность за сохранение языка как национального достояния возлагается на СМИ. От речевой культуры журналиста зависит, сможет ли он выполнить свою профессиональную задачу – донести до читателя, зрителя, слушателя нужную информацию и определенным образом воздействовать на его мнение [Сиротинина, Ягубова, 2000, с. 64–70]. Но не менее важна и просветительская функция СМИ, поэтому журналист в ответе за соблюдение в своей речи языковых норм, за сохранение чистоты и богатства хакасского языка.

Характерное явление среди носителей языка в настоящий момент это – уменьшение численности говорящих на хакасском языке. В дальнейшем, очевидно, функции хакасского разговорного языка будут постепенно сужаться. В первую очередь это связано доминирующим влиянием русскоязычной среды. Когда все окружение говорит и вещает на русском языке носителю хакасского языка остается только смириться с этим фактом и подчиниться сложившимся обстоятельствам.

Есть, на наш взгляд, традиционные пути сохранения хакасской языковой среды. Повсеместно нужно создавать кружки, курсы по изучению хакасского языка, не говоря об обязательном обучении в общеобразовательной школе детей-хакасов и других желающих изучать хакасский язык. Тогда появится возможность как-то сохранить и развивать устную разговорную речь. Приоритетное значение в этом деле принадлежит родителям-хакасам, когда они в семье с детьми постоянно разговаривают на родном языке. Ежедневно общаясь на хакасском

языке, они практически не забудут то, что говорили родители. Тем самым небольшая языковая среда поможет как-то приостановить влияние русского языка на процесс обрусения хакасских детей.

Другой причиной беспокойства о хакасском языке является то, что многие хакасы как старшего, так и младшего поколения не читают книг, газет на современном хакасском литературном языке. Они объясняют это тем, что они не понимают написанное. Носителю сагайского диалекта, кажется, что там очень много слов из качинского диалекта, а качинцу – наоборот, хотя разговорным языком тот и другой владеют. На самом же деле непонятными являются не диалектные слова, а многочисленные неологизмы, представляющие собой кальки русских слов, искусственные образования, арабизмы, монголизмы и т. д.

Термин «разговорная лексика» в современной лингвистике имеет двоякую трактовку: широкую и узкую. С одной стороны разговорная лексика сильно отличается от литературного языка своей эмоциональностью, экспрессивностью. С другой стороны, это речь насыщенная просторечиями и включающая в себя нейтральные речевые единицы.

Широта пласта разговорной лексики обусловлена существенным присутствием в ней диалектизмов и регионализмов в большом разнообразии.

В состав разговорной речи в хакасском языке попадают слова из других языков. Различные

заимствования проникают в хакасский язык при помощи прессы, телевидения, рекламы. В современном мире ни один язык не может избежать заимствований. Этот процесс протекает очень активно за счет большого количества русизмов и интернационализмов, которые проникают в хакасский язык по причине глобализации современного общества.

Особенно много русизмов в хакасской разговорной лексике из области IT-технологий, компьютеров, Интернет и т. п. При этом многие из проникающих в хакасский язык интернационализмов, относящихся к компьютерам, употребляются в переносном смысле, когда тематика разговора уже вышла за пределы компьютерных технологий и относится к более традиционным вещам. Также следует отметить, что разговорная хакасская речь может также заимствовать лексику и из общелитературных языков других стран.

Исходя из всего вышесказанного, можно сказать, что разговорная лексика хакасов находится в настоящее время в стадии активного развития, когда она наполняется новыми выражениями и оборотами. Среди наиболее типичных сфер языкового взаимодействия следует выделить формирование хакасской разговорной лексики за счет пополнения лексического запаса путем взаимного влияния разговорной лексики с другими пластами лексики хакасского языка. А также посредством словообразовательных приемов, путем семантических переосмыслений.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Боргояков, М. И.* Язык печати и радио // Учен. зап. ХакНИИЯЛИ. – Абакан, 1965. – Вып. XI.
2. *Девкин, В. Д.* Особенности немецкой разговорной речи. – М.: Международные отношения, 1965. – 317 с.
3. *Земская, Е. А.* Русская разговорная речь: лингвистический анализ и проблемы. – М.: Наука, 1979. – 240 с.
4. *Кызласов, А. С.* О вхождении заимствованной лексики в хакасский язык через материалы периодической печати // Хакасский этнос на рубеже XX–XXI вв.: материалы Всероссийской научной конференции с международным участием (27–28 сентября 2013 г.). – Абакан: Хакасское книжное издательство, 2013.
5. *Массальская, Ю. В.* Особенности немецкой разговорной речи // Филологические науки. Вопросы теории и практики (входит в перечень ВАК). – Тамбов: Грамота, 2015. – № 5. – Ч. 1.
6. Полевые материалы автора.
7. *Сиротинина, О. Б.* Современная разговорная речь и её особенности. – М.: Просвещение, 1974. – 144 с.
8. *Сиротинина, О. Б., Ягубова О. Г.* «Русский язык и средства массовой информации» // Речевое общение. Красноярск: Изд-во Краснояр. ун-та, 2000.
9. Хакасское телевидение. Информационная программа «Хабарлар», 22.07.2019.

А.Л. Кошелева,

*Хакасский научно-исследовательский институт
языка, литературы и истории (Россия)*

**ОБРАЗ УЧЁНОГО – ПОДВИЖНИКА Н.Ф. КАТАНОВА В ПЬЕСЕ –
МИСТЕРИИ С. КАРАЧАКОВА «ПУТЬ ВОИНА – НОМЧЫ»:
ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНОСТЬ, ИДИОСТИЛЬ**

В статье анализируется пока неопубликованная пьеса – мистерия «Путь воина – номчы» (воина науки) хакасского писателя (члена СПРФ) Карачакова С.Е. (рукопись хранится в архиве рукописного отдела ХакНИИЯЛИ) о великом сыне земли хакасской, выдающемся ученом-тюркологе, ориенталисте – Николае Федоровиче

Катанове. Все структурно-жанровые компоненты сюжета пьесы-мистерии, конечно, подчинены мотивно-образному аспекту, концептуальности авторского нарратива.

Ключевые слова: пьеса-мистерия, ученый-тюрколог, традиция, интертекстуальность, жанр, фольклор, обряд.

A. L. Kosheleva,

*Khakass Scientific Research Institute
of Language, Literature and History (Russia)*

**THE IMAGE OF SCIENTIST AND SEEKER N.F. KATANOV IN THE
MYSTERY-PLAY OF S.YE. KARACHAKOV «THE WAY OF NOMCHY-WARRIOR»:
INTERTEXTUALITY, IDIOSTYLE**

The article analyzes the unpublished yet mystery-play of khakass writer S.Ye.Karachakov (member of Russian Federation writers' Union) named as «The way of nomchy-warrior» (science warrior) (the manuscript is kept in the archive of the Manuscript Fund of KhSRILLH) about one great khakass land's son, outstanding scientist-turkologist,

orientalist Nikolay Fedorovich Katanov. All the structural and genre components of the mystery-play plot, of course, follow the motif-imagery aspect, conceptuality of the author's narrative.

Key words: mystery-play, scientist-turkologist, tradition, intertextuality, genre, folklore, ritual

Известная современный литературовед Н.С. Надьярных справедливо замечает: «Развивающиеся на территории бывшего Советского Союза национальные литературы – многостадийный литературный процесс, нуждающийся и в настоящем, и в прошлом своем... в основательном перечтении» [Надьярных, 1993, с. 7]. По – новому необходимо осмыслить те магистральные направления, которые определяют жизнеспособность литературы: литература и этнография, литература и язык, литература и история, литература и фольклор. Остро обозначилась проблема внутреннего контекста (связь национального «текста» литературы со своим духовным контекстом – фольклорно-литературным, историческим, общественным, философским). Венцом развития современных национальных литератур стал новый тип героя, облаченного высокой ответственностью за судьбу собственной нации и даже человечества. Это можно назвать «триумфом личности» (Н.С. Надьярных), когда литература показывает не только «взлет коллективистских (массовых)

усилий», но и «возвышение индивидуализма» [Надьярных, 1993, с. 15]. Национальные литературы, т.о., формируют культурно-исторический тип своего народа, модель, которая синтезирует стадии культурной эволюции, их наиболее характерные и типические черты.

Среди известных современных русскоязычных хакасских писателей (В. Шулбаева, В. Татарова, О. Шулбаев, Г. Маерков) творчество С. Карачакова занимает свое особое достойное место, которое определяется не только его авторским «почерком», творческой индивидуальностью, но прежде всего естественным «внутренним духовным» контекстом – прочной, органичной связью с национальной историей, этноонтологией, фольклором. Это и сборники прозы «Старый орёл», «Синий потоп. Где ты, мать – река», сборник стихов «В день солнечного затмения», неопубликованная пьеса – трагедия о годах «Большого террора» в Хакасии «Кровью плачет небо».

Необходимой, важной составной этого содержательного диалога с национальным и ина-

циональным читателем является тоже пока неопубликованная пьеса-мистерия о великом сыне земли хакасской, выдающемся ученом-тюркологе, ориенталисте – Николае Федоровиче Катанове – «Путь воина – номчы» (воина науки). Мистерия [гр. *mysterion* – тайна, таинство] – насколько этот древнейший драматургический жанр адекватен современности? У древних греков и римлян, у народов Древнего Востока – это «тайные религиозные обряды, к участию в которых допускались только посвященные», а в средние века – это европейские религиозные представления: «вольные, обычно стихотворные инсценировки библейских эпизодов, разыгрывавшиеся на площадях во время религиозных празднеств» [Словарь иностранных слов, 2004, с. 424].

Предложенное автором определение жанра пьесы (мистерия) вполне приемлемо, оправдано (таинство, космизм), что подкрепляется адекватными для этого жанра структурными компонентами. Маркером жанра являются так называемые культурные (фольклорные) концепты: ментальное пространство, романтизация образа, патетика на грани гиперболизации, интертекстуальность, языковой код, драматизм, психологизм, торжественность – доминантно-стилевые качества повествования; сюжетно-композиционная структура и мизансцены; чередование прозаического текста с поэзией обряда; реализация гегелевской триады, характерной для мистерии – тезис – антитезис – синтез. Тезис – космос (небо), антитезис – земля, синтез – два великих начала объединены жизнью неординарного, величественного героя. Все структурно-жанровые компоненты сюжета пьесы-мистерии, конечно, подчинены мотивно-образному аспекту, концептуальности авторского нарратива. И прежде всего, это такой элемент рамочного компонента, как заглавие («Путь воина – номчы»). Или такая метатекстовая структура, как ремарка: «По бескрайним просторам космоса идет человек. От звезды к звезде, от одной планеты к другой. Он разговаривает с невидимым собеседником, зовет его – Шаман. Идет Н. Ф. Катанов – Человек, Воин науки» [Карачаков, 2018, с. 48]. При этом данная ремарка с необычным топосом – «Космос» и последующее текстуальное полотно сценического действия, представляющее синтез реальности прозаического повествования (монологи Катанова) и романтической патетики обряда жертвоприношения (Огню, Воде, Небу) дают возможность обозначить жанровую модификацию пьесы, как пьеса – фэнтези (мистерия), что не осложняет, а конкретизирует ее сюжетно-сти-

листическую модель. Многоликие жанровые ресурсы позволяют воспринять и осмыслить величие и глубину подвига ученого-подвижника.

Четырнадцать картин, различные мизансцены, три топоса сценического действия (Казань, Восточная Сибирь, Космос) подчинены поступательной размеренной динамике биографической парадигмы «воина Науки», которая в свою очередь, определяется авторским концептом – «воин Науки» и ключевой идеей пьесы – прославление подвижничества Пути к научному Олимпу. «Опоясывающая» ее композиция (I и XIV картины) с необычным топосом – «Космос» – акцентирует внимание реципиента (зрителя) на Высоту этого завоеванного ученым Олимпа, Бессмертия, Вечности его подвига. Свообразен конфликт в пьесе С. Карачакова, прежде всего связанный с разного рода преодолениями на тернистой, сложной научной стезе Н.Ф. Катанова, несущий и характерную инерцию детерминации, обусловленной или финансовыми обстоятельствами (недостаточное обеспечение экспедиций), или высокомерием отдельных ученых мужей Казанской духовной академии (в частности, профессор Е. А. Малов), не признающих научные изыскания и научную квалификацию ученого – «иногородца». Дневниковая форма (конкретные время, место, участники событий), функционирующая в пьесе, необходима для формирования нескольких уровней сценического текста: сюжетное развитие, отражение рефлексии главного героя, обоснование достоверности происходящего. Зачастую тему текста трансформирует монолог героя, являясь систематизирующим началом сценического действия, представляя тем самым образный субстанциальный аспект. Центробежный вектор монолога – зрительный зал. Ему, зрителю, ученый – патриот своей малой Родины адресует свое самое сокровенное: «1909 год для меня особенный. В этом году я, наверное, в последний раз был на Родине – в Аскизе. Боюсь, что я свою родину, Аскиз, больше никогда не увижу. Здесь я родился на аскизской земле, рос, здесь же женился на 17-летней Александре Ивановне Тихоновой, венчались 14 октября 1892 г. в Аскизской Петропавловской церкви» [Карачаков, 2018, с. 25].

Сменяющие друг друга картины, мизансцены не разрушают дневниковую атрибуцию монолога, восстанавливающего путь «воина Науки». Сценическое действие в пьесе С. Карачакова согласно драматической традиции формируется двумя содержательно-эмо-

циональными началами – эпическим (события) и лирическим (чувства) – адекватная реакция героя на происходящее. Пьеса открывается своеобразным прологом, акцентирующим внимание зрителя на гиперсобытии, его значимой сущности, торжественности: «По бескрайним просторам Космоса» шествуют двое – «Человек, Воин науки» – Н. Ф. Катанов и Шаман, заявляющий Миру о великом знаменнии: «На тридцать третьей ступени миров, напротив Семи Ханов – Большой Медведицы» появились рядом богатырская птица Хан Киреде хус и синий Волк» – Земли достигли – исчезли... Это было знамением: великий Человек родился – сын хакасского народа. Будет у него тернистый путь – путь воина Науки – Номхы зовет его...» [Карачаков, 2018, с. 2]. «Путь», который оформляется образной метафорой: «У каждого человека жизнь – один год: Весна, Лето, Осень, Зима! Как он его пройдет?» [Карачаков, 2018, с. 2]. Сценическое действие восстанавливает этап за этапом этого «великого», богатого событиями, открытиями и очень нелегкого, «тернистого» пути. Первая картина сценически образно знакомит реципиента с исходом и апогеем этого пути: известный ученый, «господин Венгеров» просит в своем письме Н. Ф. Катанова сообщить данные о себе для «Критико-библиографического словаря». Ответ предваряют ремарочные топоры и детали интерьера: «Казань, квартира. Скромная обстановка нищего ученого: книги, самодельный стул, настольная лампа». Сам ответ кратко информирует нечто главное, то, что было «летом» жизни ученого – гуманитария-ориенталиста: «Меня зовут Николай Федорович, а по-татарски – Пора, сын хызыла (род хакасов – кызыльцев – А. К.). Мои родители наряду с христианством в шаманских обрядах участвовали: в жертвоприношениях духам гор, воды, огня и неба и молились этим духам как покровителям домашнего скота и людей. Все эти годы (1878–1892) я много работал над фольклором, бытом, языком жителей Восточной и Западной Сибири, Северной Монголии и Китайского Туркестана... Это было Лето моей жизни...» (с. 3). Последующие картины (III–XIII), заметки «дорожного дневника» воспроизводят события, итоги кропотливого, напряженного и большого труда ученого-собирающего и исследователя фольклора, языка, особенностей быта народов огромных территорий Сибири и Восточной Азии. Достоянием мировой науки стали изыскания о «вымирающих племенах Сибири» – карагасах и камасинцах («осталось только 900 человек»). И останется о

них то, что записал, систематизировал Катанов: «стихи, рассказы, песни, толкование слов, предания, сказки, загадки, биографии, предложения разговорной речи» [Карачаков, 2018, Картина III, с. 9–10]. «Из родного Аскиза по льду Енисея ехал трое суток..., покрыв расстояние свыше 300 верст», добираясь до с. Верхне-Усинское, к местам по реке Ча-холь – это Тыва, а итог титанического труда – «рукописный дневник путешествия» – «Очерки Урянхайской земли» (221 страницы текста, рисунки): «Собрал множество уникальных экспонатов, – говорит ученый, – свидетельствующих о высочайшей культуре урянхайцев. Собирая шаманские мифы, гимны и атрибуты, я в своих трудах сохранил первозданные формы тувинского шаманства, как подлинные образцы древнего мышления». [Карачаков, 2018. Картина IV, с. 11]. 16 сентября 1889 г. завершилось путешествие Н. Ф. Катанова по Урянхайской земле». Шаманская молитва и песня тувинцев о Катанове (IV–VI картины, с. 11–13) – сердечная благодарность тувинцев большому другу и ученому:

Сын татар, наш друг Николай.
 Курит трубку дружбы с нами.
 Сын бельтыров, друг Николай
 Меняется подарками с нами
 [Карачаков, 2018, с. 12]

В композиционной структуре сценического действия особое место отведено картине VII: четкая динамика знаменитой четырехлетней экспедиции 1888–1892 гг. (период, названный ученым Летом его жизни), последовательная цепь событий дневника нарушается приемом ретроспекции. Герой возвращается к исходу, Весне своей жизни, когда его, четырнадцатилетнего мальчишку, пастуха овец и телят, родные и близкие отправляют «с одним рублем в кармане на плоту» в Красноярск для обучения в классической гимназии. Проводы сопровождает обряд жертвоприношения Водяному Духу: земляки-сагайцы «просили для меня – вспоминает Катанов, – доброй дороги, чтобы я не утонул в Енисее. Так закончилась Весна моей жизни» [Карачаков, 2018, с. 13–15]. А запомнившийся обряд сохранится в сердце ученого «Весной» и Родиной на всю оставшуюся жизнь.

Подвижничество и мужество, скромность, выдержка, стойкость порядочного Человека, талант собирателя и исследователя, строгая, достойная высочайшей признательности этика ученого – это черты характера, знаки судьбы, сформировавшие удивительный образ и яркий путь Воина – номчы [Карачаков, 2018. Картины

VIII, IX, XI, XII]. Вращается сцена, Н. Ф. Катанов то среди гор, то в пустыне, то в городе. Это четырехлетнее путешествие в Сибирь, Урянхайский край. Среднюю Азию и Северный Китай. «В Северном Китае с февраля 1891 г. по май 1892 г. было собрано мною, – сообщает ученый, – 120 сказок, 90 рассказов, свыше 500 четверостиший, 158 песен, более 600 пословиц, около 70 поверий, 38 загадок и другого материала. Все памятники народного творчества среднеазиатских тюркских племен записывал точно транскрипционной азбукой, принятой в изданиях императорской академии наук. Перевод текстов я делал почти всегда близко к подлиннику..., подробно описывал рассказчиков и сказителей..., перечислял, какие жанры записаны, сколько и от кого... Материала было столько много, что вряд ли скоро напечатают» [Карачаков, 2018, с. 15–16]. Не скрывает своего восторга Николай Федорович перед подвигом Н. М. Мартянова: «Вечная слава Вам, создавшему почетный музей собственной энергией и любовью... Людей, которые бы любили музей ради науки, как любите музей Вы, сознаюсь, я нигде не встречал» [Карачаков, 2018, с. 17]. Действенный, убедительный текст монологов главного героя в обозначенных картинах, насыщенный аргументированной конкретикой, интерпретирует высоту и значимость Подвига самого Н. Ф. Катанова. С болью в сердце преодолевший неоправданное недоверие и снобизм привилегированной прослойки профессуры Казанского университета, он был все-таки удостоен справедливости: в 1907 г. Ученый Совет Казанского университета присудил Н. Ф. Катанову ученую степень доктора сравнительного языкознания по совокупности опубликованных работ, без защиты. Работы эти получили широкое признание не только в России, но и за рубежом, а их автор стал действительным членом Международного общества наук и литературы в Левене (Бельгия), Венгерского этнографического общества в Будапеште, членом-корреспондентом Фино-угорского общества в Гельсингфорсе.

Анкета от 15 августа 1921 г., озвученная Н. Ф. Катановым, став центром пафоса всего сценического действия, акцентирует внимание на величии итога титанического научного труда ученого: «За 36 лет трудовой деятельности я напечатал 382 научные работы по языкознанию, фольклору, литературе, истории, этнографии, археологии, нумизматике, статистике, библиографии народов Востока. Кроме того, в рукописях у меня до 15 тысяч страниц во вторую долю писчей бумаги имеются произведения

народной словесности различных тюркских народов Востока Европы, Севера и Юга Азиатской России: мещеряков, татар, башкир и тептерей..., киргизов Семиречья и Тарботагая, тюрков Китайского Туркестана... Звучит нескромно, – спешит извиниться Катанов, – но я в своих трудах по лингвистике использовал данные 114 языков мира...» [Карачаков, 2018, с. 25]. А его письмо к Э. Пекарскому оглашает уточнение ко всему выше сказанному: «... Собрал столько много материала, что за 15 лет Академия наук едва ли, при моих постоянных напоминаниях, напечатала одну шестую часть. На печатание остального понадобится еще 75 лет» [Карачаков, 2018, с. 23].

XIV-ая заключительная картина сценического действия замыкает фантазмагорическое вступление I-ой картины мистерии: «По бескрайним просторам Космоса, – подсказывает ремарка, – идут двое: Катанов Н. Ф. и Шаман». «Бессмертным» провозглашает Шаман научный подвиг ученого: «У тебя, Пора, сын хызыла, был трудный путь Воина, дорога воина науки – война-номчы. Ты его прошел достойно – боролся за народ, за язык предков. Великий хакасский язык – он тысячелетиями спасает мой народ и твой народ – наш народ от гибели... Ты не умрешь. Ты оставил такой славный, глубокий след на земле, что твое имя – Пора Катанов – будет вписано в историю Земли и Хан тигира – космоса, а теперь иди – путь воина – номхы зовет тебя дальше!» [Карачаков, 2018, с. 30–31].

Реалистическая основа пьесы С. Карачакова расцветивается не только романтическими вступлением и заключением. Мотивно-образный ориентир пьесы – мистерии, ее романтический дискурс формирует и этноромантика поэзии обряда. Хакасские обряды жертвоприношения духам Огня, Воды, Неба, Гор (картины VII, IX, XIII), алгысы тувинских шаманов, являясь частью жизненной и профессиональной судьбы главного героя, романтизируют его образ, тем самым акцентируя значимость одного из основных концептов пьесы – величие научного подвига достойного сына хакасского народа. В свою очередь, национальные обряды, сами являясь культурными концептами, призмой культурной специфики задают вектор познания самой национальной действительности. Обряд идентифицирует и национального героя, и национального писателя, создавшего «сагу» об этом герое.

Однако с целью экономии сценического времени и эффектности мизансцен необходимо сократить объем текста обрядов, оставив для режиссера и артистов метатекст (ремарки) и наи-

более образную, яркую часть обряда, заключая его свершение алгысом (благопожелание).

Пьеса – мистерия известного писателя Хакасии С.Е. Карачакова «Путь воина – номчы» – это новое в жанровом и мотивообразном отношении слово в хакасской литературе, в котором осмысление действительности происходит через значимые культурные концепты.

В драматическом произведении создан новый культурно-исторический психологический тип национального героя – талантливый ученый, сына хакасского народа – Николая Федоровича Катанова, два важных юбилея которого состоятся в 2022 г.: 160 лет со дня рождения и 100 лет со дня смерти.

ЛИТЕРАТУРА

1. Карачаков, С. Путь воина – номчы // Рукопись пьесы: архив рукописного отдела ХакНИИЯЛИ: Д. 5; Оп-2. Д-2105. 144 л.
2. Надъярных, Н. С. Время перечтений // Способность к диалогу [сборник статей]. Ч. I – М., «Наука», 1993.
3. Словарь иностранных слов / Отв. редакторы В. В. Бурцева, Н. М. Семенова. – 2-е изд. – М.: Рус. яз. – Медиа, 2004. – 820 с.

*А. К. Шапауов, Е. И. Туровская,
Кокшетауский государственный университет
им. Ш. Уалиханова (Казахстан)*

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ВЗАИМОСВЯЗИ

В статье показана взаимосвязь европейской и тюркской литературы, которая проявляется в общих сюжетах, фольклорном наследии.

Большое внимание уделено драматическому жанру казахской литературы.

Ключевые слова: литературы, драматургия, взаимосвязь, национальный фольклор.

*А. К. Shapauov, Ye. I. Turovskaya,
Kokshetau State University named
after Sh.Ualikhanova (Kazakhstan)*

LITERATURE LINKAGES

The article shows the linkage between the European and Turkic literature, that reveal itself in common plots, folklore heritage. Much attention is paid to the dramatic genre of Kazakh literature.

Key words: literature, drama, interconnection, national folklore

Культурное и духовное наследие народа, устное народное творчество, внутрижанровые черты письменной литературы стали основой раннего зарождения и формирования казахской драматургии. Получив основательные уроки школы мировой литературы, писатели по-новому развили богатые традиции на национальной почве. Драматичность этого вида жанра заключается в отражении противоречий, связанных с проблемными вопросами бытия. Сама жизнь состоит из противоречий: это – закон природы и общества.

в конфликте, построенном на сильном действии. Сформировавшийся на благодатной национальной фольклорной почве, с учетом новых велений времени, она не должна остаться вне поля зрения исследователей. Сегодня казахстанская драматургия представляет особый жанр, который развивается всесторонне. В результате специальных исследований произведений ведущих драматургов было написано несколько ценных трудов.

Качество художественности, идейности драматического произведения связано с глубиной противоречий, заключается в истинности характеров. Эти две рядом идущие половинки целого являются важными частями драмы. Яснее ясно, что сам истинный характер проявляется

Видные ученые, исследователи генезиса драмы и театра А. Шопенгауэр, О. Фрейденберг, Ф. Шеллинг, Ф. Ницше, Б. Эйхенбаум связывали драматургию с обрядовой и мифопоэтической традицией народа.

Вопросы истории, теоретической и жанровые проблемы драматургии народов советского периода глубоко рассмотрены в трудах ученых

А. Аникста, Н. Абалкина, А. Богуславского, В. Волькенштейна, В. Хализева, Юзовского, В. Фролова, Е. Горбуновой, Н. Киселева и других известных исследователей.

Огромный вклад в развитие казахстанской национальной науки и культурного наследия внесли Ахмет Байтурсынов, Алихан Бокейханов, Смагул Садуакасов, Мухтар Ауезов, Жусупбек Аймауытов, Сакен Сейфуллин, Халел Досмухамедулы, Сабит Муканов, Есмагамбет Исмаилов, Хажым Жумалиев, Бейсенбай Кенжебаев, Ауельбек Кобыртбаев и другие.

Истории и жанровым сторонам казахской драматургии специально посвящены ряды монографических исследований М. Ауэзова, А. Тажибаева, Р. Рустембековой, М. Дуйсенова, Н. Габдулина, Р. Нургали, Ж. Абилова, Т. Есембекова, С. Даутовой [Ауезов, 1985; Тәжібаев, 1970; Нұрғалиев, 1983; Әбілов, 2001; Нургалиев, 1985; Рүстембекова, 1969; Даутова, 2006].

В последнее время появились работы в которых раскрывается проблемы современной драматургии, поэтика сценической литературы, творчество драматургов: В.В. Хаусман /Латвия/, С. Гончарова-Грабовская, М. Громовой /Россия/, Б. Имамов, С. Камалидденов /Узбекистан/, М. Сеидов, Н. Кулиев /Азербайджан/, В. Терзибаян /Армения/, А. Ахмадулин, Н. Ханзафарова /Татарстан/, М. Гайнуллин, Т. Кильмухаметов, Р. Ахмадиев /Башкортостан/, А. Билюкиной, Г. Башарина /Якутия/, В. Найдаков, С. Имixelова /Бурятия/, П. Метина /Чувашия/, А. Калзан /Тува, Н. Майнагашевой /Хакасия/, А. Шапауова, А. Ахтановой /Казахстан/ [Хаусман, 1972; Лессинг, 1935; Горбунова, 1960; Киселев, 1957; Волькенштейн, 1968; Камалидденов, 1969; Абдусаматов, Саматов, 1951; Кулиев, 1963; Микулашек, 1960; Терзибаян, 1961; Ордалиев, 1970; Нургалиев, 1968; Сабиров, 1968; Сеидов, 1972; Турсунов, 1963; Баялик, 1977; Шапауов, 2012] и другие.

Как известно, литература любого народа в мире не развивается изолированно от других. Духовно-культурные связи которые проявляются в преемственности между художественными произведениями европейских и тюркских народов.

В X–XIII вв., например, видные представители тюркской поэзии Фирдоуси, Хафиз, Сагди, А. Яссауи, Ахмед Югнаки, Юсуф Баласагуни и другие поднялись на высоты мирового уровня, свои богатые традиции демонстрировали другим народам, способствуя формированию их традиций.

А в X–XIII вв. у европейских народов получили развитие конкретные жанры литературы. Именно в этом заключается главное достижение западной культуры. Особенно на высоком уровне находились рыцарская поэзия, жанры романа и драмы, религиозно-клерикальная литература, жанры фавлю, шванк. В средние века во Франции, Германии, Польше сформировалась городская литература, ее художественность, эстетические требования развивались в другом по сравнению с рыцарской литературой направлении. Так, наблюдаются внешние и внутренние связи между средневековым немецким героическим эпосом «Песнь о Нибелунгах» и средневековыми дастанами «Кобыланды батыр», «Алпамыс батыр», являющимися общими для всех тюркских народов. Во-первых, схожесть характеров, устремлений героев; во-вторых, изображение героев непобедимыми; в-третьих, невесты подвергают своих возлюбленных аналогичным испытаниям-условиям. Разумеется, в этих условиях, в их реализации, в мировоззрениях имеются свои национальные ценности, черты своего менталитета, но все же немало встречается и схожих моментов.

В средневековой европейской литературе наиболее распространенным видом городской литературы является фавлю (фр. *fabliau* < лат. *fabula* история, рассказ) – народный жанр средневековой французской литературы; пересказ анекдотического события в прозе или в стихах. В этом жанре обычно развенчиваются подлость городских богачей, двуличие полуграмотных религиозных служителей, невежество рыцарей.

Повествования в виде фавлю часто встречаются и в литературах тюркских народов. Сказки, считающиеся основным жанром казахской народной устной литературы, отличаются своим правдивым содержанием. В них подчеркиваются коварство царей, безграмотность мулл, несправедливость баев, честность, щедрость и трудолюбие простых людей. Так, мы замечаем сюжеты фавлю в комедиях Мольера в виде фарса. В немецкой литературе под влиянием фавлю родился шванк. Например, у знаменитого мастера слова Штриккера – серия смешных историй «Поп Амис», в которой рассказывается о самых различных событиях, пережитых шустрим и хитрым попом.

Широко распространенный среди европейских народов «Роман о лисе» – сказка о проделках лисы – один из жанров городской литературы XII–XIII вв. Известно, что в написании этого произведения, охватывающего почти столетие, приняли участие многие авторы. Основная идея

создателей данного романа – в интересах горожан условно описывая события с участием лисы и волка, раскрыть истинное лицо правителей-хозяев. А именно следующие персонажи: король – лев Нобль, придворный советник – осел Бодуэн, глашатай короля – петух Шантеклар, крупный богач – медведь Брэн, рыцарь среднего ранга – волк Изенгрим – все они как бы представляют характеры правящих кругов. Также созданы образы простых людей в виде курицы, зайца, куропатки и т. д. Самый сложный, центральный образ – образ Ренора. По-своему мастерской сценой являются споры зверей между собой. Персонажи при встрече друг с другом проявляются в одном качестве, оставшись сами собой – в другом, и это точно передает человеческий характер во все времена.

Нетрудно заметить, что это в драматическом жанре тюркских народов очень похоже на сатирическую комедию в XX в. писателя-драматурга Сакена Жунусова «Кроссворд или новогодний маскарад». Новое решение драматурга С. Жунусова заключается в том, что он на каждого «клиента» вытрезвителя надевает соответствующую его натуре маску: руководитель учреждения, большой партийный работник Орынбасар Амирович – «лев», многодетный безработный отец Бакай – «заяц», главный врач курорта Симулянский – «лиса», шашлычник Ашот – «барсук», Бурибай – «волк», Фарид – «осел», студент Олег Николаевич – «кот», учитель-музыкант Мурат – «обезьяна». В казахской пьесе суть основного конфликта – показ нелегкого жизненного пути, раскрытие таких пороков, как хищение народного добра, жить припеваючи, не затрачивая для этого особых усилий, ложь, провокация, пренебрежение и т. д. И цель драматурга, и главная суть жизненности пьесы – именно в этом.

Продолжение рыцарства, литературных традиций в Европе, их конкретные картины проявились и у тюркских народов в 1960–1990 гг, например, в казахской драматургии – в комедиях Калтая Мухамеджанова «Бөлтірік бөрік астында» («Волчонок под шапкой») и Сакена Жунусова «Қызым, саған айтамын...» («Доченька, тебе говорю...»). Эти пьесы были неоднократно поставлены на сценах отечественных и зарубежных театров. В комедии «Волчонок под шапкой» изображены молодая бурная жизнь студентов, временный разгульный образ женатого джигита, выдававшего себя за холостяка. А в комедии «Доченька, тебе говорю...» занимательно показаны менталитет сельских и городских людей,

беспредельное использование партийными руководителями своего служебного положения в личных целях, разрушение семьи в результате супружеской измены, расплата донжуанов за легкое поведение в прошлом. Все эти события встречаются в жизни в любые времена, во все века. В конце произведения донжуаны воочию убеждаются в неуместности «рыцарства» в XX в. Потому что в средние века это явление соответствовало эпохе, было традиционным, а то, что в XX в. оно имеет свои тяжелые хлопоты и мучения, авторы комедий в соответствии с временем мастерски показали, по-философски раскрыли лицо манкуртов, начисто лишенных своих национальных ценностей.

Главная тема, поднятая в пьесе «Доченька, тебе говорю...», – проблема человечности, воспитанности. Построение драмы особенное, события преподносятся с отступлениями – то как «Из зала суда», то как «Сценическая картина», чем постоянно притягивают читателя и зрителя. Академик С. Кирабаев четко определяет натуру Разии – главной героини пьесы: «В показе судьбы человека не путем пересказа его прошлого, а через психологическое размышление пьеса Сакена «Доченька, тебе говорю...» имеет ряд новшеств. В ней изображена трагедия женщины, которая хотела покорить жизнь одной лишь своей красотой».

В пьесе наряду с острыми диалогами, глубокосодержательными монологами часто встречаются, удачно использованы образцы белого стиха, декламация, драматические ритмы и рифмы, пословицы и поговорки, эпитеты, замена, подмена, тропы.

Конфликт и характер – ключевые стержни драматургического жанра. Конфликт в драматическом произведении тесно связан с внутренним миром и его внешним проявлением у героев с противоположными взглядами. Бледное изображение конфликта и характера в любом драматическом произведении приводит к снижению его художественного достоинства. У разных художников в раскрытии проблемы характера и приемы разные.

Ситуация в драме – понятие емкое. Атмосфера общества, в котором живут и действуют персонажи, обстановка среды, действия героев – все это развивается в зависимости от ситуации.

М. Ауэзов подчеркивал: «жанр драмы – трудный жанр, самый ответственный жанр», и всем известно, что, действительно, драматургия – жанр, поддающийся не каждому. [Ауэзов, 1962]

ЛИТЕРАТУРА

1. *Ауезов, М.* Шығармалары. – Алматы: «Жазушы». – 1985. – Б. 310.
2. *Тәжібаев, Ә.* Қазақ драматургиясының қалыптасуы мен дамуы: Монография. – Алматы, «Ғылым». – 1970. – Б. 292.
3. *Рүстембекова, Р.Б.* Майлиннің драматургиясы. – А: «Жазушы», – 1969. Б. 179.
4. *Дүйсенов, М.* Қазақ драматургиясының жанрлық проблемалары. – А. 1977.
5. *Ғабдуллин, Н.Ғ.* Мүсірепов – драматург. – А.: 1982. – Б. 325.
6. *Нұрғалиев, Р.* Айдын. Монография –Алматы, «Ғылым». – 1983. – Б. 381.
7. *Әбілов, Ж.* Қазақ комедиясы. Монография. «Ғылым», – Алматы, 2001. – Б. 321.
8. *Есембеков, Т.* Прозадағы драматизм. Монография. – Алматы. «ҚазМУ». 1997. – Б. 211.
9. *Даутова, С.* Драмадағы тарихи тұлға. Монография. – Алматы, 2006. – Б. 291
10. *Шапауов, А.* Казахская драматургия в 1960–1990-х годов. – Монография. – Москва. – 2012. – С. 122.
11. *Шапауов, Ә.* Сәкен Жүнісов – драматург. Монография. – Көкшетау. 2014. – Б. 173.
12. *Ауезов, М.* Уақыт және қаламгер. – Алматы. – 1962. – Б. 278.

Л. В. Челтыгмашева,

Хакасский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории (Россия)

**ЭТНОПОЭТИЧЕСКОЕ СВОЕОБРАЗИЕ ХАКАССКОЙ ДЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XX – НАЧАЛА XXI В.**

В статье исследуется проблемно-тематические и поэтические особенности хакасской детской литературы второй половины XX – начала XXI в. Анализ проводится на материале рассказов А. Халларова, Г. Казачиновой, А. Султрекова, И. Топоева, Л. Костяковой. Основное внимание обращается на использование образов, сюжетных мотивов, изобразительно-выразительных средств фольклора в создании художественно-эстетической структуры литературного произведения. Обосновывается мысль о том, что этнопоэтическое своеобразие рассказам второй половины XX – начала XXI в., написанным

доступным для детского восприятия языком об истории Хакасии, об играх и увлечениях детей, об их отношениях со сверстниками и взрослыми, придают фольклоризмы и этнографизмы, которые, выражая менталитет, этноэстетические, мировоззренческие основы духовной культуры хакасского народа, способствуют изображению характеров, раскрытию образов героев, усилению остроты сюжетного действия, созданию изобразительно-выразительной системы литературного произведения.

Ключевые слова: проза, рассказ, этнопоэтика, фольклоризм, этнографизм, герой, традиция.

L. V. Cheltygmasheva,

Khakass Scientific Research Institute of Language, Literature and History (Russia)

**ETHNOPOLITICAL ORIGINALITY OF THE KHAKASS LITERATURE FOR CHILDREN
OF THE SECOND HALF OF XX – BEGINNING OF XXI CENTURY**

The article gives the research for the functioning of the folklore traditions in the modern khakass prose for children. The analysis is conducted on the material of stories of A. Hallarov, G. Kazachinova, A. Sultrekov, I. Topoev, L. Kostyakova. The main attention is paid to the using of the images, plot motives, visual and expressive means of the folklore genre in the creation of the art and aesthetic structure of a literary work. The author comes to the conclusion that the ethno poetic identity of stories, written in available to the child's perception language about the history of Khakassia, about games and

hobbies of children, about their relationships with peers and adults, is provided by folklorisms and ethnographisms, which through expression of the mentality, ethnoaesthetic and worldview foundations of the spiritual culture of the Khakass people contribute to the depiction of tempers, disclosure of characters' images, enhancement of the sharpness of the plot action, creation of the descriptive and expressive system of a literary work.

Key words: prose, story, ethno poetic identity, folklorism, ethnographism, character, tradition.

Исследование хакасской детской литературы второй половины XX – начала XXI в. с позиции современной этнолитературоведческой методологии представляется актуальным. Согласно этнофилологическому подходу, хакасская детская литература должна рассматриваться как целостная художественная система, основанная на фольклорной художественно-эстетической основе. Исследование избранной темы обусловлено необходимостью научного осмысления опыта хакасской детской литературы в решении задач, нравственно-этического, патриотического, эстетического воспитания подрастающего поколения, а также отсутствием на данный момент специальных исследований, направленных на целостный анализ произведений хакасской детской литературы. Целью данной работы является рассмотрение этнопоэтического своеобразия произведений хакасской детской прозы второй половины XX – начала XXI в.

С самого зарождения хакасской прозы в 1930-е гг. писатели обращались к детской теме. В процессе накопления художественного опыта происходило становление детской литературы со своей жанровой и образной системой, художественно-эстетическими принципами и поэтическими особенностями. Нравственно и художественно-эстетически значимы произведения о детях и для детей, созданные как основоположниками и классиками хакасской литературы В. Кобяковым, А. Кузугашевым, М. Коковым, Н. Тиниковым, К. Нербышевым, А. Халларовым и др., так и современными писателями Г. Казачиновой, А. Султрековым, И. Топоевым, И. Миягашевым, Л. Костяковой и др.

Сборник рассказов для детей «Хоңыро-чахтар» («Колокольчики», 1981) А. Халларова представляет научный интерес с точки зрения отражения в них событий из жизни автора. Его художественный метод, основанный на реалистическом социально-психологическом анализе, точности бытописания, творческом освоении фольклорных элементов и форм, позволил писателю выразить основные составляющие традиционной духовной культуры, образа художественного мышления народа. В его рассказах «Новая рубашка» («Наа көгенек»), «Вкус хлеба» («Халас тадии»), «На холмике» («Төнде») и повести «Акай» наличествует автобиографическое начало. Творчески переработав факты, события, детали собственной биографии, писатель создаёт художественные образы, являющиеся одновременно субъектом и объектом изображения. Главный герой – мальчик-сирота, воспитыва-

емый бабушкой, – от первого лица говорящий или герой с другим именем, а не сам писатель. Автобиографизм проявляется в отражении в сюжетном действии произведения событий из жизни А. Халларова, в отображении в образе, характере героя душевно-психологических особенностей, личностных качеств писателя, в созвучии настроений и переживаний автора и героя. Автобиографические мотивы способствуют созданию обобщённого образа героя-сироты, сквозь призму детского восприятия которого изображается жизнь, бытовой уклад, мышление хакасского народа в первые годы после Великой Отечественной войны.

Сборник рассказов «Пістің аалның олғанары» («Ребята нашего аала») Г. Казачиновой вышел в свет в 1991 г., но жизнь детей из аала Айов показана на фоне изображения села советского времени, трудовых будней чабанов, трактористов, работающих в совхозе. От имени главного героя Айаса повествуется об учёбе, играх, увлечениях мальчишек и девчонок Кай, Хал Петка, Тарасика, Хастах Люды и Люды Хара Сюрмес, Мали.

Национальное своеобразие рассказам Г. Казачиновой придаёт введение в художественный текст фольклоризмов и этнографизмов, совместное использование которых создаёт целостную эстетическую систему, выражающую этнопоэтику литературного произведения. По словам У. Далгат, традиционно под фольклоризмом в литературе понимается использование и творческая переработка писателем тех или иных элементов фольклора, а также ориентация писателя на поэтику и жанры устной народной словесности, этнографизмы – «факты материальной и духовной культуры народа, его нравов, обычаев, мировоззрения и образа жизни» [Далгат, 2004, с. 3]. В прозе хакасского писателя Г. Казачиновой фольклоризмы и этнографизмы, создавая фольклорно-этнографический контекст произведения, служат стилиобразованию, изображению характеров, передаче образ мышления героев.

Фольклорным материалом, использованным в рассказах Г. Казачиновой, являются пословицы и поговорки, отрывки из хакасского героического эпоса, легенда о великанах-чуут, поставивших на наших землях курганы. Пословицы, поговорки, образные сравнения, народные выражения функционально способствуют характеристике героев, усилению остроты сюжетной ситуации. Использование фольклорных традиций заметно в создании образов стариков. Через их монологи автор юных читателей знакомит с историей, культурой, традициями и обычаями

ями хакасов. От бабушки Натай герои узнают много интересного о чатхане, алыптыг нымахе, тахпахе и тахпахчи, хайджи. Понятным для детского восприятия языком автор рассказывает о динлинах, древней енисейской письменности, событиях, происходивших в годы становления советской власти в Хакасии, о гражданской войне. Созданию этнопоэтического своеобразия рассказов способствует и введение этнографического материала: приводится обряд нарекания имени младенцу, показывается традиционное гостеприимство хакасов, их трепетное отношение к древним курганам, рассказывается о хакасской вышивке, по которой можно узнать, откуда родом мастерица, у каких гор, у какой реки жила. Всё это, демонстрируя особенности жизни, быта, обычаев хакасов, придаёт национальный колорит рассказам Г. Казачиновой.

Герои рассказов И. Топоева из сборника «Көйтүк Миргенек» («Хитрый Миргешка», 1991) – обычные мальчишки и девчонки из хакасских сел, помогающие родителям управляться по хозяйству. Писатель, избегая нравоучительности и навязчивой дидактичности, помогает своему читателю прочувствовать мысль о необходимости с раннего возраста воспитывать в себе привычку к полезному труду, потребность быть нужным людям. И. Топоев пишет пейзажные зарисовки, этюды о природе, животном мире. В рассказах «Түлгүчек» («Лисичка»), «Пулан» («Лось»), рассказах-зарисовках «Чаапчатхан харның сарыны» («Песня падающего снега»), «Тирек салаазы» («Ветка тополя») рассказывает о повадках диких животных, явлениях природы, точно подмечая в них самое характерное, передавая увиденное ярким, самобытным словом. Подобные рассказы помогают расширить кругозор ребенка об окружающем его мире, призваны достичь сугубо педагогические цели: разбудить в юном читателе интерес самому понять, что такое добро, справедливость, любовь к родителям, чувство красоты, единство с природой.

Помочь ребятам лучше понять мир, в котором они живут, перенять традиции, обычаи своего народа ставит своей целью А. Султреков в повести «Күңүр ағас» («Дуплистое дерево», 1996). Многовековая духовно-нравственная и житейская мудрость народа сконцентрирована в образе деда Покропа, передающего главному герою Игураку свои знания о пчелах. В раскрытии образа деда Покропа автор опирается на общефольклорный художественный принцип, согласно которому, как отмечают исследователи национальных литератур, к окружающему природному миру относятся как к живому орга-

низму, частью которого являются и человек, и животные, и растительный мир, и объекты ландшафта [Балданов, 2008, с. 179]. У каждого природного объекта, по словам Покропа, есть своя жизнь, свой характер. Согласно обычаям своих предков, он учит Игурака уважительно относиться к духам гор-рек: «В тайге нельзя лишнее болтать. Духи гор, рек, услышав твои хвастливые слова, больше не будут помогать». Дед Покроп совершает обряд подношения для задабривания Верхнего Чайяана с просьбой о сопутствии Игураку в поисках таёжных пчел. Наполнив ведра таёжным мёдом, Покроп апсах снова совершает обряд, обращаясь к духам гор-рек с благодарностью за подаренный мёд. Используя этот обычай подношения духам, связанный с анимистическими и пантеистическими верованиями предков хакасов, автор создает в повести фольклорно-этнографический контекст, выражающий отношение хакасов к окружающей природе.

Тенденции развития литературы начала XXI в., связанные с более творческим и глубоким освоением этнопоэтических традиций, проявились в творчестве Л. Костяковой. Сюжет рассказа «Сымбал сынның хыйгызы» («Манящая тайна Самбыла», 2010) построен на композиции переплетения реалистического действия со сказочным. В основу произведения положено воспоминание рассказчика о давней истории, происшедшей с ней в детстве, когда она увязалась за родителями в тайгу на сбор черемши-халба. Рассказ начинается с изображения реалистичных картин того, как у подножия Сымбал тасхыла герои готовятся на ночлег, разжигают огонь, мама проводит обряд кормления От инезі (Мать огня), ужинают. Перед сном у костра отец рассказывает легенду о девушке, по злему наговору жены брата изгнанной из родных мест. Покидая отчий дом, она поёт о том, что, несмотря ни на что, будет оберегать брата. Она ушла на Сымбал тасхыл. Небесные боги сжалились над ней и забрали её к себе, а брата в наказание не защитили от врагов-захватчиков. Брат и его народ погибли. Говорят, что брат и сестра похоронены на Сымбал тасхыле, но иногда они, как тень, появляются перед людьми. Далее автор от изображения событий в настоящем времени переносит свою героиню в мир сказочного эпоса. Ночью она встречается с девушкой из рассказанной отцом легенды. Вместе с ней девочка поднимается на Сымбал тасхыл, попадает в удивительные приключения: помогает девушке-алыпу одолеть врага, сражается с чудовищами, змеями, гостит у Адам хана, живущего со своим

народом в скале. После всех походов она благополучно возвращается к родителям.

Главный герой рассказа совершает воинский подвиг во имя родного народа и земли. Истоком для создания такого образа смелой, сильной защитницы, несомненно, является архаичский образ девы-алыпа из хакасских сказаний («Алтын-Арыг», «Ай-Хуучин» и др.). Сохраняя черты героического облика, писатель делает своего героя узнаваемым для тех, кто знаком с фольклорной традицией хакасов. Особенность конфликта рассказа в том, что идея героического эпоса о неизменной борьбе темных и светлых начал жизни реализуется в необычной фантастической ситуации. Дева-алып говорит девочке: «Пис парда, чуртирзар. Чох пол парзабыс, сирер дее пол полбассар. Анзын ундубанар» («Пока мы есть, будете жить. Когда нас не станет, вы тоже погибнете. Не забывайте это»). По её словам, жизнь обычных людей на земле зависит от другого, «невидимого» нам мира, поэтому она, сражаясь за свой народ, живущий внутри Сымбал тасхыла, тем самым защищает от темных сил всех обитателей среднего «солнечного» мира. Люди всегда должны помнить это, и когда наступит момент, по зову предков, должны прийти им на помощь. Так, в рассказе Л. Костяковой идея борьбы добра и зла, присутствующая фольклорным произведениям, сводится к тому, что в извечном противоборстве светлого и тёмного начала сегодня выстоит тот народ,

который чтит и помнит предков, знает свою историю, родной язык, уважает и соблюдает национальные традиции и обычаи. Обращение к фольклорному сюжету и конфликту, героическому образу девы-алыпа, художественным средствам фольклора (определениям-эпитетам, гиперболизированным сравнениям), эпичности алыптыг нымаха и элементам сказочного жанра, использование жанров кип-чоох, тахпах, сыыт, благопожелания-алгас, пословиц и поговорок, сочетание реального и фантастического – всё это позволило Л.В. Костяковой создать оригинальный по своей сюжетно-композиционной форме рассказ «Манящая тайна Самбыла».

Таким образом, художественно-функциональное освоение фольклорных традиций в идейно-эстетической структуре произведений А. Халларова, Г. Казачиновой, А. Султрекова, И. Топоева, Л. Костяковой еще раз свидетельствует о том, что фольклор был и остается первоосновой художественной литературы. Творческое включение в художественный текст фольклорных жанров, использование фольклорных принципов, народных выражений, введение этнографических реалий и деталей создают фольклорно-этнографический контекст, посредством которого писатель знакомит юных читателей с историческим прошлым, духовной и нравственной природой народа, его обычаями и традициями.

ЛИТЕРАТУРА

1. Балданов, С.Ж., Бадмаев, Б.Б., Буянтуева, Г.Ц-Д. Литература народов Сибири: этнотрадиция, фольклорно-этнографический контекст. – Улан-Удэ: Изд-во Бурятского гос. ун-та, 2008. – 304 с.
2. Далгат, У.Б. Этнопоэтика в русской прозе 20–90-х гг. XX века (Экскурсы). – М.: ИМЛИ РАН, 2004. – 212 с.

Н. О. Нарынбаева,

*Институт языка и литературы им. Ч. Айтматова
Национальная Академия Наук (Кыргызская Республика)*

ЖАНРЫ БЫЛИЧКИ В КЫРГЫЗСКОМ ФОЛЬКЛОРЕ

В статье рассматриваются образы сверхъестественных существ, которые становились частыми героями жанра былички у кыргызов. Материалы фольклорного фонда кыргызов находят параллели среди алтайских, казахских и других народов тюрко-монгольского и ирано-персидского ареала. Их культурные традиции очень близки по своему стилю и содержанию.

Настоящая статья – еще одна попытка показать единые истоки историко-культурного наследия Центральной Азии и Саяно-Алтая.

Ключевые слова: албарсты, былички, древние верования, жанр, жезтумшук, жезтырмак, куучу, мите, мифические существа, несказочная проза, меморат, фабулат, устные рассказы.

THE STORY GENRE IN KYRGYZ FOLKLORE

In this article considers the images of supernatural creatures, who became frequent heroes of the genre stories in the Kyrgyz. Materials of the Kyrgyz folklore fund find parallels among the Kazakh, Altai and other peoples of Turkish-Mongol and Iranian-Persian areal. Their cultural traditions are very close in style and content. This article is

Жанр былички, в составе несказочной прозы, является одним из древних жанров фольклора. Истоки многих мотивов быличек ведет нас к первобытной мифологии и, как известно, в фольклоре они существуют как суеверные устные рассказы, о вмешательстве в жизнь людей различных необъяснимых сверхъестественных сил. Основная целевая установка былички – доказать наличие сверхъестественных существ и убедить слушателя поверить в это. Как правило, былички повествуются в форме мемората рассказчика или фабулата, как воспоминания другого человека, якобы лично пережившего тот или иной случай о столкновении человека с представителями иного мира. Эти мифические существа, параллельно существующие с людьми, которые иногда вторгаются в жизнь отдельного человека или наоборот человек вторгается в их судьбу. Поэтому в них с точностью описываются известные топонимические реалии и участниками данных событий являются реальные люди, родственники или знакомые рассказчика либо очевидцем является он сам. Как свойственно жанрам несказочной прозы, всегда дается установка на достоверность, особенно в описании главного персонажа – сверхъестественного существа.

Сюжеты меморатов и фабулатов, как случаи из жизни людей, исследовались в трудах этнографов в аспекте древних верований. Таковыми являются труды Г. П. Снесарева [Снесарев, 1969], А. Сухаревой [Сухарева, 1975], С. М. Абрамзона [Абрамзон, 1990], Т. Д. Баялиевой [Баялиева, 1972] и мн. др. О жанровом разнообразии быличек в фольклоре написано в трудах В. И. Ереминой [Еремина, 1991], Н. А. Криничной [Криничкина, 2011], С. А. Каскабасова [Каскабасова, 1990] и др. За постсоветский период плодотворную работу провела молодой ученый-исследователь и собирательница алтайского фольклора Кузелеш Яданова. На данную тему посвящен составленный ею сборник, «Указатель сюжетов

another attempt to show the common sources of the historical and cultural heritage of Central Asia and Sayano-Altai.

Key words: albarsty, stories, ancient beliefs, genre, Zheztumshuk, Zheztyrmak, Kuuchu, Mite, mythical creatures, fabulous prose, memoratum, fabulat, oral stories.

и версий по материалам алтайской фольклорной традиции: «Встреча охотника с мифическим существом»» (Горно-Алтайск, 2013, 288 с.), Ее же монография «Предания, легенды, былички теленгитов долины Эре-Чуй» (Горно-Алтайск, 2013, 256 с.) также представляет огромную ценность по изучению не только алтайского фольклора, но и для всего мифологического пласта общетюркской культуры.

Персонажами кыргызских быличек являются: кайберен (горный дух, хозяйка диких животных) [Инв. №319, 86–94-б.], албарсты (албасты) [Инв. №46, 122-б.], жезтырмак (медные когти) или жезтумшук (медный нос; тумшук букв. означает клюв, а не нос) [Инв. №527(306), 136–138; Инв. №46, 121–122-б.; Инв. №1851, 123–124-б.], мите, жезкемпир или желмогуз кемпир (старуха-чудовище) [Инв. №508, 131–132-б.], жалгыз аяк (одноногое чудовище) [Инв. №704(5342). Тетр. №3, 109-б.], жалгыз көздүү желмогуз (одноглазое чудовище) [Инв. №46, 120-б.] и почти составляют параллели с быличками всех тюркских народов.

В прошлом кыргызские былички в большинстве случаев рассказывались охотниками, пастухами или одинокими путниками. Характер их жизни, проводившие большую часть времени в лоне природы: в горах, в лесу или же в одиноком путешествии, люди, ночевавшие под открытым небом, укрепляли архаическую веру в существование сверхъестественных существ, порожденных в результате мифологического представления. В кыргызских охотничьих быличках широко распространен сюжет о брачном союзе человека с самкой оленя. В народе ее называют Мюйюздую эне – рогатая мать племени, чей род происходит от брака смертного человека с тотемом – матерью-кайыпа. Кайып – кайып эрен или кайып то же, что кайберен. «Кайыбы малдай жайылган – Дикие жвачные там паслись как домашний скот» [Юдахин, 1965. Кн. 1. С. 325].

Согласно древнему поверью она была дочерью кайыпа, покровителя диких жвачных животных, с благословения которого выживали охотничьи племена, потомки северных народов. Вот отрывки из стержневого сюжета данной былички в разных вариациях из нескольких источников: 1) Карамырза и Асанмырза, охотясь на горах Ала-Мышык, увидели в стаде маралов девочку и мальчика с оленьими рожками. Они убили мальчика, схватили девочку, которая с воплем бросилась на труп брата. Говорят, что вследствие проклятия кайыпа оба охотника не имели потомства [Миф, уламыш, 2017. 106–108-б.]. 2) «Охотники убили на горе Ала-Мышык белого оленя ак бугу, захватили девушку, на голове которой были небольшие рожки. Эта девушка была дочь Кайыпа (кайыптын кызы)» [Абрамзон, 1990, с. 301]. 3) «Однажды в горах Ала-Мышык вблизи нынешнего города Нарын, два брата-охотника нашли дочь кайыпа и привезли к себе домой. Отец братьев женил на нее одного из них, это дало начало племени Бугу (олень)». По преданию она – прародительница племени бугу, и по настоящее время населяющее берега Иссык-Куля [Валиханов, 1961, с. 585–586]. 4) «Мюйюздую байбиче запрещала мужу смотреть на нее, когда та моет голову. Однако тот нарушил запрет и увидел ее внутренности, после чего она умерла. А на утро ее тело не оказалось в юрте, в которой оставили. Рассказывают, что остались только следы копыт оленя, уходящие в горы» [Рук. фонд НАН КР. Инв. № 319(4357); 643(5281)]. 5) «Захваченная охотником на горе Ала-Мышык девушка, которую он сделал своей женой, просила лишь об одном: когда будет возвращаться домой, пусть предупреждает ее о своем приходе покашливанием. Однажды он подошел без предупреждения и посмотрел внутрь через просвет между войлоками. Вместо жены он увидел самку оленя. Она прыгала и резвилась, терлась боками о стенки юрты. Когда вошел в юрту, не было ни жены, ни оленя. Через некоторое время посреди юрты мерген нашел колыбель с младенцем. Это был его сын. От него и пошло племя бугу» [Абрамзон, 1990, с. 300]. 6) «Нарушив табу, муж однажды заглянув тайком, то увидел вместо жены самку оленя (кайыпа), войдя, обнаружил, что юрта пуста. Иногда охотники встречают Рогатую мать в горах» [Мифы народов мира, 1998, с. 192]. Сюжет былички о Рогатой матери-оленихи возник на основе мифологических поверий о покровителях охоты и диких зверей. Кайып-эрен или кайберен – добрый дух, покровитель диких жвачных животных. Кыргызы полагали, что кайберен

охраняет горных животных и способствует их размножению, истребление их вызывает его гнев [Баялиева, 1972, с. 115]. О трагическом последствии проклятия кайберена посвящен сюжет кыргызского эпоса «Кожожаш». Согласно древним поверьям кыргызов, кайберены обитают в горах. «Являясь покровителями горных животных, они в то же время выступают в роли хозяев горных урочищ, в которых обитают эти животные. Поэтому кыргыз, оказавшийся в опасности во время пребывания в горах, обращался к кайберену со словами: Айланайын кайберен, кырк чилтен колдо! (Да кружусь, кайберен, кырк-чильтен, помоги!)» [Баялиева, 1972, с. 115]. По сообщениям Л.П. Потапова аналогичные представления о горном духе-хозяине (тагдын ээзи) имеются у северных алтайцев каракольских тувинцев [Потапов, 1960, с. 235]. В отличие от современных кыргызов, у которых горная хозяйка-покровительница диких животных представлялась как почтенная матрона (байбиче), у алтайцев и тувинцев она описывается в образе голой женщины, нередко вступающей в сожительство с охотниками и обеспечивающей хорошей добычи.

В кыргызском фольклоре также бытует образ женского существа, встречающейся охотникам. Это мифическая женщина-чудовище с медными когтями (жезтырмак) или женщина-чудовище с медным клювом (жезтумшук) является чуть ли не главным героем в жанре охотничьих быличек у кыргызов. В одном из таких рассказов информатор сообщил, что и албарсты, и жезтумшук были детьми матери Обо (Евы): «Обо энеден жаралган балдардын улуусу албарсты, кичүүсү жезтумшук болгон имиш – детьми рожденные от Обо-эне были они, старший ребенок – албарсты, младший – жезтумшук». Далее описывается о проделках этих существ о высасывании крови медным клювом домашнего скота, увиденного своими глазами: «Өзүн анык көз менен көргөнүм жок, алып таштаган малын көрдүм. Басып калтырып кеткен изин көрдүм, кадимки жылаңаяк баскан орто адамдын изиндей. Канын соруп, этине тийбестен кетип калат, этинин чүпөрөктөй даамы калбайт. – Самого чудовища своими глазами не видел, но видел скот, из которого оно кровь высосало, Видел следы стоп, они как у среднего человека. Мясо не трогает, лишь кровь высасывает, туша животного становится как полотно, бледное». Тут же описывается аналогичная версия случаев с охотниками, также рассказчик убеждает, что сам видел эти медные когти и клюв, привезенные охотниками, ему было тогда лет 15–16

[Рук. фонд, Инв. №1851]. Во всех кыргызских быличках о лесном чудовище с медными когтями и медным клювом представляли в образе красивой молодой женщины (келин), которая при встрече с людьми прикрывала нос длинным рукавом платья. Ей приписывали невероятную физическую силу и пронзительный голос (чаңырык). В некоторых быличках подобное качество этого мифического существа приписывается другому, одноногому существу. Говорят, что жалгыз аяк имеет такой голос, что когда оно издает звук, конь путника останавливается как вкопанный и мочится кровью. Постоянным местом ее обитания были густые чащи лесов, и былички о жезтырмак (жезтумшук) рождались среди охотников. Как правило, победу над ней одерживали прославленные охотники-мергены. В казахском фольклорном фонде зафиксировано также множество быличек на тему жезтырмак. В одной из них Мамай-батыр повествует о том, что его дед, затем отец, охотясь в местечке Ушарал (букв.: Три островка) бесследно исчезли. Далее рассказ идет по известному сюжету, и Мамаю удается в нее выстрелить. «Я отрезал у нее обе руки. Они были железные, с острым концом. Это был жезтырмак» [Каскабасов, 1990, с. 117–118]. Но самое богатое фольклорно-этнографическое наследие среди тюркоязычных народов по быличкам хорошо сохранилось у алтайцев. Свидетельство тому является «Указатель сюжетов и версий по материалам алтайской фольклорной традиции: «Встреча охотника с мифическим существом»». Указатель содержит большое количество собранного текста и тексты разделены по тематике: «Мифическое существо хочет погубить охотника (Охотник подставляет пень вместо себя)» 17 рассказов, «Охотник и мифическая женщина. а) Дух-хозяйка голая женщина хочет сделать охотника своим мужем» 4 рассказа; б) Сожительство охотника с мифической женщиной 10 рассказов, в) «Охотник обнаруживает нечеловеческие свойства мифической женщины» 21 рассказ и т. д. [Яданова, 2013].

В рукописном фонде Национальной академии наук Кыргызской Республики хранятся ценные фольклорно-этнографические материалы, собранные многими фольклористами и этнографами в течение нескольких десятилетий, начиная с 1920-х гг. Многие из них были использованы кыргызскими этнографами в аспекте изучения этнической истории народа. В настоящем докладе для примера были отобраны некоторые тексты быличек. «В племени саяк, часть которого населяла северный берег Иссыккуля, был знаменитый охотник по имени

Талканбай. Однажды он перешел через перевал Шаты и вышел в урочище Челек (на территории Казахстана), покрытое густым лесом. Весь день Талканбай провел на охоте, вечером расположился в лесу, развел костер, зажарил на огне мясо. В это время к нему подходит молодая красивая женщина, поздоровавшись, села у костра. Талканбай-мерген насадил на кончик ножа кусок мяса, подал ей. Она, не отрывая руки от носа, которой закрывала нос, другой рукой взяла мясо и стала есть. На вопрос, откуда она и куда держит путь, ответила, что пошла в лес за ягодами и заблудилась. Вскоре женщина попрошавшись, удалилась. Охотник сразу понял, что она жезтырмак (женщина-чудовище с медными когтями). Потушив огонь, потащил бревно с человеческим ростом, положил около костра, накрыл своим чапаном (верхней одеждой), на место головы положил свой малахай. Взял ружье и влез на дерево. После полуночи, тихо подкралась жезтырмак, приблизившись к потушенному очагу, она с криком бросилась на бревно. Мерген трижды выстрелил в нее. Она лишь крикнула: «Жемекчи элеч жедиң ээ, Талканбай!» (Собирался съест меня, съел, Талканбай!) и уронила голову. Утром, всю ночь просидевший на дереве Талканбай-мерген, спустился вниз, отрезал медные когти, глубоко вонзившиеся в дерево, и медный нос» [Баялиева, 1972, с. 102. Полевые записи №74]. В народных рассказах часто повествуются, что медные когти и медный нос (жезтумшук), храбрые охотники, как Талканбай, хранили, заворачивая в тряпку, но редко показывали людям. Алтайская сказочная проза также изобилует сходными сюжетами об алмысах и джез-тырмак. Подобные рассказы охотников почти с аналогичным сюжетом, зафиксировано многими собирателями кыргызского фольклора из уст информаторов. Все они уверяют, что этот случай произошло с его дедушкой или с дядей и т. д. даже связывают с историческими именами. Например, один из таких рассказов повествует о временах правления Ормон-хана, будто пережили встречу с чудовищем его приближенные люди. «Вместе с Ормон-ханом перекочевал через перевал Шаты в труднодоступную зимовку приграничной с казахами местности Челек, известный силач Беким-балбан со своими сыновьями: Дада и Бердибек, которые в свою очередь славились как искусные охотники. Однажды Беким-балбан с сыном Дада отправились на охоту. День клонился к вечеру, когда Беким-балбан увидел добычу и стал подкрадываться к ней, в то время как наблюдавший за ним Дада увидел, что к отцу сзади приближается жезтырмак

(женщина-чудовище с медными когтями). Сын выстрелил в нее, и она испустила такой крик, что отец Беким-силач упал со страха. Дада еще раз выстрелил и убил жезтырмак. Отрезанные медные когти и медный нос преподнесли хану Ормону». Рассказчик уверял, что многие видели висевшие в юрте Ормон-хана медные когти и нос (тумшук) жезтырмак [Баялиева, 1972, с. 102–103. Полевые записи № 74].

Сюжеты быличек, о существах насылающие людям вред, повествуют еще об одном древнем образе, который представляется в образе голой женщины с длинными волосами. Если подобный мифический образ у северных алтайцев и тувинцев подразумевается как покровительница охоты, то в кыргызском фольклоре они выступают как злое демоническое существо.

В представлении кыргызов существовало два вида албарсты (албасты): кара (черная) албарсты, в некоторых случаях ее называют мартуу, второй вид назывался сары (рыжая) или сасык (вонячая) албарсты. В быличках рыжая албарсты предстает в облике желтой собаки или рыжего козленка. Кара албарсты считалось самым страшным демоном. Обычно оно появлялось во время тяжелых родов и всячески воспрепятствовало повитухам и знахарям в принятии родов [О проделках, 1975; Каскабастанов, 1990]. В быличках описывается, что это незримое существо якобы вынимало легкие у роженицы и бежало к реке, если успеет выбросить легкие в воду, то женщина непременно умрет. Следовательно, смерть женщины во время родов считалось делом рук кара албарсты (злого духа). Поэтому говорили «кара басты» или «мартуу басты» т. е. «ее задавила нечистая сила». В таких случаях прибегали помощи куучу – людей, способных изгонять из рожениц этих самых злых демонов кара албарсты. Им приписывали власть над албарсты и сверхъестественную силу видеть их. В роли куучу могли выступать и сказители эпоса «Манас». В кыргызском фольклоре зафиксированы устные рассказы о подобных способностях Молдобасана Мусулманулова и многих других сказителей. Сказывание отрывков из эпоса «Манас» у изголовья больного человека или женщины после родов помогали справиться с недугом. Об этом твердят сюжеты народных сказов. Если у алтайцев сохранилось поверье о том, что пение эпоса или сказок сдобривает лесных духов перед охотой, то у кыргызов при исполнении эпоса «Манас» сказители выполняли роль знахаря.

В народе широко бытовало поверье об их существовании, поэтому твердо верили в то, что

даже простые люди могут стать повелителями злых духов: «Зейне Тюнгатарова рассказала, как ее муж стал куучу (куугунчу). Когда ей было 14–15 лет, ее одолевали албарсты и продолжалось и после замужества. Заметив мучения жены, муж стал наблюдать за албарсты. Однажды, когда очередной раз навалилось на нее, муж схватил албарсты за волосы и начал бить, но перепугался и отпустил. После этого он стал куучу (куугунчу). По сообщению Искака Калтаева (информатора – Н.Н.) он считает себя куучу, но никогда не видел албарсты. Однажды проезжая через какой-то аил, он увидел юрту и вокруг него встревоженных людей, которые рассказали ему об умирающей от родов женщине. Калтаев сел за юртой, и, всеобщему удивлению, женщина пришла в себя и благополучно родила. Подобные случаи с ним повторялись несколько раз, и он сам поверил в то, что он куучу. И стал приходить по приглашению к роженицам» [Баялиева, 1972, с. 97. Полевые записи № 32; 51]. Как отмечает Т.Баялиева: «Особых приемов лечения у куучу не существовало. Одного лишь присутствия куучу, как полагали киргизы, было достаточно, чтобы испугать, изгнать албарсты» [Баялиева, 1972, с. 97]. Еще один «куучу», старик Сулайманкул рассказал: «Мне было тогда примерно лет тридцать. Однажды поздно ночью возвращался из гостей. На окраине села рос огромный тополь, под тополем заметил огонек и, приблизившись, вижу двух албарсты. Заигравшись около костра, они меня не заметили. Я нешумно слез с коня и поймал одну из них. Это существо закричало человеческим голосом: Айланайын Сулайманкул аке, сен жүргөн жерде жүрбөйүн, койо бер! (Да кружусь, Сулайманкул-аке, не буду ступать на те места, где ходишь ты, отпусти!). Но я продолжал хлестать камчой (плетью) до тех пор, пока тот не вырвал один волос и не дал мне. С тех пор я стал куучу. Но вот прошло много лет как-то ему удалось обратно украсть у меня свой волос, теперь я их не вижу. Но все же они меня боятся, ибо когда меня приглашают на тяжелые роды, женщины благополучно разрешаются от бремени» [Баялиева, 1972, с. 97 № 36].

Албарсты встречалось одиноким путникам в облике желтой собаки или рыжего козленка. «Однажды кыргызский шаман по имени Томо ехал с друзьями впереди увидел желтого щенка, который бежал с человеческими легкими во рту. Томо сразу догадался, что это не щенок, а албарсты, погнался за ним, при этом кричал: «Кайт артыңа, кайт! Ордуна сал эле, ордуна сал!» (Вернись назад, вернись! Вставь на место, вставь

на место!). Друзья Томо, которым не было видно ничего, помчались за шаманом. Вскоре увидели айыл. Оказалось, что там умирала от родов женщина. Томо с криком влетел в одну из юрт, и женщина очнулась» [Баялиева, с. 98. полевые записи № 2]. Подобных примеров из кыргызского фольклора можно привести до бесконечности. Т.Баялиева пишет, что «древнее представление о кара албарсты позднее оказалось тесно связанным с шаманством. Чаще черным шаманам приписывали способность изгонять черных албарсты (хотя не все черные шаманы обладали этой способностью). Но этих черных шаманов кыргызы считали абсолютно бессильными перед рыжими (сары албарсты), в то время куучу, по народным представлениям, обладали способностью держать в страхе и кара албарсты и сары албарсты» [Баялиева Т., с. 97–98].

Другая разновидность албарсты – сары (рыжая) или сасык (вонячая) рыжая албарсты наносили вред всем, вне зависимости пола и возраста, но без тяжелых последствий. Сары албарсты наносило вред человеку, когда он только засыпал. Человек вдруг начинал чувствовать на себе огромную тяжесть, не было сил шелохнуться, хотя чувствовал себя как наяву. Это состояние называли «албарсты басуу». «Аалы Шейрекеева одолевало албарсты с самого детства. Оно его давило, как только он начинал засыпать, при этом незримое существо приходило в облике знакомых людей из своего же окружения». Другого информатора Т.Баялиевой тоже мучило албарсты с детства: «Однажды, до того как начало давить, я успел схватить за косматые волосы и стал кричать жене, чтобы она скорее зажгла лампу. Я разжал пальцы и увидел, как из моих рук вырвалась струя огня. С тех пор албарсты перестало меня давить. Я также заметил, что когда подходил к дому женщины, у которой были трудные роды, она разрешалась от бремени благополучно». А.Тостоков также сообщил, что видел их игру их с огнем в ущелье Сюту-Булак (Сүттүү-Булак – букв.: Молочный родник) недалеко от г. Нарын [Баялиева, 1972, с. 100. Полевые записи № 101]. Кыргызы представляли сары албарсты в образе длинноволосой женщины ростом с пяти-шестилетнего ребенка, но невероятной тяжестью и верили в их свойство превращаться в рыжего козленка или желтого щенка. Такое представление видимо сложилось по рассказам людей, которые, по их ощущениям страдали от злключений этих существ, приходящих к ним во сне. Вероятно, их длинные волосы и женский пол определялись по расска-

зам «куучу» и шаманов, вступавших в схватки с ними.

«На Алтае широко бытуют рассказы об алмысах – оборотнях с медными зубами и когтями, которые семьями живут в горах, где много глины, похищают детей, пожирают людей, изводят коней, сводят с ума человека» [Несказочная проза Алтайцев, 2011, с. 30; 210–212, 214–229]. О существах с медным клювом (жезтумшук), живущие семьями, и которые хорошо знают знаменитых охотников, зафиксированы и в кыргызском фольклоре. «Охотник по имени Куранчы застрелил одного жезтумшука. Оно с воплем убежало и охотник увидел, как спряталось в пещеру. Куранчы-мерген взобрался на скалу и через отверстие дымохода (тюдюк) пещеры увидел все семейство жезтумшука: старика со старухой и раненную их сноху. Старик с горечью говорит снохе: Я же предупреждал тебя не показываться в глаза Куранчы. Теперь он истребит весь наш род. Охотник через тюдюк застрелил всех, спустился в пещеру, и увидел младенца в каменной люлке...» [Рук. фонд, Инв. № 312. Тетр. № 2, 19–24-б.].

Сведения об албасты зафиксировано многими исследователями среди тюрков и таджиков. Один из исследователей М.С. Андреев считает, что мифический образ албасты является сложным и противоречивым: «В одних местах это мара, которая приходит, ложится и давит спящего человека, не давая ему возможности пошевелиться, в других местах (у татар, например) она начинает посещать выбранного ею человека – мужчину в образе женщины, женщину в образе мужчины, и избранный ею начинает чахнуть и приближается к смерти [Снесарев, 1969]. В следующих местах она сбивает с путников с дороги, заставляет плутать и т.п.» [Андреев, 1953. Вып. I. С. 82].

В кыргызском фольклорном фонде, в устных текстах, зафиксированных в основном на юге страны, бытовали былички о существах «азыткы». Азыткы – совратитель, дьявол-соблазнитель [Юдахин, 1965, кн. 1, с. 28]. Это существо, как и албарсты, могло приобретать разные обличья, но, по рассказам, чаще принимали образы знакомых и близких. Они увлекали человека в пропасти, в скалы или реки и толкали насмерть.

Героем кыргызских быличек является еще один мифологический образ «мите», (кровосос). Мите – упырь, вампир (существо в образе 12–13-летнего ребенка) [Юдахин, 1965, кн. 2, с. 30]. Его еще представляли в образе старухи в лохмотьях, живущей одиноко в горах или в

гуще леса. Старуха спокойно могла спускаться в людские айылы и незаметно увлекать молодых девушек в свою лачугу (алачык). У себя в лачуге заставляет по несколько раз в день просит или заставляет искать вшей в своих волосах. В это время она незаметно сосет кровь у девушки из ее колена. Через несколько дней, когда обескровленная девушка лишится чувств, и мите ее съедает. Аналогичный образ мите встречается в других быличках в образе желмогуз кемпир (букв.: медная старуха-чудовище). Она, также как и мите, завлекает к себе молодых людей и съедает их. Мифологический образ «желмогуз кемпир» или «жети баштуу желмогуз кемпир» (семиглавая медная старуха-чудовище) совпадает с образами казахской «жалмауз кемпир» и сибирским «дъелбеген». Существует поверье о том, что желмогуз кемпир была наказана Тенгри и ныне живет на Луне [Рук. фонд. Инв. № 235. 41–42-б.]. Поэтому младенца не показывают Луне, вещи младенца тоже не оставляют сушиться на ночь («жылдыз көргөзбөйт» – звез-

дам не показывают. Вещи же умершего человека, наоборот оставляют, чтобы показать звездам – «жылдыз көрсүн»).

В кыргызском фольклоре бытовали разные устные рассказы-мемораты о проделках разных мифологических существ, которые насылали порчу, различные болезни людям или сосущих кровь детей и молодых девушек. До недавнего времени кыргызы верили в их существование и в памяти людей продолжали жить страх о вредоносных свойствах жезтырмак (жезтумшук), мите (упырь или вампир) или желмогуз кемпир (старуха-чудовище) и албарсты (чудовище в облике женщины) в образе злого духа, мешающей родам или приходящей к спящим, чтобы душить своим весом.

Знакомство с текстами жанра быличек все больше убеждает в исторической общности древних культур почти всех тюрко-монголызычных и ирано-персидских народов, населяющих Центральноазиатский ареал.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Абрамзон, С. М.* Киргизы и их этногенетические и историко-культурные связи. – Фрунзе: Кыргызстан, 1990. – 480 с.
2. *Андреев, М. С.* Краткие сведения о верованиях в божество-демона Ал-Албасты в Средней Азии // Труды Института истории, археологии и этнографии Академии наук Таджикской ССР, том 7. – Душанбе, 1953. – Вып. I. – С. 78–82.
3. *Баялиева, Т. Д.* Доисламские верования и их пережитки у киргизов. – Фрунзе: Илим, 1972. – 170 с.
4. *Валиханов, Ч. Ч.* Собрание сочинений в пяти томах. Т. I. – Алма-Ата: Изд-во АН Каз. ССР, 1961. – 778 с.
5. Мифы народов мира. Энциклопедия в двух томах. Т. 2. – М.: Большая Российская энциклопедия, 1998. – 720 с.
6. Несказочная проза Алтайцев. Серия «Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока». Т. 30. – Новосибирск: Наука, 2011. – 576 с.
7. *Потапов, Л. П.* Материалы по этнографии тувинцев района Монгун-Тайги и Кара-Холя // Труды Тувинской комплексной археолого-этнографической экспедиции АН СССР. – М.; Л., 1960. – Т. I. – С. 171–237.
8. Рукописный фонд Национальной академии наук Кыргызской Республики (Рук.фонд НАН КР)
9. *Снесарев, Г. П.* Реликты домусульманских верований и обрядов. Хорезма. – М.: Наука, 1969. – 336 с.
10. *Юдахин, К. К.* Киргизско-русский словарь. Кн. 1. – Москва: Советская энциклопедия, 1965. – 504 с.
11. *Юдахин, К. К.* Киргизско-русский словарь. Кн. 2. – Москва: Советская энциклопедия, 1965. – 480 с.

Е. В. Чайчина,

*Научно-исследовательский институт
алтаистики имени С. С. Суразакова (Россия)*

ЭПИЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ Н. П. ЧЕРНОВОЙ

В статье показана биография и творчество алтайской сказительницы Натальи Павловны Черновой. Раскрыта роль Горно-Алтайского научно-исследовательского института в сборе

фольклорного материала, в том числе сказаний Н. П. Черновой.

Ключевые слова: научный архив, эпос, сказитель, героические сказания, неопубликованные героические сказания.

*E. V. Chaychina,
The Scientific-Research Institute of Altaistic
of a name of S. S. Surazakov (Rossiya)*

EPIC LEGACY OF THE N.P. CHERNOEVA

The article describes the biography and creativity of the Altay storyteller Natalya Pavlovna Chernoyeva. The role of the Gorno-Altaysk scientific research institute in the collecting of folklore

material, including stories of N.P.Chernoyeva is uncovered in this article.

Keywords: scientific archive, epics, legends, heroic storyteller, unpublished heroic legends.

В этом году Республика Алтай отмечает 100-летие со дня рождения известной алтайской сказительницы Н.П. Черноевой. Наталья Павловна родилась в 1919 г. в селе Кёзёё Майминского района в семье бедняков из рода комдош. В научном архиве БНУ РА «НИИ алтаистики им. С.С. Суразакова» имеется запись ее воспоминаний о своей семье: «Отца зовут Павел. У него было семеро детей. Три брата старше меня были и трое младше. Посередине их родилась я. Поэтому, наверное, дедушка забрал меня к себе. Не отдал им. Дед был слепым. Он знал очень много сказок и героических сказаний. Сказания сопровождал игрой на топшууре. Много собиралось народу слушать его сказания. Приходили даже из соседних сел...» [Материалы научного архива. Рукописный фонд Дело № 131].

Дед Натальи Павловны Кабака Черноев был не только известным сказителем, но и знаменитым охотником. У него было семнадцать детей: двенадцать сыновей и пять дочерей. Прокормить такую большую семью было трудно, поэтому он больше времени уделял охотничьему промыслу, добывал пушнину, охотился на разных зверей.

Слушая с детства сказки дедушки, она приобрела не только интерес и любовь к героическим сказаниям, но и впоследствии стала известной сказительницей. Как отмечает, И.Б. Шинжин в научных публикациях имя Н.П. Черноевой стало появляться сразу же после открытия Горно-Алтайского научно-исследовательского института в 1952 г, когда в результате фольклорных экспедиций по районам области были «выявлены имена новых талантливых сказителей героического эпоса – А.Г. Калкина, Е.К. Таштамышевой, Н.П. Черноевой, К. Кокпоевой, А.К. Туймешева, Ш. Маркова и других» [Шинжин, 1997, с. 14].

Первая запись его сказаний была произведена З.П. Кочевой в 1957 г. К сожалению, данная запись не была вовремя опубликована и в настоящее время считается утерянной. В репертуаре сказительницы популярными произведениями являются: «Алтай-Буучай», «Кускунак-Мерген», «Сары-Салам», «Тоймон-Коо», «Кан-Чечий», «Эр-Самыр», «Алтын-Бизе», «Кан-Капчыкай», «Баадай-Кара», «Боодой-Мерген», Кан-Алтын», «Ак-Тайчы» и др.

В настоящее время в научном архиве хранятся более пятидесяти сказаний Н.П. Черноевой. Из них в серии «Алтай баатырлар» опубликованы девять сказаний. В данное время к публикации готовится сказание «Ару-Санаа» (2176 стих. строк), записанный в 1970 г. Г.Д. Голубевым. Кроме этого в архивном фонде имеются прозаические сказки Натальи Павловны, которые не опубликованы и не были объектом специального изучения.

О жизни и творчестве сказительницы издан И.Б. Шинжиным очерк «Тропой, проложенной веками» [Шинжин, 1997]. В настоящее время И.Б. Шинжин является одним из тех людей, который вживую встречался и записывал ее сказания.

Таким образом, можно сказать, что фольклорное наследие Н.П. Черноевой не подверглась тщательному анализу и изучению. В дальнейшем думать также будут исследованы языковые особенности героических сказаний. Ведь она была носителем туба-диалекта алтайского языка. Туба-диалект является языком тубаларов – одного из субэтносов северных алтайцев. Местами компактного проживания тубаларов на территории Республики Алтай являются Чойский, Турачакский и Майминский районы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Материалы научного архива. Рукописный фонд Дело № 131.
2. Шинжин, И.Б. Тропой, проложенной веками: Жизнь и творчество сказительницы Н.П. Черноевой. – Горно-Алтайск, 1997. – 20 с.

С. В. Абысова,

*Научно-исследовательский институт алтаистики
им. С. С. Суразакова (Россия)***РОЛЬ ФОЛЬКЛОРНЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ В ПРЕДЫГРОВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
(на материале игрового фольклора алтайцев)**

Игровой фольклор алтайцев достаточно многообразен. В статье рассматриваются фольклорные произведения, сопровождающие подготовительный этап к народным играм.

Ключевые слова: культура, фольклор, предыгровая деятельность, игра, жеребьевые сговорки, считалки, игровые зазывалки.

S. V. Abysova,

*Scientific Research Institute of altaistics named after S. S. Surazakov (Russia)***THE ROLE OF FOLKLORE IN THE PRE-PLAY ACTIVITY
(on the material of game folklore of Altaians)**

Game folklore of the Altaians is quite diverse. The article deals with folklore works accompanying the preparatory stage for the folk games.

Key words: culture, folklore, pre-game activity, game, collusion, rhymes, invitation to the game.

В изучении игрового фольклора внимание исследователей привлекает подготовительный этап игры. Он помогает распределению ролей, служит организации игрового пространства, вводит участников в игру. Такая предыгровая деятельность обозначена в науке как «игровая прелюдия». [Виноградов, 1998, с. 141]. Вербальную часть игровой прелюдии составляют произведения игрового фольклора, представляющие собой небольшие поэтические тексты. В игровой культуре алтайцев можно выделить следующие виды игровых прелюдий: жеребьевые сговорки, считалки, игровые зазывалки. Они выполняют разные функции перед началом игры. Если зазывалки приглашают людей к определенной игре, то жеребьевые сговорки и считалки помогают игрокам разделиться на команды, выбрать ведущих.

Жеребьевые сговорки – это небольшие поэтические произведения с определенным ритмом. Они используются в подготовительной части игр для разделения игроков на команды, выбора одного или двух ведущих, распределения ролей. Жеребьевые сговорки необходимо отличать от обычного жребия. Природа игры часто требует распределения игроков на две равные команды. Для этого сначала выбирают двух ведущих, которым дают условные имена, например, «тополь» или «пень». Остальные игроки делятся на пары, где каждый игрок называется условным именем. Например, один из игроков называется «ива», а другой – «таволга». Договорившись

между собой, каждая пара подходит к двум ведущим и говорят:

Ак тѳнѳш тѳ, ак тѳнѳш,
Сеге бистен кем керек?
Тал агаш па?
Тегенек пе? [Чочкина, 2003, с. 131].

Белый пень, белый пень,
Тебе из нас кто нужен?
Дерево ива?
Или колючка?

Двое ведущих не знают придуманных условных имен. Если один из ведущих выберет «иву», то назвавшийся таким именем примыкает к команде этого ведущего. Второй игрок с условным именем «колючка» примыкает к противоположной команде. Таким образом, игроки делятся на две равные команды. Затем начинается игра.

В культуре алтайцев на этапе игровой прелюдии встречаются разные варианты жеребьевых сговорок. Иногда первая часть, где есть обращение к ведущим игрокам, усекается и игроки называют лишь условные имена. В этом случае звучит только вторая часть жеребьевой сговорки, например: *Слерге бистен кем керек? Жажыл жалбырак па, жараш чечек пе?* (Вам из нас кто нужен? Зеленый лист или красивый цветок?) [Чочкина, 2003, с. 131]. В некоторых усеченных вариантах проговариваются только условные названия: *Жака топчы ба, ѳмѳр топчы ба?* (Пуговица на воротнике или пуговица на запахе?) [Чочкина, 2003, с. 131].

Жеребьевые сговорки отличаются большой вариативностью. Исследователь алтайского детского фольклора М.П. Чочкина отмечала, что жеребьевые сговорки принимают черты жанра загадок. Обычно загадки, используемые в качестве жеребьевой сговорки, являются самыми распространенными в народе и их отгадки всем известны.

Жер алдына кирер бе?
Тенериге чыгар ба? [Чочкина, 2003, с. 132]

Под землю уходит?
Или в небо поднимается?

В жеребьевых сговорках предполагается использование ярких образов для их сопоставления. Поэтому в них звучат антонимичные по значению выражения. Перейдя в жанр жеребьевых сговорок, тексты загадок перефразируются, переделываются и принимают другую поэтическую форму.

Другой вид игровой прелюдии в играх алтайцев представлен считалками. Считалки остаются популярным поэтическим жанром в игровом фольклоре алтайцев. Наиболее важна их роль в играх, где необходимым условием является выбор одного ведущего. Для использования считалок требуются определенные условия. Прежде всего, игроки должны определиться с выбором считалки, с помощью которой будет определяться ведущий. Затем все играющие встают в круг или в ряд. Считалка произносится одним из игроков. В ходе проговаривания считалки он поочередно указывает на каждого игрока. Например, в игре в прятки необходимо определить ведущего, который будет искать спрятавшихся игроков. После того, как игроки встали в круг, произносится считалка. Самая легкая считалка для определения крайнего звучит следующим образом:

Бир, эки, үч, төрт, беш, алты,
Чыгара калы! [Чочкина, 2003, с. 131]

Один, два, три, четыре, пять, шесть,
Выскакивай вон!

Тот, на кого выпало последнее слово считалки, выбывает из круга. Считалка повторяется снова, и счет ведется до тех пор, пока останется один игрок. Оставшийся игрок, отвернувшись к дереву или к углу дома, ведет счет и этим начинает игру. Остальные игроки прячутся. В игре отводимое для прятанья время связано с произношением считалок.

Бир, эки, үч, төрт, беш,
Алты, јети, сегис, тогус, он.

Кем озо табылар,
Онын бажы јарылар.
Јарыларын сақыбай,
Капшай барып јажынгај.
Эмди база сақыбайдым,
Слерди барып бедирейдим.
[Макошева, 1986, с. 32]

Один, два, три, четыре, пять,
Шесть, семь, восемь, девять, десять.
Кто первым найдется,
У того голова разобьётся.
Раскалывания не дожидаясь,
Быстрее прячется пусть.
Сейчас больше не буду ждать,
Вас пойду искать.

В настоящее время дети перед игрой договариваются между собой, до какого числа будут вести счет. Собранные ранее и опубликованные считалки были достаточно разнообразны. Иногда произношение считалок заменялось проговариванием скороговорок. В другой считалке употребляются слова, созвучные названиям цифр. Подобные считалки предлагаются для произношения детьми, чтобы они могли лучше усвоить счет.

Бир дегени билү,
Эки дегени эгү,
Үч дегени үйген,
Төрт дегени төжөк,
Беш дегени белдүш,
Алты дегени ат,
Шесть – это конь,
Јети дегени јеле,
Сегис дегени серке,
Тогус дегени торко,
Он дегени оймок. [11, ФМ № 88]

Один – точилка,
Два – это напильник,
Три – это уздечка,
Четыре – это постель,
Пять – это [женское] украшение,
Семь – это привязь,
Восемь – это козёл-кастрат,
Девять – это шелк,
Десять – это наперсток.

Считалки по своему содержанию могут быть разнообразными. Известны тексты считалок, в которых сами числа не называются, а заменяются названиями пальцев. При этом наблюдается, что названия пальцев отличаются в зависимости от местных говоров: большой палец – Башпарак, Бетпейек; указательный палец – Бажы-Кырлу, Бадан-Тырмак, Беди-Шили, Балалу Удек; средний палец – Ортон-Мерген, Ортон-Оймок, Тере-Соки; безымянный палец – Обо-Чечен,

Алтын-Сары, Тедей-Бакчы, Ойо-Чечен; мизинец – Кичинек-Бобый, Чычакай, Кичу-Бий, Кичу-Быйак, Кичу-Баай, Чычайак, Чылдыр-Чимик, Кичубей.

В игровой прелюдии большой интерес представляют так называемые зазывалки. Они чаще всего представляют собой небольшие по объему поэтические тексты, имеющие определенную ритмику. Обычно в зазывалках звучат названия определенных игр, требования к условиям их проведения. По содержанию, структуре они могут быть достаточно разнообразными. Зазывалки в прозаическом виде встречаются довольно часто. Например, в данном случае речь идет о разделении игроков на команды: – *Ойноктоор! «Эш табыжып» ойноктоор! / – Же, ойноктоор! / – Одош-тедеш турактар! / – Кем баштаар ойынды? Күрен тууны эдектей кўреелей турган кўр маймандар, баштагар!* [Тарбанаева, 1994] – (– Поиграем! Поиграем в «Найди пару»! / – Да, поиграем! / – Встанем напротив друг другу! / – Кто будет начинать игру? По подножью горы в ряд стоящая группа майманов, вы начинайте!). В таких игровых прелюдиях при приглашении к какой-либо игре, люди обычно выражают свое согласие односложно или же ведется определенный диалог.

В прозаической форме звучит приглашения на борьбу «Кўреш». Заывают самых сильных и смелых мужчин: «*Жарды жалбактарды кўрешке кычырадыс!*» – («Широкоплечих на борьбу призываем!»). На песенные состязания приглашаются люди с благозвучным голосом и метким языком: «*Жараш үндүлерди кожонго кычырадыс!*» – («Голосистых на песни призываем!»)

В календарных обрядах также прослеживается использование игровой прелюдии. В игре «Дыну», приводящемся на празднике Дыылгайак (встреча весны) и представляющем собой катание с косогора, выражается символическое очищение от прошлогодней грязи и пыли. В мировоззрении народа через катание по белому снегу происходит избавление от старого, человек обретает новые силы. Ведущий зазывает людей на катание с горки следующими словами:

Эски жылдын тобрагын силкигер,
Эди-канаар изий берзин!

Яны жылдын тожына жынылагар,
Жарын-сыныгар сергек болзын!
[Укачина, 2004]

Старого года пыль стряхните,
[Чтобы ваша] плоть-кровь разогрелась!
[Чтобы] плечи-стан полны сил были!
На новогоднем льду покатайтесь,

Фольклорные тексты, используемые перед игрой, не только проговаривались, но и пелись. Такие игровые прелюдии исследователь С.С. Суразаков называл «ойын-жыргалга кычыру» – зазывалки к играм-праздникам [Суразаков, 1961, с. 22]. В них звучат приглашения не только к одной игре, но к проведению многих игр и праздников. Народные песни с приглашениями к играм и праздникам отличаются разнообразием вариантов. Приглашение к игре в песне выражается словом «ойнойлык» (поиграем):

Кол колыстан тудужып,
Кожондожып ойнойлык.
Жен женистен тудужып,
Жергележип ойнойлык. [ФМ №49]

Руками за руки взявшись,
Распевая, поиграем.
За рукава взявшись,
Встав рядком, поиграем.

В содержании песни говорится о правилах проведения игры. По нему участники должны выстроиться в один ряд (*жергележип*), держа друг друга за руки (*кол колыстан тудужып*) или за рукава (*жен женистен тудужып*). Проведение хороводных игр диктует такое же построение игроков.

В заключение отметим, что игровой фольклор алтайцев очень богат и разнообразен. Здесь мы представили только небольшую его часть, относимую к предыгровой деятельности. Поэтические тексты в виде жеребьевых сговорок, считалок, зазывалок в игровой прелюдии отличаются большой вариативностью. А благодаря ритмичности, образности сравнений, содержанию ассонансов и аллитерации они делаются удобными для запоминания и служат для организации игры.

ЛИТЕРАТУРА

- 1 Алтай албатынын чүмдү сөстөри. Баштапкы бөлүгү. / Сост. С.С. Суразаков. – Горно-Алтайск, 1961.
2. *Виноградов, Г.С.* Детские игровые прелюдии // Виноградов Г.С. Страна детей: Избранные труды по этнографии детства. – СПб., 1998. – С. 141–391.
3. Журнал «Солонь». – Горно-Алтайск – 1993. № – 1.
4. Мерген ле Айананын ойындары. / К. Макошева. – Горно-Алтайск, 1986.
5. Научный архив БНУ РА «Научно-исследовательский институт алтаистики имени С.С. Суразакова» ФМ Дело №49, 88.

6. Тарбанаева, Э.К. Кожонгым калзын Алтайга // Алтайдын Чолмоны. – 1994 j. Изү күүк айдынг 26-чы күни.
7. Укачина, К.Е. Календарно-обрядовая поэзия алтайского народа. – Горно-Алтайск, 2004.
8. Чочкина, М.П. Алтайский детский фольклор. – Горно-Алтайск, 2003.

*Ю. И. Чаптыкова,
Хакасский научно-исследовательский
институт языка, литературы и истории*

МИФОЛОГИЧЕСКИЕ МОТИВЫ В СКАЗИТЕЛЬНОЙ И ПЕВЧЕСКОЙ ПРАКТИКЕ ХАКАСОВ

В сказительской практике сохранились мифологические мотивы в обучении сказительскому мастерству. В настоящей статье впервые приводятся мифологические мотивы певческого искусства тахпахчи. Мастера певческой импровизации во многих случаях связаны с «шаман-

скими» корнями, о которых они рассказывают, приводя примеры ночных видений, снов о приобретении своего дара.

Ключевые слова: экспедиции, алыптыг нимах, тахпах, мифологические мотивы, айтыс

*Yu. I. Chaptykova,
Khakass Scientific Research Institute
of Language, Literature and History (Russia)*

MITHOLOGICAL MOTIFS IN THE NARRATING AND SINGING PRACTICE OF THE KHAKASS

Mythological motives in teaching of narration skills have been kept well in the narrating practice. This article gives the mythological motifs of singing art – takhpakhchi. Masters of singing improvisation in many cases are associated with «shamanic» roots,

which they are talking about, giving examples of night seeings, dreams about purchasing your gift.

Key words: expeditions, alyptyg nimakh, tahpah, mythological motifs, aitys.

С открытием Хакасского научно-исследовательского института языка, литературы и истории начался активный сбор фольклорного материала, с этой целью были организованы комплексные экспедиции. В Рукописном фонде института хранятся материалы данных экспедиций, начиная с 1945 г. Целью фольклорных экспедиций, проведенных сотрудниками Хакасского научно-исследовательского института языка, литературы и истории, было обследование состояния устного народного поэтического творчества, а также поиски новых знатоков фольклора и вариантов ранее записанных произведений. С течением времени поставленные задачи практически не менялись. Большое внимание в 1960–1980-е гг. уделялось жанрам героического эпоса и исторических преданий – кип-чоохов, т.к. классическая традиция бытования данных жанров уже тогда разрушалась. Поэтому перво-степенной задачей, поставленной перед фольклористами, была запись хакасских героических сказаний. Благодаря их стараниям в настоящее время в рукописном фонде Хакасского НИИЯЛИ

имеется богатый материал, содержащий разные жанровые виды фольклорного наследия, сведения о творческой биографии исполнителей героического эпоса, сказок, тахпахов.

С течением времени изменилась языковая ситуация, в связи с научно-техническим прогрессом уменьшилось «живое общение», при котором шло развитие фольклорных жанров. Появилась острая необходимость собирания и сохранения оставшихся произведений устного народного творчества. Современная наука с пониманием относится к данной проблеме, и научные фонды инвестируют в решение задач сохранения национального культурного богатства российских регионов. На фиксацию и анализ состояния хакасского фольклора на современном этапе были направлены проекты «Хакасский фольклор: современное состояние и проблемы сохранения» и «Современное бытование хакасского фольклора». Проект «Хакасский фольклор: современное состояние и проблемы сохранения» был поддержан Российским гуманитарным научным фондом в 2016 г. На средства

гранта был организован сбор фольклорного материала в Аскизском и Таштыпском районах Республики Хакасия, т.е. в местах компактного проживания представителей хакасского этноса, где сохраняется языковая среда. Проект «Современное бытование хакасского фольклора» получил грантовую поддержку от Российского фонда фундаментальных исследований, благодаря которой в июне 2018 г. была проведена комплексная фольклорная, этнографическая и лингвистическая экспедиция в Бейском районе Хакасии.

Экспедиция по проекту основного конкурса гранта РГНФ 2016 г. проходила по селам Таштыпского и Аскизского районов Республики Хакасии, где в памяти многих остались исполнения алыптыг нымахов известными сказителями. Так в Таштыпском районе до сих пор помнят таких хайджи-нымахчи, как Павел Васильевич Тоданов, Камотай Бастаев, Виктор Тюмерексов, Семен Шулбаев и др. Жители с любовью делились неизгладимым впечатлением о выступлениях сказителей перед публикой. В их тогда детском сознании это было огромное зрелище, ведь хайджи-нымахчи виртуозно могли исполнить алыптыг нымах, входя в транс во время исполнения, они становились участниками событий, происходящих в героическом эпосе. Сказывание алыптыг нымаха впечатляло тогдашних мальчишек и девчонок, некоторые наши информанты делились воспоминаниями о том, что они в школе играли в героев сказаний, воплощаясь в любимых богатырей, воспроизводили их жизнь в реальности.

В 2018 г. научными сотрудниками сектора фольклора, сектора литературы и сектора языка Хакасского научно-исследовательского института языка, литературы и истории при грантовой поддержке РФФИ проведена экспедиция в Бейский район Республики Хакасии, где общая численность населения составляет более 21 тыс. человек. Было охвачено 12 населенных пунктов (села Большой Монок, Малый Монок, Верх-Киндирла, Усть-Киндирла, Усть-Сос, Уты, Койбалы, Красный Ключ, Куйбышево, Маткечик, Чаптыков, Шалгинов), в которых компактно проживают представители коренного населения – хакасы. Общая численность населения в данных сёлах составляет чуть более 3400 человек.

Бейский район прославляли такие известные сказители, как М.К. Добров (1903–1969), С.И. (Сохау) Конгаров (1914–1994), О.Ф. (Сарга) Трояков (1870), А.А. Шулбаев (1909). В экспедиции 2018 г. зафиксированы имена сказителей, не

записанные сотрудниками ХакНИИЯЛИ в экспедициях второй половины XX в. Имя Василия (Писилия) Кыстоякова из аала Куйбышево, исполнявшего героические сказания в сопровождении чатхана, вспомнило несколько наших информантов. По словам В.И. Тутатчиковой, Василий Кыстояков был не просто сказителем, а еще и мастером-изготовителем музыкальных инструментов, и шаманом, и знахарем, применявшим народные методы лечения и местные лекарственные средства. Информант Н.П. Чичинина (Капсаргина) 1957 г.р. из рода Чоңмай назвала другого импровизатора народного творчества – Алексея (Аахах) Сагалакова (примерный год рождения 1890), который родился и жил в аале Койбалы. По словам наших информантов почти в каждом селе был свой хайджи-нымахчи, где не было своих, приезжали с соседних деревень.

В Бейском районе нам также удалось записать информантов, слышавших исполнение алыптыг нымахов, впитавших красоту языка героического сказания, окунувшихся в мир национального эпоса. Одной из них является носитель богатого фольклорного багажа, национального культурного наследия Клавдия Сергеевна Чебодаева (Бургундосова) 1959 г.р. Она педагог, заслуженный учитель Республики Хакасия, поэт-песенник, знаток преданий, легенд и мифологических рассказов, человек, радеющий за сохранение культуры, фольклора, традиций, обычаев хакасского народа

Как рассказывает К.С. Чебодаева, её бабушка 13 лет была прикована к постели, не могла самостоятельно передвигаться. Она очень любила героические сказания (алыптыг нымахи), поэтому маленькая Клава постоянно читала ей героические сказания, опубликованные в национальной газете «Ленин чолы». «Так и научилась читать, поэтому алыптыг нымахи у меня в крови, я ими жила, с мамой постоянно обсуждали героев любимых героических сказаний, как бы жили с ними, переживали с ними. Ведь много в них комичного, интересного и в жизни много такого встретишь», – говорит информантка [1]. Своим знанием культуры, традиций хакасского народа Клавдия Сергеевна обязана матери Надежде Романовне Бургундосовой (Кыстояковой). Полученное от матери знание народных обычаев, традиций, бытовые советы, песни-тахпахи, сказки, кип-чоохи (предания, легенды, мифологические рассказы), малые формы фольклора Клавдия Сергеевна передает молодому поколению, своим детям, внукам.

Издrevле на нашей богатейшей земле бытовали сказители, обладавшие отличной памятью, перенимавшие свой репертуар от других талантливых исполнителей, были и хайджи-нымахчи, у которых призвание исполнять алыптых нымахи приходило во сне как следствие избрания его духом хая – «хай ээзи», таких называли «ээлиг хайджи», т.е. хайджи, имеющего эпическую музу – хозяина хая.

Сказитель, получивший свой дар от богов или духов, оказывается промежуточным звеном между природой и культурой. «Хай ээзи» – хозяин хая принуждает хайджи заниматься сказительством всю жизнь. Сказитель, как шаман, своим действием устранял дисбаланс между миром людей и богов. Известный хакасский эпосовед В.Е. Майногашева в своей монографии описала несколько случаев о приобретении сказителями эпического знания и исполнительского дара чудесным образом: «Примеры эти свидетельствуют о понимании хайджи своего призвания, своего сказительского дара как предопределение свыше, это сходно с верой в шаманов тоже как избранных духов [2, с. 62].

Рассказы об особых путях приобретения искусства сказителя носят международный характер. Б.Н. Путилов, специально изучавший эпическое сказительство, отмечает, что, «в ряде этнических культур существовало прочное представление о приобретении эпического знания и исполнительского дара чудесным способом, через наитие и вмешательство таинственных сил» [3, с. 80]. Мифологические рассказы о получении сказительского и шаманского дара мы встречаем и более поздний период. По словам С.К. Кулумаевой, дочери знаменитого хакасского сказителя К. Бастаева, в 17–18 лет отцу приснился сон: к нему явился старик в белой одежде, весь седой, с длинной белой бородой. Подойдя к отцу, дал ему чатхан и сказал: «Ну, Комотай, время подошло. Быть тебе известным хайджи и шаманом». Рядом со стариком он увидел разных зверей и птиц, даже ящериц. Услышав такое, он тут же во сне просил: «Можно шаманом я не буду, не хочется им быть». На следующий день он сильно заболел, даже с постели не может встать. Родители загоревали, как же не хотелось потерять ребенка, которого еле дождалась. В один из дней поздно вечером попросилась переночевать незнакомая старушка, которая вылечила его. Позже отец говорил: «Эту старуху мне Высшие Силы послали, а так давно бы меня не было». Но шаманские способности у отца все равно остались [4, с. 162]. Как видим, Высшие

Силы К. Бастаева одарили не только талантом сказителя, но и способностью предвидеть, предсказывать, лечить людей.

В последнее время немало работ, посвященных сходству функций сказителя и шамана, об общности их генетики. По результатам полевого наблюдения хочется отметить, непосредственную близость судьбе хайджи-нымахчи, народных лекарей и знахарей, судьбы певцов народных импровизаций, тахпахчи. В настоящее время, когда не осталось настоящих хайджи-нымахчи, нам в процессе экспедиции удалось лишь дополнить данные о жизни и творческой деятельности исполнителей алыптыг нымахов. Но нам удалось записать биографии тахпахчи – певцов-импровизаторов, которые свой дар также получили свыше.

Е.В. Нам в своем сравнительном анализе древних индоевропейских ритуальных традиций и шаманских, а также сказительских практик народов Сибири выдвигает идею о функциональной и генетической связи шаманов с певцами и сказителями. Она заявляет, что певцы и сказители, как шаманы, обязательно проходили процесс профессионального становления, призывались и обучались обитателями потусторонних миров [5, с. 125]. Близость феномена «избранничества» сказителей и шаманов с феноменом «избранничества» тахпахчи, мы рассмотрим на примере мифологических рассказов, записанных у певцов-импровизаторов хакасских тахпахов. Самым сохранившимся жанром хакасского фольклора является тахпах и при сборе полевого материала нам удалось записать их живое исполнение. При записи сведений о биографии народного певца, нас интересовали пути, приведшие к исполнению, к импровизированию тахпах.

Так, в селе У.-Сос Бейского района проживает обладательница Гран-при XXVI республиканского фестиваля-конкурса носителей и исполнителей хакасского традиционного музыкального творчества «Айтыс» Ачитаева (Бурнакова) Людмила Васильевна (1955 г.р.) – потомственная тахпахчи. Ее мать в 1965 г. участвовала на айтысе в Ширинском районе. В 2000 г. получила гран-при на фестивале-конкурсе носителей и исполнителей хакасского традиционного музыкального творчества «Айтыс».

У Людмилы Васильевны дар стал проявляться после 50 лет, первый раз выступила на айтысе в Б.-Моноке Бейского района. Тогда она победила в конкурсе исполнителей традиционного музыкального творчества, получила I место. Как

призналась Людмила Васильевна, в состязании певцов любит давать ответы, чем начинать, если тахпахчи старше нее, дает ей первое слово.

Л.В. Ачитаева придерживается традиционных обычаев, кормит огонь, готовит блюда национальной кухни, проводит обряды для благополучия родственников. Всему училась у бабушки, которая молилась огню и просила, чтоб дети, народ был здоров. Людмила Васильевна по утрам, обращаясь к солнцу, благодарит его за мирную жизнь, за благополучие, за возможность лицезреть его на небе. Благодарит также землю за богатый урожай. Делает это каждый день, все заклинания произносятся про себя. Также Л.В. Ачитаева рассказала, какие знаки дает ей небо. Один раз с родственниками проводили обряд, где Людмила Васильевна кормила огонь и просила здоровья и благополучия для братьев и сестер и их детей, просила и за весь народ. Сама подумала, если просьбу ее услышат, то пойдет дождь. Через некоторое время пошел дождь, тогда она поблагодарила Чайааны за помощь. У тахпахчи бывают (хаспан) «вещие» сны, после которых она говорит: «Чайааны с нас требуют, чтобы мы работали, пели тахпахчи» [6].

Также среди исполнителей народных тахпахов можно выделить Кайдачакову Алефтину Петровну 1965 г.р., проживающую в селе В-Киндирла Бейского района. Она работает учителем хакасского языка в Бондаревской средней школе. Участвовала на районных, республиканских айтысах.

Родители имели певческий талант, они состязались друг с другом в исполнении тахпахов, они этим дополняли друг друга. Мать была с деревни Чиланы Таштыпского района. Жительница соседнего села Карагай вспоми-

нала, что когда отец Алефтины Петровны Петр Степанович приезжал в Чиланы, никто не мог победить в импровизации песен-тахпахов, таким был талантливый. Дед матери был сильным шаманом, говорят, даже лечил слепоту. К тому же он был хайджи-нымахчи и тахпахчи. У матери также были способности, однажды позвала домой шамана Каптолаха, тот почувствовал в ней силу, не стал из ее рук пить. Мать по пульсу определяла болезнь, ставила диагноз. Видела хаспан «вещие» сны, в каком доме, что произойдет. Дочери Алефтине Петровне приснился сон: «Летят с одной женщиной, прилетели на поле, похожее на поле возле У-Киндирлы, дали им там хлеб. После этого появилась способность предвидеть, предсказывать через сны». Алефтина Петровна рассказывает, «что в одно время она стала сочинять стихи, когда стала петь, еще больше захотелось петь. Даже захотелось исполнить хай. Попросили выступить на фестивале «Дороги дружбы» в национальной гимназии-интернат им. Н.Ф. Катанова, исполнила тахпахчи. По дороге домой все хочется петь, не могу сдерживать свое желание. Тогда я поняла, это дар» [7].

Как говорит Алефтина Петровна с присущей ей скромностью: «Тахпахчылар хыринда – олауай кизи, олауай кизилер аразында – тахпахчы (Среди тахпахчи – обыкновенный человек, среди простых людей – тахпахчи).

Таким образом, собирая в полевых условиях материал по жанрам хакасского фольклора, можно обнаружить весьма интересные мифологические мотивы и объяснения, касающиеся приобретения певческого дара. Современные тахпахчи имеют те же пути получения своих способностей, как и сказители и шаманы.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Илларионов, В.В., Илларионова, Т.В.* Мифологические мотивы в сказительской практике народов Якутии // Филологические науки. Вопросы теории и практики. №7 (37), №7 2014, часть 1. – Тамбов: изд-во «Граммота». – С. 80.
2. Информант Ачитаева Людмила Васильевна, 1955 г.р., с. У-Сос. Полевые материалы фольклорной экспедиции по Бейскому району с 13.06.2018 г. по 23.06.2018 г.
3. Информант Кайдачакова Алефтина Петровна, 1965 г.р., с. В-Киндирла. Полевые материалы фольклорной экспедиции по Бейскому району с 13.06.2018 г. по 23.06.2018 г.
4. Информант Чебодаева Клавдия Сергеевна, 1959 г.р., с. Куйбышево. Полевые материалы фольклорной экспедиции по Бейскому району с 13.06.2018 г. по 23.06.2018 г.
5. *Майногашева, В.Е., Унгвицкая, М.А.* Хакасское народное поэтическое творчество. – Абакан, 1972. – С. 62.
6. *Нам, Е.В.* «Певец, отправляющийся в путь»: к вопросу о «шаманских» истоках певческой и сказительской традиций индоевропейцев и народов Сибири // Сибирские исторические исследования. – 2017. №2. – 125–151.
7. Хара тораатты Хара Хан. Сборник богатырских сказаний, записанных от К.А. Бастаева. На хакасском языке. – Абакан: Хакасское книжное изд-во, 2007. – 116 с.

И. Г. Смолина,

*Хакасский научно-исследовательский институт
языка, литературы и истории (Россия)*

ПРАВОВОЙ НИГИЛИЗМ И ФУНКЦИИ ПРАВОВОЙ КУЛЬТУРЫ

АННОТАЦИЯ

В научном дискурсе широко известно, что под функцией понимают отражение свойств какого-либо объекта, особенности взаимосвязей какого-либо явления, влияние одного явления на другое. Функцию можно определить как такое отношение части к целому, при котором само существование или какой-либо вид проявления части обеспечивает проявление целого. Иными словами, функция есть действительно проявление свойств какого-либо целого (объекта), которое оказывает определенное (в зависимости от свойств) влияние на окружающую среду либо иные объекты.

Функция (лат. *functio* – исполнение)¹ означает обязанность, круг действий). В этом смысле функции правовой культуры избирательного процесса можно определить как специфические проявления правовой культуры в избирательном процессе и их влияние на его организацию и функционирование, а также на сознание, поведение и деятельность его участников. Иными словами, функции представляют собой реальное действие правовой культуры во всей многогранности избирательного процесса. Представляется, что можно выделять функции правовой культуры избирательного процесса главным образом, на основе структурной организации избирательного процесса.

Избирательные кампании, как и избирательный процесс, имеют периодический и краткосрочный характер. Но правовая культура их участников не возникает спонтанно. Напротив, ее формирование поставлено в зависимость и предполагает длительную и хорошо организованную подготовительную работу со стороны общества. Во время этого особое значение приобретают следующие функции правовой культуры избирательного процесса: познавательная, мировоззренческая, идеологическая и аксиологическая (ценностная).

Избирательный процесс представляет собой явление непосредственно связанное с правовыми

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

нормами, т. е. нормативно-правовое, обеспечивающее посредством установленных правовых процедур, операций, действий исполнение материальных правовых норм по проведению выборов в органы государственной власти и органы местного самоуправления. Такие материальные и процессуальные правовые нормы необходимо знать, понимать и умело воплощать на каждой стадии и каждым участником избирательного процесса. Этому в правовой культуре избирательного процесса² способствуют следующие функции: нормативная и информационная.

Во время избирательного процесса имеет место практическое проявление правовой культуры, когда принимаются определенные отношения к праву, правовому регулированию, к нормативной деятельности государственных органов, в том числе судебных.

Для России – страны массового правового нигилизма – все еще актуальны слова, сказанные почти сто лет назад: «Русская интеллигенция состоит из людей, которые ни индивидуально, ни социально не дисциплинированы. Это находится в связи с тем, что русская интеллигенция никогда не уважала право, никогда не видела в нем ценности; из всех культурных ценностей право находилось у нее в наибольшем загоне. При таких условиях у нашей интеллигенции не могло создаться и прочного правосознания, напротив, последнее стоит на крайне низком уровне. В той совокупности идей, из которых складывается мировоззрение нашей интеллигенции, идея права не играет никакой роли».³

Но если сами журналисты, писатели, иные ученые, претендующие на особое положение в обществе – референтной группы, – игнорируют право и все связанное с ним, делают своими «героями» нарушителей правовых норм (вспомним хотя бы наши телесериалы и детективы), то почему они потом удивляются мышлению и поведению людей и возмущаются их неправомерными поступками? Очевиден парадокс в

¹ Юнг К. Г. Тевистокские лекции / Метафизика. На пути к новой науке. – М. ВНИИплекс, 2005 г.

² Международные избирательные стандарты старых документов / отв. ред. А. А. Вешняков, науч. ред. В. И. Яншенко. – М., 2014.

³ Рукавишников В. О. Политическая культура постсоветской России // Социально-политический журнал. 1998, № 1.

деятельности интеллегенции: сеют зло, а хотят, чтобы росло добро.¹ Такое противоречивое отношение к праву сказывается и на правовой культуре избирательного процесса. В течение многих лет право подается в негативе, а во время избирательных кампаний от граждан ожидают исполнения своего правового долга.

Наравне с познавательной правовая культура избирательного процесса выполняет мировоззренческую функцию, значение которой трудно переоценить. Ведь право как нормативно выраженная мера свободы, так и существующее в общественном сознании представление о справедливости всегда выражает определенное отношение к миру, точнее, отношения человека, общества и государства. Мировоззрение как сложная философская категория многообразно соотносится с правом и, более конкретно, с законодательством. С одной стороны, право основывается на мировоззрении, впитывает в себя и закрепляет в виде определенных правовых норм (правил) глубину и результаты познания людьми общественных закономерностей, явлений, отношений и процессов, их взгляды, позиции и представления о мироустройстве, место и роль в нем человека и создаваемых им институтов. Поэтому право в своем развитии связано с тем, что происходит в мировоззрении и особенно в его научном обосновании. С другой стороны, право, закрепленное в законодательстве, в системе государственно установленных норм (правил) поведения и практически реализуемое при поддержке государственного механизма управления, глубоко влияет на мировоззрение людей, их коллективов и общества в целом.

В этом смысле главная трудность в формировании правового государства состоит в том, чтобы изменить мировоззрение людей по отношению к праву не как к чему-то, что запрещает, ограничивает или связано с применением репрессий. Всеми этими качествами право как социальный регулятор, разумеется, обладает, но только этими свойствами оно, конечно, не ограничивается. Не менее, а скорее более важным является формирование у граждан устойчивого отношения к праву как инструменту созидания, конструирования их повседневной жизни, на основе сохранения оправдавших себя форм общезнания.

Сказанное весьма актуально для правовой культуры избирательного процесса. Именно на выборах, при принятии гражданами своих реше-

ний (идти на избирательные участки и голосовать) проявляется их мировоззрение, которое, в частности, ориентирует граждан на проявление своей причастности в организации и функционировании органов государственной власти и органов местного самоуправления, т. е. в целом – в судьбе государства, страны, Отечества.

В последнее время, отмеченное, конечно, и справедливой критикой существовавшей ранее монополии на установление идеологии и монополюющей идеологии, многие исследователи утверждают, что время идеологий ушло, а наступивший период постмодернизма отличается непреодолимым идеологическим релятивизмом, который препятствует установлению господства какой-то одной мировоззренческой системы. Наступила эпоха «автономной» личности, индивидуализма, которые вроде бы существуют вне социальных связей.

Между тем общественная практика опровергает подобные суждения. Свободные люди тянутся друг к другу, организуются на основе своих потребностей и интересов, идеалов и ценностей, целей и мотивов. Уже сам факт существования множества партий и общественных объединений, структур самоуправления и прочего, свидетельствует о том, что у граждан есть определенные идеологические ориентации, которые совпадают, объединяют их и которые они готовы отстаивать. Признавая, что общество изменилось благодаря приватизации, частной собственности, экономической и политической свободе, стоит признать, что изменения коснулись и области мировоззрения. Характер и содержание идеологий стали иными, а плюрализм общества обуславливает и плюрализм идеологий.

Как социально-правовой институт избирательный процесс является нейтральным по отношению к идеологиям. Его задача сводится к тому, чтобы во время избирательной кампании обеспечить избирателям и кандидатам на выборные должности разных идеологических взглядов равные возможности реализации своих прав и свобод. Чтобы эта задача решалась в конституционном и законодательном поле, необходима такая правовая культура избирательного процесса, которая формировала бы взаимотерпимость представителей разных идеологий, способствовала нахождению точек соприкосновения, выработке компромисса и установлению консенсуса по отдельным вопросам. Нетрудно

¹ Кистяковский Б. А. В защиту прав (Интеллегенция и правосознание). Вехи старых статей о русской интеллегенции. – М., 1991.

понять, что только в таких идеологических условиях может успешно проводиться избирательная кампания.¹

В то же время едва ли стоит абсолютизировать деидеологизацию избирательного процесса. В современном обществе демократия, право, выборы, права и свободы человека и гражданина и иные политические и правовые явления представляют собой актуальные ценности для жизни людей, потому что без них нельзя выстраивать постиндустриальные информационные связи и процессы. Все такие явления непосредственно не содержат в себе явно видимых потребительских свойств – они в какой-то мере создают инфраструктурные условия для действия, к примеру капиталов, товаров, услуг, труда, информации. Поэтому политические и правовые ценности не всегда понятны, доступны, ощутимы и легко наблюдаемы. Их необходимо раскрывать, показывать, объяснять, пропагандировать с тем, чтобы люди их понимали и уважали.

Проведение систематических выборов, при которых во власть приходят новые люди с новыми идеями, есть большая общественная ценность, необходимая каждому человеку и гражданину. Последнее десятилетие убедительно показало большое значение проведения выборов со строгим соблюдением установленных материальных и процессуальных правовых норм. Тем самым ради осуществления данных целей в правовой культуре избирательного процесса в значительной мере должна быть выражена ценностная (аксиологическая) функция. Необходимо осознавать значение своего участия в государственной и общественной жизни, в проводимых избирательных кампаниях, в обеспечении честности и легитимности выборов.

Избирательный процесс состоит из нормативных решений и действий, которые в силу их интереса открыто и гласно подлежат опубликованию в средствах массовой информации. Следовательно, как уже отмечалось, правовая культура избирательного процесса реализует нормативную и информационную функции.

На особое место здесь выдвигается нормативная функция: 1) сам избирательный процесс полностью основан на правовых нормах, которые постоянно обновляются; 2) от начала и до конца избирательный процесс состоит из решений и действий, имеющих нормативный характер, при несоблюдении которых он теряет легитимность; 3) результаты избирательного процесса являются нормативно-правовыми и порождают

правоотношения, определяющие состав и дальнейшую деятельность органов государственной власти и органов местного самоуправления.

Правовая культура избирательного процесса, конечно, не свободна от влияния иных норм социального регулирования: морали, традиций, договоренностей, религии, научных рекомендаций. Постепенно складываются политические и правовые эталоны, образцы, стандарты, модели, использование которых позволяет лучше организовывать и проводить избирательные кампании. К настоящему времени создана законодательная нормативная база избирательного процесса. Но она еще не в полной мере освоена как избирателями и кандидатами на выборные должности, так и теми, кто уже давно избран, и даже в какой-то мере членами избирательных комиссий. Она едва ли может быть освоена глубоко и всесторонне, в том числе и по причине динамики (известно, что за последние десять лет избирательной законодательство было изменено множество раз и сейчас находится на пороге новых перемен, инициированных Президентом Российской Федерации другой причиной, препятствующей надлежащему уровню усвоения правового материала в области избирательного процесса, являются средства юридической техники, которые сознательно оставляют скрытыми искомые смыслы, усложняя восприятие правовой информации гражданами.

Однако обществу необходимо наличие достаточного нормативного материала, регулирующего общественные явления, отношения и процессы, в том числе и избирательный процесс, так же, как необходимо практическое воплощение правовых норм в публичных общественных отношениях. Нередко знание нормы не гарантирует ее соблюдения. Поэтому в области реализации нормативной функции избирательного процесса правовой культуры требуется большая работа, чтобы добиваться от всех участников выборов (как граждан, так и государственных, и общественных структур) четкого исполнения правовых норм.

Логично, что к нормативной функции правовой культуры избирательного процесса примыкает информационная функция. Нормативно мыслить и действовать можно тогда, когда известно, что собой представляют правовые и иные нормы (правила) и как к ним относятся другие, как они вообще используются в обществе и к каким результатам приводят. Необходима постоянная, оперативная, достоверная и полная

¹ Князев С. Д. Очерки теории российского избирательного права, 199.

информация. В избирательном процессе сталкиваются многие политические интересы, имеет место идеологическое противостояние, вступают в действие явные и подспудные экономические и социальные силы. Разумеется, в данном процессе участвуют разные средства массовой информации: газеты, журналы, телевидение, наглядная агитация, реклама. На избирателей направляется поток информации, который не всегда отражает действительное положение вещей, смысл событий, намерения партий и отдельных личностей.¹ Иногда после завершения выборов трудно разобраться в том, что и как происходило во время избирательной кампании. Обнаруживается немало негативного.

Правовая культура избирательного процесса в данном аспекте во многом определяется тем, как она проявляет себя информационно: способствует правдивому освещению событий, решений и действий или «черных» PR-технологий. Если не предупреждать негативизмы и не препятствовать их проявлению в обширной информации, избирательный процесс и его политические и правовые результаты дискредитируются.²

Функциональная достаточность правовой культуры избирательного процесса проявляется в полной мере лишь в том случае, когда обусловливает практическое поведение людей во время участия в выборах и принятия решений во время голосования в соответствии с базовыми правовыми ценностями, что детерминирует достижение правового результата, признание итогов выборов и поддерживает деятельность вновь избранных должностных лиц. Сознание и институты, созданные людьми, выверяются практикой и реальными делами.

По этой причине в правовой культуре избирательного процесса определяющая роль принадлежит поведенческой функции. Она отчетливо проявляется в том, как поступают люди в тех или иных ситуациях, возникающих в течение избирательных кампаний, и как люди относятся к выполнению своих гражданских прав и использованию своей свободы. Вряд ли можно считать удовлетворительным положение, которое нередко складывается на уровне региональных выборов, когда люди «голосуют ногами», т. е. не приходят на избирательные участки и не участвуют в голосовании. Этой стороне вопроса уже было уделено внимание ранее.

Сложная ситуация возникает, когда большой процент избирателей голосует против всех кандидатов. Избиратель не может определиться с кандидатами или полагает недостойным любого из внесенных в бюллетень для голосования. Нередко вызывает нарекания порядок подсчета голосов и заполнения протоколов, поведение наблюдателей отдельных избирательных комиссий, из-за которых подаются заявления в суды с оспариванием итогов выборов.

Только поведение и деятельность участников избирательного процесса и создают предпосылки для анализа, обобщения и оценок избирательных кампаний. Поэтому для понимания правовой культуры избирательного процесса важно фиксировать и систематизировать реальные, практические решения, поступки и действия всех его субъектов и по их результатам делать определенные выводы на будущее.

Избирательный процесс имеет целью не только провести избирательную кампанию, обеспечить выборы и сформировать соответствующие выборные органы власти, но и в определенный период либо в течение своего конкретного действия установить между людьми новые взаимоотношения публично-правовые связи и взаимодействие. Поэтому анализ правовой культуры избирательного процесса будет неполным без коммуникативной функции.

В связи с этим можно утверждать, что выборы во всех их проявлениях представляют собой одну из форм социального объединения людей. Это тот уникальный момент, когда избиратели независимо от социальной и национальной принадлежности, своего служебного и имущественного положения, политических ориентаций приходят как равноправные граждане на избирательные участки и совместно (каждый своим единичным голосом) формируют органы государственной власти и органы местного самоуправления.

Немало десятилетий западные идеологи критиковали советский коллективизм и разные формы советских общностей, превозносили достижения индивидуализма, собственности и конкуренции, взращиваемых на частной основе. Но в последние годы данная позиция изменилась, установлено, что между людьми должны быть коммуникации, т. е. что-то общее, связующее, объединяющее, интегрирующее и т. д., пишут «об обществе коммуникации» (Н. Винер), о «коммуникационных жизненных мирах», о

¹ Панарин И. Н. Информационные войны и дипломатия. М., 2004.

² Веденеев Ю. А. Эпистолярная демократия / Правовая культура, электоральная активность и телевидение / отв. ред. А. В. Иванченко, науч. ред. Ю. А. Веденеев, В. В. Смирнов. М., 1996.

«коммуникативном разуме» (Ю. Хабермас) и прочих модификациях данного явления.¹

На наш взгляд, любые общественные институты существуют постольку, поскольку посредством их люди реализуют коммуникации между собой, а общество без коммуникаций между его членами уже не является таковым. Поэтому в демократическом обществе нет противников, врагов, а есть только оппоненты, люди различных взглядов и ценностей. Отношения между ними правильнее оценивать не как антагонистические, а как конструктивно-критические, выступающие источником развития. Выборы, избирательные кампании, где имеет место состязательность, конкуренция, нельзя рассматривать в качестве арены борьбы только как форму специфической коммуникации. Общество предъявляет особые требования к правовой культуре избирательного процесса, которая призвана формировать отношения, коммуникацию российских граждан.

Отдельно стоит заметить такую функцию правовой культуры избирательного процесса, как управленческую. Значительным эвристическим и объяснительным потенциалом в этой связи, по нашему мнению, обладает точка зрения Г. В. Атаманчука. Эксперт резонно полагает, что управление представляет собой «целеполагающее (сознательное, преднамеренное, продуманное), организующее и регулирующее воздействие людей на собственную общественную, коллективную, групповую жизнедеятельность, осуществляемое как непосредственно (в формах самоуправления), так и через специально созданные структуры (государство, общественные объединения, партии, фирмы, кооперативы, предприятия, ассоциации, союзы и т. д.).²

Не вдаваясь в тонкости вопроса, который выходит за пределы на-стоящего исследования, можно сказать, что управление представляет собой целеполагающее воздействие одних людей или общественных институтов на сознание, поведение и деятельность других, ведет к тому, что они меняют, улучшают, развивают свое мышление (знания, опыт), поступки и действия, создают больше материальных, социальных и духовных ценностей для своей же общественной или частной жизни.

Избирательный процесс, избирательные кампании, выборы тоже представляют собой общественные институты, которые с определенной целью (выборы представителей органов

государственной власти и органов местного самоуправления) организуют и регулируют сознание, поведение и деятельность людей. Чем такое управляющее воздействие сильнее, рациональнее, тем успешнее проходит избирательный процесс и более эффективным является его результат. Концентрированной целью правовой культуры избирательного процесса является такое управление сознанием, поведением и деятельностью его субъектов, которое способствовало бы осуществлению всех его элементов и стадий строго в правовых рамках и обеспечило бы утверждение институтов демократии в российском обществе. Это особый способ управления, который реализуется в условиях свободы при отсутствии какого-либо подчинения, и представляет собой обращение к интеллекту и нравственности людей, которые и должны, в свою очередь, подвести их к активному и правомерному участию в избирательных кампаниях. При определении уровня правовой культуры избирательного процесса важно видеть и оценивать возможности реализации своей управленческой функции.

Правовая культура избирательного процесса способна выполнять многообразные функции, что зависит от запросов избирательных кампаний и их субъектов. Соответственно, функции могут действовать как комплексно, во взаимосвязи друг с другом, так и разрозненно, избирательно, что диктуется конкретными обстоятельствами и решаемыми задачами. При этом есть основания непосредственно увязывать функции правовой культуры с субъектами избирательного процесса, поскольку между ними по отношению к законодательству, правовым последствиям решений и действий обнаруживаются существенные различия.

Одни требования предъявляются к избирательным комиссиям и их членам, которые организуют и регулируют избирательный процесс, являются профессионалами в проведении избирательных кампаний, выборов и референдумов и несут юридическую ответственность за законность проведения. Правовая культура должна быть на уровне, обеспечивающем правовое поведение, давать предпосылку и образец для всех субъектов (участников) избирательного процесса, в том числе, и для органов государственной власти и местного самоуправления, которые в соответствии с законодательством призваны способствовать демократическому и

¹ Вагнер Н. И. Человек управляющий. СПб, 2001.

² Атаманчук Г. В. Теория государственного управления. М., 2005.

честному проведению избирательных кампаний. От уровня их правовой культуры, их решений и действий во многом зависит качество выборов и референдумов.

Иные требования с точки зрения правовой культуры избирательного процесса могут выдвигаться перед гражданами – потенциальными или реальными избирателями, которые участвуют в выборах (референдумах). Но это уже зависит от множества факторов, которые порой выходят за пределы избирательного процесса и определяются состоянием общества. Во время избирательных кампаний можно многое сделать для развития правовой культуры граждан, вовлекая их в процесс и обучая демократии на практике. Необходимы соответствующие формы, методы, процедуры, а также взаимодействие политических, государственных и интеллектуальных структур и, естественно, средств массовой информации.

И еще одно замечание: общество имеет все основания ставить жесткие и строго определенные требования перед теми, кто выдвигается кандидатом в депутаты либо на замещаемую посредством выборов государственную или муниципальную должность. Если гражданин претендует на членство в органе (палате органа) государственной власти или местного самоуправления, то он обязан иметь определенную подготовку в области правовой культуры вообще и избирательного процесса в частности. В перспективе, после избрания ему придется участвовать в разработке, подготовке, принятии законов или принимать управленческие правовые акты (нормативные и индивидуальные) и совершать управленческие организационные действия, которые юридически регулируются. Практически любое участие (руководящее и оперативно-исполнительское) в деятельности органов государственной власти и органов местного самоуправления имеет правовой смысл, характер и последствия. Для таких людей избирательный процесс представляет собой лишь локальное проявление их правовой культуры, и оно призвано продемонстрировать, что кандидат освоил ее во всех аспектах и готов использовать в своей дальнейшей деятельности.

Формирование и действие правовой культуры каждого субъекта (участника) избирательного процесса заслуживает внимания, так как выделение только ее специфики применительно к ним позволяет поставить и рассмотреть теоре-

тические и практические вопросы их правовой подготовки.

Подведем итог нашим рассуждениям. Все изложенное выше позволяет утверждать следующее.

Правовая культура избирательного процесса представляет собой институциональное, комплексное, сложноорганизованное социально-правовое явление. Она есть сегмент общей политико-правовой культуры общества, возникающей в результате исторического творчества субъекта исторического процесса.

Прежде всего, правовая культура избирательного процесса формализуется и существует на уровне норм позитивного права, образующих в своем единстве органическую часть публичного права национальной правовой системы России, входящей в семью права континентальной Европы. Данный сегмент правовой культуры избирательного процесса есть сторона, относительно устойчивая организация в правовой целостности, именуемой в науке «публичное право». Как компонент подсистемы публичного права России нормы позитивного права, регламентирующие избирательный процесс, естественно подчиняются общим принципам существования и функционирования и поэтому могут быть определены в соответствии с ним.¹ Поскольку право избирательного процесса существует, функционирует и развивается на том фундаменте, который составляет публичное право, постольку оно носит подчиненный характер по отношению к публичному праву и является его производным правовым образованием.

Субстанциональная связь права избирательного процесса и публичного права в национальной правовой системе обусловлена как объективными факторами, задаваемыми самим обществом и закономерностями его развития (сущностные критерии обособления), так и формальными критериями.

К числу первых необходимо отнести следующее: право избирательного процесса объективно обусловлено дифференциацией общества, разделением труда, обособлением социально-политической, публичной функции управления общественными делами, адекватными ей социальными ролями (их престижем), которые исполняют различные представители корпорации профессиональных управленцев, государственных служащих, а также жизненно важной для общества потребностью сохранения целост-

¹ Кротова Е. А. Тенденции развития публичного права в современной России: теоретико-методологические и технико-юридический аспект. Автореферат, канд. юр. наук. Н.-Новгород, 2007.

ности общества, поддержания его идентичности и создания условий поступательного развития в изменяющейся обстановке внешней (международной) среды на основе адаптационных механизмов, адекватных вызовам современности.

Нормы позитивного права, регулирующие избирательный процесс, имеют различное содержание. Прежде всего они оформляют положение субъектов избирательного процесса, закрепляя статусы лиц, непосредственно вовлеченных в процесс проведения выборов и референдумов, представительных органов государственной власти и гражданского общества (местного самоуправления).

Субъектом избирательного процесса является каждый человек (и прежде всего гражданин), обладающий гражданскими (личными) и политическими правами и выполняющий корреспондирующие им обязанности в сфере решения общих дел и формирования среды «замирения», необходимой для разрешения солидарных социальных вопросов, создающих предпосылки конвенционального развития политической системы гражданского общества и демократического правового государства.

Другую группу субъектов избирательного процесса представляют лица, которые, обладая общегражданским и должностным статусами, замещают государственные и муниципальные должности и принимают участие в выборах в ином качестве.

Нормы позитивного права в национальной правовой системе, составляющие нормативную основу правовой культуры избирательного про-

цесса, представляют собой комплексное правовое образование, совокупность правовых норм различных не только по отраслевой принадлежности (конституционное, административное, муниципальное, финансовое, уголовно-процессуальное, гражданско-процессуальное и др.) в национальной правовой системе (объединение которых, разумеется, не является произвольным, несмотря на то, что конструируется законодателем), но и по своему правовому содержанию.

Наравне с нормами материального права в правовом массиве, составляющем материальную часть культуры избирательного процесса, присутствуют нормы процессуального характера.

Все они переводятся в пространства политической системы общества благодаря актам правомерного поведения всех субъектов и участников. Еще одним важным сегментом правовой культуры избирательного процесса, таким образом, выступает правомерное поведение лиц, обладающих как общегражданским, так и иным публичным юридическим статусом в избирательном процессе.

Глубокое и всестороннее исследование, рациональное описание и объяснение природы правовой культуры избирательного процесса едва ли возможно вне идейной основы, представленной фундаментальными началами, метафизическими по своей природе императивами и максимами, выраженными в правовых принципах – координатных точках и линиях, по которым направляется социальное движение норм, регулирующих избирательный процесс.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Юнг, К. Г. Тевистокские лекции / Метафизика. На пути к новой науке. – М. ВНИИплем, 2005.
2. Международные избирательные стандарты старых документов / отв. ред. А. А. Вешняков, науч. ред. В. И. Яншеко. – М., 2014.
3. Кистяковский, Б. А. В защиту прав (Интеллигенция и правосознание) Вехи старых статей о русской интеллигенции. – М., 1991 г.
4. Рукавишников, В. О. Политическая культура постсоветской России // Социально-политический журнал 1998 г. № 1.
5. Князев, С. Д. Очерки теории российского избирательного права, 1999 г.
6. Панарин И. Н. Информационные войны и дипломатия. – М., 2004.
7. Веденеев, Ю. А. Эпистолярная демократия / Правовая культура, электоральная активность и телевидение отв. Ред. А. В. Иванченко науч. Ред. Ю. А. Веденеев, В. В. Смирнов. – М., 1996.
8. Вагнер, Н. И. Человек управляющий, Спб. 2001 г.
9. Атаманчук, Г. В. Теория государственного управления. – М., 2005.
10. Кротова, Е. А. Тенденции развития публичного права в современной России: теоретико-методологические и технико-юридический аспект, Автореферат, канд. Юр. наук, Н.- Новгород, 2007.

Научное издание

**МАТЕРИАЛЫ
V МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ
«НАРОДЫ И КУЛЬТУРЫ САЯНО-АЛТАЯ
И СОПРЕДЕЛЬНЫХ ТЕРРИТОРИЙ»,
посвященной 75-летию Хакасского научно-исследовательского института
языка, литературы и истории
(26–27 сентября 2019 г.)**

Редактор *Е. В. Чезыбаев*
Технический редактор *О. П. Субракова*
Компьютерная верстка *Л. Г. Топоевой*
Дизайн обложки

Подписано в печать 12.09.2018. Формат 60x84 1/8. Гарнитура Times New Roman. Бумага офсетная.
Усл. печ. л. 15,11. Тираж 100 экз. Заказ №.

ГБУ РХ «Хакасское книжное издательство».
655017, г. Абакан, ул. Щетинкина, 75-18н.

Отпечатано в типографии ГБУ РХ «Хакасское книжное издательство».
655017, г. Абакан, ул. Советская, 173.